

СЕВАСТОПОЛЬ ЛЮБЛЮ КАЖДОЙ
КЛЕТОЧКОЙ СВОЕГО СУЩЕСТВА

Евгений ВЕНИКЕЕВ

СЕВАСТОПОЛЬ ЛЮБЛЮ КАЖДОЙ КЛЕТОЧКОЙ СВОЕГО СУЩЕСТВА

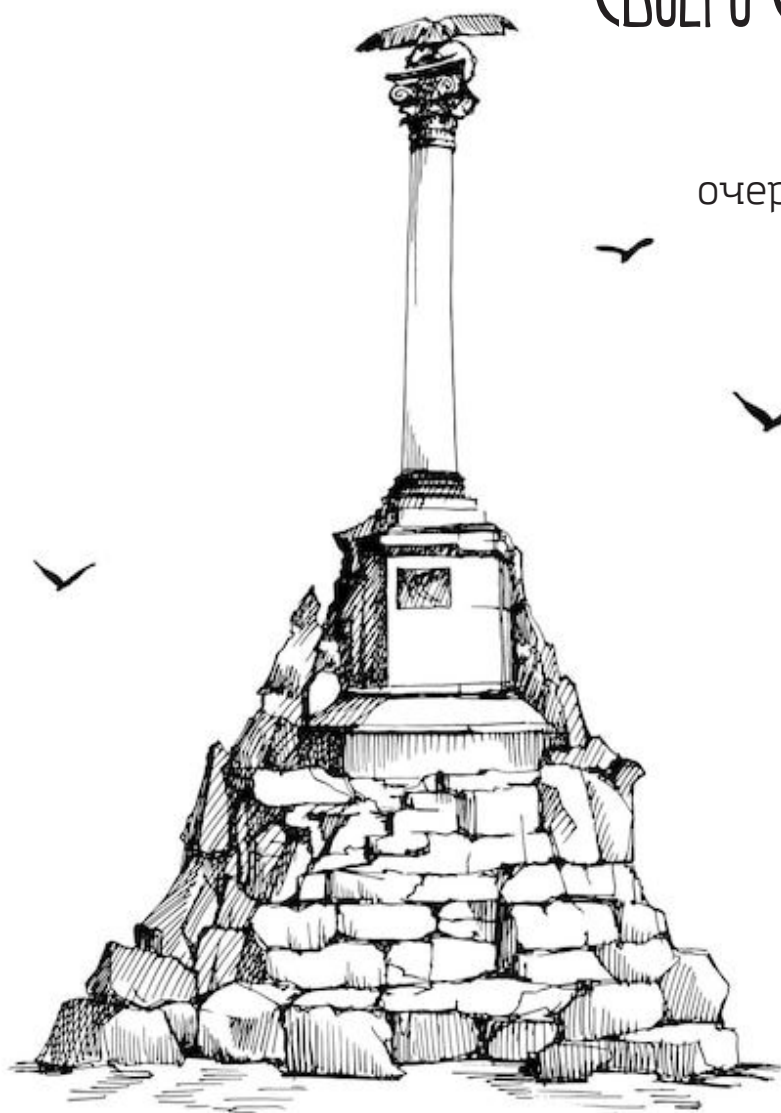
Евгений
ВЕНИКЕЕВ

Евгений Веникеев

СЕВАСТОПОЛЬ ЛЮБЛЮ КАЖДОЙ КЛЕТОЧКОЙ СВОЕГО СУЩЕСТВА

Избранные
очерки и статьи

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

Севастополь
2026

УДК
ББК
В

*Проект подготовлен при участии
Федерального агентства
по делам национальностей,
Правительства города Севастополя
ГКУ «Архив города Севастополя»,
Севастопольского клуба любителей истории города и флота,
Ассоциации «Морское собрание»*

Веникеев Е. В.

«Севастополь люблю каждой клеточкой своего существа». Избранные очерки и статьи: Сборник. / авт.-сост. А. П. Шипенко. – ООО «Антиква», 2026. – 268 с. + цв. вкл. 56 с.

ISBN 978-5-6055216-8-6

Евгений Витальевич Веникеев известен не только по своей специальности – инженера-градостроителя, но и как краевед, исследователь исторических событий, связанных с Севастополем. Он является автором и соавтором ряда книг, среди которых такие его работы как «Архитектура Севастополя», «Севастополь и его окрестности», «Севастопольские маршруты», «У карты Севастополя». Веникеев немыслим без Севастополя, равно как и Севастополь – без его исторических трудов.

Е. В. Веникеев написал более 300 статей и очерков, посвящённых истории, архитектуре и природе Севастополя, часть из которых представлена в этой книге вместе с воспоминаниями его друзей и коллег. В сборник включены также материалы, раскрывающие многогранную деятельность Е. В. Веникеева на благо Севастополя.

УДК
ББК

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ КРАЕВЕД

Так назвал Е. В. Веникеева писатель Дмитрий Тарасенко в одном из своих путеводителей по Крыму. «Глубочайшим знатоком и настоящим патриотом Севастополя остался в нашей памяти Евгений Витальевич Веникеев», – писал он. Так же считали друзья и коллеги севастопольского краеведа, историка и писателя.

Евгений Веникеев родился 3 ноября 1937 года в Севастополе, прожил в нём почти всю свою жизнь, к сожалению, недостаточно долгую – всего пятьдесят шесть лет. И полжизни посвятил своему родному городу: проектировал новые кварталы, реконструировал памятники как инженер-строитель, изучал его историю и писал о нём, как краевед.

В декабре 1941 года семья Веникеевых вместе с маленьким Женей была эвакуирована в Туапсе, а затем переехала в г. Очамчира в Абхазской АССР. Этот период из жизни осаждённого города Е. В. Веникеев опишет позже в книге «В Севастополе 1941–1942» (1991 г.). После войны вместе с родителями он вернулся в Севастополь, окончил среднюю школу № 5 и в 1954 году поступил в Московский институт инженеров железнодорожно-го транспорта.

Получив специальность «инженер путей сообщения, строитель», Е. В. Веникеев с 1959 года живёт и работает в родном городе. Сначала в различных проектных строительных организациях, в качестве геодезиста, специалиста по вертикальной планировке и проектированию дорог, архитектора-планировщика, реставратора. С 1971 по 1978 годы он уже главный инженер проектов и начальник отдела генплана в «Севастопольском филиале

ISBN 978-5-6055216-8-6

© Шипенко А. П., текст, фото, 2026
© Авторы, текст, 2026
© Ждамиров С. Ю., фото, 2026
© Оформление (оригинал-макет). ООО «Антиква», 2026

КрымНИИпроекта». За годы своей работы Евгений Витальевич принял участие не менее чем 25-и проектах.

Один из них – реставрация мемориального Братского кладбища защитников Севастополя 1854-1855 гг. (в соавторстве со своим другом и учителем В. М. Артюховым) стал для него судьбоносным. В период работы над этим проектом Е. В. Веникеев увлекается краеведением и начинает публиковать в печати статьи и очерки, а позже и книги, посвящённые историческим и культурным объектам Севастополя, его историческому прошлому. Он является автором и соавтором десяти книг. Среди наиболее известных: «Архитектура Севастополя» (1983), «Севастополь и его окрестности» (1986), «Севастопольские маршруты» (1988).

Особенно дорогой для него стала вышедшая в 1990 году небольшим тиражом книга «Родина – сыновьям. Мемориал Братское кладбище. Информационно-методический материал для членов Общества охраны памятников истории и культуры». В этой работе Е. В. Веникеев опубликовал биографии многих защитников Севастополя, захороненных на этом некрополе. Он и сам после кончины 2 марта 1994 года был упокоен на Братском кладбище, недалеко от участников Первой и Второй оборон. На его памятнике – строки стихотворения поэта Николая Языкова, произнесённые им в день открытия памятника Н. М. Карамзину, но имеющие отношение к жизни и деятельности Евгения Витальевича: «Любя Отечество душою просвещённой, и славу русскую любя, труду высокому обрёл он неизменно – все дни свои, всего себя...».

Творческим кредо писателя становится изречение П. П. Бабенчикова, одного из руководителей Севастопольского краеведческого музея (этому интересному учреждению посвящён один из его очерков), существовавшего в городе до войны – «Краевед должен знать всё». И он действительно стремился знать всё.

В своих работах Е. В. Веникеев широко использует архивные материалы (работая в архивах Севастополя, Крыма, Москвы, Ленинграда), редкие издания дореволюционного времени, периода Великой Отечественной войны, воспоминания старожилов, делает переводы английских изданий, при этом значительная часть полученной информации вводится им в краеведческий оборот впервые.

Начиная с 1972 года в городских газетах появляются его научные и популярные статьи по вопросам архитектуры и строительства Севастополя и статьи, посвящённые историческим памятникам города. Первый такой очерк о Свято-Никольском храме на Братском кладбище – «Пирамида на холме» был опубликован 24 января 1973 года. «Мне хочется всё знать о городе, где я родился и вырос, – писал Е. В. Веникеев в статье «Вглубь

истории». – Интересно, почему именно так, а не иначе названы его горы, балки и бухты, как выглядел Севастополь в XVIII веке, до первой обороны, после неё, перед революцией, в первые годы Советской власти, перед Великой Отечественной войной».

На краеведческие и общественные темы в городских, областных и союзных печатных изданиях Е. В. Веникеевым, по его собственному подсчёту, опубликовано 336 очерков и статей. Писатель пробует себя в самых разных литературных жанрах, к краеведческим очеркам добавляется публицистика, исторические рассказы и повести.

Кроме писательской и исследовательской деятельности, Евгений Витальевич работает по своей основной специальности, а также возглавляет секцию памятников градостроительства и архитектуры Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры и городскую инспекцию общества. А в 1979 году он оканчивает заочную аспирантуру при институте КиевНИИградостроительства (тема диссертации – «Формирование транспортных систем приморских городов с учётом колебания пассажиропотоков»). И выступает с лекциями, ведёт краеведческие рубрики и конкурсы в городских газетах...

К сожалению, в этот напряжённый творческий процесс вторгались личные проблемы и удары судьбы. В 1983 году в результате конфликта с начальством Е. В. Веникеев был уволен из КрымНИИпроекта. В этом же году от врачебной ошибки умирает его дочь Татьяна, которой было всего двадцать лет. И в книге «Севастополь и его окрестности» появляется печальное посвящение: «Памяти моей дочери Тани, мечтавшей стать археологом». Всё это (и не только) не могло не сказаться на его здоровье.

«Веникеев был человеком добрым, – писал в очерке «Легендарный севастопольский краевед» Д. Н. Тарасенко, – но своей независимостью у части представителей учёного мира вызывал зависть, подтверждая известный афоризм: «Порядочный человек достоин иметь врагов». Многих, очень многих достойных людей губило трагическое сочетание внутренней силы, храбрости и... душевной тонкости. Окружающие видят в тебе победителя-супермена, враги боятся и вредят исподтишка, и никто не подозревает, какую ценой даётся тебе каждая победа. Долго такого режима сердце не выдерживает».

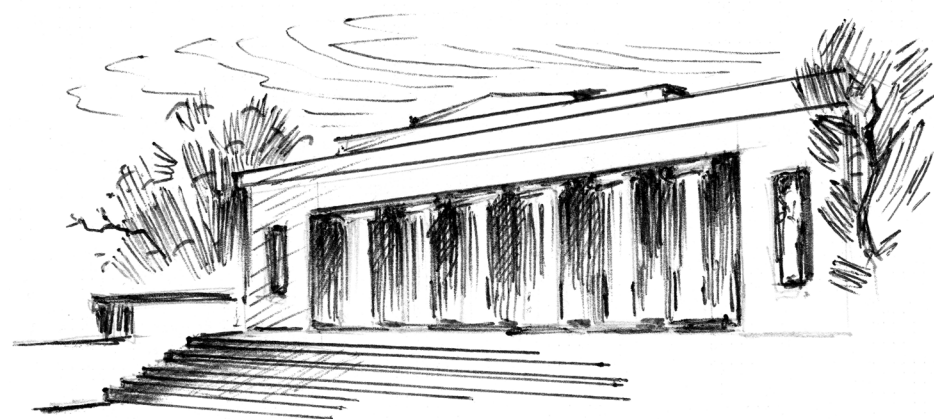
А. Шипенко

О Севастополе и его окрестностях Евгений Витальевич подробно рассказывал в своих книгах. В справочнике «У карты Севастополя» (1982), подготовленном коллективом авторов, он сделал топонимическое описание Северной и Южной сторон города и всей пригородной зоны. «Архитектура Севастополя» (1983) посвящена архитектурному облику города, истории его застройки, примечательным зданиям и монументам. В двух следующих книгах - «Севастополь и его окрестности» (1986) и «Севастопольские маршруты» (1988) Е. В. Веников описывает достопримечательности не только Севастополя, но и его окрестностей. А в работе «Родина - сыновьям. Мемориал Братское кладбище» (1990) подробно исследует знаменитый севастопольский некрополь.

Эти книги дают достаточно полное представление о Севастополе - его истории, географии, топонимике, архитектуре. Но темы ряда краеведческих публикаций Евгения Витальевича не отражены или не так подробно изложены в этих произведениях. Приведённые ниже статьи и очерки позволят восполнить этот пробел и расширить представление о творческой лаборатории писателя.

КРАЕВЕДЕНИЕ И ПУБЛИЦИСТИКА

КАК СТРОИЛИ СЕВАСТОПОЛЬ?

«Севастополь строили заботливо, – писал Е. В. Веникеев в книге «Архитектура Севастополя». – Дома из прекрасного местного камня-известняка, улицы с прочными подпорными стенами, удобными пешеходными лестницами. Севастополь строили с любовью. Крупные здания и целые комплексы поворачивали фасадами к морю. Место для них подбирали тщательно, так, чтобы видно было их издалека и отовсюду, с суши и воды».

ПЕРВЫЙ ГЕНПЛАН НАШЕГО ГОРОДА¹

До недавнего времени держалось мнение, что только в 1835 году была выполнена топографическая съёмка, на основании которой в 1837 году составили первый генеральный план Севастополя. Впервые эта точка зрения изложена Д. И. Каллистовым в книге «О праве Морского ведомства на землю в городе Севастополе и его окрестностях», вышедшей в 1908 году. Того же мнения держались и современные авторы – севастопольские архитекторы А. И. Баглей и В. М. Артюхов, выпустившие в 1975 году книгу «Город-герой Севастополь».

При работе над книгой «Архитектура Севастополя» мне пришлось заняться изучением этого вопроса. Оказалось, что проект 1837 года, разработанный Д. Уптоном и утверждённый в 1839 году, назывался «План проектируемых улучшений Севастополя» и являлся проектом планировки не всего города, а только Центрального холма в пределах городского кольца (нынешние улицы Ленина, Большая Морская и проспект Нахимова). Тогда же мне удалось разыскать в фондах музея КЧФ чертёж, озаглавленный «Генеральный план города Севастополя, с показанием высочайше утверждённого проекта укреплений и расположения кварталов. Октября 25 дня 1840 года». Чертёж охватывал весь город, отражал не только существующее положение, но содержал и проектные предложения.

Я решил, что наконец-то обнаружил первый генплан Севастополя, о чём и написал в своей книге². Правда, сомнение осталось: неужели город, основан-

ный в 1783 году, более полувека существовал и строился без генерального плана? Но более ранних чертежей не находилось. В Центральном государственном архиве Военно-Морского Флота СССР был обнаружен ещё один генплан Севастополя, но он датирован 1851-м годом (утвержден в 1856 году). Вопрос казался решённым...

В прошлом году я работал в Центральном государственном Военно-историческом архиве в Москве. И вот, просматривая описи хранящихся в архиве чертежей, относящихся к Севастополю, я обнаружил... десятки генеральных планов! Первый из них оказался выпущенным ещё в 1797 году, и с этого времени они создавались почти ежегодно до 1855 года, когда Севастополь, разрушенный во время первой обороны, остался лежать в руинах. Исключение составил период с 1811 по 1827 гг., когда взамен генплана всего города выпускался чертёж, именуемый «Часть генерального плана военного порта и города Ахтиара» (так назывался Севастополь с 1797 по 1826 гг.).

С понятным волнением держал я в руках документ, являющийся самым первым генеральным планом будущего города-героя. Он выполнен тушью на плотной бумаге, слегка пожелтевшей от времени. Видно, что пером и рейсфедером водила твёрдая и опытная рука. Чертёж раскрашен акварельными красками, за 190 лет они почти не выцвели. Сверху надпись, выполненная старинным почерком: «Генеральный план города Севастополя с набережными, батареями, построенными с открытия работ 1794 года и с ситуациею от оных на полторы версты, на коем при батареях и вокруг лежащих местах высоты от ординарного горизонта воды означены цифрою в футах. Глубина же по бухтам воды в сажнях. Сочинён при Севастопольской инженерной команде 1797 года июля 27-го дня».

Проектируемые сооружения показаны на плане жёлтой краской. Город размещался в пределах Центрального холма, вдоль Артиллерийской, Южной и Корабельной бухт... На Северной стороне не было ничего, кроме земляной Константиновской батареи и продовольственного склада. В правом нижнем углу чертежа стоит: «Инженер-подполковник и кавалер Кирилл Росопров» (фамилия неразборчива, читается предположительно). Масштаб чертежа – в одном дюйме сто сажень (дюйм – около 2,5 см; сажень – около 200 см).

Но всё-таки дата составления этого генерального плана довольно поздняя – 1797 год. Выходит, строящийся Севастополь целых 14 лет обходился без основного документа для своего развития. Это вполне возможно, но, может быть, где-то на полках какого-нибудь архива будет обнаружен более ранний чертёж.

¹ Слава Севастополя. 1987. 19 сентября.

² Веникеев Е. В. Архитектура Севастополя. Симферополь: «Таврия», 1983. С. 15.

Е. Веникеев: «Наш город – особенный. Возникший почти 200 лет назад, он является одним из красивейших в стране. Необыкновенный облик придают Севастополю старинные здания. И хотя после двух оборон 1854–55 гг. и 1941–42 гг. их осталось не так много, они радуют глаз, притягивают к себе необычной архитектурой. Они придают своеобразие городу, создают его неповторимый колорит, делают непохожим на другие».

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ³

Со дня основания Севастополя минул семьдесят один год, когда началась героическая оборона города 1854–1855 гг. Как пишут французские историки Лависс и Рамбо, «англичане требовали систематического разрушения порта, рейда, казарм, доков, шлюзов и верфей Севастополя». Фотографии, гравюры и рисунки тех лет, воспоминания современников свидетельствуют о том, что город был почти полностью разрушен.

Уцелело лишь несколько зданий и сооружений, которые в период второй обороны Севастополя вторично получили серьёзные повреждения, но в послевоенные годы были восстановлены и ныне являются памятниками архитектуры, некоторые из них имеют республиканское значение.

Единственным в Севастополе памятником архитектуры XVIII века является так называемая **екатерининская миля** на Северной стороне. (*Фото 1*)

Бытует мнение, что подобные столбы ставились после поездки в Крым Екатерины II в 1787 году на тех местах, где останавливался императорский поезд. Это неверно. Екатерининская миля – один из дорожных знаков, которые сооружались по маршруту предполагаемого путешествия царицы через каждые десять вёрст. Автором этого оригинального сооружения, которое академик П. С. Палас охарактеризовал как «...круглую пропорционально выгесанную колонну с украшением вроде осьмиугольной капители и с тупым верхом», иногда называют известного русского архитектора И. Старова, но это едва ли так. Деятельность И. Старова в Крыму приходится на 90-е годы XVIII века. Скорее всего, автором является инженер-полковник Корсаков, посланный в 1784 году в Крым для составления проектов крепостей и для благоустройства пути, по которому должна была следовать Екатерина II. Установка дорожных знаков входила в обязанности этого офицера⁴.

Следующим по времени возведения памятником архитектуры следует считать **акведуки** в Ушковой и Аполлоновой балках – часть сооружения самотёчного водопровода, снабжавшего водой из Чёрной речки сухие доки на

³ Использованы публикации: Веникеев Е. В. Памятники архитектуры // Слава Севастополя, 1981. № 63, 127; Графская пристань // Флаг Родины. 1988. 30 апреля; Севастопольский Парфенон // Крымская правда. 1982. 20 октября; Башня ветров // Крымская правда. 1981. 20 августа.

⁴ Но похоже, что автором «екатерининских миль» был всё-таки И. Е. Старов. Известен его художественный проект «О способах встречи Императрицы». Им были построены Триумфальная арка на Перекопе, въездная арка в Бахчисарай, временные дворцы в Карасу-Базаре (ныне Белогорск), Инкермане, фонтаны, беседки и многое другое. Можно предположить, что и авторство дорожных знаков принадлежит также ему – *Ред.*

Корабельной стороне. Акведуки построены в сороковых годах прошлого века, их проект выполнил в 1834 году инженер Д. Уптон. Подобные сооружения были очень распространены в древнем Риме, и наш памятник исполнен по классическим образцам на массивных каменных опорах, несущих арочное перекрытие. Акведуки хорошо видны с моря и придают неповторимый колорит берегам.

Когда в 30-х годах прошлого века обветшала старая **Петропавловская церковь**, построенная в 1792 году, главный командир Черноморского флота и портов М. П. Лазарев отдал предпочтение проекту нового храма, выполненному в 1837 году молодым инженером – поручиком морской строительной части В. А. Рулёвым, впоследствии профессором архитектуры.

Строительство закончилось через семь лет. Об этом есть прямое свидетельство М. П. Лазарева, отметившего в письме от 8 (20) декабря 1844 года к А. А. Шестакову: «Петропавловская церковь, построенная в древнем греческом вкусе... окончена». Есть свидетельства и других современников, например, архиепископа Гавриила. Следовательно, дата постройки, помещённая на охранной доске памятника (1848 год), не точна: церковь на четыре года старше.

Новое здание получило высокую оценку современников. Участник обороны Севастополя 1854–1855 гг. А. А. Вязмитинов, описывая состояние города в апреле 1855 года, говорит, что «...среди уцелевших зданий... выделялась прославленная Петропавловская церковь». Но в конце осады храм сильно пострадал – были иссечены осколками колонны и стены, рухнула крыша. В таком виде он стоял до 1888 года, когда, наконец, нашёлся меценат (им оказался богатый подрядчик Кундышев-Володин).

При советской власти здесь разместился городской архив. Во время Великой Отечественной войны здание снова было полуразрушено, но уже в 1946 году его восстановили.

Храм построен в дорическом ордере, который отличается суровыми «мужскими» пропорциями и очень величествен. Он стоит на несколько приподнятой над землей площадке (крепидоме), на более коротких фасадах дорические колонны с вертикальным бороздками несут треугольные фронтоны. (*Фото 2*)

Петропавловская церковь очень известна, часто упоминается в краеведческой литературе, но при этом всегда утверждается, что она копия афинских храмов Тезейона или Парфенона. Это ошибка. Тезейон имеет по главному фасаду только шесть колонн, а Петропавловская церковь – восемь. У Парфенона тоже восемь колонн, но зато в два ряда, у нашего – в один. Следовательно, севастопольский памятник не копия, а оригинальное произведение архитектуры.

На площади Нахимова возвышается самый известный памятник архитектуры Севастополя, ставший своеобразным символом нашего города – **Графская пристань**.

В 1786 году в Крым прибыл новый (второй после Ф. Ф. Мекензи) командующий Севастопольской эскадрой (Черноморского флота тогда ещё не существовало) контр-адмирал граф М. И. Войнович. В этой должности он пробыл до 1790 года, когда был заменён Ф. Ф. Ушаковым. За четыре года он сотни раз выходил из своей шлюпки на этой пристани. Отсюда и пошло название –

Графская пристань. Дважды пытались её переименовать. Сначала (после приезда в 1787 году Екатерины II) назвали Екатерининской, потом уже после революции – имени 3-го Интернационала. Но эти названия так и не прижились. И осталась пристань Графской.

В комплекс памятника входит лестница, четырьмя пологими маршами поднимающаяся к портику, два изящных павильона в стиле русского классицизма (имеют, к сожалению, позднейшие пристройки) и весь комплекс благоустройства прилегающей территории, включающий ряд террас, ограниченных каменными подпорными стенками.

Белокаменная колоннада дорического ордера, отделяющая лестницу от площади Нахимова, образует парадный вход. Центральную часть архитектурно оформленного портика венчает аттик (высокий парапет), на котором выбита дата постройки – 1846 г. Облик всего комплекса отличается простотой и величием, эффект достигнут простыми приёмами классической архитектуры, правильно найденными пропорциями и соразмерностью как отдельных деталей, так и входящих в ансамбль элементов. (*Фото 3*)

Проект пристани был выполнен в 1837 году военным инженером Д. Уптоном, представлен Николаю I и в следующем году утверждён «за исключением колоннадной галереи, которая исключается вовсе», как значилось в резолюции. Таким образом, запрещалось строить именно тот портик, который является лучшей частью ансамбля. В таком явно незавершённом виде проект и был осуществлён, следовательно, павильоны по обе стороны колоннады – более ранние, они построены около 1840 года.

Большой загадкой остаётся дата, когда на Графской появились первые львы (те, что там стоят сейчас – вторые). М. П. Лазарев 10 января 1841 года доносил морскому министру А. С. Меншикову: «Поставленные на так называемой Графской в Севастополе два льва сделаны из мальтийского песчаного камня... осыпались и повреждены уже до такой степени, что в настоящем виде без крайнего для пристани безобразия оставлены быть не могут». Далее он предлагал заказать в Италии новых. Министр согласился, и в 1843 году пристань украсили мраморные львы работы итальянского скульптора Фердинандо Пелличчио, сохранившиеся до наших дней.

Одновременно М. П. Лазарев не прекращает попыток «выбить» разрешение на строительство колоннады. Решающее значение здесь сыграли два неизвестных извозчика, которые в сентябре 1844 года ухитрились съехать вечером по лестнице и упасть вместе с лошадьми и экипажами в море. М. П. Лазарев немедленно дошёл этот инцидент до сведения А. С. Меншикова, проект колоннады, ограждающей пристань от площади, утвердили и в 1846 году она была окончена.

В нишах колоннады поставили четыре мраморные статуи (их тоже изваял Ф. Пелличчио). Но простояли они недолго. 26 августа 1855 года в баржу с порохом, подошедшую к пристани, попала неприятельская ракета. Взрыв повредил колонны и уничтожил статуи, обращённые к морю. После войны на их место поставили те, что стояли с противоположной стороны. Вот почему ниши со стороны площади Нахимова пустуют.

- По мнению севастопольского журналиста Л. А. Сомова, пострадали как раз статуи со стороны площади: «Их разнесло вдребезги, когда на Екатерининскую площадь в августе 1855 года, в самом конце обороны, обрушились английские ракеты. Вот какую горестную картину изобразил в письме к С. Аксакову активный участник Крымской кампании, военный корреспондент и художник Николай Берг: «Май 1856 года. Никакой карандаш не передаст разрушений на центральной площади Севастополя. Лестница на Графскую сильно избита. Оставлены провидением лишь две статуи, а другие опрокинуты и лежат кучей в безобразных ямах...»⁵.

Ещё один памятник архитектуры республиканского значения – бывшая **Михайловская церковь** на улице Ленина (в советское время в ней помещался один из залов музея КЧФ – Ред.). Здание построено в 1848 году как временная адмиралтейская церковь, автор проекта точно не известен, скорее всего им является инженер Фандервейде, создатель стоявшего рядом Николаевского собора, тем более что Михайловская церковь не считалась самостоятельной, а рассматривалась как «придел» собора. Архитектура здания отличается простотой. Это прямоугольный объём, перпендикулярный улице Ленина, его портал выполнен в виде двух ниш, одна в другой, перекрытых арками, опирающимися на колонны с византийскими капителями. Здание неоднократно реставрировалось, но судя по старым рисункам и фотографиям, сохранило первоначальный облик.

На Центральном холме возвышается сооружение, привлекающее своей необычностью. Это восьмигранная башня, под карнизом которой помещён фриз с барельефами (зофор), изображающими фигуры мифологических символов ветров. Поэтому постройка и носит название – **Башня ветров**. Она являлась частью построенного в 1849 году и сгоревшего в 1855 году во время осады города здания Морской библиотеки. (*Фото 4*)

Первоначальное назначение башни – вытяжная шахта для вентиляции книгохранилищ. Многие считают, что это копия одноимённой мраморной башни в Афинах, построенной во II–I веках до нашей эры архитектором Андроником из Кирры, служившей павильоном для водяных часов. Башня в Афинах хорошо сохранилась и является интереснейшим памятником античной архитектуры. Но сравнение севастопольской башни с афинской показывает, что первая – самостоятельное произведение, отнюдь не копия. Общее между ними – только барельефы и форма восьмигранника.

Здание библиотеки строил инженер-кондуктор Дикорев, в комиссию по постройке входил инженер-полковник Д. Уптон. В то время производителем работ назначался автор проекта, но маловероятно, чтобы кондуктору (унтер-офицерский чин во флоте) доверили проектирование такого ответственного сооружения. Вероятно, в составлении проекта принимал участие и Д. Уптон, обоих и следует считать авторами Башни ветров.

⁵ Сомов Л. А. Морские врата Севастополя // Слава Севастополя. 2016. 27 февраля.

Е. Веникеев: «Севастополь для России был со дня своего основания не только военным портом, но и мощной крепостью, русским форпостом на черноморской границе. В правительственном указе, принятом вскоре после закладки нового поселения, говорилось: «...устроить крепость большую Севастополь, где ныне Ахтиар». Во исполнение этого распоряжения Г. А. Потёмкин направил инженер-полковнику Корсакову ордер, в котором предписывалось: «...рекомендую вам ехать в область Таврическую и сделать проекты крепостям... Севастополь должен быть силён укреплением». В следующем году проект крепости и сметы были выполнены и представлены правительству. Началось строительство батарей по берегам бухт».

«...ДОЛЖЕН БЫТЬ СИЛЁН УКРЕПЛЕНИЕМ»⁶

Первоначально укрепления были земляными, но в 30-х годах XIX века началось создание многоэтажных каменных оборонительных сооружений. К началу Крымской войны было построено пять мощных фортов береговой обороны: на Южной стороне – Александровский и Николаевский, на Корабельной – Павловский, на Северной – Константиновский и Михайловский. Они носили громоздкое название «казематированные батареи», а в последние годы в художественной и краеведческой литературе к ним применили совершенно не соответствующий термин «равелины» (равелин – небольшое вспомогательное укрепление, вынесенное впереди главной крепостной ограды). Западные авторы называют эти укрепления фортами, что наиболее правильно.

По поводу этих фортов хочется поделиться с читателем малоизвестным, но любопытным фактом их истории. В 1840 году Севастополь посетил французский инженер-геолог, состоявший в то время на русской службе, О. де Гель с супругой (известной авантюристкой, возможно, шпионкой). Иностранцам показали всё, что можно было показать, в том числе доки и батареи. Вернувшись во Францию, супруги немедленно опубликовали мемуары, где весьма пренебрежительно отозвались об укреплениях Севастополя, а что касается фортов, то они предсказывали, что их стены рухнут от первого же залпа. В Европе все слышали о воровстве и взяточничестве, процветавших в царской России, и, конечно, легко этому поверили⁷.

5 (17) октября 1854 года англо-франко-турецкий флот вытянулся огромной дугой перед русскими береговыми батареями и открыл огонь при полном штиле, имея многократный перевес в артиллерии. Море затянуло дымом. Когда он рассеялся, перед потрясёнными моряками предстали почти не повреждённые каменные стены фортов, продолжавшие обрушивать ливень снарядов. Атака провалилась, многие корабли союзников пришлось отправить на ремонт в Константинополь.

После перехода русских войск в 1855 году на Северную сторону укрепления Южной и Корабельной сторон были взорваны и больше не восстанавливались. Форты на Северной стороне сохранились и являются сейчас редкими образцами

фортификационных сооружений того времени. Решением Севастопольского горисполкома они объявлены памятниками архитектуры местного значения.

...Путешественник, стоящий на палубе корабля, входящего в бухту, видит слева по борту двухэтажное здание с амбразурами, повторяющее подковообразную форму мыса, на котором оно расположено. Это **Константиновский форт**, оконченный постройкой в 1847 году и вооружённый 94 орудиями. Назван он в честь великого князя Константина Павловича, внука Екатерины II и старшего брата Николая I. 5(17) октября 1854 года на форт обрушился основной огонь английского флота.

Во время Великой Отечественной войны форт был одним из опорных пунктов обороны Северной стороны. Фашистские войска смогли взять его только 22 июня 1942 года, когда погиб почти весь малочисленный гарнизон.

Михайловский форт построен в глубине бухты, в километре от Константиновского (окончен в 1846 году), и сохранился значительно лучше. Назван в честь другого брата Николая I (на самом деле в честь великого князя Михаила Николаевича, сына Николая I – *Ред.*). Это казематированная батарея на 77 орудий, представляющая собой двухъярусный прямоугольный объём длиной около 150 метров. К нему под прямым углом пристроены два также двухъярусных крыла по 55 метров каждое. Форт имеет две трёхъярусные башни высотой около 15 метров. (*Фото 5*)

В памятный день 5 (17) октября 1854 года он также принимал участие в отражении атаки английского флота, посылая свои снаряды над Константиновским фортом. Сражался старый форт и во время героической обороны 1941–1942 гг. – его северный фасад густо иссечён пулями и осколками снарядов.

Со стороны суши Севастополь был укреплен значительно хуже, чем с моря. Хотя проект сухопутных укреплений был утверждён ещё в конце тридцатых годов (на генеральном плане города 1840 года показаны, как проектируемые, все будущие бастионы), всё же к началу Крымской войны существовали только следующие капитальные оборонительные постройки: Северное укрепление (Северный форт), башня-донжон на Малаховом кургане, каменные оборонительные казармы на первом и шестом бастионах. Остальные укрепления находились в зачаточном состоянии, и их пришлось возводить уже после объявления города на осадном положении. Эта гигантская работа была выполнена руками матросов, солдат и жителей города под руководством известного военного инженера Э. И. Тотлебена.

В 1876 году, в ожидании новой близкой войны с Турцией, правительство приняло решение об укреплении Севастополя с суши. Проектировалось сооружение семи крупных фортов: на Северной стороне, на Инкерманских высотах, на Сапун-горе, в верховьях Стрелецкой, Балаклавской и Камышовой бухт. Автором проекта был Э. И. Тотлебен. Осуществление плана требовало больших расходов, а так как русско-турецкая война 1877–1879 гг. вскоре окончилась победой России, то строительство сухопутных укреплений было отложено.

Но в 1885 году возникла реальная угроза войны с Англией в связи с её активной колониальной политикой в Афганистане. Снова срочно встал вопрос об укреплении Севастополя с суши, причём военное министерство приняло для ре-

⁶ Использованы статьи: Веникеев Е.В. «... Должен быть силён укреплением» // Флаг Родины. 21.08.1982. 21 августа; Форты Севастополя // Крымская правда. 1982. 10 февраля.

⁷ Веникеев Е. В. Севастополь и его окрестности. М.: «Искусство», 1986. С. 88.

ализации более дешёвый по сравнению с проектом Э. И. Тотлебена вариант: линия сухопутной обороны из двенадцати небольших фортов должна была пройти от Учкеевки до Маячной горы на Северной стороне, и от Суздальской высоты через гору Рудольфа (ныне Матюшенко) к Херсонесу.

К 1896 году программа была выполнена далеко не полностью, а в то время прогресс военной техники превратил уже построенные форты в безнадежно устаревшие. Единственным сохранившимся из этой группы укреплений является форт «А-5» на перекрёстке нынешних улиц Вакуленчука и Меньшикова. (Фото 6)

- Форт «Литер А-5» строился в 1895–1902 годах (включён в состав
- Севастопольской крепости в 1904 году). Представляет собой долговременное полевое укрепление неправильной формы с двумя угловыми казематами,
- имеющими подземные ходы с выходами на поверхность. В центре форта находилась караульная казарма, вокруг него – ров с валом. Укрепление предназначалось для размещения десяти орудий. По некоторым данным, казематы форта использовались в качестве гауптвахты, где в период 1905–1912 годов проходили казни революционных моряков, солдат и рабочих. Так об этом сообщает надпись на памятном знаке, установленном у форта в 1967 году.

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЫ⁸

Создан проект памятного знака узникам форта «А-5» – героям революционной борьбы в Севастополе. Мемориал намечено соорудить в возвышенной части укрепления, обращённой к улицам Вакуленчука и Меньшикова. К нему ведёт мост, перекинутый через глубокий (четыре метра) ров. Со стороны улицы Вакуленчука будет сформирована предмостовая площадка, в центре её – стела с надписью: «Форт А-5». Мемориальные доски расскажут о значении форта как памятника революционным событиям и героическим дням обороны города в 1941–1942 годах, когда здесь находился командный пункт 1-го гвардейского артиллерийского дивизиона береговой обороны флота.

Парадная лестница приводит к обширной мощёной плитами площадке, служащей подножием памятному знаку. Композиция монумента определена тем, что перед авторами стояла задача: вписать его в участок, имеющий форму вытянутой трапеции. Сам монумент будет выполнен в форме трилистника. В центре композиции – прямоугольное сквозное отверстие в глубокой нише, куда вмонтирована литая бронзовая решётка, на которой стилизованное изображение сплетённых рук узников форта, рвущихся на волю.

Перед памятным знаком авторы проекта предлагают разбить партерный сквер, а на заднем плане высадить более высокие деревья и кустарники. Монументальность мемориала усилена тем, что высота холма, на котором он

⁸ Слава Севастополя. 1983. 9 января.

будет возведён, искусственно увеличена на один метр. Авторы проекта нового памятника, который намечено соорудить к юбилею города – скульптор В. В. Рябков, архитекторы Г. Г. Кузьминский и А. С. Гладков⁹.

Интересное крепостное сооружение начала нашего века находится между верхом Стрелецкой бухты и берегом моря. Это **Стрелецкий форт**, подземные казематы которого вытянуты вдоль гребня высоты. Сохранились его глубокий ров (ныне утрачен в ходе жилой застройки – *Ред.*), орудийные позиции, серое бетонное покрытие казематов и поросшие травой дворики. (Фото 7)

Но самое интересное из укреплений этого периода по романтичности расположения и необычности постройки – это, конечно, **Южный форт** на высоте восточнее Балаклавы. Далеко с моря можно видеть металлическое гнездо его НП (наблюдательный пункт – *Ред.*), прилепившееся на вершине отвесного обрыва на огромной высоте.

Учитывая ценность сохранившихся оборонительных сооружений для изучения развития фортификационной архитектуры, севастопольское отделение Украинского общества охраны памятников предложило внести Стрелецкий и Южный форты в список памятников города-героя.

Е. Веникеев: «Лестницы – один из основных элементов архитектуры нашего города. Они важный фактор, определяющий восприятие того или иного комплекса застройки. Их планировка и композиция не менее важны, чем фасады и взаимное расположение зданий. Именно ими отличается Севастополь от многих других городов, они делают его неповторимым».

ЛЕСТНИЦЫ СЕВАСТОПОЛЯ¹⁰

«...Город возник на обрывках скал и холмов, соединённых лестницами, мостами и винтообразными узенькими тропинками». Это Лисс, портовый город, созданный фантазией Александра Грина. Но это и Севастополь. Сам писатель признавался в «Автобиографической повести», что «некоторые оттенки Севастополя вошли в мои города: Лисс, Зурбаган, Гель-Гью и Гертон». Обратите внимание, какая особенность привлекла здесь писателя, обладавшего обострённым чувством прекрасного: сложный рельеф, размещение зданий на разных уровнях и, главное, лестницы.

Лестницы Севастополя... Они взбегают на холмы, спускаются в овраги, в три, пять, десять раз сокращают путь к вершинам холмов, откуда только и можно увидеть этот необыкновенный город. Вот вы идёте по Большой Морской или по проспекту Нахимова. Оторвитесь от троллейбусных проводов, сворачивайте

⁹ Увы, мемориал, описанный Е. В. Веникеевым так и не был возведён. В настоящее время укрепление, хотя и относится к Музею героической обороны и освобождения Севастополя, но как памятник фортификационного искусства начала XX века практически перестало существовать – *Ред.*

¹⁰ Печатается по изданию «Крымские каникулы». Симферополь: «Таврия», 1981. Использована также статья: Веникеев Е. В. Гранит твоих ступеней // Слава Севастополя. 1980. 23 августа.

на Синопский или Таврический спуск, и через несколько минут окажетесь на вершине Центрального (Городского) холма. Тут-то перед вами и откроется... С одной стороны – потрясающая перспектива бухты, рейда и открытого моря (если лето, то всё – аквамарин, если зима – серо-коричневые валы, штурмующие старые стены Константиновского форта), с другой – севастопольские холмы, увенчанные тёмной зеленью Малахова кургана и белыми стенами застройки Воронцовой горы.

И везде лестницы! Они во дворах, на бульварах, в парках, в скверах, на территории заводов и фабрик, школ и гостиниц, и даже вместо улиц. Лестницы не только неотъемлемая часть облика города, придающая ему неповторимый колорит, но и часть жизни севастопольцев, которые ежедневно клянут их при подъёме и благословляют при спуске.

Лестницы, как и улицы, – свидетели истории города, которому в 1983 году исполнится 200 лет. Здесь рвались бомбы и снаряды, ступени и парапеты лестниц крошились от осколков, после сражений их восстанавливали, перестраивали, любовно украшали и давали названия в память о знаменитых в отечественной истории людях или событиях. Спускаясь по гранитным ступеням, вы как бы проникаете в глубины истории. А она – со всех сторон: немногие уцелевшие (а вернее, восстановленные) дома, прилепившиеся к скалам, в просветах марша – то бухта, замкнутая замшелыми стенами старых фортов, то подчёркнутые синевой неба вертикали обелисков...

Любопытно узнать, какая лестница создана первой? Сразу же после основания города относительно ровные участки у подножия Центрального холма застраивались домами людей состоятельных. Матросы, мастеровые и другая беднота селилась наверху. Вскоре это место превратилось в настоящие трущобы, и Центральный холм получил название «Хребта беззакония».

В 1839 году был утверждён генеральный план застройки Севастополя, составленный Д. Уптоном по инициативе адмирала М. П. Лазарева, где предусматривался снос трущоб и создание здесь центральной части города, планировка которой сохранилась до наших дней. Тогда и началось строительство лестниц на Центральном холме. Но первой следует, видимо, считать ту, что на Графской пристани, построенную из камня в 30-х годах прошлого века (колоннада и павильоны по её сторонам более поздние). Около 1834 года сооружён ступенчатый подъём, ведущий с проспекта Нахимова на Матросский бульвар (в то время он назывался Малым бульваром, в отличие от Большого – Исторического). (Фото 8)

А сколько их, лестниц Севастополя? Давно ломаю голову над этим вопросом. Я изучил крупномасштабные планы города, в котором родился и прожил всю жизнь и который страстно люблю, составил и постоянно дополняю список лестниц, но ответить на этот вопрос, наверное, не смогу никогда – их сотни, больших и малых. И ежегодно возникают новые.

Тогда я решил ограничиться лишь теми, что заменяют улицы и расположены только, собственно, в городе, исключив такие, тоже «лестничные» районы, как Белокаменск (бывший Инкерман), Балаклаву и мыс Фиолент (огромная лестница там от бывшего Георгиевского монастыря к морю – одна она заслуживает специального исследования или поэмы). Так вот, больших лестниц, которые служат в

настоящее время улицами в Севастополе, я насчитал пятьдесят одну! Пятьдесят одна улица – из ступеней (в более поздних публикациях Е. В. Венিকেев говорит уже о 82-х таких лестницах – *Ред.*).

Среди них есть парадные, поднимающие пешехода к памятникам и монументам, и рабочие – узкие, извилистые, сбегаящие к причалам порта и проходным заводам. Мраморных, гранитных, известняковых, бетонных ступеней коснулись ноги миллионов. Это улицы, по которым нельзя проехать ни на чём!

Многие из лестниц безымянны, другие носят имена улиц, на которых расположены, некоторые удостоены собственного названия. Так, спуск Петрова назван в честь руководителя восстания (1905 г.) на учебном судне «Прут».

А какая славная страница истории стоит за наименованием Синопский спуск! Как известно, в ноябре 1853 года Черноморский флот под командованием П. С. Нахимова наголову разгромил турок в Синопской бухте. В память об этом историческом событии одна из главных лестниц города, ось застройки Центрального холма, и получила такое название.

- «Сейчас ведётся капитальный ремонт этой лестницы, – писал
- Е. В. Венিকেев в статье «В память о героях Синопа» (Слава Севастополя,
- 02.02.1985 г.). – В связи с этим мне кажется своевременным сделать следующую
- предложение: надо установить на подпорной стене в начале марша с
- проспекта Нахимова мемориальное обозначение. Мыслится оно в виде барельефа,
- изображающего эпизод сражения, с текстом, сообщающим, в честь
- какого события названа лестница». Очень жаль, что к этому совету краеведы
- да так и не прислушались.

Лестница начинается от проспекта Нахимова широкими парадными маршами, а после обширной площадки разделяется на два криволинейных пандуса со ступенями. Они круто поднимаются вверх, сходятся и снова сменяются парадными маршами, ведущими к подножию величественного памятника вождю революции В. И. Ленину. (Фото 9)

Сооружение лестницы – такой, как она сейчас есть, – велось в 50-х – начале 60-х годов, в её проектировании принимали участие архитекторы В. М. Артюхов, Ю. Н. Белькович, Б. В. Калинин и Н. Н. Сдобняков. Последний внёс особенно заметный вклад в создание севастопольских лестниц: кроме Синопского спуска, он проектировал лестницы по улицам Марата и Свердлова, участвовал в разработке проектов многих других.

В Севастополе есть лестницы, являющиеся своеобразными памятниками. Это спуск Водопьянова на Северной стороне, у моря. Начинается он на площади генерала Захарова и ведёт в Инженерную балку. Тысячи пешеходов поднимаются и спускаются по лестнице – на работу, с работы, к причалам городских катеров. Но мало кто бросит беглый взгляд на маленькую каменную доску, установленную слева у начала спуска, большинство прохожих не даёт себе труда разобрать полустёртую надпись. А зря. Этот текст стоит прочесть! Вот он: «Трап выстроен силами кр-в (красноармейцев – Е. В.) и комсостава 11-го арт. полка в 1929 г.» Эта лестница – памятник трудовому энтузиазму воинов Красной Армии в те далёкие годы. А какой романтикой веет от морского слова «трап» (так на

кораблях называют лестницы!). Такие реликвии первых лет Советской власти заслуживают самого благоговейного к себе отношения, и очень жаль, что некоторые из них находятся не в лучшем состоянии.

Лестницы сооружались практически в течение всех двухсот лет существования города, стали его историей, неотъемлемой частью и украшением. После Великой Отечественной войны кое-какие были ликвидированы, а многие построены заново. Строительство продолжается и теперь. В 1980 году появилась самая «юная» лестница между улицами Гоголя и Ялтинской. Но нужно с сожалением сказать, что своим качеством сегодняшние лестницы и подпорные стены далеко уступают тем, что сооружены лет двадцать-тридцать тому назад. Гранит и диорит заменили серые, скучные бетонные набивные ступени (которые к тому же скоро разрушаются), вместо стен из дикого камня с фигурной расшивкой швов возводятся бутобетонные с грубыми следами опалубки. Создатели этих «шедевров» не понимают, что это – не только дорога, средство связи при сложном рельефе, но и один из основных элементов архитектуры Севастополя. Планировка, композиция и внешний вид лестницы не менее важны, чем фасады и расположение зданий, ансамблей.

Так называемое Городское кольцо Севастополя, которое составляют три улицы – Ленина, Большая Морская и проспект Нахимова – решением Севастопольского горисполкома объявлено комплексным памятником архитектуры местного значения. В этот ансамбль как его единственная и неотъемлемая часть входят и лестницы. Без них ведь не было бы связей между нижним уровнем и верхними террасами, в промежутках между зданиями смотрелись бы обрывы и косогоры.

Вся застройка Городского кольца, как и окаймлённого им Центрального холма, выполнена в 40-х–50-х годах, в трудный послевоенный период. Особо подчеркнём: в исключительно короткий срок. При этом (что очень важно) в единой стилиевой характеристике: немногие сохранившиеся дореволюционные и довоенные здания органически вписаны в общий ансамбль, не контрастируют с ним. Объясняется это тем, что архитекторы того времени работали в едином стиле, широко использовали элементы классической ордерной системы, элементы и приёмы эпохи Возрождения.

В Севастополе, если вы заметили, общее архитектурно-стилистическое направление своеобразно и связано с местными условиями – тёплым климатом и приморским расположением. Учитывалось также, что застройка южного города должна иметь свой колорит. Вот почему здания того периода восстановления имеют лоджии, балконы, на крышах – башни, балюстрады или ротонды. Всё это в сочетании со сверкающей белизной стен, блеском моря и южного неба, с вьющейся по фасадам зеленью создаёт неповторимый, незабываемый и романтический облик Севастополя.

И, конечно же, лестницы, трудно даже представить себе город без лестниц! Самая протяжённая и заметная из них – Синопский спуск, о котором уже говорили. Не уступает ему и Таврический спуск.

- Он практически полностью заменил довоенную улицу Таврическую, которая поднималась к Петропавловской церкви от улицы Ленина, проходя-

- ла по нынешней улице Павличенко и спускалась на Большую Морскую. Эта часть Таврического спуска была сооружена в начале 1950-х гг. по проекту архитектора Г. Г. Швабауэра
- В начале 1970-х гг. лестницу продолжили к Комсомольскому парку имени Марии Байдь (архитектор В. М. Артюхов).

Его ступени выложены из серого гранита, каменные подпорные стены увенчаны фигурной балюстрадой, вдоль маршей возвышаются красивые ажурные, металлические опоры для светильников. Спуск производит впечатление одновременно и величественное, и уютное. Последнее объясняется тем, что ступени его, в отличие от синопских, не высоки, а подьёмы между площадками пологи. (Фото 10)

Идёшь по нему, идёшь, и вдруг – труба! Огромная металлическая, пересекающая лестницу и зачёркивающая её очарование. Почему? Оказывается, несколько лет назад таким «экономным способом» строители проложили теплотрассу. Вот вам – и архитектура, и романтика!

Очень хороша, по-моему, и лестница, что идёт от площади Пушкина (ныне площадь Суворова – Ред.) по улице Сергеева-Ценского (1961 г. – архитектор К. В. Бутова). Большое расстояние между линиями застройки в этом месте позволило создать вдоль широкого монументального подьёма живописный сквер с террасами, где так приятно посидеть на скамье, любясь панорамой Южной бухты, Корабельной стороны, Зелёной горки.

Есть лестницы узкие, крутые, зажатые подпорными стенами и стенами жилых домов. Такова лестница по улице Алексакиса, поднимающаяся на Центральный холм и от улицы Ленина спускающаяся на Большую Морскую. Она по-своему романтична и даже таинственна.

Но не только вокруг Центрального холма вьются лестницы. Прекрасна и та, что ведёт на Малахов курган, комплексный исторический памятник, место героических подвигов севастопольцев в 1854–1855 гг. и 1941–1942 гг. Курган был местом паломничества туристов всего мира ещё до Великой Октябрьской социалистической революции. Но его благоустройство и комплексное архитектурное оформление произведено только в советское время – к столетию первой обороны. В ансамбль мемориальных сооружений были включены и памятники героям второй обороны города.

Главной осью ансамбля является парадная лестница с улицы Героев Севастополя на вершину кургана и продолжающая её главная аллея. Перспектива аллеи замкнута приземистой оборонительной башней, на площадке которой горит Вечный огонь.

От парадного входа – портика, выполненного архитектором А. М. Вейзенем около 1905 г., – начинается пологий подьем. Затем лестница раздваивается и снова соединяется, образуя большую лужайку с любовно ухоженным газоном. Лестница построена в конце 50-х годов по проекту архитектора Г. Г. Швабауэра; ивы, посаженные в те годы, разрослись и осеняют лестничные марши струящимися по ветру ветвями. Подьем приводит к большой площадке, даже площади, с которой начинается главная аллея. Это прекрасная видовая площадка; с одной точки вы можете увидеть и центральную часть города, и открытое море в про-

свете между Николаевским и Константиновским мысами, и Северную сторону, увенчанную пирамидой храма св. Николая на Братском кладбище.

Каждая нынешняя лестница имеет свои особенности, зависящие от её функционального назначения. Одни – торжественны, парадны, другие – уютные, утопающие в зелени, где приятно отдохнуть на каменной скамье, любясь перспективой города и бухт. Все они – важный фактор, определяющий восприятие городской застройки.

Походите не спеша по севастопольским лестницам, присмотритесь к их затейливому рисунку, постоит на площадках, поглядите окрест, и вам откроется город величественный и романтически таинственный, с мужественным и прекрасным лицом – город-герой Севастополь.

Е. Веникеев: «Война превратила наш город в огромную груду развалин. Восстановление началось сразу же после освобождения в 1944 году, а после утверждения генерального плана Севастополя (1949 г.) приобрело плановый характер и всё возрастающие темпы. В 1953 году по сумме жилой площади город достиг довоенного уровня, были восстановлены все промышленные предприятия и культурно-бытовые учреждения. Возрождение завершилось в невиданно короткий срок».

АРХИТЕКТОР И ЕГО ДЕЛО¹¹

В марте 1993 года многие севастопольцы вспомнят добрым словом своего земляка – архитектора Валентина Михайловича Артюхова, приложившего немало усилий, чтобы древнейший город Тавриды, город славы отечественного флота – Севастополь стал ещё и одним из самых красивых и удобных для проживания городов Причерноморья. На всём Севастополе лежит отпечаток личности В. М. Артюхова, автора трёх его послевоенных генпланов, многих памятников и мемориальных комплексов, которыми так богат город-герой.

Ко времени приезда Артюхова в Севастополь в 1945 году авторскими коллективами Москвы под руководством известных архитекторов Г. Б. Бархина и М. Н. Гинзбурга уже разрабатывались проекты восстановления города. Тот из них, который был одобрен в верхах, совершенно не учитывал местные традиции и исторические реалии. Предлагалось, по существу, построить новый город. К счастью, для этого не были выделены ассигнования, и проект отправили на доработку в Севастополь, где он, по сути, был подвергнут полному пересмотру. (Фото 11)

«То обстоятельство, – писал В. М. Артюхов, – что основные планировочные документы создавались непосредственно в Севастополе с широким участием местных специалистов, хорошо знавших город, позволило разработать их в короткий срок и обеспечить реальность их осуществления».

¹¹ Таврические ведомости. 1993. № 10. Статья написана в соавторстве с В. Н. Фуклевым.

- «Проект предусматривал восстановление многих ценных зданий и сооружений, – писал Е. В. Веникеев в неопубликованной рукописи «Ахтиар – Севастополь», – использование сохранившихся улиц и инженерных коммуникаций. А главное, он обеспечил преемственность исторической традиции в планировке и застройке города. Строители получили руководящий документ для проведения восстановительных работ комплексно в широком масштабе...
- Жилые и общественные здания Севастополя были не просто отреставрированы заново. Центральная часть города, возрождённые районы Корабельной стороны – это интересные архитектурные ансамбли, уникальные единством стиля, характерного широким использованием элементов классицизма и Возрождения. В них органично вписались восстановленные постройки конца XIX – начала XX веков».

Об уровне архитектуры города, заложенной в проекте, свидетельствует то, что в 1980 году вся застройка так называемого Городского кольца была объявлена памятником архитектуры.

Первая серьёзная корректировка генплана 1949 года была выполнена в 1960–1961 годах. Её вызвала потребность расширения границ города, внедрение индустриальных методов в строительстве и т.д. Проект с расчётным сроком до 1980 года разработал авторский коллектив под руководством К. В. Бутовой. В его списке В. М. Артюхов значится в скромной роли консультанта (ему никогда не было свойственно гипертрофированное авторское тщеславие), но всем специалистам известно, что его влияние на принимаемые решения было определяющим.

К 1973 году темпы развития Севастополя значительно опередили запрогнозированные генпланом 1964 года. Назрела необходимость новой кардинальной корректировки проекта. Для этой цели был создан авторский коллектив из ведущих специалистов Севастополя, объединённых в отделе генерального плана севастопольского филиала Гипрограда. Во главе, естественно, стал В. М. Артюхов.

Этот проект ознаменовал начало нового градостроительного этапа развития Севастополя и застройки города в условиях реконструкции. В 1976 году Госстрой СССР издал постановление о проведении Всесоюзного конкурса, к участию в котором были привлечены ведущие градостроительные коллективы Москвы, Ленинграда и Киева. В этом конкурсе группа севастопольских архитекторов: Артюхов, Медников, Фуклев (творческий руководитель) и Фиалко – одержали убедительную победу: их вариант лёг в основу нового 4-го послевоенного генплана. Разработкой его и занимался Валентин Михайлович вплоть до трагического дня, когда он погиб во время купания в штормовом море.

- Как ни странно, статьи о В. М. Артюхове нет в севастопольских справочниках. Приводим некролог, написанный Е. В. Веникеевым (Слава Севастополя, 05.09.1978 г.) о своём учителе и наставнике: «2 сентября 1978 года ушёл из жизни В. М. Артюхов – главный архитектор Севастопольского филиала «КрымНИИпроекта», член Союза архитекторов СССР. Валентин Михайлович родился в 1913 году в г. Прилуки Черниговской области, в семье служащего. Свой трудовой путь начал в 1927 году в качестве ученика слесаря. В 1940 году окончил архитектурный факультет Ленинградского инженерно-строитель-

• ного института. В годы Великой Отечественной войны участвовал в обороне
• Ленинграда, с боями прошёл Польшу, Германию, Чехословакию. Награждён
• орденами Великой Отечественной войны II степени и Красной Звезды, меда-
• лями. В 1945 году приехал в Севастополь, где началась его многолетняя дея-
• тельность по восстановлению и развитию нашего города.

• В. М. Артюхов был одним из ведущих севастопольских архитекторов.
• Последние 16 лет, работая в филиале «КрымНИИпроекта», принимал уча-
• стие в подготовке всех проектов генерального плана развития Севастополя,
• выполнял многочисленные проекты детальных планировок различных микро-
• районов. Большой вклад В. М. Артюхов внёс в дело охраны существующих
• и создания новых памятников истории. В лице В. М. Артюхова обществен-
• ность нашего города потеряла талантливого архитектора, чуткого и от-
• зывчивого человека».

К сожалению, после его смерти начались некрасивые манёвры кое-кого из его бывших коллег по присвоению творческого наследия зодчего, которые, увы, на некоторое время увенчались успехом. И всё же действительное авторство проекта 4-го генплана было установлено в 1983 году. В том же году труд был удостоен высшей премии Госстроя Украины.

Разносторонняя натура В. М. Артюхова не могла ограничиться одной областью. Он принял также горячее участие в реставрации и создании памятников города-героя. Последняя его работа – памятник медикам-защитникам Севастополя (совместно со скульптором В. Е. Сухановым).

Прошло пятнадцать лет с трагического дня гибели архитектора, но идеи и планы, заложенные им, и по сей день живы и плодотворны.

Е. Веникеев: «Готовясь к своему юбилею, город молодеет с каждым днём. Это заметно и в малом, и большом. Вот уголки отдыха. Какая прекрасная идея – подарить к 200-летию любимого города 200 уголков отдыха. Заботливыми хозяйскими руками тружеников различных предприятий сооружены десятки уголков. Как они украсили город!» (фото 12)

ЧЕРНОМОРСКОМУ ФЛОТУ – ВИВАТ!

Е. Веникеев: «Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдалённом от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого, никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы её морские побережья в устьях рек были от неё оторваны; Россия не могла оставить устья Невы... в руках шведов, так же как устья Дона, Днепра, Буга и Керченского пролива в руках кочевников-татар». Эти слова некогда написал непопулярный ныне К. Маркс, и ход современной истории как будто ставит их под сомнение. Действительно, на наших глазах Россия отказалась от всех перечисленных южных выходов к Чёрному морю, и возникает вопрос, не присутствуем ли мы при начале её исторического существования в качестве великой державы. Ведь всё прошлое страны демонстрирует огромное значение в её судьбе Черноморского флота».

ТАК НАЧИНАЛСЯ ФЛОТ¹²

13 мая (2-го по старому стилю) исполнилось 210 лет со дня входа в Ахтиарскую бухту (ныне Севастопольская) эскадры русских кораблей. Эта дата – день фактического рождения Черноморского флота. Официально его возникновение следует отнести к 11 (22) января 1783 года, когда указом Екатерины II был назначен первый командующий «заводимым флотом нашим» на Азовском и Чёрном морях» вице-адмирал Ф. А. Клокачёв (1732–1783).

О столь значительном событии уже писали не раз, но до сих пор в литературе существуют разночтения по числу вошедших в тот день в бухту судов (от 11 до 17), их номеров и названий.

Они появились в Ахтиарской гавани, повинувшись приказу Г. А. Потёмкина, а он ещё 24 января (4 февраля) предписал Ф. А. Клокачёву: «Собрав от всюду теперь находящиеся (корабли – Е. В.) ...имеете войти... в гавань Ахтиарскую, где командующий войсками в Крыму генерал-поручик и кавалер граф Бальмен сильный учинил отряд, как ради охранения, так и для производства тамошних укреплений».

¹² Слава Севастополя. 1993. 12 июня.

Список русских кораблей, стоявших в бухте 2 мая 1783 года, имеется в Центральном архиве Военно-Морского Флота. Это пять фрегатов: № 9 (вскоре назван «Поспешный»), 10 («Крым»), 11 («Храбрый»), 13 («Победа») и 14; два «донских» корабля – «Хотин» и «Азов»; три шхуны «Вячеслав», «Измаил» и «Победослав»; две полаки (небольшие одномачтовые корабли) – «Патмос» и «Святая Екатерина». Завершает список бот «Битюг». Итого – 13 единиц.

Но известно, что два корабля – фрегаты № 8 («Осторожный») и № 11 («Храбрый», иногда ему приписывают № 9) стояли в бухте ещё с 17 (28) ноября предыдущего года. Однако № 8 в нашем списке не фигурирует. Очевидно, он в этот день отсутствовал. Следовательно, эскадра состояла из 12 кораблей.

7 (18) мая прибыла ещё часть Днепровской флотилии под командованием контр-адмирала Томаса (по-русски его называли Фома Фомич) Мекензи, англичанина (вернее, шотландца) на русской службе. Вот тогда эскадра и стала насчитывать 17 вымпелов.

- В память об этом историческом событии на Николаевском мысу 26 июля
- 1998 года был открыт памятный знак «С пользой и во славу России» (архитектор А. Л. Шеффер) с перечислением 109 городов и областей России,
- шефствующих над Черноморским флотом. В названии знака использованы
- две медали, учреждённые Екатериной II. Первая из них «Слава России» в
- честь Черноморского флота (1785), вторая – «Польза России» была отлита
- в честь основания Севастополя.
- По обеим сторонам знака установлены две плиты из чёрного мрамора.
- На одной из них на фоне Севастопольской бухты (Ахтиарская бухта) изображён свиток со словами указа Екатерины II – «...устроить крепость большую
- Севастополь, где ныне Ахтиар и где должны быть Адмиралтейство, верфь
- для первого ранга кораблей, порт и военное селение». На другой плите – входящие в Севастопольскую гавань корабли и надпись на вымпеле: «13 (2) мая
- 1783 года русские корабли вошли в Ахтиарскую бухту под командованием
- вице-адмирала Клокачёва Федота Алексеевича». (Фото 13)

Что представляли собой первые корабли Черноморского флота? О фрегатах всем известно – это трёхмачтовый корабль с прямым парусным вооружением. Все они были однотипны (спущены на воду в 1779 году, 44 орудия, длина около 35 м), кроме «Победы». Его построили в 1782 году, и он имел 40 пушек. Печальная судьба ожидала «Крым» – через четыре года он пропадёт без вести в бушующем Чёрном море со всем экипажем.

«Хотин» официально назывался «корабль новоизобретённый первого ранга». Будучи трёхмачтовым, он, тем не менее, значительно уступал по размерам фрегату (грузоподъёмность 340 т., 16 пушек). Его спустили на воду уже довольно давно – к 1770 году и в 1779 году даже перебирали набор (тимберовали).

«Азов» был несколько меньше «Хотина», но тоже имел 16 орудий. Это «корабль новоизобретённый второго рода», от первого отличался не только размерами, но и парусным вооружением – имел только две мачты. Эти суда являлись кораблями, как бы сейчас сказали, типа «река-море» и были построены на Дону.

Кстати сказать, «Азов» совершенно однотипен с другим знаменитым (и забытым) кораблем – «Мадон». Дело в том, что «Мадон» вероятно, первый в истории русский военный корабль, заходивший в Ахтиарскую бухту. Во всяком случае, он зимовал рядом – в Балаклавской гавани ещё на 10 лет раньше описанных событий – в 1773 году. Штурман с «Мадона» И. Батурин составил первый план Севастопольской бухты.

Об остальных кораблях эскадры известно немного. Шхуна «Измаил» была восьмипушечной, спущена на воду в 1773 году, её ровесник бот «Битюг» больше – на нём стояло 12 орудий. Через пять лет его переоборудуют в бомбардирское судно (вооружат мортирами) и назовут более благозвучно – «Спиридон Триумифутский».

Вот от этих-то кораблей и пошёл Черноморский флот.

Е. Веникеев: «Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. силами Черноморского флота взяты крепости Анапа и Сизополь, русские корабли два месяца бомбардировали Варну, что привело к её капитуляции. Способствуя наступлению армии на Константинополь, флот высадил на турецкое побережье пять десантов. По Адрианопольскому миру Россия приобретала побережье Кавказа почти до Батуми, и Турция признала русское владение Грузией, Имеретией, Мингрелией, Гурией, Нахичеванским и Эриванскими ханствами. Могла ли Россия присоединить эти территории без Черноморского флота? Ответ будет отрицательным.

Без него она была бы не в состоянии и защищать свои границы. В первой половине 19-го века русские корабли круглый год крейсировали у кавказских берегов, перехватывая контрабандистов, доставляющих оружие восставшим горцам. А что везла эскадра Осман-паши, уничтоженная П. С. Нахимовым в знаменитом Синопском сражении? Войска для десанта на Кавказ?»

ПАРУСНЫЙ ФИНАЛ¹³

18 (30) ноября 1853 года. Последний в истории бой парусных эскадр... 140 лет прошло с тех пор, и как много о нём написано! Есть несколько монографий, сражение описывается в любой книге о Крымской войне и первой обороне Севастополя (а их тысячи на всех языках мира), ему посвящено множество статей в газетах и журналах. Трудно в таких условиях сказать что-нибудь новое, однако попробуем.

К концу ноября кампания на Чёрном море обычно заканчивалась. Но эта осень – особая. Еще 22 сентября (4 октября) Турция объявила войну России. И потому эскадра П. С. Нахимова держится в море. Один шторм следует за другим. Но Нахимов блокирует Синопскую гавань, где укрылась эскадра Османа-паши.

В 9 часов утра русские корабли спустили гребные суда, через полчаса на флагмане («Императрица Мария») взвился сигнал «Приготовиться к бою». Отслужили молебен, подняли на брам-стенгах андреевские флаги и под всеми парусами понеслись на Синопский рейд. Ветер был почти попутный, но шквалистый и с дождём.

¹³ Таврические ведомости. 1993. 3 декабря.

Противники

Скоро начнётся бой, а пока рассмотрим силы сторон. В глубине бухты, против города, полукругом стояли семь фрегатов, три корвета (или два корвета и шлюп), два вооружённых парохода и два транспорта. Количество орудий на них определяют по-разному – от 474 до 510. Но калибр большинства этих орудий не превышал 24-х фунтов, только 450-сильный пароход «Таиф» имел четыре 38-фунтовые и две 68-фунтовые пушки. Последние были бомбическими.

На турецкую эскадру двумя колоннами по три линейных корабля в каждой надвигалась русская. На ней стояло, не считая артиллерии двух фрегатов, находившихся вне боевой линии и почти не принимавших участия в бою, 612 орудий. Среди них – 412 пушек 36-фунтового калибра и 76 бомбических 68-фунтовых в нижних деках. При таком превосходстве в силах русский адмирал, казалось, был обречён на победу. Но на берегу, турки имели ещё шесть батарей, а на каждой по 68 орудий 13–38-фунтового калибра.

Защищённые земляными брустверами, имея ядрокалительные печи, не подверженные качке, береговые батареи того времени были страшным врагом деревянных кораблей. Так что положение турок было отнюдь не безнадёжным. Но они сделали всё, чтобы проиграть бой.

Вначале на батареях не оказалось прислуги, пароходы (второе турецкое преимущество) только приступили к разведению паров, а ядра смогли накалить только к концу дела. Турецкие корабли стояли так неудачно, что могли пользоваться поддержкой лишь четырёх батарей. Стреляли турки не метко, реже русских моряков, да и направили выстрелы в основном на рангоут, рассчитывая перебить команду, занятую уборкой парусов. Нахимов, учтя это, велел их не убирать, а взять на гитовы (т.е. подобрать паруса, не убирая их полностью – *Ред.*).

Синопское дело

В 28 минут 1-го часа, – писал П. С. Нахимов, – по первой пушке турецкого флагманского фрегата «Ауни-Аллах» открыт был огонь...». Под градом ядер и книппелей (двойные ядра, скреплённые цепью) русские корабли становились на якорь, против неприятеля.

После первых же залпов место сражения заволжилось непроницаемым дымом. На салинги послали офицеров, чтобы с этой безопасной позиции наблюдать за боем. Вот впечатления одного из них: «Я полез на марс... Сверху картина была восхитительная. Русские корабли в дыму, как в облаках, изрыгали смерть и огонь. Турки не смогли более бороться, они начинали садиться на гребные суда, спасаясь на берег; другие, расклёпывая цепи, бросались на отмели и оттуда спасались вплавь». Один за другим турецкие корабли выходили из строя, горели и взрывались. Некоторые из них подожгли свои же экипажи. (*Фото 14*)

Но не всё шло гладко. 120-пушечный «Три святителя» (командир – капитан 1-го ранга К. С. Кутров) стоял, как и другие, на шпринге (канат, заведённый с кормы на якорную цепь, с его помощью поворачивали вокруг якоря). Но шпринг перебило вражеским ядром, корабль развернуло по ветру, из-за дыма этого сначала не заметили и стали стрелять по соседу («Париж»). Но вовремя спохватились, под жестоким обстрелом завели второй якорь и заняли прежнюю позицию.

Около двух часов дня находившийся во второй линии, вне русских ядер, пароход «Таиф» наконец развёл пары. Его командир, англичанин сэр Альфред Слейд, контр-адмирал турецкой службы, уже оценил исход сражения. Искусно маневрируя, он обошёл русские корабли, прорвался сквозь огонь фрегатов и вынесся из бухты. Тут он чуть было не столкнулся с отрядом русских пароходов, идущих к Синопу под командой В. А. Корнилова, но А. Слейду крупно повезло – способного его догнать пароходо-фрегата «Владимир» среди них не оказалось. Легко оторвавшись от погони, «Таиф» понёс в Стамбул весть о разгроме.

Только батареи номер пять и шесть продержались до четырёх часов, изредка посылая калёные ядра. «Федор Михайлович Новосильский рассердился, – вспоминает мичман А. Д. Сатин, – «Париж» дал залп, и Синопский бой отошёл в историю». Отошёл, оставшись лучшей иллюстрацией к словам П. С. Нахимова из его приказа 5 (17) ноября 1853 года: «... в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика».

Русские потери равнялись 35-и убитым и 235-и раненым. Погибших турок никто не считал, но в нашей литературе обычно приводится цифра в три тысячи человек. Город Синоп сгорел от взорвавшихся у берега кораблей и случайных бомб. Около двухсот человек попало в плен, в их числе раненый и брошенный своими Осман-паша, турецкий командующий. Предположение о трёх тысячах погибших принадлежит ему, равно и печальный ответ на вопрос «почему он не взял с собой в Синоп линейных кораблей?» – «С нашими матросами было бы всё то же!»

Известие о победе в России встретили всеобщим ликованием.

Классики и современники

Зато за границей, особенно в Англии, раздался вопль негодования. На русский флот вылились потоки лжи и клеветы. Писали, что Нахимов для успеха нападения поднял на своих кораблях английские флаги, вдвое преувеличивали мощь русской эскадры, говорили о каких-то «обязательствах» не нападать на турок, будто бы данных Нахимовым и им нарушенных, и проч. В ходу был даже такой перл журналистики: убийство русским офицером пленного турка с последующим пожиранием куска его мяса!

Одним из первых принял участие в этой кампании клеветы известный своими русофобскими и славяноненавистническими взглядами Карл Маркс, назвавший Синопское сражение «... вероломной и трусливой... бойней». Советские историки, весьма смущённые этим обстоятельством, пытались объяснить высказывание классика марксизма плохой информированностью, забывая, что в Англии попадались и добросовестные газеты. Например, «Таймс» тогда же писала: «Синопское поражение даёт повод к важным заключениям о превосходстве русского флота и негодности турецкого». А «Морская и военная газета» 14 (26) января 1854 года отметила: «... безмозглые политики... ребячески осудили действия русских, упрекая их в варварстве, жестокости и бесполезном кровопролитии, как будто русские воюют без пороха и ядер...». Но К. Маркс предпочёл читать другие газеты.

Его последователи (не в смысле марксизма, а в русофобстве и искажении истории) не перевелись в Англии и в наши дни. Недавно я читал великолепно изданный в Лондоне в 1976 году «Список потерь в Крыму. 1854–1855». Книга

замечательна по бережному отношению к памяти павших: в ней даны имена, чины и места службы всех не только убитых из числа британской армии, но даже легко раненых! Но списку предшествует краткое описание Крымской войны, написанное Б. Стюартом, являющимся, судя по приведённому обширному перечню его работ, достаточно известным у себя на родине историком. И вот как он описывает Синопское сражение.

Оказывается, между русскими и турками существовало «неофициальное перемирие» и по этой причине Осман-паша совершенно не ожидал нападения. «Маленькая турецкая эскадра фрегатов, застигнутая сильным штормом, укрылась в Синопской бухте, но шесть русских линейных кораблей, каждый вооружённый 80–100 пушками, прокрались в гавань под прикрытием тумана и атаковали турецкие корабли на якорях. Через час они все были утоплены или сожжены. Уничтожив фрегаты, русские артиллеристы направили убийственный огонь на пытавшихся доплыть до берега, а их адмирал Нахимов не приказал остановить бойню, пока не погибло около 4000 турецких моряков. После чего он повернул пушки на город».

Е. Венিকেев: «Значение Черноморского флота для охраны южных рубежей стало особенно ясно при его полном отсутствии после Крымской войны (1853–1856), в которой России пришлось в одиночестве сражаться против почти всей Европы, да и Турции впридачу. Война окончилась вничью, но флот погиб в Севастополе, а новый строить запрещалось по условиям Парижского мирного договора, объявившего Чёрное море, выражаясь современным языком, демилитаризованной зоной. Россия и Турция могли содержать здесь только незначительное число кораблей для пограничной службы.

Замерла (вернее, не возрождалась) жизнь в Севастополе, который так и лежал в развалинах до конца 80-х годов – смысл его существования, Черноморский флот, больше не существовал. А как тяжело пришлось в 1877–1878 гг. при очередной войне с Турцией! Неприятель ввёл в Чёрное море из Средиземного свои, построенные в Англии, броненосцы, а мы смогли им противопоставить только спешно вооружённые пассажирские пароходы. И хотя они дрались героически, но не могли помешать туркам высаживать десанты на Кавказе и снабжать морем свои армии».

ДЕЛО «ВЕСТЫ»¹⁴

Пароход «Веста» был построен в 1858 году и в мирное время совершал регулярные рейсы между Одессой и Константинополем. Когда в 1877 году началась русско-турецкая война, на него поставили пять 6-дюймовых мортир и артиллерию меньшего калибра. Работы по вооружению парохода производились под руководством подполковника К. Д. Чернова. Он решил проверить в боевых условиях изобретение своего друга А. П. Давыдова. Это были приборы, которые

¹⁴ Используются статьи: Венিকেев Е. В. Кто же всё-таки прав в «деле «Весты»? // Таврические ведомости. 1992. № 45); Подвиг команды парохода «Веста» // Севастопольский ежегодный визит-альманах СЕВА-2008. – Севастополь: «Вебер», 2008.

автоматически производили залп из корабельных орудий в тот момент, когда они примут заранее заданный угол наклона, что было важно при волнении моря. Воспламенение зарядов и вся работа приборов обеспечивалась гальванической батареей. Наводка орудий, установленных вдоль продольной оси корабля, происходила поворотом его корпуса. Таким образом, аппараты Давыдова исключали влияние качки на меткость стрельбы.

И уже в качестве военного корабля «Веста» 11 июля встречается в море у Констанцы с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», который превосходил русский пароход в вооружении (его главный калибр составляли четыре 9-дюймовых орудия, помещённые в бронированных казематах) и в скорости хода. Бой продолжался пять с половиной часов. Палуба «Весты» была залита кровью убитых и раненых. Израненный пароход пришёл в Севастополь, где его восторженно встретило немногочисленное тогда население города.

Командующий Черноморским флотом в рапорте морскому министру писал: «Честь русского имени и честь нашего флота поддержаны вполне. Неприятель, имевший броню, сильную артиллерию, превосходство в ходе, вынужден был постыдно бежать от железного слабого парохода, вооружённого только шестидюймовыми мортирами и девятифунтовыми орудиями, но сильного геройским мужеством командира, офицеров и команды».

Весь экипаж был награждён: командир парохода орденом Святого Георгия 4-й степени, офицеры также были удостоены орденов, досрочно получили следующие чины и пожизненную пенсию, а матросы – знак Военного ордена. Убитым оказали высшую почесть – похоронили на Михайловском кладбище среди героев первой обороны.

- В 1880 году на братской могиле, в которой были похоронены 12 офицеров и матросов, установили памятник (скульптор П. О. Брукальский) в виде массивного пилона, орнаментированного орудийными стволами и ядрами.
- Несмотря на то, что Михайловское кладбище было застроено в 80-х годах прошлого столетия, монумент сохранился. (Фото 15)
- Интересно, что в городе имелся ещё один оригинальный памятник «Весте». Это была 152-мм мортира с героического парохода, установленная на Мичманском (ныне Матросском) бульваре по приказанию адмирала Н. И. Скрудлова, бывшего в 1903–1904 годах Главным командиром Черноморского флота и портов Чёрного и Каспийского морей. (Фото 16)

Как известно, Бертье-Делагард полностью отрицал факт неравного боя русского парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд», считая его вымыслом командира «Весты» Н. М. Баранова. Причины такого мнения: низкое качество 6-дюймовых мортир, которыми был вооружён пароход, и их снарядов, статья в румынской газете, написанная англичанином – командиром «Фетхи-Буленда», слухи о том, что один из офицеров «Весты» отказался от полученного за этот бой Георгиевского креста, и суд над Н. М. Барановым, с которым, однако, Александр Львович «не был знаком сколько-нибудь подробно».

Даже при таком беглом перечне аргументация учёного выглядит не очень убедительно. Вероятно, осознав это, он и не стал печатать статью. Но его авто-

ритет настолько велик, что следует подробно разобраться в этом деле, которое уже столько лет порочит память Николая Михайловича Баранова (1836–1901), объявленного в своё время национальным героем России.

Здесь не место излагать подробно его биографию. Скажем только, что в 1877 году он уже был изобретателем винтовки и револьвера, принятых на вооружение в русском флоте, и автором теории морской тактики, положения которой о роли крейсеров далеко опережали его время и были признаны намного позже.

К началу войны он состоял директором Морского музея, который «привёл... в блестящее положение». Во время войны, добровольно отправившись на Чёрное море, он достиг выдающихся успехов: кроме боя с «Фетхи-Булендом», прорвался на «Весте» мимо 11 турецких кораблей, вывозя раненых из Гагр в Новороссийск; командуя крейсером «Россия», он захватил турецкий пароход «Мерсина» – ценнейший приз, когда-либо взятый русским кораблем за всю историю войн на Чёрном море. Его производят в чин капитана первого ранга и назначают флигель-адъютантом императора. Открывается блестящая карьера.

Но завистники не дремлют: распускаются порочащие слухи (на основании статьи капитана «Фетхи-Буленда», которого, кстати, лишили командования), Баранова несправедливо лишают призовых денег, требуют возвращения старых долгов, не дают боевых наград. И, наконец, З. П. Рождественский, командовавший на «Весте» одним из орудий и впоследствии печально прославившийся при Цусиме, хотя и не возвратил свой Георгиевский крест, но напечатал статью «Броненосцы и крейсера-купцы». В ней утверждалось, что «Веста» пять с половиной часов бежала от «Фетхи-Буленда», и осуждалось нападение «России» на беззащитную «Мерсину».

Баранов обратился в морской суд, но дело не приняли. Тогда он написал морскому министру письмо для передачи Александру II, где не очень стеснялся в выражениях. Вот тогда-то его и отдали под суд «в виду помещения... оскорбительных для высшего военно-морского начальства... выражений».

В «Кронштадтском вестнике» за 1879 и 1880 годы помещены подробные отчёты о процессе. Опрошенные свидетели – члены экипажа «Весты»: князь Е. Голицын-Головкин, переводчик Свиropуло и врач Ф. Франковский в один голос свидетельствовали о правильном описании Барановым дела «Весты» и его мужестве в бою. Защитник, присяжный поверенный Хартуляри, ссылался на решение турецкого военного суда по делу командира «Фетхи-Буленда», подтвердившего факт бегства броненосца от «Весты» и полученные им повреждения.

В результате прокурор Никифоров даже не пытался подвергнуть сомнению истинность дела «Весты», а сосредоточился на обвинении в оскорбительных выражениях. В написании таковых Баранов был признан виновным, за что и был уволен из флота.

Но без такого незаурядного человека обойтись было трудно. Поступив в пешую артиллерию, он скоро назначается губернатором города Ковно, а в 1881 году, после убийства народниками Александра II Баранов становится Санкт-Петербургским градоначальником, затем архангельским и (в 1882 году) нижегородским губернатором. Умер членом правительствующего Сената. В 1909 году его именем назван эскадренный миноносец Черноморского флота.

Е. Веникеев: «Огромную (но сравнительно малоизвестную) работу проделал Черноморский флот в Первую мировую войну. Не его вина, что революция свела эти усилия к нулю и Россия не смогла воспользоваться плодами победы – владением проливами, естественной цели русской политики, которой она добивалась в течение последних двух веков. Напрасны оказались погони за «Гебеном», блокада турецкого побережья, бомбардировки фортов Босфора, многочисленные десанты, позволившие русской армии продвинуться от Батуми до Трабзонда».

ПО «ГЕБЕНУ» – ОГОНЬ!¹⁵

До недавнего времени о Первой мировой войне у нас писать не любили, молчаливо тем самым давая понять, что ничего значительного тогда русская армия и флот не совершили. Да что они и могли совершить при проклятом царском режиме! История начиналась с 1917 года.

А чем же занимался, скажем, Черноморский флот три военных года, с 1914-го по 1917-й? С августа 1914 года уже сражался Балтийский флот, дрались на австрийском и германском фронтах, а на черноморском театре ещё три месяца царил тишина – Турция оставалась нейтральной. Ещё бы – Черноморский флот по своей мощи превосходил турецкий. Но положение изменилось с приходом в Стамбул «Гебена» и «Бреслау».

Линейный крейсер «Гебен» и лёгкий крейсер «Бреслау» (оба построены в 1911 году) с конца октября 1912 года составляли немецкую «дивизию Средиземного моря» под командованием контр-адмирала Сушона. Военные действия эти корабли (русские моряки называли их – «дядя» и «племянник» – *Ред.*) начали 21 июля 1914 года обстрелом одного из французских средиземноморских портов, а на следующий день получили приказ идти в Константинополь. 28 июля им удалось прорваться в Дарданеллы после небольшой перестрелки с английскими кораблями.

3 августа «Гебен» и «Бреслау» подошли к Константинополю, подняв турецкие флаги. Ещё 30 июля была оформлена фальшивая покупка их в Германии, иначе при нейтралитете Турции корабли подлежали интернированию до конца войны. Они даже получили турецкие имена «Явуз-Султан-Селим» («Гебен») и «Мидилли» («Бреслау»). Экипажам велели надеть турецкие фески.

«Гебен» имел водоизмещение 23 тысячи тонн, его проектная скорость равнялась 29 узлам, но из-за постоянных неполадок в машине он развивал 24–26 узлов, однако и это было намного больше, чем скорость самых быстроходных крупных кораблей Черноморского флота. Он имел десять 11-дюймовых орудий, двенадцать 6-дюймовых, четыре торпедных аппарата. Бронирование по борту равнялось восьми дюймам, экипаж состоял из 1 013 человек. «Морской сборник» характеризовал «Гебен», как «...один из самых могучих крейсеров-дредноутов Европы». «Бреслау» при водоизмещении в 4 450 тонн развивал скорость в 27,6 узла, был вооружён двенадцатью 4-дюймовыми орудиями и двумя минными аппаратами. Экипаж – 370 человек.

¹⁵ Флаг Родины. 1992. 9 июля.

Сушон и турецкий военный министр Энвер-ходжа решили напасть на корабли Черноморского флота неожиданно до объявления войны. Ещё 9 октября 1914 года министр отдал секретный приказ: «Турецкий флот должен добиться господства на Чёрном море. Найдите русский флот и атакуйте его без объявления войны...»

16 октября 1914 года рано утром «Гебен» под командованием капитана 1-го ранга Аккермана приблизился к Севастополю со стороны мыса Лукулл. Около пяти часов крейсер остановился на расстоянии семи миль от входа в бухту и выслал вперед сопровождавшие его турецкие миноносцы «Ташос» и «Самсун» для траления (впоследствии выяснилось, что в своём движении «Гебен» прошёл по краю минного поля, которое было в то время отключено: взрыватели на минах были электрические и включались с берега).

Двигаясь за миноносцами, «Гебен» в 6 часов 33 минуты открыл огонь по батареям и рейду из 11-дюймовых орудий. Два снаряда попали в батареи, один – в морской госпиталь. Этот снаряд убил и ранил нескольких человек – первые жертвы войны с Турцией. Остальные снаряды упали в бухту. Всего крейсер сделал около 30 выстрелов (на самом деле за 17 минут крейсер произвёл 59 выстрелов – *Ред.*).

По немецким данным, береговые батареи начали стрелять по «Гебену» в 6 часов 28 минут, на пять минут раньше него. Внезапности удара, на которой строился весь расчёт, таким образом, не получилось. Это произошло потому, что в Севастополе было принято по радио сообщение о нападении в 3 часа утра двух турецких миноносцев на Одесский порт.

- Кроме береговых батарей огонь по «Гебену» вёл брандвахтенный линейный корабль «Георгий Победоносец». Другие российские корабли не имели возможности вести огонь из глубины бухты. В ходе боя, который длился 22 минуты, береговыми батареями было выпущено около 300 снарядов. Командир одной из батарей, штабс-капитан А. Миронович, за отличную стрельбу был награждён орденом Святого Георгия 4-й ст.¹⁶

В 1916 году в Берлине вышла книга одного из офицеров «Гебена», по поводу которой «Морской сборник» писал: «Читая эти восторженные дифирамбы немца по своему собственному адресу, не знаешь, чему больше удивляться: его ли наглости, или бесконечной наивности, граничащей с глупостью». Но даже справедливо характеризованный таким образом автор не смог скрыть ощущение, испытанных под обстрелом береговых батарей Севастополя: «Русский огонь принимает чудовищные размеры... Вокруг «Гебена» стоит стена из водяных столбов от падающих в воду снарядов. Корабль накрыт. Никогда до этого и никогда после этого ему не приходилось переносить такого огня. Большая 12-дюймовая башня, в готовности которой мы не были уверены, послала свои жуткие чемоданы. Да, теперь немцы знают, что башня готова! Попало только

¹⁶ Крестьянников В. В. Боевые действия Черноморского флота в северо-западной части Чёрного моря в 1914-1917 годах // Севастополь: взгляд в прошлое (научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя). – Севастополь, 2006. – С. 160.

три (снаряда – *Е. В.*), все в заднюю трубу... палуба усеяна осколками, железо выбоинами, доски вырваны».

Один из котлов «Гебена» вышел из строя, крейсер поспешил покинуть зону русского огня. Но теперь он столкнулся с дежурным дивизионом эсминцев. «Лейтенант Пушин», «Живучий» и «Жаркий» бросились в атаку. Нападать после наступления рассвета было безумно смелым делом, миноносцы всегда атаковали в темноте. «Лейтенант Пушин» шёл впереди...

Остановимся на минуту и скажем несколько слов об этом героическом корабле с трагической и забытой судьбой. Миноносец третьего ранга «Задорный» построили в 1904 году, через два года его перевели в класс эскадренных миноносцев и назвали именем героя русско-турецкой войны 1877–1878 годов. К моменту атаки на «Гебен» «Лейтенант Пушин», как и другие эсминцы дежурного дивизиона, уже основательно устарел. Две его паровые турбины мощностью 5 500 лошадиных сил могли разогнать корабль только до 26 узлов. Вооружением ему служило одно 75-мм орудие, пять 47-мм и три торпедных аппарата. Бронирование отсутствовало.

Вот он выжимает всё возможное из своих турбин, мчится вперёд, зарываясь в воду 64-метровым корпусом, выбрасывая клубы серого дыма из четырёх труб, обеспечивающих работу такого же числа котлов. Эсминец пытается подойти к громаде линейного крейсера на расстояние торпедного залпа.

Но он не успел – четвёртый залп «Гебена» из 6-дюймовых орудий дал прямое попадание. Один снаряд разорвался под мостиком, второй – на палубе. Начался пожар, было убито семь, ранено одиннадцать членов экипажа. Миноносцы были вынуждены отвернуть и выйти из зоны огня.

В моих руках интересный документ – воспоминания недавно умершего севастопольского старожила Г. К. Александрова. Он родился в 1894 году и, конечно, хорошо помнил атаку эсминцев на «Гебен». Вот что он пишет: «Командовал дивизионом (эсминцев – *Е. В.*) капитан 1-го ранга князь Трубецкой... Увидев «Гебен», Трубецкой по телефону из Евпатории попросил у главного командира адмирала Эбенгарда разрешения атаковать (очевидно, разговор состоялся ночью, когда крейсер проходил мимо Евпатории, ещё до того, как в Севастополе приняли радиogramму о нападении на Одессу). Тот запретил это делать... Видя и слыша, что «Гебен» начал боевые действия, Трубецкой вопреки приказу Эбенгарда¹⁷ отдал приказ по дивизиону идти в атаку...

За невыполнение приказа (главного командира) ограничились выговором, а за подвиг и храбрость Трубецкой был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. Нетрудно понять, что пережил, что передумал Трубецкой в те минуты, когда сделал свой выбор – принял решение. Какой великолепный пример готовности выполнить свой долг чего бы это ни стало!»

Погибшие в этой героической атаке были похоронены на Михайловском кладбище в Севастополе, неподалеку от героев «Весты» – парохода, прославившегося в 1877 году своим пятичасовым боем с турецким броненосцем. К сожалению, кладбище ныне застроено жилыми домами. Прах павших вместе с па-

¹⁷ За неэффективные действия против германских кораблей адмирал А. А. Эбенгард получил прозвище «Гебенгард» – «охранник «Гебена». – *Ред.*

мятником перенесён на Братское кладбище 1854–1855 годов. Эпитафия на нём гласит: «Памяти нижних чинов эскадренного миноносца «Лейтенант Пуштин», доблестно павших в бою во время атаки 3 миноносцев 4-го дивизиона на германо-турецкий крейсер «Гебен», в 7 часов утра 16 октября 1914 года. Убиты и покоятся здесь: кочегар 2-й статьи Никифор Цуркан, сигнальщик Адольф Велижинский, матрос 1-й статьи Леонтий Литвинов, матрос 1-й статьи Иван Баран, матрос 2-й статьи Карп Щербина. Пропали без вести (утонули) сигн. боцман-мат Кондрат Данюк, матрос 1-й статьи Поликарп Пустовит».

Похоже, «Лейтенант Пуштин» вступил в строй Черноморского флота под несчастливой звездой, так как его дальнейшая судьба была трагична. 25 февраля 1916 года он подорвался на mine близ Варны и быстро затонул. Из экипажа в 60 человек спаслись только 15.

Отходя от Севастополя, «Гебен» натолкнулся в море на невооружённый русский военный транспорт «Прут». Этот корабль не смог оказать сопротивления врагу. Обстрелянный крейсером, он открыл кингстоны и затонул. «Прут» скрылся под водой, подняв на стенах Андреевские флаги.

Этот эпизод Первой мировой войны вошёл в историю Черноморского флота. Минный заградитель «Прут» (командир – капитан 2-го ранга Г. А. Быков) не мог оказать достойное сопротивление «Гебену». На его борту находилось более трёхсот человек (экипаж и батальон пехоты, который следовал из Ялты в Севастополь) и семьсот морских мин. А снаряды с малых пушек заградителя даже не долетали до немецкого крейсера. Командир «Прута» принял решение затопить корабль и направил его к берегу. «Гебен» открыл по нему огонь. На минзаге начался пожар, был разбит полубак. Желая ускорить затопление, Г. А. Быков приказал произвести подрыв днища, но мины не сдетонировали. «Гебен» вскоре ушёл в сторону мыса Сарыч, поручив добывать русский корабль турецким миноносцам «Самсун» и «Ташос», которые продолжали обстрел горящего «Прута».

Через час минзаг встал почти вертикально и с развевающимися на мачтах флагами затонул в 10 милях к западу от мыса Фиолент. Фактически он повторил подвиг легендарного крейсера «Варяг», который погиб, но не спустил флаг. С нижней ступеньки трапа моряков до последнего благословлял корабельный священник, 70-летний иеромонах Антоний. Личный состав корабля пытался спастись на шлюпках, койках и спасательных поясах. Турки взяли в плен трёх офицеров и 69 матросов. На место затопления «Прута» пришла из Балаклавы подводная лодка «Судак». Она подняла из воды трёх офицеров и 199 матросов и позже передала их на борт госпитального судна. В бою погибли лейтенант Рогузский, мичман Смирнов, иеромонах Антоний, боцман Калюжный и 25 матросов¹⁸.

29 октября 2024 года у храма Николая Чудотворца в микрорайоне Камышовая бухта был открыт памятник иеромонаху Антонию. За свой подвиг он был посмертно награждён орденом Св. Георгия 4-й ст., став единственным из военных и флотских священников Севастополя, удостоенным в годы Первой мировой войны этой награды.

¹⁸ Илларионов В. Подвиг минного заградителя «Прут» у мыса Херсонес // Слава Севастополя. 2017. 27 апреля.

Е. Веникеев: «31 октября Россия официально объявила войну Турции, а 12 ноября, уже в ходе боевых действий, Турция объявила войну странам Антанты. За весь период активных действий на Чёрном море крейсера «Гебен» и «Бреслау» 15 раз встречались с русскими линейными броненосцами и линкорами, из них 12 раз входили в боевое соприкосновение, но каждый раз, используя преимущество в ходе, уходили от преследования. Дерзкие рейды «Гебена» и «Бреслау» прекратились лишь во второй половине 1916 года, когда новый командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак путём постановки двух тысяч мин заблокировал Босфор. На них и напоролась оба германских корабля¹⁹.

После 1920 года на Чёрном море опять наступило время «без флота». Он ушёл за границу вместе с законным правительством. Но новые правители России, превратившейся в СССР, прекрасно поняли его необходимость. И поэтому к началу следующей войны флот уже был воссоздан.

Эта война, именуемая Великой Отечественной, была на Чёрном море самой, если можно так выразиться, оригинальной за всю историю. В ней не участвовала Турция. Основным событием войны явилась героическая оборона Севастополя. Смог бы город держаться так долго без флота? Без сомнения, он пал если не в первые дни осады, то, наверняка во время декабрьского приступа. Тогда корабли доставили в город 79-ю морскую стрелковую бригаду и 345-ю стрелковую дивизию, не говоря уже о десанте на Керченский полуостров, сыгравшем решающее значение в прекращении штурма. Без Черноморского флота мы не смогли бы остановить немецкое наступление на Кавказ, затем вернуть захваченное побережье, пересечь Керченский пролив и развивать наступление дальше на запад.

¹⁹ Судьба «Гебена» весьма интересна. После ремонта он с ноября 1918 г. вновь в составе турецкого флота, на этот раз под именем «Султан Селим Грозный». До 1950 г. являлся флагманом военно-морского флота Турции. В 1973 г. был разрезан на металл после того, как Германия отказалась выкупить его и превратить в музей. Считается, что «Гебен» оставался на активной службе дольше, чем любой другой корабль дредноутного типа в мире. – Ред.

ПЕРВАЯ ОБОРОНА И ЕЁ ГЕРОИ

«В первых числах сентября 1854 года, – писал Е. В. Веникеев в путеводителе «Севастопольские маршруты», – армии Англии, Франции и Турции высадились севернее Севастополя и двинулись к городу. 13 сентября началась знаменитая «севастопольская страда» – 349-дневная оборона города... Высокий ратный дух, самоотверженность, отвага, проявленные русскими воинами, были по достоинству оценены уже современниками. Историк М. И. Богданович писал: «Да будут же примером грядущим поколениям русского народа известные и неизвестные герои севастопольской обороны...».

ВДОЛЬ ЛИНИИ БАСТИОНОВ²⁰

Система обороны начиналась **первым бастионом**, расположенном на мысообразной возвышенности, образованной над Южной бухтой пересечением берегов Ушаковой балки и Килен-бухты (улица 1-я Бастионная – *Ред.*). Строительные работы продвигались крайне медленно. К 1854 году бастиона фактически не существовало. На предусмотренном проекте месте успели соорудить каменную казарму (она сохранилась), а из укреплений возвели только земляную батарею для четырёх орудий. (*Фото 17*)

Когда возникла реальная угроза штурма города с суши, на укреплениях развернулись активные работы. Ими руководил инженер-полковник Э. И. Тотлебен, который писал впоследствии: «Любовь к отечеству проявилась в полном своём наличии, по всему Севастополю закипела неимоверная деятельность». Строился, вооружался корабельными пушками и первый бастион, входивший в четвёртую дистанцию оборонительной линии, которой командовал контр-адмирал В. И. Истомина (в конце мая 1855 года первый и второй бастионы были выведены в самостоятельную пятую дистанцию, ею командовал капитан 1-го ранга Перелешин 2-й).

В первый период осады города первый бастион играл вспомогательную роль – основные усилия враг направил на четвёртый бастион. В конце января

²⁰ В 1982–1983 годах в газете «Флаг Родины» Е. В. Веникеев публикует небольшие очерки о бастионах первой обороны Севастополя. Собранные вместе, они выглядят как путеводитель по оборонительной линии осаждённого города.

1855 года, когда противник стремился захватить Малахов курган и прилегающие укрепления Корабельной стороны, этот бастион тоже оказался не у дел. Защитники города, отразив атаки врага, перешли в наступление и создали перед ним на Киленбалочном плато Селенгинский и Волинский редуты, а перед Малаховым курганом – Камчатский люнет. Тем самым оборонительная линия выдвинулась далеко вперёд, и бастион оказался почти в тылу.

Но 26 мая 1855 года неприятелю удалось захватить передовые укрепления, и он вышел непосредственно к крепостной стене. На рассвете 5 июня началась бомбардировка укреплений Корабельной стороны, а на следующий день французы бросились на штурм первого и второго бастионов. Их защитники встретили врага картечным огнём. Штурм был отбит. Неудачной оказалась и вторая попытка неприятеля овладеть укреплениями.

Во время последнего штурма 27 августа 1855 года французы не пытались атаковать первый бастион, они рассчитывали взять его с тыла, захватив второй, который неоднократно и ожесточённо атаковали. Однажды они даже захватили это укрепление, но были выбиты. После оставления русскими войсками южной части города бастион взорвали.

К пятидесятилетию первой обороны в Севастополе проводились большие работы по увековечиванию памяти героической эпопеи. На территории первого бастиона создан небольшой уютный скверик с памятником в центре. На краю обрыва к бухте в 1905 году был сооружён павильон-ротонда с колоннадой. (*Фото 18*)

Во время Великой Отечественной войны ротонда была разрушена, к 1958 году восстановлены парапетная стенка и базы колонн. В центре павильона сохранился так называемый ориентировочный столик из гранита. По мысли автора, посетители бастиона должны были расстилать на столе планы окрестностей, ставить подзорные трубы и т.д.²¹ Из ротонды открывается широкая перспектива Севастопольской бухты с Инкерманскими высотами вдаль. На Северной стороне ясно виден зелёный холм Братского кладбища, где покоятся многие защитники первого бастиона.

Второй бастион находился недалеко от первого, на небольшом холме, круто обрывающемся в Килен-балку (на пересечении улиц 2-я Бастионная и Адмирала Макарова – *Ред.*). В первоначальных проектах он даже не имел своего номера, а, вероятно, рассматривался, как часть первого. Так, на «Генеральном плане города Севастополя с показанием высочайше утверждённого проекта укреплений...» (1840 г.) под номером вторым значится бастион на Малаховом кургане. Но к моменту высадки англо-франко-турецких войск в Крыму командование оценило самостоятельное значение бастиона, и он уже имел отдельный номер. К сожалению, кроме номера, он получил немного. По свидетельству Э. И. Тотлебена, на 2 сентября 1854 года, когда неприятель уже высаживал-

²¹ Всего было установлено три ориентировочных столика. Второй находился на разрушенном ярусе оборонительной башни Корниловского бастиона на Малаховом кургане. Третий – на люнете Белкина (на нынешнем кладбище Коммунаров). На каждом столике была высечена карта с частью оборонительной линии, соответствовавшей данной местности. – *Ред.*

ся, на месте второго бастиона находилась только полевая батарея из 6 орудий. К строительству каменной оборонительной казармы, положенной здесь по проекту, даже не приступали.

Всё пришлось создавать уже тогда, когда началась осада города. Как известно, почти все укрепления Севастополя были земляными, они сравнительно легко создавались, но и ядра врага могли срыть брустверы и валы почти до основания. Их непрерывно приходилось восстанавливать, закладывая разрушенные участки мешками и корзинами с землей, сооружать новые траверзы и валы, чтобы защищать гарнизон от всё усиливающегося огня неприятеля.

Всё это выполнялось и на втором бастионе, хотя на нём в первый период осады было несколько поспокойнее. До января 1855 года французы направляли свои усилия, в основном, на четвёртый, а англичане – на третий бастион и Малахов курган. В феврале были сооружены передовые русские укрепления на Киленбалочном плато, и бастион оказался во второй линии обороны. Но после падения 26 мая 1855 года передовых укреплений роль второго бастиона стала чрезвычайно важной.

5 мая 1855 года весь день англичане и французы яростно обстреливали укрепления Корабельной стороны. В ночь на 6 мая подпоручик Брянского полка Хрущов сообщил, что в Килен-балке собираются вражеские войска. На бастионе приготовились к отражению штурма. Около трёх часов утра французы бросились на первый и второй бастионы, но их уже ждали. Наступавшие попали под перекрёстный огонь с бастионов и пароходов, вошедших в Килен-бухту, и отступили с большими потерями. Пополнившись резервами, они снова двинулись на 1-й и 2-й бастионы и снова были отброшены назад. Но на этом попытки взять бастион не окончились. Начался общий штурм всей Корабельной стороны от Пересыпи (где сейчас железнодорожный вокзал) до второго бастиона. Ещё четыре раза французы пытались штурмовать правый фас бастиона и куртину между ним и Малаховым курганом. Один раз им удалось даже спуститься в ров перед куртиной, но при попытке подняться на бруствер их встречали штыками солдаты Суздальского полка. 5 августа неприятель начал шестое бомбардирование Севастополя, продолжавшееся до 24 августа. По второму бастиону стреляло более 70 французских орудий, он был почти полностью разбит. Были уничтожены траверзы, разрушены блиндажи и погреба.

К 24 августа бомбардировка несколько ослабла, но утром этого дня опять усилилась и достигла невиданной силы. Это было последнее бомбардирование, предшествующее штурму. Больше всего от него пострадал второй бастион, который и так был разрушен. Его бруствер был почти срыт, и даже ров в нескольких местах засыпан. Только ночью на укрепления могли доставлять пищу и воду. Но дух гарнизона не был сломлен. Как писал историк И. Протопопов, «уже разрушены были укрепления, но ещё стояли неизбежно живые стены его защитников».

27 августа в полдень начался штурм, 2-й бастион атаковала дивизия в составе пяти тысяч человек. Французы ворвались на бастион и стали заклёпывать орудия. Но подоспевшие резервы выбили их, а огонь из двух незаклёпанных единорогов довершил разгром. Вскоре был ликвидирован и прорыв неприятеля на Корабельную сторону через куртину у Малахова кургана. Последовал новый

штурм, нападавшим удалось ворваться на бастион. Но снова они были отбиты. Третий штурм закончился штыковым боем на бруствере бастиона. Французы опять потерпели поражение и окончательно отступили. Свидетели сражения вспоминали, что никогда не видели на таком небольшом участке столько убитых и раненых. 18 тысяч штыков против 7 тысяч русских ввёл неприятель в дело у второго бастиона за три часа боя. В связи с падением Малахова кургана был отдан приказ об оставлении Южной стороны Севастополя. Бастион взорвали и привели в негодность его орудия.

В 1905 году, к пятидесятилетию обороны на этом месте разбили сквер и поставили памятник из гранитных глыб. По контуру бастиона и вдоль куртин, соединявших его с соседними укреплениями, были сооружены мемориальные стенки. На вделанных в них чугунных досках начертаны названия полков, сражавшихся здесь. Во время Великой Отечественной войны эти сооружения сильно пострадали. К 1958 году был восстановлен памятник 2-му бастиону, а сейчас, к 200-летию Севастополя, начата реставрация мемориальных стен. (Фото 19)

Малахов курган – господствующая высота на Корабельной стороне Севастополя. Именно поэтому он был выбран для постройки одного из бастионов. Первоначально на нём предполагалось соорудить такую же каменную казарму, как и на других бастионах (из них сохранилась лишь построенная на первом), но в 1854 году от этого отказались, и на Малаховом кургане возвели только двухъярусную каменную башню (автор проекта – капитан Ф. А. Старченко), оконченную в июне того же года. Пять 18-фунтовых орудий, стоявших на верхней площадке башни, были единственными пушками, защищавшими бастион в момент высадки вражеских армий в Крыму.

ЧАСОВНЯ НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ²²

В «Путеводителе по Крыму» Григория Москвича читаем (цитирую по изданию 1914 года): «На Малаховом кургане восстановлено существовавшее здесь военное подземелье с часовней». Последняя, следовательно, находилась внутри оборонительной башни кургана, сооружённой ещё в 1854 году по проекту военного инженера Ф. А. Старченко и полуразрушенной во время первой обороны. Башня вместе с часовней восстановлена к 50-летию Крымской войны. Часовню освятили 27 сентября 1905 года. Она реставрирована по проекту архитектора А. М. Вейзена.

Часовня не являлась отдельно стоящим зданием, а только частью интерьера башни. Её, вероятно, уничтожили в 20-х годах, вскоре после установления Советской власти в Севастополе. При реконструкции башни, снова разрушенной в последнюю войну (1963 г., авторы проекта: архитектор Ю. Н. Белькович и инженер Л. П. Храмов) речь о восстановлении часовни даже не возникала. Её изображение пока не обнаружено.

²² Таврические ведомости. 1993. 17 декабря.

Когда 13 (25) сентября выяснилось намерение англо-французских войск атаковать не северную, а южную сторону Севастополя, то в спешном порядке приступили к строительству укреплений, на которых трудилось около шести тысяч рабочих. Под руководством контр-адмирала В. И. Истомина, назначенного командиром 4-й дистанции оборонительной линии, 14 (26) сентября на Малаховом кургане началось сооружение батарей, на которых устанавливались морские орудия. К 5 (17) октября, когда неприятель начал первую бомбардировку Севастополя, бастион уже успешно отвечал на огонь английских батарей, расположенных на Воронцовой горе и Микрюковой высоте. Английские артиллеристы целились, естественно, в самый заметный предмет на кургане – в башню, которая и пострадала больше всего: её верхний этаж был совершенно разрушен. В этот день на бастионе был смертельно ранен руководитель обороны города вице-адмирал В. А. Корнилов. 12 (24) октября укрепление было названо в его честь **Корниловским бастионом**.

С января 1855 года Малахов курган стал объектом главной атаки вражеских войск, но защитники Севастополя сами перешли в наступление. В ночь с 25 на 27 февраля на высоте Кривая пятка (Зелёный холм) перед Малаховым курганом был заложен Камчатский люнет, прикрывший Корниловский бастион. Теперь для того, чтобы подойти к кургану, осаждавшим следовало взять люнет. Это удалось им только 26 мая (7 июня), но назначенный на 6 (18) июня общий штурм Севастополя окончился полным провалом. Прорыв на Корабельную сторону (французам удалось взять батарею Жерве у подножия Малахова кургана) был ликвидирован генералом С. А. Хрулёвым, лично возглавившим контратаку.

ПАМЯТНИК КАМЧАТСКОМУ ЛЮНЕТУ²³

Этот памятник был воздвигнут в центре люнета, на вершине занимаемого им Зелёного холма (он же Кривая пятка), у пересечения современных улиц Паршина и Горпищенко в Севастополе. Люнет заложен в ночь с 26 на 27 февраля 1855 года и являлся наиболее выдвинутым в сторону неприятеля русским укреплением. Подвергался непрерывному ожесточённому артиллерийскому обстрелу, вокруг него неоднократно происходили кровопролитные сражения. Наконец, 26 мая 1855 года французам удалось его захватить.

Первоначальный проект памятника решён авторским коллективом в составе А. М. Вейзена, Н. Ф. Еранцева и Г. П. Долина (1901 г.), затем к 8 мая 1902 года в Петербурге архитектор В. Погонкин переработал его, после чего чертежи вернули для исполнения в Севастополь. Здесь инженер-полковник О. И. Энберг выполнил рабочие чертежи и проект благоустройства территории люнета, после чего появилась резолюция: «Его Императорское Величество изволил утвердить к исполнению, 27 июня 1903 года». Вероятно, к строительству приступили немедленно, так как уже 17 июня следующего года было доложено о полном его окончании.

²³ Таврические ведомости. 1993. № 14.

Он состоял из одиннадцатиметрового чугунного шпиля, увенчанного медной, с позолотой, пылающей бомбой, установленного на массивном шестиметровом постаменте, выполненном из бута и облицованного светло-серым гранитом. Значительные размеры сооружения (общая высота более 18 метров) потребовали устройства мощного трехступенчатого бутового фундамента шириной по подошве до восьми метров. (Фото 20)

По воспоминаниям старожилов, памятник существовал до 1941 года. По-видимому, он был взорван, так как демаскировал устроенную на холме советскую зенитную батарею. Главный архитектор Севморзавода Э. В. Кекушев, ныне покойный, в начале 80-х годов неоднократно предлагал восстановить монумент, но никаких мер в этом направлении предпринято не было²⁴.

Малахов курган был очень опасным местом. Кроме В. А. Корнилова, на нём был смертельно ранен П. С. Нахимов, между курганом и Камчатским люнетом – убит В. И. Истомин, не говоря уже о тысячах солдат и офицеров.

ПАМЯТНИК В. А. КОРНИЛОВУ²⁵

Владимир Алексеевич Корнилов очень много сделал для развития Черноморского флота, начальником штаба которого состоял с 1849 года, фактически руководил первым этапом обороны Севастополя. Смертельно раненый на Малаховом кургане, он в тот же день умер.

Николай I распорядился заказать известному скульптору И. П. Витали памятнику Корнилову, а бастион Малахова кургана назвать Корниловским. В последующие годы монумент проектировали Н. С. Пименов, а также А. М. Вейзен, Н. Ф. Еранцев и Г. П. Долин. Но к исполнению был избран проект А. А. Бильдерлинга и И. Н. Шредера.

Сооружение памятника начали в 1893 году. 5 (17) октября 1895 года, в годовщину гибели адмирала, состоялось открытие. Авторы нашли новое и необычное решение. Пробитый ядрами постамент изображал часть укреплений Малахова кургана. На нём – фигура раненого адмирала. Опёршись на левую руку, правой он указывает на город: «Отстаивайте же Севастополь!». Эти предсмертные слова В. А. Корнилова высечены на постаменте. Там же перечень судов, которыми он командовал, и морских сражений, в которых участвовал. Ниже – фигура другого известного героя обороны квартирмейстера П. М. Кошки. Он стоит с ядром в руках, готовясь вложить его в жерло орудия, мстя за своего командира. (Фото 21)

Композиция памятника своеобразна по выразительности и трогательности сюжета, отличается лаконизмом и пафосом самопожертвования во имя Родины. Во время второй обороны при невыясненных обстоятельствах монумент был

²⁴ Идея восстановить памятник по чертежам О. И. Энберга до сих пор существует. Есть проект, разработанный севастопольским архитектором А. Л. Шеффером. А рабочие чертежи постаменты выполнил Е. В. Веникеев ещё в 1981 году. – *Ред.*

²⁵ Таврические ведомости. 1993. № 29.

уничтожен, восстановлен в 1983 году, к 200-летию Севастополя. Авторы проекта реставрации: архитектор-художник В. Г. Гнездилов и народный художник СССР М. К. Вронский.

Но новый памятник не является копией старого. Все его измерения увеличены на 10–15 процентов, есть разночтения в текстах, иначе выполнено благоустройство. Площадку перед монументом, некогда мощёную камнем, заасфальтировали, грубовато исполнены фонари, плохо стилизованные «под старину».

Особенно кровопролитная битва разгорелась за бастион 27 августа (8 сентября) – в день последнего штурма. К тому времени французские траншеи находились всего в 25 метрах от рва укрепления. Для штурма была назначена дивизия Мак-Магона (более 9 тысяч человек). Гарнизон кургана насчитывал около 2 300 человек. После яростного рукопашного боя защитники вынуждены были отойти, но часть из них осталась на кургане и отстреливалась из блиндажей. Сорок солдат Модлинского полка и три офицера несколько часов держались на башне, пока не израсходовали все патроны.

До вечера (штурм начался в полдень) продолжались попытки вернуть курган. Контратаки были прекращены только по приказанию главнокомандующего Крымской армией М. Д. Горчакова, лично прибывшего к подножию Малахова кургана.

ПАМЯТНИК НА МАЛАХОВОМ КУРГАНЕ²⁶

Малахов курган в Севастополе – место яростных сражений в дни первой и второй героических оборон города. Сейчас это комплексный памятник, включающий в себя 16 монументов и мемориальных обозначений. Один из них, известный в литературе прошлого века как «франко-русская могила», воздвигнут на площади, куда приводит протяжённая лестница, поднимающаяся к вершине кургана от центрального входа. На высоком постаменте из белого мрамора установлен чёрный мраморный столб, несущий на себе беломраморный крест. На стороне памятника, обращённой к площади, помещены изображение песочных часов с крыльями (символ быстротекущего времени) и текст: «Памяти воинов русских и французских, павших на Малаховом кургане при защите и нападении 27 августа 1855 г.». Так как это единственный в таком роде памятник в Севастополе, то мне захотелось узнать его историю. Она довольно интересна.

Частично её проясняет вторая надпись, помещённая на противоположной стороне пьедестала. Там значится: «Воздвигнут на месте поставленного французами...». А дальше идёт на французском языке дата – 8 сентября 1855 год и четверостишие. В подстрочном переводе А. П. Валуевой (Мунт) эти стихи неизвестного французского поэта звучат так:

*Их вдохновляла победа
И соединила смерть.
Такова слава солдата,
Такова судьба храбреца.*

Разница в датах французской и русской надписей объясняется несопадением календарей по-старому (принятому в то время в России) и новому (по которому уже жила Европа) стилям, составляющая для XIX века 12 дней.

В полдень того рокового дня французские войска без выстрела бросились на укрепление Корниловского бастиона. Их траншеи отстояли от полузасыпанного рва бастиона местами всего на 25 метров. Неприятель быстро преодолел это расстояние и ворвался на курган. Здесь закипел ожесточённый бой, но большое численное превосходство (французы соорудили мост через ров, и их подкрепления под звуки военного оркестра – музыканты стояли под мостом – потоком текли на бастион) позволило вытеснить оставшихся в живых защитников. Но на этом битва не прекратилась, до самого вечера русские войска снова и снова штурмовали курган. Если с фронта ров бастиона был полузасыпан, то с тыла он сохранился в целости. Укрываясь за рвом и валом, французы могли успешно отражать русские атаки. На место битвы прибыл сам главнокомандующий Крымской армией М. Д. Горчаков. Осмотрев поле боя (рядом с ним был убит адъютант), он приказал прекратить атаки и вообще оставить Южную сторону Севастополя. Это было последним событием 349-дневной обороны, потрясшей мир.

Сотни убитых в синих мундирах и серых шинелях лежали на бастионе и рядом с ним. Французы похоронили их в огромной могиле, под которую использовали часть рва бастиона. Похоронили вместе – их «соединила смерть». В феврале 1856 года был заключён мир. Русские офицеры видели деревянный крест на общей могиле, читали начертанные здесь стихи, но никто нигде не упоминает имя их автора. Оно до сих пор неизвестно.

Шли годы, крест ветшал и мог развалиться. В 1872 году на его месте соорудили мраморный памятник. Он простоял ровно семьдесят лет. 29 июня 1942 года на кургане снова закипел бой. Фашисты захватили уже почти всю Корабельную сторону, но на месте Корниловского бастиона ещё держались бойцы батареи старшего лейтенанта А. П. Матюхина. Наконец кончились снаряды, немногие, оставшиеся в живых батарейцы взорвали орудия и покинули курган. В этот день, вероятно, и был превращён в обломки памятник на франко-русской могиле. В 1959 году монумент восстановлен по проекту севастопольского архитектора А. Л. Шеффера. (Фото 22)

Этот оригинальный памятник до сих пор возвышается в центре Малахова кургана как свидетельство чувства уважения, с которым относились к своим русским противникам французские солдаты, отправленные на бессмысленную бойню императором-авантюристом Наполеоном III.

- История восстановления памятника даже более интересна, чем история его создания. После войны городские власти восстанавливать обелиск не собирались. И тогда севастопольский архитектор А. Л. Шеффер

²⁶ Флаг Родины. 1986. 9 июля.

- в конце 1950-х годов воспользовавшись предстоящим визитом во Францию
- Генерального секретаря КПСС Н. С. Хрущёва, написал ему письмо об исторической значимости мемориала, которое заканчивалось словами: «...русский и французский народы должны сделать всё, чтобы никогда снова не стать врагами и жить только в мире и дружбе». И Хрущёв отдал распоряжение сева­стопольским чиновникам восстановить памятник. По проекту автора письма в 1960 году на надгробии была установлена усечённая мраморная пирамида, увенчанная крестом.
- Но спустя год в Севастопольский горком партии поступает гневное письмо от некого полковника Митрофанова, возмущённого тем, что врагам ставят памятники. И меры были приняты: надписи на обелиске закрыли новыми плитами с другими надписями: «Памяти русских воинов, павших смертью храбрых 27 августа 1855 года при защите Малахова кургана» и «Здесь захоронено в братской могиле более 1000 солдат и офицеров – защитников города». Ждать нового повода восстановить историческую справедливость А. Л. Шефферу пришлось двадцать лет. В 1981 году в адрес Л. И. Брежнева, который должен был принимать французского президента Ф. Миттерана, он направляет очередное письмо с просьбой вновь вернуть памятнику первоначальный вид. Что и было сделано, причём, на удивление, весьма оперативно.

После войны Малахов курган стал местом паломничества туристов со всего мира (в числе других здесь побывал и американский писатель Марк Твен), но многие годы единственными памятниками на кургане был крест из ядер, выложенный на месте смертельного ранения В. А. Корнилова, и деревянный крест, поставленный французами на могиле солдат, павших во время последнего штурма. В 1872 году он заменён мраморным крестом. В следующем году был заложен памятник В. А. Корнилову. К пятидесятилетию обороны реставрировали башню, построили монументальные ворота-пропилеи (автор А. М. Вейзен), соорудили мемориальные обозначения батарей (автор О. И. Энберг).

В 1941 году Малахов курган снова вступил в бой. Почти до конца второй героической обороны города с его вершины громила фашистов батарея № 111 (701) под командованием старшего лейтенанта А. П. Матюхина. Во время войны все памятники на кургане были разрушены. В 50-х годах были восстановлены мемориальные обозначения батарей, памятник на братской могиле, памятный знак на месте ранения П. С. Нахимова (автор А. Л. Шеффер), оборонительная башня, созданы памятники героям обороны 1941–1942 гг. 23 февраля 1958 года Герой Советского Союза адмирал Ф. С. Октябрьский зажёл на башне Вечный огонь.

- В 1984 году Вечный огонь на Малаховом кургане был потушен из-за технических неисправностей в подаче топлива. 7 мая 2009 года он был вновь зажжён, правда, уже на металлической четырёхметровой колонне, увитой двумя лавровыми венками (архитектор Г. С. Григорьянц), установленной перед оборонительной башней. (Фото 23)
- Однако спустя всего три года огонь пришлось погасить и вновь из-за технических проблем. На этот раз потрескались плиты колонны, газовая труба оголилась, и памятник стал небезопасным. После проведённой реконструк-

- ции 22 апреля 2014 года огонь зажгли снова, но горел он только по праздникам. Наконец в 2018 году к 100-летию Красной Армии и 60-летию с момента первого зажжения Вечного огня было решено колонну перед башней демонтировать, и вернуться к первоначальному проекту 1958 года, изготовив его точную копию.

В дни первой обороны Севастополя одним из главных защитных сооружений являлся **третий бастион**. Большим реданом называли его англичане, отмечая одновременно и значительные размеры укрепления, и его форму – в виде выступающего наружу угла.

Он находился на Бомборской высоте (улица Орловская, 15 – Ред.), расположенной на западном краю Воронцовой горы, и блокировал подходы к Корабельной стороне по Доковому оврагу и к Пересыпи (где ныне вокзал) по Лабораторной балке. В соответствии с проектом на бастионе предполагалось построить каменную оборонительную казарму с башней, но к началу осады здесь возвели только три батареи, одна из которых находилась в тылу и называлась четвёртой Госпитальной, потому что располагалась рядом с морским госпиталем (в районе нынешних улиц Багрия–Лазаревская).

Приступив к осаде Севастополя, враг разделил свои силы так: французы атаковали Южную сторону, англичане – Корабельную. Английские батареи появились на Микрюковой высоте (редут Виктория), на месте, где ныне находится конечная остановка троллейбусного маршрута № 7 (Ланкастерская, она же Пятигалазая батарея), в восточной части Воронцовой горы и на Зелёной горке.

5 (17) октября 1854 года началось первое бомбардирование города. К тому времени третий бастион усилился и вооружился, но, как оказалось, далеко недостаточно. Канонада открылась в шесть с половиной часов утра. Англичане стреляли из 73 орудий крупных калибров, значительная часть которых была наведена на третий бастион. Большой редан успешно отстреливался, хотя к трём часам дня многие орудия вышли из строя. И вдруг – страшный взрыв потряс воздух – английская бомба взорвала пороховой погреб. Большая часть прислуги у орудий была убита или ранена, почти все пушки опрокинуты, вал обрушился в ров, засыпав его. «...В этом месте оборонительной линии, – писал Э. И. Тотлебен, – образовался промежуток, лишённый артиллерийской обороны». Но англичане не осмелились пойти на штурм. Видимо, их потери тоже были достаточно велики. Вскоре с корабля «Ягудиил», стоявшего в Южной бухте, организовали доставку боеприпасов, и бастион опять открыл огонь из двух оставшихся неповреждёнными орудий.

Защитники бастиона хорошо усвоили урок 5 (17) октября, с тех пор англичане всегда несли поражение в состязании с артиллерией бастиона, хотя в начале 1855 года им на помощь пришли французы, взявшие на себя атаку Малахова кургана.

Особенно бастион был известен вылазками, большинство из которых начинались именно здесь. Участием в них прославились матрос И. Шевченко, квартирмейстер П. Кошка, лейтенант Н. Бирюлёв. Их именами названы улицы в прилегающих кварталах.

ПАМЯТНИК МАТРОСУ ШЕВЧЕНКО²⁷

Установили его в Севастополе, у Морских казарм, неподалёку от современного памятника Ноябрьскому восстанию 1905 года на улице Героев Севастополя.

Игнатий Владимирович Шевченко попал на флот в 1850 году по рекрутскому набору из крепостных крестьян. 20 января (1 февраля) 1855 года погиб, спасая жизнь командиру – лейтенанту Н. А. Бирюлёву, которого закрыл своим телом от французских пуль.

Рисунок бюста выполнил академик М. О. Микешин (1835–1896), его деревянную модель вырезал резчик адмиралтейской мастерской Юдин (оба работали бесплатно), бюст и постамент отлили из трофейных турецких орудий. Остальные работы произвели за счёт сумм, собранных по подписке, причём на сэкономленные деньги даже основали стипендию имени Шевченко.

Первоначально памятник (открыт 20 августа (1 сентября) 1874 г.) находился в Николаеве, где тогда размещалось командование Черноморского флота. В связи с приближением 50-летия обороны его перенесли в Севастополь. Новое открытие состоялось 20 июня (3 июля) 1902 года. Снесли его в 20-е годы, хотя он и являлся первым в России монументом «нижнему чину». Но ведь И. В. Шевченко погиб, спасая жизнь классовому врагу – царскому офицеру!

В 1983 году памятник попытались восстановить, но крайне неудачно. Его поставили на другом месте, рядом с монументом Героям вылазок на 3-м бастионе, который намного его выше и совершенно подавляет. Кроме того, если новый бюст (скульптор А. Сухая) и сохраняет приблизительное сходство с оригиналом (хотя он не бронзовый, а бетонный, и тонировка уже отслаивается), то постамент имеет совершенно иную форму, а тексты на чугунных досках (в натуре они были отлиты вместе с постаментом) не имеют ничего общего с первоначальными.

В расчёте, что когда-нибудь это безобразие будет исправлено, привожу их полностью. На фасаде значилось: «Матросу Игнату Владимировичу Шевченко – слава!» На других гранях пьедестала: «Во время осады Севастополя находился на 3 бастионе», «20 января 1855 года убит, спасая жизнь своего начальника». (Эта надпись, очевидно, и сыграла роковую роль в судьбе памятника – Е. В.). «На службу поступил в 30 флотский экипаж в 1850 году».

На 6 (18) июня, в годовщину битвы при Ватерлоо, союзники назначили штурм Севастополя. Третий бастион и прилегающие укрепления атаковали 14 тысяч англичан. Они дважды бросались на штурм, но картечь и стрельба залпами Брянского полка не позволили им приблизиться к бастиону. Потери их были очень велики. Даже в свите главнокомандующего лорда Раглана были убитые.

К 27 августа (8 сентября) 1855 года – ко дню второго штурма третий бастион превратился в мощное укрепление. На его левом фланге – от Бомборской высоты до Докового оврага – было построено семь батарей, на правом – до Лабораторной балки – восемь. Англичане начали штурм, только убедившись, что французам удалось овладеть Малаховым курганом. Атакующие, неся боль-

шие потери, ворвались на бастион и оттеснили защитников на вторую линию обороны. Но прибежавшие с соседних батарей войска ударили в штыки и вытеснили англичан. Второй штурм тоже оказался неудачным. Но ввиду общего отступления с Южной стороны Севастополя бастион был оставлен и взорван.

К пятидесятилетию обороны на месте бастиона разбили сквер и соорудили памятник Героям вылазок (авторы архитектор А. М. Вейзен и инженер О. И. Энберг). Во время Великой Отечественной войны монумент был почти полностью уничтожен. В настоящее время памятник и сквер восстановлены. Монумент представляет собой обелиск высотой в 13,5 метра, увенчанный бронзовым орлом. В центре обелиска меч, обрамлённый лавровым венком. (Фото 24)

АНГЛИЙСКИЙ ПАМЯТНИК
У ТРЕТЬЕГО БАСТИОНА²⁸

Он располагался со стороны «поля» в 62 метрах от исходящего угла бастиона и был посвящён памяти английских солдат и офицеров, павших при двух штурмах бастиона. Во время последнего приступа, 27 августа (8 сентября) 1855 года англичанам даже удалось захватить укрепление, но после ожесточённого боя они были вытеснены оттуда русскими войсками.

Судя по фотографии в книге В. Н. Клембовского «Виды полей сражений Крымской кампании» (СПб, 1904), этот памятник был совершенно аналогичен монументу на месте Инкерманского сражения и сохранившемуся памятнику Балаклавскому сражению. Тексты восстанавливаются по книге Д. Колборна и Ф. Брайна «Конец храбрых», изданной в Лондоне в 1857 году (этими сведениями я обязан В. Н. Гурковичу).

На стороне, обращённой к осаждавшим, значилось по-русски: «В память тем, которые пали в траншеях и атаках на Редан (третий бастион). 1855». Тот же текст, только по-английски и без слов «третий бастион» (Редан – английское название этого укрепления – Е. В.), помещён на грани, обращённой к Севастополю. На других сторонах был высечен крест и надпись по-английски: «Воздвигнут Британской армией в 1856». По аналогии с памятником Балаклавскому и Инкерманскому сражениям надо полагать, что позднее появилась ещё одна строка: «Возобновлён в 1875».

Точное время и обстоятельства его уничтожения неизвестны. Если монумент пережил Великую Отечественную войну, то был снесён в 40–50-х годах, так как именно тогда на его месте появилась частная застройка, сохранившаяся и поныне.

- Уцелел лишь фрагмент цокольной части английского памятника. После
- войны он находился на участке дома № 3 по улице Даши Севастопольской.
- В 2008 году его установили рядом с мемориальной стеной 3-го бастиона
- (автор реконструкции – архитектор Г. С. Григорьянц). (Фото 25)

²⁷ Таврические ведомости. 1993. № 28.

²⁸ Таврические ведомости. 1993. № 16.

Исторический бульвар с **четвёртым бастионом** – один из самых известных мемориальных комплексов, посвящённых первой обороне Севастополя. Здесь сосредоточена большая часть памятных сооружений. Расположенный на доминирующей высоте, бульвар отовсюду виден и невольно привлекает взгляд.

До Крымской войны Бульварную (впоследствии названную Бастионной) горку занимал Большой бульвар, именуемый так в отличие от Малого (ныне Матросский). На выступе горы, обращённой к Пересыпи (где сейчас вокзал), стояла романтическая беседка в виде гриба, и место называлось мысом Свободных Размышлений. Бульварная высота господствовала над всей южной стороной города, и понятно, именно она должна была быть наиболее сильно укреплена. По проекту здесь намечались не только обычная для других бастионов каменная оборонительная казарма, но и многочисленные казематы и другие постройки. Однако ко дню высадки неприятеля в Крыму (начало сентября 1854 года) из этой обширной программы завершили только строительство правого фаса бастиона и батареи № 2 у беседки на мысе Свободных Размышлений, которую так и называли – Грибок.

И НАЗВАЛИ БАТАРЕЮ «ГРИБОК»²⁹

Этот необычный монумент стоял на краю обрыва Бастионной (она же Бульварная) горки, обращённый в сторону железнодорожного вокзала Севастополя (на Историческом бульваре). До войны он являлся одним из известнейших памятников города и часто изображался на открытках.

В 30-40-х годах прошлого века это место именовалось мысом Свободных Размышлений или Доброй Надежды и привлекало севастопольцев в часы досуга. Ещё бы, отсюда открывается широкий вид на Южную бухту, Корабельную сторону и Зелёную горку. Тогда же здесь установили беседку в виде гриба, где любили сидеть романтические влюблённые.

Когда во время обороны 1854–1855 гг. на её месте, на самом мысу, соорудили батарею № 2, то все стали называть её не по номеру или фамилии командира, а просто «Грибок». Именно этот мотив и использовали создатели памятника батарее.

История его сооружения почти такая же, как и у других памятников Крымской войны в Севастополе. Только изменения в первоначальный проект А. М. Вейзена, Ф. Н. Еранцева и Г. П. Долина внёс на этот раз в 1902 году архитектор А. И. Гунст.

Строительство памятника завершилось, вероятно, в 1905 году. Он представлял собой огромный гриб (высота – четыре метра, диаметр шляпки – около пяти). Невысокий цоколь служил скамьей-диваном. Сооружение стояло на круглой видовой площадке. Об этом месте до сих пор вздыхают старожилы города. Колонну соорудили из крымбальского камня, а шляпку – из монолитного бетона. (Фото 26)

²⁹ Таврические ведомости. 1993. № 18.

По воспоминаниям старожил, памятник существовал до 1941 года. Следовательно, его уничтожили во время войны. Сохранились остатки площадки и часть парапета. Ныне покойный главный архитектор Севморзавода Э. В. Кекушев в 70-х годах неоднократно предлагал восстановить оригинальный памятник, а старые севастопольцы изъявляли готовность пожертвовать деньги на его реставрацию. Но никаких мер в этом направлении городские власти не предприняли.

Но враги переоценили состояние укреплений Севастополя. Не решившись сразу идти на штурм города, они приступили к осадным работам и строительству батарей. Это дало защитникам время ценой величайшего напряжения сил и круглосуточной работы превратить бастион в грозную крепость. Конечно, каменных башен и казематов они воздвигнуть не успели, но их с успехом заменили земляные насыпи, мешки и корзины с землей. Бульвар пришлось вырубить – деревья пошли на устройство засек. Бастион входил во второе отделение оборонительной линии (оно начиналось от редута Шварца, где ныне площадь Пирогова, и кончалось батареей «Грибок»). Отделением командовал вице-адмирал Новосильский.

5 (17) октября 1854 г. в 6.30 утра неприятельские орудия открыли огонь по осаждённому городу. Через три часа яростной канонады на французской батарее взлетел в воздух пороховой погреб, ещё через полчаса на другой батарее взорвался зарядный ящик. Вскоре все французские батареи были подавлены.

После бомбардировки союзники намеревались штурмовать город, но, потерпев поражение в артиллерийской дуэли, начали постепенно приближать свои траншеи к русским укреплениям. Главной целью атаки был избран четвёртый бастион. К концу октября траншеи французов приблизились к нему на 130 метров, но затем продвижение приостановилось: прицельный огонь русской артиллерии сметал все сооружения. Понимая, что в такой ситуации неприятель попытается начать минную войну, начальник инженеров Севастопольского гарнизона полковник Э. И. Тотлебен приказал устроить кольцевую подземную галерею вокруг бастиона со слуховыми рукавами.

В конце ноября в Севастополе был получен отпечатанный в Париже план минной атаки четвёртого бастиона. Это не оставило никаких сомнений в намерениях врага. Подземная битва началась. Русские минеры работали в очень тяжёлых условиях. Но, несмотря на это, попытки неприятеля приблизиться к бастиону под землей пресекались взрывами, разрушавшими французские галереи. В этой подземной войне французы взорвали 3 650 пудов пороха, но контрминная система русских, истративших всего 641 пуд, оказалась более эффективной.

Ещё 14 (26) октября перед четвёртым бастионом была заложена батарея № 38. Первоначально она имела четыре орудия, но к концу обороны их число увеличилось до семи. Батарея находилась настолько близко к врагу, что была одним из опаснейших мест в Севастополе. Ежедневно она могла стрелять только до полудня, так как после этого все её орудия обычно выходили из строя, а бруствер сравнился с землёй. Но утром следующего дня она опять громила врага. Командовал ею лейтенант Н. И. Костомаров, который на батарее и жил. Однажды его даже вычеркнули из списков флота, как убитого. С 1869 года до конца своих дней Н. И. Костомаров был первым и бессменным директором Севастопольского музея (ныне музей Черноморского флота – Ред.). Одна из улиц Севастополя носит его имя.

Говоря о четвёртом бастионе, нельзя не упомянуть великого русского писателя Л. Н. Толстого, сражавшегося здесь и обессмертившего бастион в рассказе «Севастополь в декабре месяце».

Через двадцать лет после войны было начато восстановление бульвара, который с самого начала мыслился как мемориальное сооружение и был назван Историческим. Из-за недостатка средств его благоустройство затянулось на многие годы. К 50-летию обороны была восстановлена часть укреплений с орудиями, сооружены памятники бастиону и Язоновскому редуту, указаны обозначения батарей, построено здание панорамы. Создание мемориального комплекса завершил памятник Э. И. Тотлебену.

О бастионах правого фланга оборонительной линии Севастополя в период Крымской войны 1854–1855 гг. пишут сравнительно мало – их затмила слава Малахова кургана и четвёртого бастиона. Но и здесь происходили важные события.

Пятый бастион располагался на краю склона Кладбищенской балки (рядом с кладбищем Коммунаров – *Ред.*). К началу сентября 1854 года, когда вражеский десант высадился в Крыму, на территории бастиона уже успели построить каменную оборонительную казарму. Очевидно, она была такой же, как и сохранившаяся казарма на первом бастионе. Но, кроме неё, больше никаких укреплений не было. Не существовало ещё и примыкавшего к нему впоследствии люнета № 7 (Белкина), зато сосед слева – редут № 1 (Шварца) был построен и даже вооружён.

Командир бастиона капитан-лейтенант Д. В. Ильинский с рвением отдался возведению укреплений и установке орудий. И он много успел сделать. 5 (17) октября 1854 года бастион уверенно отвечал на огонь французских орудий во время первой бомбардировки города. Историк И. Протопопов пишет об этом дне: «...дым застлал всю окрестность Севастополя; солнце приняло вид бледного месяца».

С открытием канонады П. С. Нахимов прискакал на пятый бастион, где его застал В. А. Корнилов, объезжавший укрепления со всем своим штабом. Нахимов был легко ранен, но сам вместе с комендорами наводил орудия.

Левым фасом бастион обстреливал французские батареи на горе Рудольфа (ныне гора Матюшенко), а правым – громил укрепления врага за кладбищем. Через три часа канонады лицевая стена казармы была избита ядрами, каменный парапет снесён, пять стоящих за ним орудий – подбиты. Из 39 артиллеристов из строя вышло 19. Но и французы понесли большие потери. Возможно, именно с пятого бастиона взлетела бомба, взорвавшая пороховой погреб на французской батарее № 4. Батарея была полностью разрушена, из строя вышло 55 человек. Через полчаса – новый взрыв у неприятеля. На этот раз в воздух взлетел зарядный ящик на батарее № 1. Вскоре все осадные батареи французов прекратили огонь.

Пятый бастион держал первенство в устройстве контр-апрошей (наступление на неприятеля с помощью земляных укреплений, устраиваемых впереди главной крепостной ограды). Именно здесь в ноябре 1854 года в присутствии Э. И. Тотлебена была проведена репетиция по устройству ложементов (окопа с бруствером),

а в ночь на 21 ноября (3 декабря) первый ложемент был заложен в ста саженях перед редутом Шварца солдатами Минского полка под командованием инженер-поручика И. Ф. Ватовского. За обладание контр-апрошами в Кладбищенской балке происходили настоящие сражения. Только в мае французам ценой больших потерь удалось захватить их. С бастиона неоднократно «охотники» уходили на вылазки, нападая на французские таможенные караулы на горе Рудольфа.

28 марта (9 апреля) 1855 года началась вторая бомбардировка, продолжавшаяся целых десять дней. И всё это время основной огонь был направлен на пятый бастион и соседние укрепления. Ежедневно к вечеру он полностью разрушался, но за ночь восстанавливался своим героическим гарнизоном.

15 (27) мая 1855 года защитники пятого бастиона и редута Шварца начали минную войну против неприятеля. 31 июля (12 августа) был произведён первый взрыв. Объём минных операций был, конечно, не так велик, как четвёртым бастионом, но до конца осады обе стороны успели взорвать до 11 зарядов.

В два часа 27 августа (8 сентября) 1855 года 4 300 французов бросились на штурм правого фланга оборонительной линии. Одновременно был атакован пятый бастион, люнет Белкина и редут Шварца. Врагу удалось ворваться только в последнее укрепление, но и отсюда французов выбили после кровопролитного штыкового боя. При нападении на люнет Белкина неприятельские солдаты скопились под прикрытием небольшого обрыва в 40 шагах от люнета. Они не знали, что это место было минировано ещё весной. Взрыв трёх камнемётных фугасов, произведённый с помощью тока от гальванической батареи, нанёс врагу большие потери и вызвал панику в его рядах. (*Фото 27*)

Войска, назначенные для повторного штурма, были отброшены в свои траншеи картечным огнём с бастиона, вооружение которого состояло к тому времени из 52 орудий. При отступлении русской армии с Южной стороны города на Северную пороховые погреба бастиона, люнета и редута были взорваны. Кстати, сказать, тогда почти одновременно взлетели на воздух тридцать пять пороховых погребов.

К пятидесятилетию обороны на месте бастиона разбили сквер (часть его занята сейчас кладбищем Коммунаров), поставили памятники бастиону и люнету Белкина. (*Фото 28*)

Если идти по улице Шестой Бастионной в сторону моря, то неподалеку от пересечения её с улицей Генерала Петрова встретится небольшой пустырь, окружённый каменной оградой. На нём сохранились следы рва и вала (сегодня это место застроено – *Ред.*).

Это всё, что осталось от **шестого бастиона**. В 1854–1855 годах он входил в первую дистанцию оборонительной линии Севастополя. Его командиром был сначала капитан-лейтенант Николай Фёдорович Гусаков. А затем капитан-лейтенант Алексей Степанович Шумов.

В отличие от других бастионов шестой был почти полностью готов к началу осады. Здесь стояла каменная оборонительная казарма, окружённая глубоким рвом. Пятнадцать крепостных орудий были установлены на вращающихся деревянных платформах. Если на других бастионах орудия стреляли сквозь амбразуры в земляном валу, имея небольшой сектор обстрела, то пушки шестого,

возвышаясь над каменным парапетом, могли поворачиваться на платформах в любом направлении. Но это имело свои недостатки, которые выявились уже во время первого бомбардирования 5 (17) октября 1854 года. Поворотные платформы часто заклинивало от попадавших туда осколков камней, которые отбивали от стен казармы ядра осаждавших, прислуга у пушек несла большие потери, так как парапеты прикрывали их меньше, чем земляные валы на других бастионах.

Со своим соседом справа – седьмым бастионом шестой был связан каменной оборонительной стенкой. Фрагмент её можно до сих пор видеть. Вообще весь этот район был укреплен очень основательно: от правого фаса шестого бастиона в сторону батареи № 10, расположенной на мысу у Мартыновой бухты, тянулся непрерывный ряд укреплений из пяти батарей, называвшихся по имени командира Шемякиными. Они вместе с бастионом противостояли французам, наступавшим со стороны кладбища, и вели перестрелку с вражескими батареями, находившимися за Карантинной бухтой и в районе Херсонеса. Об интенсивности русского огня говорит тот факт, что французы называли Карантинную балку «балкой ядер».

Место против шестого бастиона, у кладбища, служило для переговоров между враждующими сторонами. Вот как это описывает П. Алабин, очевидец и участник событий: «Выкидывали белый флаг, по этому сигналу везде прекращали огонь, тогда парламентар выходил из лагеря или из города, предшествуемый трубачом. По их возвращении мирный флаг опускался, и обе стороны становились прежними ожесточенными врагами». Переговоры велись по поводу обмена пленными, во время их передавались письма и посылки, заключались перемирия для уборки убитых и раненых после крупных сражений.

Шестой бастион не играл в дни обороны такой заметной роли, как другие укрепления. Самое яркое событие в боевой жизни шестого бастиона произошло 24 октября (5 ноября) 1854 года в день Инкерманского сражения. Чтобы не дать французским войскам (осадный корпус генерала Форе) оказать помощь англичанам и французам, атакованным русскими на Киленбалочных высотах, с шестого бастиона была проведена вылазка. Собственно говоря, это было настоящее наступление, превратившееся в ожесточенное сражение. Отрядом из 3 075 человек руководил генерал-майор Николай Дмитриевич Тимофеев, впоследствии погибший при штурме передовых укреплений на Корабельной стороне. Батальон Минского полка, наступавший первым, ворвался на территорию французских батарей на горе Рудольфа (ныне гора Матюшенко), где начался рукопашный бой. Весь осадный корпус Форе пришёл в движение.

Опасаясь, что его могут отрезать от оборонительной линии, Тимофеев стал медленно отводить свои силы и сделал это так удачно, что ему удалось заманить преследующую русских бригаду генерала Лурмеля под огонь шестого бастиона и Шемякиных батарей. Бригада понесла тяжёлые потери. Сам генерал Лурмель был убит. Об упорстве и жестокости боя свидетельствуют и русские потери. Убитыми и ранеными войска Тимофеева потеряли треть своего состава: 23 офицера и 1 071 «нижнего чина».

Наступили заключительные дни обороны. 24 августа (5 сентября) 1855 года началось последнее, шестое бомбардирование Севастополя, превзошедшее по

ярости огня все предыдущие. 370 орудий стреляли по укреплениям правого фланга оборонительной линии, и, хотя французы сосредоточили основной огонь на пятом бастионе, но доставалось и шестому. После перехода русской армии на Северную сторону бастион взорвали.

Седьмой бастион замыкал линию укреплений Севастополя во время Крымской войны. Находился он на крутом берегу моря над Александровской бухтой (территория бывшего завода № 24 – *Ред.*).

До недавнего времени здесь можно было видеть полуразрушенную подпорную стену – часть бастиона, но она разобрана при начале строительства мемориала героической обороны 1941–1942 гг. На генеральном плане Севастополя 1841 года бастион показан как проектируемый, но без номера и названия. Очевидно, он считался частью примыкающей к нему справа батареи номер восемь на мысе Хрустальном. Именно её два орудия, найдённые при земляных работах во время сооружения обелиска в честь города-героя Севастополя, установлены у его подножия, символизируя преемственность героических традиций защитников Севастополя двух эпох (орудия исчезли ещё в конце 90-х годов прошлого столетия – *Ред.*). Но, судя по всему, ко времени высадки неприятеля в Крыму бастион был построен и имел собственный номер.

Седьмой бастион был предназначен как для сухопутной, так и для морской обороны. Левым фасом он обращён в сторону Карантинной балки, к французским батареям, а правым – смотрел прямо в море. Если с сухопутной стороны он находился как бы во второй линии (между ним и неприятельскими траншеями протянулись Шемякины батареи), то с другой – перед ним было только море. Этим и объясняется специфическая роль бастиона, которую он сыграл 5 (17) октября 1854 года.

В этот день с раннего утра началось первое бомбардирование Севастополя, в котором должен был принимать участие и неприятельский флот. Прорваться в бухту он не мог – мешали затопленные поперёк фарватера русские корабли, но имел задачу разрушить огнем орудий приморские батареи. Кроме того, если бы обстрел начался одновременно с суши и моря, то это оказало бы деморализующее действие на гарнизон города, который почувствовал бы себя взятым в два огня. Но неприятелю не удалось добиться поставленной цели. Несмотря на то, что на местах, с которых предполагалось вести огонь, были заранее выставлены маркированные буи, подход кораблей на позицию занял значительно больше времени, чем предполагалось. Для морской атаки было назначено 29 линейных кораблей и 21 пароход.

В 12 часов 45 минут на французском флагманском корабле «Город Париж» взвился сигнал «Франция смотрит на вас» и прогремел первый залп. Позже в дело вступили англичане. Всего стреляло 1340 неприятельских орудий, им отвечали 150 русских. Вскоре берег и море затянуло густой завесой порохового дыма.

Дуэль велась на расстоянии около полутора километров, ближе союзники не решились подвести свои эскадры. По седьмому бастиону, Александровской батарее и батарее номер восемь стреляли французские линейные корабли. Бастион отвечал им из части орудий левого фаса, а пушки правого посылали снаряды в английский корабль, стоявший против Константиновского форта. Огонь врага,

несмотря на огромное превосходство в количестве орудий, оказался малоэффективным. Большинство французских снарядов перелетало береговые батареи № 10 и Александровскую, но не достигало шестого и седьмого бастионов. Англичане действовали успешнее, сбив все орудия, которые открыто стояли на верхней площадке Константиновского форта. Но в целом атака кончилась полным провалом. Особенно досталось французскому флагманскому кораблю. Три калёных ядра попало в него, около ста снарядов поразили такелаж, пятьдесят пробойн насчитали в корпусе (из них три – в подводной части).

С этого дня французские и английские адмиралы убедились в бесплодности атаки укреплений Севастополя с моря, и крупных военных операций в этом районе их флот больше не предпринимал. Окончилась и активная боевая деятельность седьмого бастиона. Он, вероятно, продолжал стрелять левым фасом по французским батареям, но основную роль по борьбе с противником взяли на себя другие бастионы Южной стороны – четвёртый, пятый и шестой. С переходом 27 августа (8 сентября) 1855 года русской армии на Северную сторону бастион и соседние укрепления были взорваны.

Е. Венিকেев: «Задумывались ли вы о социальном составе национальных героев дореволюционной России? Если нет, то найдите – все они принадлежали к дворянскому сословию. Исключение составляли только три человека: Кузьма Минин, Иван Сусанин и матрос Кошка. Но Минин был всё-таки купцом, произведённым за заслуги в дворянство; Сусанин спас самого царя (впрочем, многие историки сомневались в реальном его существовании, считая личность легендарной). Остается один человек – Пётр Маркович Кошка. Таким образом, мы имеем дело с настоящим «феноменом Кошки» – он самый известный «нижний чин» за всю историю царской России!»

МАТРОС КОШКА³⁰

В 1828 году в деревне Замятинец Гайсинского уезда Каменец-Подольской губернии в семье крепостного крестьянина Марка Кошки появился на свет сын, названный при крещении Петром. Ныне место рождения будущего героя именуется селом Ометинцы Немировского района Винницкой области. Лежит оно километрах в пятидесяти юго-восточнее Винницы на просторах Подолья. Едва ли окружающий ландшафт изменился за прошедшие полтора века – детство Петра прошло среди мягких холмов, заросших сосновым и берёзовым лесом, перемежающихся распаханнами полями. Климат здесь влажный, но не суровый; равнины пересекают, прихотливо извиваясь, река Южный Буг и её многочисленные притоки.

Точная дата рождения Петра Кошки неизвестна, так же как и обстоятельства первых двадцати лет его жизни. Нужно думать, что с детства он мог столкнуться

³⁰ Использованы очерки: Венিকেев Е.В., Шавшин В. Г. Матрос Кошка // Крымская правда. 1979. 4 июля; Венিকেев Е. В. Кто ты, матрос Кошка? // Флаг Родины. 26-29.08.1992. 26-29 августа.

с нищетой, подневольным трудом, бесправием и деспотизмом помещика – словом, испытать всё, что положено крепостному. Мог ходить с чумацкими возами за солью в Крым, мог испытать различные превратности судьбы, вроде тех, что описал В. Слободянюк в интересной исторической повести «Дума про матроса Кошку», изданной в Киеве в 1981 году. Мог, но, к сожалению, документально это не подтверждается. Да и не могло быть иначе – кого в то время мог интересовать малороссийский хлопец-крепак, никогда даже не учившийся грамоте.

Документированная биография Петра Кошки начинается 16 мая 1849 года, когда его сдали в рекруты. А 20 августа того же года он впервые вступил в город, который прославит его имя – Севастополь. Вошёл он туда, маршируя в партии новобранцев, возглавляемой прапорщиком Бурцевым, и был вскоре определён матросом второй статьи в 30-й флотский экипаж.

Надо думать, ему повезло, что попал на Черноморский флот. Не потому, что здесь было меньше учений и тяжёлой матросской работы, чем, например, на Балтийском. Возможно, даже больше – черноморские корабли славились скоростью, с какой ставились и убирались громады парусов, производились сложные эволюции. Но на этом флоте не царил дух казённого отношения к делу, не было мелочного деспотизма, проникавшего во все самые укромные уголки жизни николаевской России. Черноморский флот был пропитан духом «лазаревской школы». П. М. Кошка ещё застал в живых главного командира Черноморского флота и портов М. П. Лазарева, дело которого после его смерти в 1851 году продолжат знаменитые В. А. Корнилов и П. С. Нахимов.

Подробных сведений о первых годах службы П. М. Кошки до недавнего времени не существовало. Описывая этот период его жизни, я сам некогда писал такую фразу: «Потянулись дни службы. Они проходили в плавании по Чёрному морю на различных судах, в тяжёлом матросском труде». Но по мере изучения биографии моего героя удалось выявить совершенно неожиданную деталь. С 1841 года в Севастополе жил и служил весьма просвещённый офицер князь В. И. Барятинский. Он известен тем, что одним из первых начал археологическое обследование античного и средневекового города Херсонеса Таврического в окрестностях Севастополя и прилегающей к нему территории. Князь построил в Николаеве яхту «Ольвия» водоизмещением 160 тонн. «В числе отборной команды яхты..., находился знаменитый (впоследствии – Е. В.) матрос Кошка», читаем мы в примечаниях к воспоминаниям князя. Самое интересное – на этой яхте В. И. Барятинский совершил путешествие в Грецию, где занимался археологическими раскопками в Афинах. Выходит, наш герой совершил заграничное плавание? Очень возможно.

В 1853 году разразилась Восточная (Крымская) война. Будучи первоначально только очередной русско-турецкой войной, она вскоре благодаря вмешательству Англии, Франции и потом Италии переросла в конфликт мирового масштаба. Причиной войны явилось столкновение империалистических интересов Англии, Франции и России на Ближнем Востоке.

П. М. Кошка не принимал участия в Синопском сражении. В это время он служил на 88-пушечном линейном корабле «Ягудиил». Здесь я предвижу возмущённые замечания историков – специалистов по первой обороне Севастополя. Дело в том, что в литературе, посвящённой этому вопросу, указано, что «Ягудиил»

имел 84 орудия. Но это будет верно только в сентябре 1854 года, когда четыре пушки с него снимут и отправят на батарею Алексеева на Пересыпь. Но это произойдёт почти через год, а пока «Ягудиил», попавший 7 октября 1853 года в жестокий шторм, чинил в Севастопольской бухте полученные серьёзные повреждения и участвовать в Синопском бою не мог.

Судьба как бы специально сохраняла П. М. Кошку для будущей славы – в морском сражении, ведущимся только с помощью артиллерии, у него не было никаких шансов выделиться из 676 человек экипажа «Ягудиила». Зато существовала реальная возможность быть убитым. Ареной его подвигов суждено было быть суровой каменистой земле севастопольских холмов.

Уже с 11 октября 1853 года в Босфоре стоял англо-французский флот, и после Синопского сражения союзники поняли, что пора вмешаться. 15 декабря союзный флот получил приказ войти в Чёрное море. 27 марта 1854 года последовало официальное объявление войны России.

В августе 1854 года на совещании высшего командования англо-французских войск в Варне по настоянию французского главнокомандующего маршала Сент-Арно было решено предпринять экспедицию в Крым с целью захватить Севастополь. С этого времени судьба войны решалась здесь. В других местах тоже происходили военные действия – неприятельский флот крейсировал в Балтийском и Белом морях, на Дальнем Востоке враги пытались захватить Петропавловск-на-Камчатке. Но главными был Севастополь и разгоревшаяся вокруг него борьба, принявшая размеры, ещё не виданные историей.

В конце августа огромный флот из более чем 350 военных и транспортных судов вышел в море. 2 сентября началась высадка войск на ровном песчаном берегу в 25 километрах южнее Евпатории. За четыре дня была высажена армия в 60 тысяч человек, состоявшая из англичан, французов и турок. 7 сентября она двинулась к Севастополю.

Русские могли противопоставить им только 35 тысяч бойцов. Первое сражение на земле Крыма произошло на берегах реки Альмы 8 сентября. Превосходство в численности и вооружении (у неприятеля было значительно больше нарезного оружия) сказалось сразу. Русские войска отступили к Севастополю, враг, понёсший тяжёлые потери, их не преследовал. Перейдя на южную сторону Севастопольской бухты, англо-французская армия начала осадные работы. День 13 сентября 1854 года вошёл в историю как первый день героической Севастопольской эпопеи.

Севастополь, очень основательно укреплённый с моря огромными каменными фортами (два из них – Константиновский и Михайловский – сохранились до наших дней), почти не имел укреплений с суши. На всём восьмикилометровом протяжении оборонительной линии стояло только 145 орудий.

Для защиты бухты от вторжения неприятельского флота 11 сентября поперёк фарватера были затоплены семь устаревших кораблей. В тот же день «Ягудиил» с полным боекомплектом занял позицию у вершины Южной бухты, обратив левый борт к английским траншеям. Кроме четырёх орудий, снятых с корабля, на берег сошли 276 офицеров и матросов – они должны были служить на батареях,

создававшихся на берегу Южной бухты. Место это, где ныне находятся железнодорожный и автовокзалы, именовалась Пересыпь. Суша здесь образовалась недавно в 40-х годах XIX века по мере засыпки мелководных озёр.

В числе отправленных на берег моряков был и П. М. Кошка, попавший на батарею № 15, которой командовал лейтенант А. М. Перекомский (1837–1866). Как и другие батареи на Пересыпи, она обстреливала английские позиции на Зелёной горке, нависшие над ней. Всеми укреплениями в этом районе командовал командир «Ягудиила» и 30-го флотского экипажа капитан 1-го ранга Пётр Иванович Кислинский (1806–1880), который сыграет большую роль в судьбе нашего героя.

Неподалёку от Пересыпи на высокой Бомборской высоте спешно достраивался и вооружался 3-й бастион. Этот бастион, батареи на Пересыпи, лежащее перед ними пространство, перерезанное балками, избилующее скалами и пещёрами, неприятельские траншеи на Зелёной и Воронцовой горах и будут местом подвигов Петра Кошки и его отважных товарищей.

Уже в октябре 1854 года он совершил вместе с матросами своего экипажа первую вылазку в английские траншеи. За всё время обороны, по словам современников, он участвовал в 18 вылазках и, кроме того, неоднократно один, часто без разрешения командира батареи, проникал во вражеские траншеи, наводя страх на противника и возвращаясь с трофейным оружием.

Современники как с нашей, так и с неприятельской стороны оставили много описаний вылазок. Прочитываем некоторые из них: «Вдруг далеко раздаётся громкое «ура». Лопаты и кирки брошены, зуавы хватаются за ружья, а мы уже в траншеях. Что происходит там, в этой траншее, ни один из участников ночной этой драмы не может рассказать; там душно и тесно, там стоны и проклятия, с которыми часто сливается тихая мольба умирающего... Но вот горнист трубит отступление, и остаток удалцов возвращается на свои батареи».

Вот описание вылазки, произведённой в ночь с 8 на 9 декабря 1854 года с 3-го бастиона: «Благодаря тёмной ночи наши охотники (добровольцы – Е. В.) в два часа подползли к неприятельской траншее, и подползли так тихо, что часовой их увидел только тогда, когда они были у самого вала... наши... вскочили в неприятельскую траншею, и пошли там косить направо и налево. Англичане... пустились бежать, оставя и ружья и одеяла... Вся эта катавасия продолжалась не более получаса, и наши воротились назад, приведя с собой в плен четырёх офицеров и 26 рядовых; у нас... четыре убитых и 20 раненых. Все участвовавшие в вылазке вооружились одеялами, ружьями, шапками; одним словом, забрали всё, что только было в траншее». Этой вылазкой командовал лейтенант Н. А. Бирюлёв (1829–1882), ставший не менее известным, чем сам П. М. Кошка.

Очевидно, что все участники вылазок были людьми храбрыми, почему же Пётр Кошка выделился даже на этом фоне? Во-первых, он прямо-таки рвался принять участие во всех вылазках и настолько готов был подвергать свою жизнь опасности, что П. И. Кислинский, относившийся к нему с поистине отеческой заботливостью, даже вынужден был перевести его в июне 1855 года с батареи обратно на «Ягудиил». Во-вторых, вся его жизнь на батарее сопровождалась настолько лихими деяниями, что они, разнесённые и преувеличенные молвой, до-

ставили ему широкую известность. Рассказывали, что он, пробравшись один во вражескую траншею, похищал оттуда по несколько штуцеров у спящих английских солдат; брал языков, набросив им на шею аркан; поймал под выстрелами роскошного коня, бродившего по нейтральной полосе, с торжеством прискакал на нём на бастион, и многое другое.

Вот когда к малороссийскому хлопцу приходит громкая слава: его знает высшее начальство в городе, о нём пишут газеты и журналы всей России, его стремятся видеть все приезжающие в Севастополь, и в том числе великие князья, сыновья Николая I. Известный художник В. Ф. Тимм пишет портрет П. Кошки и публикует его в «Русском художественном листке», а императрица присылает ему «Крест благословения». (Фото 29)

Не обошлось и без потерь. Обычно пишут, что во время своих подвигов П. М. Кошка был ранен в правую руку и штыком в левую сторону груди. Но знаменитый хирург Н. И. Пирогов, лично его лечивший, описывает это иначе: «... Теперь он лежит в госпитале, его хватили на вылазке штыком в брюхо, но к счастью, штык прошёл только под кожей и не задел кишки. Он теперь уже оправился, погуливает, покуривает папироску...».

Во время вынужденного пребывания П. М. Кошки на «Ягудииле» в июне 1855 года с ним встретился Н. Берг, оставивший нам следующее описание внешности знаменитого матроса: «Ко мне вошёл, широко шагая, матрос среднего роста, сухощавый, но крепкий, с выразительным скуластым лицом. На нём была чёрная куртка с галунами и белые брюки, на шее свисток, в петлице Георгий». Формулярный список Кошки добавляет, что он «лицом малорябоват, волосом рус, глаза серые, грамоту не знает».

Казалось бы, что ввиду такой громкой славы на П. Кошку должны были дождём сыпаться награды. Однако этого не случилось, 1 января 1855 года он произведён в матросы 1-й статьи, а 29 января «за отличие» – в квартирмейстеры (унтер-офицер на флоте, ведающий хозяйственными вопросами), награждён только двумя медалями (серебряной за защиту Севастополя, бронзовой в память Крымской войны) и знаком отличия военного ордена святого Георгия 4-й степени. Дважды его представляли к георгиевским крестам высших степеней (3-й и 2-й), но представления «затерялись».

- М. С. Федотова в книге «Миф о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. в культурной памяти Российской империи» пишет: «Такое объяснение выглядит более чем странным: по существовавшей практике награды нижним чинам обычно выдавали по несколько на каждую роту (экипаж, эскадрон, батарею), и уже сами солдаты по своему усмотрению присуждали их особо отличившимся. В некоторых случаях главнокомандующий «раздавал солдатские кресты командирам частей в личное распоряжение, для раздачи по его усмотрению отличившимся». Создается впечатление, что самый прославленный матрос севастопольского гарнизона не был оценён должным образом ни своими сослуживцами, ни начальством»³¹.

³¹ Федотова М. С. Миф о Севастопольской обороне 1854–1855 гг. в культурной памяти Российской империи. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. – С. 217.

Впрочем, лучшей наградой П. М. Кошке было то, что за время обороны к пяти годам, что он прослужил, прибавилось десять лет шесть месяцев и пятнадцать дней службы (в Севастополе в дни обороны месяц службы считался за год), что дало ему возможность 15 (27) октября 1855 года получить продолжительный отпуск «за раную».

Что делал Пётр Кошка последующие восемь лет, до возвращения во флот? Писатель Е. Слободянюк, посетивший село Ометинцы в 1950 году, расспрашивал местных старожилов. Оказывается, среди них сохранились воспоминания о жизни севастопольского героя в родной деревне. Вернулся он, конечно, уже не крепостным – служба в армии давала свободу, но не давала землю. Не имея своего надела, П. Кошка занялся привычным делом: ходил с обозами в Одессу, Херсон, Николаев, нанимался работать в лесничество.

Через восемь лет, в 1863 году Морское ведомство вспомнило о квартирмейстере Петре Кошке, ему было приказано вернуться на службу. 3 августа того же года он зачислен на Балтийский флот (Черноморского после войны практически не существовало) в 8-й флотский экипаж. Оказавшись в Петербурге, квартирмейстер вспомнил, что ему причитаются ещё два георгиевских креста и, в случае их получения – двойное жалование. Но чтобы добыть свои законные награды, ему требовался высокий покровитель.

П. Кошка всегда был храбрым человеком – он пошёл прямо к генералу С. А. Хрулёву, другому герою Севастопольской обороны, и напомнил ему, что до сих пор не получил Георгиевских крестов высших степеней, к которым был дважды представлен во время войны. Генерал не забыл матроса и немедленно написал соответствующее отношение, в котором, в частности, говорил: «...я считаю обязанностью засвидетельствовать, ...что помянутый матрос вполне достоин высшей степени Креста военного ордена...» 9 (21) декабря 1863 года последовало «высочайшее» повеление о награждении П. М. Кошки знаком отличия военного ордена второй степени – золотым Георгиевским крестом.

Сколько лет провёл он на военной службе после второго призыва? Точно это неизвестно, но легко высчитывается. Общий срок службы в то время ещё равнялся двадцати пяти годам, но после двадцати лет солдаты и матросы обычно отправлялись в запас. За П. М. Кошкой числилось около пятнадцати с половиной лет, значит, он мог прослужить и, вероятно, прослужил ещё более четырёх.

Окончательно расставшись с флотом, он снова вернулся в родной Замятинец, где вскоре женился. Последнюю половину жизни провёл здесь же в кругу семейства. Отставной квартирмейстер, известный всей стране как «матрос Кошка», умер 1 февраля 1882 года всего пятидесяти четырёх лет от роду (спасая двух детей из полыньи, он заболел воспалением лёгких, это и стало причиной его смерти – Ред.) и похоронен на местном сельском кладбище.

Советский народ не забыл героя. В 1955 году, когда отмечалось столетие обороны Севастополя, одновременно на родине П. М. Кошки и в Севастополе ему были открыты памятники. Кроме того, его бюст находится в нише на здании панорамы «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» наряду с другими героями знаменитой осады. Одна из улиц города-героя носит его имя.

Е. Венিকেев: «Ныне трудно представить, какое огромное впечатление произвела на современников оборона Севастополя 1854–1855 гг. Декабрист Н. А. Бестужев в своей статье по поводу оставления Севастополя писал: «Севастополь пал, но пал с такой славой, что каждый русский, в особенности каждый моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед». Сразу после войны по инициативе прогрессивной общественности в стране начался сбор средств на создание памятников павшим защитникам города».

ПАМЯТИ ГЕРОЕВ ПЕРВОЙ ОБОРОНЫ³²

Первый памятник, сооружённый на средства моряков, был открыт вскоре после освобождения города от англо-французских интервентов. Это был временный, очень скромный памятник, установленный у недостроенного Владимирского собора, в подвале которого были замурованы гробы с телами четырёх прославленных адмиралов. На памятнике была сделана надпись: «Здесь погребены: Адмирал Лазарев, скончавшийся в лето 1851 года и убиенные при защите г. Севастополя: Вице-Адмирал Корнилов, Контр-Адмирал Истомин, Адмирал Нахимов».

Под давлением общественности началось благоустройство Братского кладбища. В сентябре 1857 года здесь заложили мемориальный храм святого Николая по проекту архитектора А. А. Авдеева. В 1870 году его строительство было завершено. Из-за недостатка средств работы на Братском кладбище затянулись на долгие годы.

Возобновилось строительство Владимирского собора на городском холме, заложенного ещё до обороны города. Первоначальный проект выполнил архитектор К. А. Тон, но возглавивший строительство А. А. Авдеев полностью отказался от его плана и воспользовался лишь возведённым уже фундаментом. Таким образом, А. А. Авдеев является автором и этого собора, ставшего усыпальницей выдающихся адмиралов, памятником Крымской войны. Его сооружение завершилось в 1888 году.

Значительным событием стало открытие в 1869 году Севастопольского военного музея (ныне музей Краснознаменного Черноморского флота) в доме генерала Э. И. Тотлебена. В 1895 году для музея было построено специальное здание по проекту академика А. М. Кочетова.

А первый монумент герою севастопольской обороны был открыт не в Севастополе, а в Николаеве (1874 г.). Это памятник матросу Игнатию Шевченко, ценой жизни спасшему своего командира (автор М. О. Микешин). В 1902 году он был перенесён в Севастополь и установлен на Корабельной стороне.

- *Первым монументом, посвящённым Первой обороне, следует считать памятник еврейским воинам (скульптор Ф. Вернет), установленный на братской могиле воинов-иудеев в 1864 году к 10-й годовщине Севастопольской обороны. Трёхгранный обелиск из белого мрамора венчает сложно профилированный кубический постамент. В центральной части памятника – го-*

- *рельефное изображение орлов с распростёртыми крыльями, между ними – три овальных медальона: медаль «За защиту Севастополя», трубящий ангел и текст на иврите из книги псалмов: «Идущий от солдата к солдату да увидит знак Божий». На постаменте – мемориальные надписи на русском языке и иврите: «Памяти еврейских воинов, павших за отечество при обороне Севастополя во время войны 1854–1855 гг.»³³. (Фото 30)*
- *Кладбище, на котором похоронено около 600 воинов-евреев, находится в Панаиотовой балке на Северной стороне (ныне режимная территория) недалеко от Братского кладбища и является единственным некрополем солдат иудейского вероисповедания на территории бывшей Российской империи. Неудивительно, что Е. В. Венিকেев о нём не сообщает: о еврейском кладбище не упоминали даже в царское время, а в советский период оно было вообще забыто. Из забвения некрополь и памятник были возвращены лишь в конце прошлого столетия стараниями севастопольского журналиста Б. Н. Гельмана.*

Первым обелиском, появившимся в окрестностях города, следует считать памятник Альминскому сражению, проект которого выполнил в 1884 году инженер-полковник Геммельман.

Затем были воздвигнуты памятники В. А. Корнилову (1895 г.) и П. С. Нахимову (1898 г.), их авторы – художник А. А. Бильдерлинг и скульптор И. Н. Шредер.

С приближением пятидесятилетнего юбилея Севастопольской обороны в печати всё чаще стало высказываться мнение о том, что это событие следует увековечить целым комплексом памятников, обнимающим все события и места 349-дневной битвы. Поэтому в конце 1899 года был образован специальный комитет («Комитет по восстановлению памятников Севастопольской обороны» – *Ред.*), в который вошли многие участники обороны – представители всех родов войск, Черноморского флота, Севастопольского городского управления, а также лица, «известные своими историческими познаниями». В числе их был известный военный историк А. М. Зайончковский.

Комитет обратился к русской общественности, приглашая представить свои предложения о том, каким или какими должны быть севастопольские памятники. Выяснилось, что все высказывания сводятся к трём основным предложениям: восстановить очертания оборонительной линии с возведением отдельных монументов на местах сражений и особо известных укреплений; соорудить один гигантский памятник; создать в Севастополе в память обороны морской кадетский корпус. Последнее предложение комитет сразу же отверг как превышающее его полномочия (впоследствии к этой идее вернулись, и в 1911 году началось строительство крупного комплекса кадетского корпуса в балке Голландия по проекту архитектора А. А. Венсана).

Комитет начертил подробную программу будущих работ. Не буду её описывать – она почти полностью реализована. Главный принцип таков: обозначить на местности всю оборонительную линию и отдельными памятниками отметить наиболее важные узлы и события обороны. Отмечу некоторые особенно-

³² Используются статьи: Венিকেев Е. В. Памяти героев первой обороны // Слава Севастополя. 1981. 25 ноября; Первое пятидесятилетие // Слава Севастополя. 1991. 10 сентября; Юбилейное пятидесятилетие // Крымский комсомолец. 1991. Декабрь.

³³ Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. – Севастополь: «Телескоп», 2019. – С. 194.

ПАМЯТНИК ГЕНЕРАЛУ ОСТЕН-САКЕНУ³⁴

сти программы, от которых впоследствии, при более детальной проработке, пришлось отказаться.

Панораму собирались установить на Театральной площади (ныне Ушакова), а на её полотне одновременно изобразить три события: штурмы 6 июня, 27 августа 1855 года и бомбардировку с моря 5 октября 1854 года. Кроме того, намеревались восстановить отдельные участки английских и французских траншей.

Автором принципа системы мемориальных обозначений, принятых комитетом, следует считать П. Рерберга, изложившего свои предложения в газете «Русский инвалид» (1901 год), а затем более детально в журнале «Военный сборник».

Дальнейшее проектирование происходило следующим образом. Группа сева­стопольских авторов (городской архитектор А. М. Вейзен, архитектор градо­начальства Г. П. Долин и инженер Ф. Н. Еранцев) разработали проекты большинства памятников и мемориальных обозначений и отправили их в комитет. К этому времени (12 февраля 1902 года) в его состав ввели вице-президента Академии художеств графа Толстого, скульптора В. А. Беклемешева, архитекторов Л. Н. Бенуа и А. И. фон Готена.

Рассмотрев представленные проекты, комитет одни одобрил, другие приказал доработать, а на проект здания панорамы объявил конкурс. Проекты, занявшие на конкурсе три первых места, представили Николаю II, который утвердил получивший вторую премию (он и был реализован).

Поражает скорость, с которой проделана подготовительная работа. 14 мая 1902 года все проекты оказались в Севастополе, где уже образовалась строительная комиссия комитета под руководством генерала от артиллерии М. И. Пивоварова, тут же приступившая к работе.

Скажем несколько слов о финансировании. В том же 1902 году появилось «Воззвание комитета о восстановлении памятников Севастопольской обороны». В нём говорилось, что государь император повелел «...отпустить из государственного казначейства средства, необходимые для этого обширного дела в главных его чертах». Но так как «незабвенная в истории России оборона Севастополя, непререкаемое свидетельство мощи и духовной крепости русского народа, изумивших весь мир, есть... не только достояние русской армии и флота, но и всего русского народа. А потому широкое увековечение памяти обороны Севастополя, помощь престарелым ветеранам и надзор за местами успокоения усопших должны быть предметом попечения для всей России». В связи с этим разрешалась всеобщая подписка с тем, чтобы «знать фамилии жертвователей для включения их в книги, которые будут храниться в музее Севастопольской обороны».

Мне неизвестно, какая сумма собрана по подписке, но в 1905 году было объявлено, что пожертвования населения расходовались только на богоугодные цели (кладбища, церкви, благотворительная деятельность), а весь комплекс памятников Севастополя (за редким исключением) сооружён за государственный счет.

За счёт города произведена также прокладка поливочных водопроводов к скверам у памятников, принято доленое участие в благоустройстве Приморского бульвара и сооружён на нём памятник начальнику сева­стопольского гарнизона генералу Д. Е. Остен-Сакену.

Он находился в Севастополе на территории современной спортивной базы КЧФ (ныне здание спортивного центра морской и физической подготовки МО РФ – *Ред.*) на Николаевском мысу, недалеко от Графской пристани, над мемориальным обозначением начала плавучего моста через рейд.

Генерал, граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен (1790–1881), с декабря 1854 года до конца осады являлся начальником гарнизона Севастополя, был человеком храбрым и с высоким чувством долга. Жил на Николаевской батарее на одноименном мысу, взорванном после окончания осады. Впоследствии правительство подарило ему участок земли, который и занимала его квартира.

При устройстве в 80-х годах прошлого века на месте Николаевской батареи Приморского бульвара наследники Д. Е. Остен-Сакена согласились передать городу принадлежавший им участок при условии сооружения на нём памятника генералу. Условие было принято, но исполнили его только при подготовке к празднованию 50-летия обороны. 17 (30) ноября 1904 г. городская дума дала поручение городской управе заказать памятник и выделила на это пять тысяч рублей. В феврале следующего года подписали договор с петербургским скульптором А. А. Поповым. В октябре он прибыл в Севастополь с готовым бюстом. 11 (24) ноября 1905 г. памятник закончили (но официально открыт он был только в 1909 году – *Ред.*). (*Фото 31*)

Монумент был невелик (высота всего 2,1 м), на постаменте, под графской короной текст: «Граф Дмитрий Ерофеевич Остен-Сакен. Род. 1790. сконч. 1881». Ниже помещался овальный барельеф, изображавший плавучий мост через Севастопольскую бухту. Постамент имел декоративный пояс с растительным орнаментом. Изготовлен из серого гранита. Точной даты уничтожения памятника нет. Вероятно, это произошло в конце 20-х – начале 30-х годов, когда усиленно сносили монументы классовым врагам.

В июле 1904 года городская управа обратилась в думу с предложением о наименовании ряда улиц города в честь наиболее прославленных героев осады. Предложение было принято (с тех пор многие из них переименованы).

Главные работы по увековечению героической обороны завершились к пятидесятилетию обороны Севастополя. Было выполнено мемориальное оборонительное обозначение оборонительной линии, созданы скверы и аллеи, закончено благоустройство Исторического бульвара, сооружено более двадцати монументов. Самые известные из них, бесспорно, – памятник Затопленным кораблям и панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Первый окончен в июле 1905 года, его авторами являются скульптор Аманд Иванович (Амандус-Генрих) Адамсон и архитектор В. А. Фельдман при участии инженера О. И. Энберга. Панорама (автор полотна – художник Ф. А. Рубо) была открыта в мае 1905 года в специальном здании, выстроенном по проекту О. И. Энберга при участии В. А. Фельдмана.

- Однако не всё, что планировали, удалось воплотить. О двух интересных,
- но так и не реализованных проектах, сообщалось в статье «Восстановление

³⁴ Таврические ведомости. 1993. № 28.

- линии Севастопольской обороны» («Новое время», 1902 г.). Так, на четвёртом бастионе «будет воспроизведён правый фас в таком же точно виде, в каком он был к концу обороны, а левый таким, каким был к началу её, чтобы дать наглядное выражение того, что было и что стало с этим типичным пунктом обороны». Планировали увековечить и «подвиг 78 чинов батальона, которым командовали полковник Манто и капитан Стамати. Эта в буквальном смысле слова горсть храбрецов выдержала четырьмя мортирками вступление английской армии с суши, со стороны Севастополя. с десяти часов утра до 2 ч. пополудни армия не могла войти. На гегуэзских высотах, откуда отражали вступление англичан храбрые балаклавцы, будет также поставлен памятник защитникам Балаклавы».

Надо сказать, что работы производились не только в Севастополе. Например, в Симферополе выполнили ремонт кладбища времен Крымской войны и даже в Стамбуле соорудили памятник на могиле неизвестного русского офицера, умершего в плену. Это был крест с надписью: «Русскому офицеру – русские офицеры 1854–1855 гг.». Военные кладбища Севастополя содержались в порядке и в ремонте не нуждались.

Торжества по случаю юбилея намечались на 5 октября 1904 года (день первого бомбардирования города). Но 22 июня 1904 года объявлено, что «юбилейные торжества по поводу 50-летнего юбилея Севастопольской обороны, долженствовавшие быть в октябре сего года, откладываются впредь до окончания войны с Японией».

Официальное открытие севастопольских памятников состоялось 27 сентября 1905 года. В девять часов утра у Брестских казарм собрались: главный командир Черноморского флота Г. П. Чухнин, городской голова А. А. Максимов, высшие офицеры флота и гарнизона. Вскоре прибыл великий князь Александр Михайлович в сопровождении генерал-майора А. М. Зайончковского (известный историк, заместитель великого князя в должности председателя комитета).

В часовне на месте смерти В. А. Корнилова отслужили панихиду, затем собравшиеся посетили Малахов курган, а оттуда отправились в Инкерман. Здесь осмотрели пещерный храм, реставрированный в память Инкерманского сражения (сейчас полуразрушен, находится в устье Каменоломенного оврага), позавтракали и разошлись. 5 октября состоялся военный парад, во всех церквях города отслужили панихиду, занятия в школах были отменены.

ИЗОБРАЖЕНИЙ НЕ СОХРАНИЛОСЬ³⁵

Часовня на месте смерти Корнилова находилась в Севастополе, в казармах Брестского полка. Ныне здесь улица Героев Севастополя, троллейбусная остановка «Памятник Героям подводникам», а на самом месте часовни – пятиэтажный послевоенный жилой дом.

³⁵ Таврические ведомости. 1993. № 33.

Раненный на Малаховом кургане 5 октября 1854 года В. А. Корнилов, начальник штаба Черноморского флота и руководивший, на то время, обороной города, был перенесён в Морской госпиталь, где в тот же день скончался со словами «... отстаивайте же Севастополь». После Крымской войны разрушенный госпиталь снесли, и на этом участке построили казармы 49-го Брестского пехотного полка.

К 50-летию первой обороны на месте, где стояла кровать, на которой умер адмирал, соорудили мемориальную часовню. Можно уверенно предположить, что её автором является городской архитектор А. М. Вейзен, спроектировавший ряд подобных сооружений и в других местах. К сожалению, ни одного изображения памятника пока обнаружить не удалось. Неизвестны также время и обстоятельства его уничтожения.

Сравнительно недавно (в последнее десятилетие) на территории казарм поставили бюст В. А. Корнилова, а у его подножия поместили горизонтальную доску, выполненную «под старину». Я не смог осмотреть новый памятник, так как казармы по-прежнему используются по прямому назначению, пользовался только фотографией. Думаю, что текст на доске повторяет первоначальный, некогда помещённый на часовне. Вот он: «Генерал-адъютант, вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов, смертельно раненый на Малаховом кургане. Скончался здесь в бывшем морском госпитале в 3 ½ часа дня 5 октября 1854 года». Надпись имитирует старинное правописание, но с ошибками, что подтверждает, что это новодел.

Но славный юбилей отметили не только сооружением памятников, превративших Севастополь в музей под открытым небом, но и различными льготами для ветеранов знаменитой обороны.

Надо сказать, что они всегда пользовались величайшим уважением, особенно лица, удостоенные ордена Святого Георгия. Для того, чтобы ветераны знали свои права и привилегии, в 1907 году сочли нужным даже выпустить специальную «Памятку ветерана-севастопольца». Там сказано, что в соответствии с приказом Николая II от 21 августа 1904 года «...ветеран получает юбилейную пенсию, если к тому же он был ранен, то получает ещё пенсию из сумм Александровского комитета о раненых; при нужде в медицинской помощи – к его услугам бесплатные севастопольские вакансии на климатических лечебных станциях (санаториях. – Е. В.), а умер ветеран – вдова его поступает под покровительство Александровского комитета о раненых или призывается из особого «Севастопольского капитала» в 30 тысяч рублей, ежегодно ассигнуемого для этой цели в распоряжение августейшего председателя комитета по управлению Севастопольским музеем».

Сколько же человек получило юбилейную пенсию? На 5 октября 1904 года в их числе было 90 генералов, 402 офицера, 108 гражданских чиновников, четыре священника, десять сестёр милосердия и 8048 «нижних чинов». Все они были награждены специальной юбилейной медалью.

МЕМОРИАЛ «БРАТСКОЕ КЛАДБИЩЕ»

Этот некрополь защитников Севастополя 1854-1855 гг. для Е. В. Веникеева был особенно дорог. Вот как он писал в одной из своих статей: «В 1971 году мне поручили заниматься проектом реставрации Братского кладбища. Первоначально я отнесся к этому делу, как к обычному поручению. Но постепенно, читая имена, начертанные на памятниках, стал как бы погружаться в глубины истории. Появилась тяга знать подробности жизни того времени, мелочи боевого быта, захотелось воочию увидеть картину героической эпопеи. Стал изучать архивные документы, сохранившиеся чертежи памятников... Давно закончен и реализуется проект реставрации Братского кладбища, а я упорно пополняю картотеку, куда заносу сведения обо всех похороненных здесь защитниках Севастополя»³⁶.

РОДИНА – СЫНОВЬЯМ³⁷

Памятники Севастополя имеют огромную притягательную силу. Казалось бы, такие привычные, столько раз виденные, они влекут к себе снова и снова. Порою как бы оживает холодный камень, и тогда прошлое врывается в твоё сознание грохотом боя, неистовством атак, каким-то щемлящим чувством любви и благодарности к тем, кто защищал и освобождал священную севастопольскую землю. И предстают перед твоим мысленным взором они, защитники и освободители, герои далёкого и недавнего прошлого – революционных битв, первой и второй обороны, победной весны 1944-го...

Памятников героям первой обороны много, но ни один так не потрясает, не дает такого чувства сопричастности, как огромный мемориал – Братское кладбище. Оно занимает холм на окраине Северной стороны, опоясанный каменной стеной, заросший деревьями. Из их чащи на вершине вздымается монументальная каменная пирамида. Это храм св. Николая³⁸ – общий памятник всем погибшим в оборону русским воинам. (Фото 32)

³⁶ Веникеев Е. В. Вглубь истории // Слава Севастополя. 1983. 5 февраля.

³⁷ Печатается с сокращениями по изданию «Крымские каникулы», Симферополь: «Таврия», 1985.

³⁸ Часто в различных публикациях этот храм называют часовней. С этим категорически был не согласен Е. В. Веникеев. «Эта церковь всегда называлась храмом, – писал он в одной из рецензий, – кроме того, одна её высота (более 30 м) не позволяет её называть часовней» – *Ред.*

Перед главным входом два дома в готическом стиле с крутыми фронтонами и высокими трубами: здесь жили ветераны войны – смотрители кладбища. Ворота оформлены башнями, повторяющими в уменьшенном масштабе храм св. Николая.

Петропавловское (позднее названное Братским) кладбище было устроено по специальному указанию начальника штаба Черноморского флота В. А. Корнилова 21 сентября 1854 года. Оно было самым большим из военных кладбищ Севастополя той поры: потому-то его и избрали местом создания мемориального комплекса. 17 декабря 1856 года Морское министерство призвало моряков начать сбор пожертвований для этой цели, деньги жертвовали также военнослужащие-армейцы и гражданское население. 5 сентября следующего года состоялась торжественная церемония закладки на вершине холма храма-памятника по проекту архитектора А. А. Авдеева. Строительство продолжалось до 1870 года.

Почему автор придал памятнику форму пирамиды, совершенно не свойственную православным церквям? Причин могло быть несколько. Во-первых, был прецедент – такой же формы памятник в Казани. Его соорудили в 1823 году по проекту архитектора Н. Ф. Алферова на могиле русских воинов, павших при взятии города в 1552 году. Во-вторых, А. А. Авдеев интуитивно нашёл форму, наиболее подходящую для данной местности. Известный историк архитектуры Н. И. Брусов писал: «Благодаря контрастам в пределах спокойного целого, пирамида проникается огромной внутренней жизнью и колоссальной силой воздействия. При большом внешнем спокойствии достигается большое внутреннее напряжение». Но А. А. Авдеев не мог, да и вряд ли имел намерения совершенно порывать с традицией. В пирамиду он удачно вписывает однокупольный храм в византийском стиле, на внутренних стенах которого высечены имена погибших офицеров (правда, далеко не всех)³⁹.

Своеобразная летопись подвига и на наружных гранях пирамиды: здесь список частей Севастопольского гарнизона с указанием потерь убитыми и ранеными. Внутри храм был украшен фресковой живописью, выполненной художниками М. Н. Васильевым, А. Е. Корнеевым, А. Д. Литовченко. Мозаичный образ Христа над входом был создан по рисунку известного художника Ф. А. Бруни. Таков был этот памятник в его изначальном виде. (Фото 33)

К сожалению, живопись просуществовала недолго из-за сырости в храме. Отопление в церкви было устроено только в 80-х годах прошлого века, когда живопись пришлось уже заменить смальтовой мозаикой. Эту трудоёмкую и дорогостоящую операцию выполнили специалисты мастерской Антонио Сальвиати в Венеции по картонам севастопольского художника М. Н. Протопопова в 1886 году.

Храм сильно пострадал в годы Великой Отечественной войны. В верхнюю часть пирамиды попал снаряд, разрушивший звонницу, крест рухнул на землю и разбился на несколько частей. Почти полностью была уничтожена мозаика. Ныне храм объявлен памятником архитектуры республиканского значения. Ведётся его реставрация (авторы проекта И. А. Шмульсон, В. И. Майко, Т. В. Гусельникова), которая уже близка к завершению.

³⁹ На 38 чёрных мраморных досках 943 фамилии. А согласно официальной статистике, потери офицерского корпуса Российской армии в годы Крымской войны составили убитыми и умершими от ран 1201 офицер и генералов, не считая пропавших без вести – *Ред.*

Одновременно со строительством храма-памятника происходило благоустройство территории кладбища. Сегодня оно для нас – Память. И потому нам небезразлично, кто покоится под надгробиями, сколько человеческих жизней унесла эта война и для кого из защитников Отечества (хотя бы числом, безымянно) Братское кладбище стало последним приютом.

Итак, сколько человек здесь похоронено?

С лёгкой руки Г. Москвича, автора популярных до революции путеводителей по Крыму, вошла в краеведческий оборот цифра: 127 587 человек. Однако, по данным архива канцелярии Военного министерства, общее число убитых, умерших от ран и болезней под Севастополем составило в русской армии 124 816 человек (потери неприятеля были больше – около 155 тысяч). Выходит, Г. Москвич похоронил на Братском кладбище все жертвы войны, и даже кое-что прибавил. Но, кроме Братского (оно самое большое), были и другие кладбища. Только в Севастополе мне известны девять мест захоронения того времени (всего в окрестностях Севастополя насчитывалось 16 военных кладбищ – *Ред.*), в том числе Михайловское кладбище (ныне не существует), по площади ненамного уступавшее Братскому. А умерших от ран хоронили также в Бахчисарае, Симферополе (здесь погребено около 20 тысяч человек), Карасубазаре (ныне Белогорск) и других городах, где были устроены госпитали.

Участник обороны Севастополя П. В. Алабин так описывает погребение «нижних чинов» на Братском кладбище: «Могила делают в виде большого квадратного ящика глубиной сажени в полторы (около трёх метров – *Е. В.*). На дно кладут покойников рядом друг к другу, зарывают их и потом кладут второй ряд трупов, а иногда, когда слишком велик привоз с Южной стороны, кладут и в третий ряд. Таким способом в могилу кладут от 50 до 80 человек».

Это свидетельство позволяет определить общее количество погребённых, исходя из цифры 50–80 человек на братскую могилу. Таких могил в наши дни сохранилось 427, а первоначально их было около 500 (многие разрушены во время Великой Отечественной войны). Даже приняв максимальную цифру – 80 человек, получим общее количество только сорок тысяч. Я сейчас написал «только» и содрогнулся: ведь это же вдвое больше, чем всё гражданское население Севастополя перед началом Крымской войны!

Индивидуальных могил, где погребены офицеры, сохранилось 128, на них читаются 149 имён (не считая перезахороненных с других кладбищ в последние годы), но источники называют ещё десятки лиц, могилы которых не сохранились. Но, если даже число похороненных здесь офицеров достигало 300 человек, это всё равно ненамного увеличивает общую цифру.

- Но общее количество похороненных на кладбище можно посчитать достаточно точно. Ведь примерно известно количество убитых за одиннадцать месяцев обороны нижних чинов, которых и хоронили в братских могилах. Сопоставив данные Э. И. Тотлебена (15250 человек), А. П. Хрущова (14000), Н. С. Милошевича (13179) и А. М. Зайончковского (16675), возьмём последнее максимальное число за основу. «Учитывая, что незначительную часть убитых хоронили на Михайловском кладбище, – пишет современный исследователь некрополя В. М. Морозов, – частично – в Доковом овраге,

- Ушаковой и Аполлоновой балках, как исключение – на месте гибели, примем погребённых на Братском кладбище за 80-85% от общего числа убитых. Это составит 14463 человека, что и будет количеством погибших и погребённых в братских могилах. В настоящее время известны 132 фамилии офицеров, памятники которым сохранились на территории Братского кладбища. Автором с помощью различных источников составлен список из 222 утраченных надгробий, общее число которых составляет 354. Следовательно, на Братском кладбище похоронено погибших «в стенах» города 14816 (14463 + 354) защитников Севастополя».
- Далее к этому числу краевед предлагает добавить умерших от ран в госпиталях и перевязочных пунктах как Южной, так и Северной сторон, а также убитых, вывезенных с мест двух сражений – Балаклавского (124 погибших) и Чернореченского (1200). Округлив по максимуму, получим около 18000 упокоенных на Братском кладбище до недавнего времени! В 1956 году сюда были перенесены останки с Малахова кургана, в 2004 году с поля Инкерманского сражения, а в 2013 году вновь найдённые погибшие в Чернореченском сражении – всего около полутора тысяч. В итоге получается окончательная сумма: не более 20 тысяч защитников Севастополя⁴⁰.

В немногочисленных литературных источниках, упоминающих Братское кладбище, общим местом стало утверждение, что погибших хоронили по полкам и родам войск. Возможно, это в какой-то мере и справедливо по отношению к погребённым в братских могилах, хотя современники событий не сообщают таких сведений, но в индивидуальных захоронениях никакой системы не было. Сапёры, артиллеристы, кавалеристы и моряки покоятся рядом без различия чинов и видов оружия, которые разделяли их при жизни⁴¹.

В 1872 году Симферопольская инженерная дистанция под руководством инженер-полковника К. Е. Геммельмана (он же автор монумента на месте Альминского сражения) разработала 19 не похожих друг на друга проектов памятников на братских могилах. Так была решена главная проблема мемориала, огромного по тем, да и по нашим временам, – проблема создания цельной композиции ансамбля. К этому надо добавить, что каждый памятник в пределах одного типового проекта наделён некоторыми индивидуальными чертами, не делающими его простой копией другого.

- На самом деле разнообразных по оформлению памятников на братских могилах больше – около 40 типов надгробий, среди которых: стилизованные часовни с элементами русского стиля и классические формы кладбищенской архитектуры (obelisks, пирамиды, стелы, жертвенники, саркофаги). В ряде памятников нашёл отражение мотив ордена Св. Георгия, девиз которого – «За службу и храбрость», что подчеркивало воинский характер некрополя. (Фото 34)

⁴⁰ Морозов В. М. Загадки Братского кладбища. – Севастополь, 2016. – С. 11.

⁴¹ В настоящее время некоторые братские могилы «подписаны»: Севский полк, Камчатский полк, Якутский полк... Однако это связано с реставрацией кладбища в начале 2000-х годов. Тогда администрация городов и областей, где формировались воинские полки, которые затем участвовали в обороне Севастополя, предложили оказать материальную помощь, отметив своё участие на братских захоронениях – *Ред.*

Что касается памятников или надгробий на индивидуальных могилах, то их размеры и материал зависели, естественно, от имущественного положения родственников погребённого. Впрочем, надо отметить, что памятники сооружались нередко и на средства однополчан. На кладбище продолжали хоронить участников обороны (их называли «севастопольцами»), это считалось особо почётным, и поэтому каждый раз испрашивалось специальное разрешение императора. Самый поздний из сохранившихся памятников – П. В. Щепанскому – датирован 1912 годом.

Благоустройство кладбища сопровождалось паркостроительными работами. И делалось это очень искусно. В 1870–1875 годах весь холм оделся в зелёный наряд, причём высаживались деревья, доставленные из Никитского ботанического сада и Одесского питомника. Даже Г. Москвич, обычно не грешивший в своих путеводителях излишней чувствительностью, описывая Братское кладбище в начале XX века, позволяет себе некоторый лиризм: «...Кладбище прекрасно содержится, утопая в зелени густо разросшихся деревьев. Кипарис, каштан, сирень, белая и жёлтая акация, миндаль, туя и клумбы цветов приветливо встречают посетителя, обвешанного грустными воспоминаниями прошлого».

Во время второй героической обороны Братское кладбище стало местом боёв. Многие памятники были разрушены, другие иссечены пулями. К началу 70-х годов сохранилось 599 памятников. Настоятельно требовалась реставрация!

В 1970 году приступили к составлению проекта, разработка которого продолжалась менее двух лет. О сложности задачи, которую пришлось выполнить проектировщикам (руководители авторского коллектива В. М. Артюхов и автор этого очерка), говорит объём проекта – 1244 листа обмерных и реставрационных чертежей. Значительная часть работ, предусмотренная проектом, уже выполнена, но до их завершения ещё далеко.

Самый известный памятник мемориального комплекса – генерал-лейтенанту С. А. Хрулёву (1807–1870), он – первый от главного входа. Не будем останавливаться на описании этой каннелированной колонны (т.е. с вертикальными бороздками), украшенной бюстом и орлом (автор – скульптор Годебский), это сделано уже не раз, а внимательно прочтём эпитафии, высеченные на мраморных досках. Но прежде несколько слов об эпитафиях вообще. Их собрание и изучение, некогда широко распространённые в нашей стране, ныне прочно забыты. А ведь эпитафия – это литературное произведение, зачастую несущее в себе, благодаря лаконизму и выразительности, эмоциональный заряд исключительной силы. Во многом искусство создания эпитафий в наши дни утрачено. Тем поучительнее обратиться к наследию прошлого, для чего Братское кладбище даёт богатый материал. Лучший тому пример – памятник С. А. Хрулёву. (Фото 35)

Первое, что видим на нём, это великолепный в своей поистине гениальной краткости текст: «Хрулёву – Россия». Он имеет не только символический, но и конкретный смысл – памятник создан на средства, собранные по всей стране. На другой доске стихи:

*К бессмертной славе за собою
Он благодетелей водил!
И громкой славой боевою –
Средь благодетелей почил.*

Этот экспромт произнесён генералом В. Коссинским, участником обороны, на очередном, после смерти С. А. Хрулёва, севастопольском обеде (ежегодной встрече участников обороны) 20 февраля 1871 года. Тогда же другой «севастопольец», генерал-лейтенант П. К. Меньков, познакомил присутствующих с речью, произнесённой одним из общественных деятелей города на похоронах С. А. Хрулёва. Вводная часть этой речи, несколько изменённая для придания ей большей ритмичности, также высечена на памятнике:

*Порадайтесь, холмы погребальные,
Потеснитесь и вы, благодетели!
Вот «старатель» и ваш пришёл
Доказать вам любовь свою,
Дабы видели все, что и в славных
Боях и в могильных рядах
Не отстал он от вас!
Сомкните же теснее ряды свои,
Храбрецы беспримерные,
И героя Севастопольской битвы
Окружите дружнее в вашей
Семейной могиле!*

Часто повторяющееся в эпитафиях на этом памятнике слово «благодетели» – любимое обращение генерала к солдатам. Себя же он называл их «старателем».

На всех индивидуальных памятниках сегодня ещё можно прочесть 152 имени, и каждое из них хочется упомянуть. Назову лишь несколько героев обороны – насколько позволяет объём очерка. Здесь похоронены командиры батарей Ф. Ф. Нарбут, И. М. Манто, Н. С. Эсмонт, Н. И. Костомаров и другие; штабс-капитан Ю. С. Островский, убитый 8 июня 1855 года, когда он во главе своей роты бросился отбивать захваченную французами батарею Жерве; майор А. М. Беляев, павший, как свидетельствуют воспоминания, «с беспримерным мужеством... пронзённый штыком в грудь» 26 мая 1855 года у Селенгинского редута; прапорщик В. Насакин, который тушил на Малаховом кургане горящий пороховой погреб, ежеминутно грозивший взрывом; И. Г. Руднев, командир парходофрегата «Херсонес»...

В заключение рассмотрим один из лучших в художественном отношении памятников – М. Д. Горчакову (1793–1861), главнокомандующему Крымской армией в конце осады. Монумент выполнен в виде часовни с шатровой кровлей, изнутри расписан фресками. Создатель памятника – архитектор А. А. Авдеев, живопись выполнил художник М. Н. Васильев. Памятник, однако, находится не в лучшем состоянии. Живопись (единственный сохранившийся в Севастополе образец творчества М. Н. Васильева) давно нуждается в реставрации, исчезли доска с эпитафией и мраморный бюст М. Д. Горчакова, находившийся внутри часовни. К счастью, текст эпитафии сохранился и, надо полагать, будет при реставрации восстановлен. Вот этот текст: «Тело покойного по его желанию погребено среди воинов, не допустивших врага отечества перейти за рубеж того места, где находятся их могилы». (Фото 36)

Сохранить Братское кладбище, сделать его благоустроенным мемориальным комплексом – наш патриотический долг. Некрополь времён Крымской войны – это не только память о тех героях, чьи фамилии мы ещё можем прочесть на надгробиях. Это, прежде всего памятник народному подвигу.

Рядом с Братским, в общей с ним ограде, расположено кладбище советских воинов, отдавших жизнь при обороне города в 1941–1942 гг. Это глубоко символично: оба кладбища – как бы единый мемориал мужеству, стойкости наших матросов, солдат и офицеров – защитников Севастополя, принадлежащих разным историческим эпохам, но единых в главном – верности Отечеству.

Зимой 1961 года я, тогда ещё очень молодой человек, два года как окончивший институт, получил от своего начальника, а впоследствии учителя и друга, Валентина Михайловича Артюхова задание: произвести инвентаризацию кладбища в связи с составлением проекта его реконструкции. Дело показалось мне нетрудным и заключалось в следующем: нужно было пронумеровать все могилы в «натуре» и, соответственно, на топографическом плане и скопировать надписи. Поручение было не сложным, но очень ответственным: ведь временные, наспех устроенные ещё во время войны из бетона и металла памятники будут разобраны и заменены новыми, выполненными из мрамора и гранита, на них высекут на века старые тексты и фамилии, переписанные мною. В такой ситуации малейшая ошибка непростительна, более того – преступна.

Я прибыл на место во второй половине дня и тут же принялся за дело. На надгробия старался смотреть чисто отвлечённо – как на объект, который нужно поточнее зафиксировать. Однако постепенно обстановка стала на меня действовать. Я медленно бродил, в совершенном одиночестве, среди могил на вершине обдуваемого ветром холма, по засохшей траве, как-то траурно шелестевшей под ногами. По безрадостному зимнему небу низко неслись рваные серые тучи, иногда они раздражались мелким дождём, скрывавшим перспективу бухты и города. Обнажённые ветви ив тянулись, сплетаясь, по ветру; ветки акаций, казалось, цеплялись за тучи. Ни шума порта, ни звуков городской жизни не долетало сюда, только шорох сухой травы да посвист обнажённых ветвей. И под этими сиротливо нагими деревьями, под этим серым, низким, мрачным небом бродил я, вчитываясь в надписи на памятниках: «Политрук Фурин, 1942», «Младший лейтенант Итаев, 1942», «Медсестра Вера, 1942».

Вот так, наедине с Памятью, глубоко, по-настоящему постигаешь трагизм, жестокость, бесчеловечность войны, познаёшь истинную цену подвига самопожертвования! Лежащие здесь были не старше, а многие и моложе меня, каким я был в те годы. Они убиты и похоронены, и даже фамилии некоторых неизвестны.

С тех пор здесь многое изменилось, кладбище реконструировано, превратилось в крупный мемориальный комплекс. Весь участок имеет форму трапеции, осью композиции некрополя является главная аллея, начинающаяся от входа, по сторонам которого установлены якоря. Слева и справа от неё расходятся дорожки, вдоль которых лежат плоские гранитные плиты с именами погребённых.

Подножие некрополя скрыто кипарисами, ивами, вечнозелёным кустарником. Верхняя его часть открытая – на ней только газон. Весь мемориал словно осеняет склонённое знамя в руке монументального Скорбящего Матроса.

Памятник воздвигнут в 1963 году, его авторы – скульптор П. И. Бондаренко, архитекторы А. А. Заварзин и В. М. Артюхов. (Фото 37)

Очень продуманно, удачно устроен подход к этому впечатляющему 12-метровому монументу, бронза которого контрастно выделяется на фоне белых стен из известняка. Поднимаясь к памятнику по любой из двух ведущих к нему дорожек, вы можете охватить его взглядом весь, а заодно и детали: скорбно обнажённую голову Матроса, бескозырку в одной его руке и знамя в другой. На пьедестале гордая и лаконичная надпись: «Родина – Сыновьям».

Памятник стоит на вершине холма, высота которого увенчана искусственной насыпью. Монументальность всего сооружения подчёркивают широкие ступени лестничных маршей.

На стенах слева и справа высечены горельефы – очень пластичные, исполненные силы, энергии. Горельефы изображают борьбу команды за жизнь корабля – внутри него, внизу, под палубой. На правом могучий матрос зажал спиной пробойину в борту. Рядом профиль офицера – волевой, решительный облик. На левом горельефе прекрасно высечены несколько фигур: обнажённый по пояс матрос поддерживает рухнувшую балку; офицер спокойно, даже как-то буднично отдаёт приказание по телефону; укутанный покрывалом раненый на руках двух товарищей. (Фото 38)

Рельефные композиции высечены в местном твёрдом известняке, добытом в окрестностях Севастополя и обычно называемом крымбальским камнем. Авторы умело использовали зернистую структуру материала для придания фигурам особой выразительности. На мой взгляд, монумент «Родина – Сыновьям» по силе эмоционального воздействия, по удачному расположению и гармоничному соответствию частей – лучший памятник Севастополя, посвящённый героике нашего, советского времени.

- *Е. В. Венিকেев осторожно обходит острые вопросы, касающиеся этого монумента. У читателя, не видевшего памятник, может возникнуть ощущение, что он посвящён морякам-черноморцам, оказавшимся во внешнеатлантической ситуации. Между тем мемориал «Родина – сыновьям» воздвигнут на огромной братской могиле моряков линкора «Новороссийск». Более 30 лет не только подробности гибели линкора 29 октября 1955 года, но даже сами эти события не подлежали разглашению.*

РОМАНС ГУСАРА-КОМПОЗИТОРА⁴²

*Утро туманное, утро седое,
Ивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые...*

Один из известнейших русских романсов... Какая щемящая тоска в мелодии, как полны об ушедших днях слова:

*Вспомнишь обильные, страстные речи,
Взгляды, так жадно и нежно ловимые,
Первая встреча, последняя встреча,
Тихого голоса звуки любимые.*

Поражает исключительное соответствие музыки тексту. Романс льётся плавно, как бесконечные русские равнины, по которым бежит, пропадая из глаз, пустынная дорога...

Кто авторы этого произведения, так полно передающего сокровеннейшие чувства человека?

Что касается стихов, то их создатель давно известен – это Иван Сергеевич Тургенев. А вот с музыкой дело обстоит сложнее. Одно время авторство приписывали И. В. Мещерскому, композитору А. М. Абаза, певице В. В. Абаза. Но в 1971 году журналистка Б. Мещерская доказала, что создателем мелодии знаменитого русского романса является Эраст Агеевич Абаза («Кругозор», 1971, № 8).

Мало кто знает, что жизнь этого незаурядного человека окончилась в Крыму, на окровавленных бастионах Севастополя. Он и погребён здесь, на Братском кладбище, среди своих боевых товарищей – героев первой обороны нашего города. Его имя возглавляет список погибших офицеров Житомирского полка, высеченный на стене мемориального храма св. Николая, пирамида которого возносится на вершине холма, занятого кладбищем.

Абаза – старинный дворянский род – происходит из Молдавии. Эту фамилию в XIX веке носили многие военные и гражданские чиновники, добивавшиеся высоких постов.

В 1901 году в Москве вышли «Воспоминания князя Александра Васильевича Мещерского». Автор поддерживал близкие дружественные отношения с Э. А. Абаза в конце сороковых – начале пятидесятых годов прошлого века. Они вместе служили в Петербурге в лейб-гвардии гусарском полку.

В это время общественная жизнь России была зажата в железных тисках монархии Николая I. Прогрессивно мыслявшие и образованные люди, чтобы не задохнуться в затхлой атмосфере, искали прибежища в увлечении искусством. Писали стихи, романсы, играли в любительских спектаклях, посещали занятия в Академии художеств, занимались живописью.

Э. А. Абаза, А. В. Мещерский и их друзья страстно увлекались музыкой. В свободное от службы время они посещали оперу, слушали цыганские ор-

кестры и хоры, музицировали и сами сочиняли. Эти занятия были далеко не безопасным делом: полк размещался в окрестностях столицы, и появляться в Петербурге без служебной надобности офицерам строжайше запрещалось. Гусары, пренебрегали этим запретом, что не всегда сходило с рук. Однажды зимним вечером Э. А. Абаза и А. В. Мещерский в очередной раз отправились в оперу. На одной из улиц Петербурга они почти столкнулись с экипажем брата царя, великого князя Михаила Павловича. Он приказал друзьям остановиться и подойти к нему. Абаза и Мещерский осмелились послушаться – началась погоня. После бешеной скачки по заснеженным улицам столицы им удалось скрыться. К счастью, великий князь не узнал офицеров, и эта история, которая могла иметь для них самые печальные последствия, окончилась благополучно. Но в то время, чтобы решиться игнорировать личное приказание брата самого императора, надо было быть безумно смелыми людьми.

И ещё эпизод, демонстрирующий широкую, истинно гусарскую натуру Эраста Агеевича. Однажды он пригласил сослуживцев и цыганский хор в свой загородный дом. Когда поздней и очень морозной ночью они прибыли туда, то обнаружили, что в доме совершенно нет дров. Ни минуты не колеблясь, Абаза велит ломать дорогую мебель, бросать в камин и сам подаёт тому пример. Вскоре гусары слушают пение цыган в гостиной, отапливаемой дровами из красного дерева.

Я думаю, что князь Мещерский, когда в глубокой старости писал мемуары, с особым удовольствием вспоминал именно такие эпизоды из своей буйной молодости. В них Абаза предстает классическим гусаром в том стиле, который обессмертил Денис Давыдов:

*Я люблю кровавый бой,
Я рождён вне службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мой золотой.*

Но Давыдов одновременно с лихими «гусарскими» стихами писал и лирические элегии. Так и Э. А. Абаза – блестящий гусар, светский человек, он создаёт щемяще-тоскливый романс «Утро туманное, утро седое». Причём вносит в текст И. С. Тургенева существенную поправку. Третья строфа романса начинается так:

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь давно позабытое...*

У Тургенева вторая строка здесь выглядит иначе: «Многое вспомнишь, родное, далёкое...». Изменение, внесённое Э. А. Абаза, очень удачно и больше соответствует общему содержанию стихотворения, смысл которого – невольные воспоминания о прошлом, преданном забвению.

В 1853 году вспыхнула Восточная (Крымская) война. На стороне Турции против России выступили Англия, Франция, а также Италия. Осенью 1854 года неприятельские армии высадились в Крыму и осадили Севастополь.

Гвардия не принимала участия в военных действиях. Николай I, а затем Александр II, очевидно, берегли её для собственной защиты в случае нападения неприят-

⁴² Севастопольские ведомости, 1993 г., № 2.

теля на Петербург (и у них имелись для этого основания – в Балтийском море крейсировал англо-французский флот). Но ротмистр лейб-гвардейского полка Эраст Агеевич Абаза был не таким человеком, чтобы жить в безопасности, предаваясь светским удовольствиям, когда его страна воюет. Он подаёт прошение о переводе в действующую армию. С повышением в чине (стал майором) он переходит в Житомирский полк 14-й дивизии, где назначается на должность командира батальона.

Полк прибыл в Севастополь из Молдавии 20 апреля 1855 года. Боевая деятельность Э. А. Абаза в Севастополе продолжалась недолго, вражеская пуля вскоре прервала его жизнь. Современные исследователи Е. Мещерская и А. Герасимов полагают, что он погиб 6 июня 1855 года, при первом штурме Севастополя. Очевидно, они следуют свидетельству А. В. Мещерского, который приводит эту дату в своих воспоминаниях. Но сам князь не был в Севастополе, о времени и обстоятельствах гибели Э. Абаза ему сообщил его младший брат Василий, служивший адъютантом у начальника севастопольского гарнизона генерала Д. Е. Остен-Сакена. Факт не вызвал бы сомнений, если бы мне не удалось обнаружить текст эпитафии с утраченного памятника на могиле Э. А. Абаза.

В конце прошлого – начале XX веков в Москве жил человек, посвятивший себя тому, что в то время именовалось некропольскими описаниями, а ныне, к сожалению, совершенно забыто. В. И. Чернопятов обследовал кладбища и переписывал эпитафии с могил. Потом он публиковал их в книгах с характерными названиями: «Некрополь Кавказа», «Русский некрополь за границей», «Некрополь Крымского полуострова». Благодаря В. И. Чернопятову оказалось возможным установить места захоронений многих известных людей. Таковую же услугу оказал он и нашем деле. В «Некрополе Крымского полуострова», вышедшим в Москве в 1910 году, в разделе «Братское кладбище в Севастополе» приводится эпитафия на памятнике Э. А. Абаза. Она гласит: «Здесь покоится прах майора Житомирского егерского полка Эраста Агеевича Абазы. Скончался от раны, полученной в деле с англо-французами в ночь с 10 на 11 мая 1855 г».

В эпитафии есть ошибка: в списке частей, принимавших участие в обороне Севастополя, помещённом в книге Парского «Памятники Севастопольской обороны» (Одесса, 1901) и высеченном на наружных стенах церкви св. Николая на Братском кладбище, Житомирский полк числится не егерским, а пехотным. Но это вполне простительно – к тому времени разница между ними свелась только к отличию в обмундировании. Зато в своей главной части – месте и времени гибели майора Э. А. Абаза эпитафия совершенно верна.

Ещё 18 апреля русские возвели две линии ложементов (окопов) перед пятым бастионом. 20 апреля французам удалось захватить их, сломив героическое сопротивление защитников. 6 мая 1855 года командующим всеми войсками Южной стороны города был назначен известный герой обороны генерал С. А. Хрулёв. Он решил отбить ложементы. Первым шагом в этом направлении явилось сооружение новой траншеи против кладбища, соединённой ходом сообщения с пятым бастионом.

Вечером 9 мая с наступлением темноты начались работы. Их выполняли Подольский и Орловские полки и два батальона Житомирского (всего 5500 человек), одним из которых командовал Э. А. Абаза. Общее руководство осуществлял С. А. Хрулёв. Ночь прошла спокойно.

На следующее утро неприятель обнаружил новое укрепление, обрушил на него ураганный огонь, а вечером – атаковал. Завязалось настоящее сражение, с обеих сторон в дело ввели резервы, траншея пять раз переходила из рук в руки. Два батальона Житомирского полка первым вступили в бой. Обе стороны потеряли по две с половиной тысячи человек.

Но майор Абаза вышел невредимый из страшного боя и погиб позже. Я уверен, что, хотя А. В. Мещерский и перепутал дату гибели своего друга, но обстоятельство его смерти он описал верно. Вот как это случилось.

Абаза был хорошим батальонным командиром, заботящимся о своих солдатах. Иначе как объяснить то, что после боя он пошёл только в сопровождении одного унтер-офицера на поле сражения осмотреть, не остались ли там раненые из его батальона? Представьте себе эту сцену: тёмная ночь, по слабо покатому склону Кладбищенской балки медленно идут два человека. Вокруг – сотни трупов. Время от времени двое останавливаются и рассматривают лица убитых при тусклом свете фонаря... Какой-то раненый французский солдат приподнялся с земли и выстрелил в спину майора. Унтер-офицер пронзил француза штыком, но Э. А. Абаза был смертельно ранен и вскоре умер.

Могила гусара-композитора не сохранилась – Братское кладбище во время Великой Отечественной войны не менее двух раз было местом ожесточённых боёв, потом до 1971 года, когда до него дошли руки реставраторов, памятники регулярно расхищались. Пропали десятки, а возможно и сотни монументов – они были выполнены из ценных материалов. Но в память о майоре Эрасте Агеевиче Абаза осталось его имя, высеченное на стене храма св. Николая, а также печальный и прекрасный романс...

- В 2003 году, чтобы увековечить в Севастополе имя композитора, на
- Братском кладбище открыли памятник по проекту архитектора Г. С. Григорьянца. Сделанный из светло-серого гранита, он представляет собой соединение креста со стилизованной лирой. У подножия постамента свиток с
- вырезанным нотным станом и словами знаменитого романса. На памятнике
- эпитафия из двух частей: «Абаза Эраст Агеевич» и «Майор Житомирского
- полка. Смертельно ранен в ночь с 9 на 10 мая 1855 г.». В последней надписи допущена ошибка: Абаза погиб в ночь с 10 на 11 мая. Поскольку место захоронения гусара неизвестно, памятник установили на безымянной могиле. (Фото 39)

ГЕРОЙ СЕВАСТОПОЛЯ И ПЛЕВНЫ⁴³

На севастопольском Братском кладбище возвышается выполненный в виде конхи (полусвод-полукупол) массивный мраморный памятник над гранитным склепом. На фасаде надпись: «Графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену» и многочисленные тексты из Священного писания. На другой стороне высечены рельефные планы инженерных работ у Севастополя в 1854–1855 гг. и под Плевной 1877 году. В центре начертано: «Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Родился 8 мая 1818 г. Скончался 19 июня 1884 г.».

⁴³ Таврические ведомости. 1993. № 20.

Мраморный бюст погребённого был, как вспоминал архитектор В. М. Артюхов, в 1946 году расстрелян из пистолета каким-то офицером⁴⁴. Это и понятно – для него Тотлебен был немцем и, хуже того, царским генералом.

Будущий начальник инженеров Севастопольского гарнизона по болезни не смог окончить инженерное училище и свою карьеру начал со службы в сапёрном батальоне, где ему удалось обратить на себя внимание известного в то время военного инженера генерала К. А. Шильдера. Тот порекомендовал молодому человеку изучить минную систему и отправил на манёвры, устроенные под Киевом. А в 1848 году Тотлебен уже воюет – руководит инженерными работами на Кавказе, при осаде аулов Чох и Гергебиль.

В 1853 году началась Крымская война. В начале 1854 года Тотлебена направляют в Дунайскую армию, где он (в то время уже полковник) вначале разрабатывает планы атаки укреплений при Калафате, а потом принимает активное участие в осаде сильной турецкой крепости Силистрия, а после ранения К. А. Шильдера руководит всеми осадными работами.

После отхода русской армии за Дунай генерал М. Д. Горчаков, предугадывая осаду Севастополя, отправляет Тотлебена в распоряжение А. С. Меншикова, командовавшего русскими армиями в Крыму. Тот не был в восторге от непрошенной помощи и сначала предложил инженеру, отдохнув с дороги, отправиться обратно. Но Тотлебен не дал себя обескуражить подобным приёмом, остался в Севастополе и вскоре добился разрешения начать обширные работы по возведению укреплений сначала на Северной, а потом и на Южной стороне города. Необходимость этой деятельности стала всем очевидна после высадки неприятеля в Крыму.

В результате невероятных усилий гарнизона, обитателей города и самого Э. И. Тотлебена появились укрепления, позволившие успешно выдержать первое бомбардирование крепости 5 (17) октября 1854 года.

В дальнейшем Тотлебен с неутомимой энергией продолжал возводить новые батареи, проектировал ложементы и контрпроши. 7 (19) июня он был серьёзно ранен между батареями Жерве и Малаховым курганом. Штуцерная пуля попала ему в ногу. Некоторое время Тотлебен лечился дома, продолжая руководить инженерной обороной, но потом врачи отправили его в госпиталь на берег Бельбека. Но даже там он продолжал влиять на события. Главнокомандующий князь М. Д. Горчаков накануне Чернореченского сражения специально приезжал к Тотлебену, чтобы спросить его мнение о предстоящем деле.

После оставления русскими войсками Севастополя он укрепляет Николаев, затем Кронштадт. По заключении мира отправляется на два года в командировку во Францию и Германию, где знакомится с устройством и состоянием тамошних крепостей.

Он приобретает широкую известность. «Могла ли Севастопольская оборона стяжать себе такую неувядающую славу... если бы среди этой семьи героев не явилось лицо, которое с полным знанием инженерного дела соединяло в себе и плодотворную деятельность и необычайное самоотвержение... Нужно ли назы-

⁴⁴ Бюст Э. И. Тотлебена восстановлен в 2003 году на средства фонда «Москва – Крым». Скульптор В. Е. Суханов, резчик по камню В. В. Суханов – *Ред.*

вать это лицо по имени?» – вопрошал Н. В. Болдырев, автор работы «Краткое обозрение военно-инженерного искусства в России за 50 лет с 1819 по 1869 год».

В 1876 году Тотлебен – главный распорядитель обороны Черноморского побережья. В этом качестве он несколько раз бывал в Севастополе, где наблюдал за строительством береговых батарей. Там его видел молодой А. Л. Бертье-Делагард, оставивший об этом интересные воспоминания.

2 (14) сентября 1877 года Тотлебен отправляется в действующую армию и руководит осадными работами под Плевной, которые и приводят эту крепость, выдержавшую уже два русских приступа, к капитуляции. После её падения он назначен начальником восточного отряда русской армии, а затем и главнокомандующим.

5 (17) октября 1879 года по случаю 25-летнего юбилея первого бомбардирования Севастополя Тотлебен произведён в графское достоинство. Его герб, где видное место занимает лопата, помещён на памятнике Братского кладбища. (Фото 40)

В том же году он был назначен временным Одесским генерал-губернатором с задачей усилить борьбу с революционным движением. Тотлебен выполняет свои обязанности со свойственным ему рвением, ознаменовав своё правление «оргией административных ссылок», по выражению В. Г. Короленко.

Э. И. Тотлебен является главой авторского коллектива, издавшего в 1865–1872 годах многотомный фундаментальный труд «Описание обороны города Севастополя» с приложением многочисленных и подробных карт и планов.

Знаменитый инженер умер в Германии на курорте близ Франкфурта-на-Майне. Его забальзамированное тело шесть лет лежало в фамильном склепе в Митаве, пока на Братском кладбище, где хоронили только по специальному разрешению императора, поставили за казённый счёт по проекту академика А. Карбоньера склеп и памятник.

- Эта информация Е. В. Веникеева ошибочна. На самом деле знаменитого
- фортификатора похоронили (по сообщению его биографа Н. К. Шильдера) в
- приделе лютеранской церкви имени Кедайняй (Литва), которое в 1866 году
- перешло в собственность Тотлебена. Но император Александр III настоял
- на его перезахоронении на Братском кладбище. И 5 октября 1884 года, в день
- 30-летия первой бомбардировки Севастополя, тело графа было предано зем-
- ле среди его боевых товарищей. Открытие памятника состоялась действи-
- тельно только через шесть лет 19 июня 1890 года. Произошло это потому,
- что деньги на него (всего 20 тысяч рублей) собирали долго. В итоге половину
- суммы пожаловал сам инициатор перезахоронения – Александр III, другую её
- часть составили пожертвования.

Позже на Историческом бульваре Севастополя был сооружён ещё один величественный монумент (авторы – А. А. Бильдерлинг и И. Н. Шредер), где генерал изображён в окружении сапёров и солдат. (Фото 41)

ТАЙНЫ КОРАБЛЕЙ

На дне моря у берегов Севастополя покоятся немало кораблей. Гибель некоторых из них окутана тайной, которая до сих пор волнует историков и искателей приключений. Е. В. Веникеев не мог пройти мимо самых известных черноморских трагедий, тем более что одна из них не давала ему покоя всю жизнь.

ЗОЛОТО «ЧЁРНОГО ПРИНЦА»⁴⁵

2 (14) ноября 1854 года Балаклавская бухта в Крыму была плотно забита кораблями английского флота. Осада находившегося в 18 километрах Севастополя только начиналась, и сюда стекались грузы, необходимые для британской армии. Многим судам не хватило места в узкой гавани, и они бросили якорь на внешнем рейде.

Внезапно налетел невиданной силы шторм, стоявшие в море суда стали поспешно сниматься с якорей – одни пытались войти в бухту, другие – уйти в море. Но страшный ветер прижимал их к берегу, а огромные волны разбивались о скалы.

- Такая картина наблюдалась на всём побережье от Балаклавы до Евпатории. В районе от Константиновского мыса и до мыса Лукулл ушло на дно 14 кораблей, в том числе фрегат «Багире» с командой в 270 человек.
- На турецком флагмане в устье реки Кача вместе с адмиралом погибло 700 человек команды. На берег под Евпаторией было выброшено 17 судов и кораблей. Общие потери союзного флота составили более 60 кораблей различных классов. Погибло свыше 1,5 тыс. моряков. Только Великобритания понесла убытки в 60 млн. фунтов стерлингов. Союзники подумывали даже о целесообразности дальнейшей осады Севастополя⁴⁶.

Вот свидетельство очевидца (П. Алабина), наблюдавшего это явление природы с русской стороны и в другом месте: «Казалось, будто какое-то необъятной величины чудовище раскрыло свою бездонную пасть и в ней трепещут в предсмертном борении множество кораблей неприятельской эскадры... У устья

⁴⁵ Флаг Родины. 1992. 23 июля.

⁴⁶ Чикин А. М. Крым подводный. – Севастополь: «Библекс», 2007. – С. 21.

Качи восемь судов уже лежат на берегу или сидят на мели, или совершенно разбиты в щепы... и только остовы их наводят ужас на зрителя, только флаги трепещут и вьются на уцелевших обломках их мачт».

У Балаклавы один за другим на дно пошли 11 транспортных кораблей, семь потеряли мачты, многие были повреждены. А через несколько дней весь мир облетела сенсационная весть – одно из этих судов, винтовой корабль «Принц», вёз золото! «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили, что на нём было 300 тысяч долларов. «Русский инвалид», ссылаясь на корреспондента «Аугсбургской газеты» из Лондона, увеличил эту сумму до 500 тысяч фунтов стерлингов, деньги были будто бы собраны в Англии для раненых солдат. Другие газеты оценивали груз «Принца» в 500 тысяч франков, называли и другие цифры, но в существовании золота не сомневался никто.

С тех пор неоднократно предпринимались попытки поднять корабль или его груз, но все экспедиции потерпели неудачу. Кстати сказать, известный советский ЭПРОН – Экспедиция подводных работ особого назначения был создан при печально знаменитом ГПУ специально для подъёма «Принца».

Наверное, следует описать, как погиб этот ставший таким знаменитым паролот. Он пришёл из Англии 27 октября (8 ноября). В этот день место в бухте найти было ещё возможно, но «Принца» после того, как он высадил 2000 человек (46-й пехотный полк и другие подразделения британской армии), поставили вне гавани. Более того, из всей команды в 150 человек на берегу побывали только капитан Гудель и агент адмиралтейства Байтон.

Некоторые суда в ожидании урагана ещё вечером 1 (13) ноября ушли в море и спаслись (между прочим, так поступил контр-адмирал Лайонс на флагманском линейном корабле «Агамемнон»), но капитан Гудель не сделал этого. 2 ноября шторм достигал такой силы, что брызги воды взлетали до подножия генуэзского замка на вершине Крепостной горы.

- Очевидцем этого страшного шторма был английский художник Вильям Симпсон, создавший литографию «Шторм в Балаклавской бухте». Она впервые была опубликована в 1856 году в Лондоне в первой серии рисунков В. Симпсона «Театр военных действий на Востоке». Рисунок впоследствии не раз воспроизводился в изданиях, посвящённых Крымской войне. (Фото 42)

«Принц» стоял недалеко от входа в бухту на двух якорях, отданных с бака, кроме того, его машина работала полным ходом. Но, несмотря на это, он начал медленно дрейфовать к берегу. Я думаю, что капитан Гудель принял в этих обстоятельствах правильное решение, и не его вина, что оно оказалось роковым. Он приказал рубить мачты, чтобы уменьшить сопротивление ветру. Две благополучно срубили, сбросили за борт... Шторм понёс их к берегу, где начал яростно мочалить о скалы... Вот рухнула третья... Но её не отнесло от корабля, более того, дрейф усилился – снасти намотало на винт, и он стал!

Теперь «Принц» был обречён. Почти тут же, при очередном рывке лопнула левая якорная цепь. Правый якорь ещё какое-то время держался, но это только продлило агонию. Корабль поднесло к скалам, особенно высокий вал поднял его и ударил кормой о каменную стену берега.

Большая часть команды к тому времени столпилась на корме, и тут они бросились с палубы на скалы. Но скалы там почти отвесны, а тогда были ещё скользкими от дождя и морских брызг. Несчастные один за другим срывались и исчезали в кипящей пене у подножия утёса.

Смертельно раненый корабль тяжело сполз в море с огромной пробоиной в корме и стал быстро погружаться. Когда следующий вал снова ударил его о берег, «Принц» почти по палубу сидел в воде. И те люди, которые в этот раз сделали попытку прыгнуть на скалы, были тут же смыты. Буквально за несколько минут всё кончилось. «Принц» ушёл кормой в воду, последним исчез бушприт. Чудом спаслись только мичман Котгрев и шесть матросов. Капитан Гудель погиб.

Корабль затонул на глубине около 50–80 метров, погребён под рухнувшими скалами, и, кроме того, при поисковых работах его обломки невозможно выделить из остатков других судов, погибших на том же месте позже него.

Этой интересной теме отдали дань многие русские писатели. А. Куприн в повести «Листригоны» красочно описал итальянскую экспедицию, при работах которой присутствовал. М. Зощенко издал специальный очерк-исследование «Чёрный принц». В 1928 году вышла книга В. Самсонова под тем же названием. Дело в том, что со временем к имени таинственного парохода стали добавлять романтический эпитет «Чёрный». Куприн так проникся этой идеей, что даже уверял, что сам видел слова «Чёрный принц», написанные на поднятом из моря куске обшивки.

Интерес к этой истории не иссяк и в наши дни, время от времени в газетах и журналах появляются статьи, к сожалению, не сообщающие почти ничего нового. Большинство авторов вслед за М. Зощенко склоняются к мысли, что на корабле вообще не было денег или он успел их выгрузить.

Вероятно, так оно и было, ведь «Принц» пришёл в Балаклаву за шесть дней до шторма, имея на борту две тысячи солдат и офицеров, которых тотчас высадили на берег. Естественно, если бы он вёз золото, то выгрузку не стали бы откладывать.

Но тогда почему так упорно писали газеты о сокровищах «Принца», почему так много людей не сомневалось в их существовании? И более того, ухлопали огромные деньги на их поиски, приезжали искать золото даже из Японии.

Попробуем в этом разобраться. Известен очень любопытный факт: английский комендант Балаклавского порта Л. Г. Хитс счёл нужным донести командующему английским флотом контр-адмиралу Э. Лайонсу только о результатах произведённого им расследования гибели «Принца» (причину катастрофы он усмотрел в ошибках погибшего капитана, который оправдаться, естественно, не мог). Другие десять затонувших кораблей адмирала интересовали явно меньше. Почему?

Причина проста: «Принц» действительно вёз секретный груз, окружённый тайной. На борт никого не пускали, и, высадив войска, корабль сразу же вышел из бухты и стал на внешнем рейде. Это и породило слухи о сокровищах.

Тайна охранялась не так уж строго, и правда стала многим известна. Уже через четыре месяца после катастрофы «Морской вестник» поместил сообщение анонимного корреспондента из Балаклавы, который писал: «Принц» погиб с... водолазным аппаратом..., назначенным для взрыва русских кораблей, затопленных при входе на Севастопольский рейд». О том же сообщала газета «Северная пчела» (№ 275 за 1854 год), ссылаясь на корреспонденцию из Константинополя.

- Груз «Принца» действительно был «золотым». Кроме секретного водолазного оборудования, на его борту был запас зимней одежды для английской армии (150 тыс. спальных мешков, 40 тыс. меховых пальто, 120 тыс. пар сапог, 36 тыс. пар шерстяных носков, 53 тыс. шерстяных рубах, 3750 одеял, 16 тыс. простыней и другое имущество). Кроме того, вместе с кораблем погибли электрический телеграф, запас бомб и ядер новейшего образца, медикаменты Скутарийского госпиталя⁴⁷.

В 1863 году вышла в свет первая часть официального «Описания обороны города Севастополя» под редакцией Э. И. Тотлебена. На странице 474 там сказано: «В Балаклаве... погиб винтовой пароход «Принц» с зимней одеждою и большим количеством инженерных запасов. В числе этих запасов находились снаряды, предназначенные для взорвания судов, заграждавших вход на Севастопольский рейд».

Уже упомянутый П. Алабин в своих мемуарах «Четыре войны», вышедших в Москве в 1892 году, сообщает следующие подробности: «Между этими (погибшими у Балаклавы – Е. В.) транспортами был превосходный пароход «Принц». Имевший, по крайней мере, 150 человек, транспортировавший особый военный прибор для действия по Севастополю и весьма большой запас зимней одежды для армии. При этом погиб и инженер Инглис, отправившийся на борт несчастного «Принца», чтобы способствовать выгрузке и доставлению в Севастополь помянутой машины». Надо думать, что Инглис был изобретателем таинственного прибора.

Как известно, соединённый англо-французский флот намного превосходил русский Черноморский (не говоря уже о том, что большую часть неприятельских судов составляли винтовые корабли, а наш флот был в основном парусным), и существовала реальная угроза его прорыва в Севастопольскую бухту, что поставило бы осаждённых в два огня. Поэтому русское командование приняло решение затопить поперек фарватера несколько устаревших парусных кораблей.

Это заграждение сразу же лишило военные флоты Англии и Франции возможности играть активную роль в осаде Севастополя. Говорят, Э. Лайонс буквально рвал на себе волосы, узнав о затоплении кораблей. Совершенно понятно, что попытка применить какие-либо средства для уничтожения заграждения из затопленных судов должна была быть предпринята.

Что это за аппарат, мне неизвестно, возможно, это были примитивные торпеды или миниатюрная подводная лодка (подобные вещи в то время уже вполне могли соорудить). Но я уверен, что в существовании этого секретного груза и кроется разгадка тайны «Принца», которая почти 140 лет будоражит умы кладоискателей.

⁴⁷ Чикин А. М. Крым подводный... – С. 7.

В ночь с 27 на 28 августа 1855 года войска Севастопольского гарнизона по заранее наведённому понтонному мосту перешли на Северную сторону. Одновременно с этим на морское дно уходили все корабли и суда, стоявшие в бухте. «Последние дни своего существования Севастополь был ярко освещён горевшими кораблями – остатками нашего несчастного потопленного Черноморского флота», – писала в своих воспоминаниях сестра Крестовоздвиженской общины Е. М. Бакунина. После Крымской войны главной заботой Морского ведомства стала очистка Севастопольской бухты от похороненных на её дне кораблей.

СУДЬБЫ ЗАТОПЛЕННЫХ КОРАБЛЕЙ⁴⁸

Накануне Крымской войны 1853–1856 годов Черноморский флот состоял из 112 судов, не считая вспомогательных мелких и гребных. К началу осады Севастополя большая часть их укрылась в Севастопольской бухте. 11 сентября 1854 года было затоплено семь кораблей; после зимних штормов в линии заграждения появились бреши и в феврале 1855 года затопили ещё пять⁴⁹. (Фото 43)

Когда русские войска 27 августа 1855 года перешли с Южной стороны города на Северную, ушли под воду оставшиеся корабли – они оказались под огнём неприятеля. Дальше всех на плаву оставались пароходы, но 31 августа пришлось потопить и их. Пароход «Херсонес» торчал из воды по палубу. Пароходо-фрегат «Владимир», командиром которого был В. Г. Бутаков, имея большую скорость, хотел пробиться в Одессу, но не сумел и его тоже затопили.

Кроме военных, потопили все торговые суда, застигнутые в Севастополе войной. К моменту заключения в 1856 году мира Севастопольская бухта оказалась буквально забитой остатками кораблей, которые настолько затрудняли судовождение, что издали специальное наставление по входу в бухту и для плавания по ней.

- *В различных источниках приводятся разные цифры затопленных в бухте плавсредств. Наиболее достоверна таблица, составленная Гидрографической службой Черноморского флота уже после Крымской войны, в которой приведены данные о 92 кораблях (включая военные, купеческие корабли и суда вспомогательного флота), их классе и местоположении на дне Севастопольской бухты⁵⁰.*

С 1856 года начались работы по подъёму. Контр-адмирал Ф. Д. Бартеньев нанёс на карту все корабли, указав, на какой глубине находится каждый. Для руководства работами в Севастополь прибыл капитан 1-го ранга Ключников с несколькими инженерами.

В 1856 году извлекли из воды пароход «Херсонес» и пятнадцать мелких судов, много плашкоутов и ботов. Однако стало ясно, что своими силами поднять большие корабли, лежащие на глубине до 20 метров, невозможно. Для этого тре-

⁴⁸ Таврические ведомости, 1992, № 23. Использовано также выступление Е. В. Венিকেва на заседании Клуба любителей истории Севастополя 10.04.1985 г.

⁴⁹ Е. Венিকেв не упоминает, что в ноябре – декабре 1854 года на дно ушли ещё два военных судна и одно купеческое. А 16 февраля 1855 года, после затопления пяти кораблей, к ним прибавился и 60-пушечный корабль «Мидия». – *Ред.*

⁵⁰ Бех В. Ф., Боровиков П. А., Сиваков И. П. Призраки севастопольских бухт. – М., 2020. – С. 20.

бовалось специальное водолазное оборудование, которым Морское ведомство на Чёрном море в то время не располагало. Поэтому обратились к частной инициативе. В «Одесском вестнике» 21 августа 1856 года появилось объявление о торгах на подъем судов «с подряда». Но на торги никто не пришёл. В это время и появляется на сцене предприимчивый американский инженер Джон Гоуэн, приобретший тогда определённую известность подъёмом в Гибралтаре фрегата «Миссури».

Гоуэн прибыл в Севастополь во главе отряда в двадцать человек с двумя скаффандрами собственного изобретения и четырьмя деревянными кессонами грузоподъемностью по 600 тонн каждый. На месте наняли ещё 190 человек, в том числе 150 греков-ныряльщиков из Балаклавы, и построили ещё два кессона грузоподъемностью вдвое больше первых. План Гоуэна заключался в том, чтобы, затопив у бортов судна, кессоны соединить цепями через орудийные порты, накачать в них воздух и поднять корабли. Но, как писала английская газета «Таймс»: «Черноморский червь (торедо), столь часто приписываемый расчётливому воображению русского адмиралтейства, есть грозная действительность. Он съел весь корпус затопленных кораблей, оставив лишь наружную скорлупу». Корпуса судов ломались, и кессоны вылетали на поверхность. Тогда Гоуэн обратился к властям с просьбой о разрешении взрывать крупные корабли под водой и извлекать по частям, а пока поднимал мелкие суда и ценные предметы: якоря, пушки, медные части и листы обшивки. Их продажа приносила солидный доход.

Первоначально Гоуэн договорился с властями поднимать суда за половину стоимости поднятого (к 1858 году он потребовал уже всю стоимость). В это время произошло событие, на время превратившее Севастополь в некое подобие Дикого Запада. Механик Вимкершман, полагая, что босс надувает его при дележе доходов, решил с группой своих коллег бросить всё дело и уехать. Но на причале их поджидала засада из сторонников Гоуэна. Началась драка со стрельбой из револьверов. Беглецам удалось пробраться на пароход, один из людей Гоуэна был ранен.

Отъезд механиков поставил инженера в затруднительное положение, и он пригласил компаньонов. В сентябре 1857 года в Севастопольскую бухту вошли пароход «Генерал Кнокс» и шхуна «Сильвер Кей» («Серебряный ключ»). Они принадлежали группе предпринимателей, громко именовавшей себя «Американской компанией». Во главе её стоял некий Виллингтон Ли. Но он оказался плохим специалистом, так как руководствовался совершенно не реальным в то время планом: законопатить все щели в затонувшем судне, накачать в него воздух и добиться всплытия. Из этого, конечно, ничего не вышло. «Американская компания» прогорела, продала корабли и стала выпрашивать у Морского ведомства возмещения убытков, но оно нашло в себе достаточно благоразумия, чтобы отказать.

Д. Гоуэн работал в Севастополе до 1862 года. В последние годы он поднимал мелкие суда, а крупные взрывал, оставляя обломки на дне и снимая с них все ценные детали. Таким образом он «обработал» примерно шестьдесят кораблей.

Современники отзывались об американском инженере весьма отрицательно. Севастопольский врач Н. Закревский писал в «Морском сборнике»: «Кстати, о Гоуэне, он окончательно оставил Севастополь 28 августа (1862 года – Е. В.) и с этим вместе оставил по себе понятие об образцовом американце, изворотливом до наглости... Морское министерство простило ему контрактные неустойки, он выехал, по малой мере, с 250 тысячами рублей капитала, добытого им

с Севастопольского рейда и бухт». Гоуэн надул не только русских, но и своих соотечественников: он должен был надзирать за английскими и французскими кладбищами, но не обращал на них никакого внимания.

Много судов и их частей продолжало лежать в севастопольских бухтах. Торедо размножился в небывалом количестве – деревянные сваи причалов съедались им очень скоро, и пирсы выходили из строя. Неблагодарную задачу закончить расчистку бухты взял на себя купец П. А. Телятников.

Е. Марков писал: «В настоящее время Телятников со своими килекторами (судно, имеющее в корме или носу мощное грузоподъёмное устройство в виде кронштейна – Е. В.) и водолазами, возятся над вытаскиванием со дна моря их (кораблей – Е. В.) останков. Горы ядер, картечи, якорей, пушек, извлечённых из воды, покрывают берега Южной бухты. Дело клеется очень вяло и даёт мало выгоды предпринимателю». Но П. А. Телятников довёл, наконец, работы до завершения и в конце 60-х годов очистил бухту. В общей сложности подъём судов продолжался почти пятнадцать лет.

Е. Венিকেев: «В начале ноября 1941 года на оборонительных рубежах Севастополя шли первые тяжёлые бои – противник пытался взять город «с ходу». Это ему не удалось, но защитники несли тяжёлые потери. В Южной бухте раненых спешно грузили на теплоход «Армения», на нём собирались эвакуировать и жителей города. Я говорю об этом как очевидец, хотя имел тогда только четыре года от роду. Но так часто слышал подробности от старших, что кажется – прекрасно помню. На «Армению» отправились все жильцы нашего трёхэтажного дома. Мы задержались (очевидно, точного времени отхода сообщено не было) – мать непременно желала зажарить утку в дорогу, и это спасло нам жизнь: на следующий день корабль был потоплен под Ялтой. Прошло почти пятьдесят лет, но эта давняя трагедия не даёт мне покоя, хочется больше узнать о гибели несчастного корабля».

ГИБЕЛЬ «АРМЕНИИ»⁵¹

Недавно я получил письмо из Одессы, ответ на мой запрос. Там значилось: «Сообщаем, что Музей Морского флота СССР располагает следующими данными о числе погибших на теплоходе «Армения»: около пяти тысяч человек, спаслось – восемь... Директор музея... П. П. Клишевский».

Пять тысяч – огромная цифра. С помощью Л. Т. Артёменко (соавтор Е. В. Венিকেева по книге «Пенителы Понта» – *Ред.*) я составил список крупнейших морских катастроф нынешнего века. Из них самые известные: «Титаник» (14 апреля 1912 г., погибло 1503 человека), «Лузитания» (торпедирована немецкой подводной лодкой 7 мая 1915 г., 1198 погибших), филиппинский паром «Донья Пас» (20 февраля 1987 г. столкнулся с танкером, затонул, увлекая на морское дно 3132 пассажира).

⁵¹ Венিকেев Е. В. Гибель «Армении» // Слава Севастополя. 1991. № 212–214. Печатается с сокращениями.

Получается, что «Армения» держит трагическую пальму мирового первенства по числу погибших на одном судне за всю историю мореплавания! Правда, по сведениям советской стороны, на немецком лайнере «Вильгельм Густлофф», потопленной подводной лодкой А. И. Маринеско 30 января 1944 года, погибло пять или даже семь тысяч человек, а на транспорте «Гойя» (затонул 17 апреля 1945 г от атаки подводной лодки Л-3, командир В. К. Коновалов) – 5385, но мне неизвестно, подтверждаются ли эти цифры из немецких источников.

В любом случае трагедия «Армении», которой 7 ноября этого года исполняется 50 лет, заслуживает большего, чем беглое упоминание в несколько строк, редко-редко встречающееся в некоторых работах по истории второй обороны Севастополя. Тем более, что в этом деле есть своя тайна, к которой мы подойдём в своё время.

Но начнём по порядку.

Товарно-пассажирский теплоход с этим именем был построен на Балтийском судоремонтном заводе в Ленинграде в 1928 году. Двухпалубное судно длиной 107,72 метра, шириной 15,55 с высотой борта 7,7 метра и минимальной осадкой 5,96 метра имело валовую регистровую вместимость в 4727 тонн при водоизмещении 5805 тонн. Два двигателя мощностью две тысячи лошадиных сил каждый могли сообщить «Армении» предельную скорость в 14 узлов. Экипаж состоял из 86 человек. (Фото 44)

«Таких кораблей было пять, – сообщил мне ветеран войны на Чёрном море А. М. Леонов, – в Одессе их называли «рысаками». Это были красивые суда, курсировавшие на крымско-кавказской линии, все они погибли во время войны.

А. М. Леонов – автор единственной статьи, посвящённой «Армении». Она называется «Последний, решительный бой» и напечатана в ереванской газете «Комсомолец» в 1979 году. В ней автор пишет: «В начале войны в составе Черноморского флота был организован отряд санитарных кораблей, в задачу которых входила эвакуация раненых воинов Красной Армии и Военно-Морского Флота из портов, находившихся в зоне боевых действий, в тыловые госпитали... «Армения» под командованием Владимира Яковлевича Плаушевского совершила десятки рейсов в осаждённые Одессу и Севастополь».

Наверное, эти маршруты полны героических или трагических событий, но нас интересует сейчас тот последний поход. А с ним очень трудно разобраться. То, что написал П. А. Моргунов, бывший в то время комендантом береговой обороны Крыма, в своей книге «Героический Севастополь», – это практически всё, что уделила наша официальная историография этой поистине трагедии века. На страницах 83–84 издания 1979 года читаем: «6 ноября из Севастополя вышел санитарный транспорт – теплоход «Армения» с ранеными бойцами, работниками главного госпиталя и эвакуированными гражданами. Он зашёл в Ялту, где также забрал часть эвакуированных из Симферополя, и утром 7 ноября вышел курсом на Кавказ. В 11 час. 35 мин. недалеко от Ялты транспорт, хотя он имел отличительные знаки санитарного судна, был торпедирован фашистским самолётом и через четыре минуты затонул. Погибло много жителей, врачей и раненых».

В этом месте текста имеется сноска: «Отдел Центрального Военно-Морского архива (ЦВМА) фонд 10, дело 19, лист 221». Дело № 19, вероятно, содержало подробности гибели теплохода. Поэтому я написал в архив, попросив выслать ко-

пию документов. Получил лаконичный ответ: «Ссылка в книге П. А. Моргунова «Героический Севастополь» дана неверно. Дело 19 – уничтожено в 1949 году. Начальник ОЦВМА Л. Кирсанов».

Ответ в высшей степени странный: ссылка-то, очевидно, верна, просто она сделана на уже несуществующее дело. Кому оно мешало, почему уничтожено? В узее героической обороны и освобождения Севастополя и Краснознамённого Черноморского флота об «Армении» сведений тоже не нашлось. Пришлось искать самому.

В рукописи воспоминаний участника обороны Севастополя А. С. Пантюшенко (1904–1987), служившего в ноябре 1941 года на Максимовой даче, в военно-морском госпитале 2-го разряда (я частично опубликовал их в своей книге «В Севастополе. 1941–1942»), я прочёл следующее: «Не успеваем возить раненых на теплоход «Армения». Там их уже полно, не принимают. Наш госпиталь тоже эвакуируется на «Армении» (автор отказался от эвакуации и добровольно остался в Севастополе – Е. В.). Теплоход был загружен примерно двумя тысячами тяжело раненых из главного морского госпиталя и из нашего. Кроме них, на борт приняли около 500 человек гражданского населения Севастополя и примерно столько же медработников, военных и гражданских специалистов (кроме команды теплохода). «Армения» вышла из Севастополя 6 ноября, зашла в Ялту, где на борт были приняты эвакуированные из Симферополя и раненые, находившиеся на излечении в санаториях Южного берега, и утром следующего дня взяла курс на Кавказ. В 11 часов в 18 милях от берега немецкий торпедоносец пустил корабль на дно. Говорят, спаслись только 22 человека» (в последней цифре А. С. Пантюшенко ошибся).

Получается, из Севастополя «Армения» вышла, имея на борту около 3100 человек (с экипажем). Могла ли она ещё в Ялте взять две тысячи? Вполне: грузились всю ночь, для Ялты это было последнее судно – немцы уже заняли Алушту.

Возникает вопрос: мог ли теплоход вместить такую массу народа? А. Григор, командовавший в то время пароходом «Фабрициус», сообщает в книге «Море – моя судьба», что он перевозил по две-три тысячи человек за рейс. А водоизмещение «Фабрициуса» почти в полтора раза меньше, чем «Армении» – 4277 тонн.

С. Соловьёв в работе «Трагедия у мыса Сарыч», публиковавшейся в «Славе Севастополя» в июне-июле этого года, вполне убедительно доказал, что на пароход «Ленин», который также более чем в полтора раза меньше «Армении», погрузили три тысячи человек. А это произошло в самом начале войны – 27 июля. Нет сомнения, что 6–7 ноября судно загрузили «под завязку».

У меня появилась мысль: попробовать разыскать кого-либо из спасшихся с теплохода и попросить поделиться своими воспоминаниями. Единственная центральная газета, которая согласилась напечатать моё обращение (до предела сократив его), была «Красная звезда». В ответ я получил много писем, но их авторы имели к «Армении» только косвенное отношение.

Зато уже упомянутый А. М. Леонов посоветовал посмотреть книгу И. З. Вергасова «Крымские тетради». Совет оказался драгоценным. В воспоминаниях этого человека, бывшего в то время начальником штаба партизанского соединения, я прочёл описание последних часов теплохода.

Автор находился в Ялте вечером 6 ноября. «Толпы раненых, врачей, сестёр и санитарок толкуются на причалах. Ждут «Армению», вот-вот судно должно поя-

виться. Фашисты рядом, они уже заняли Алушту... Горит Ялта, в разных местах раздаются взрывы... Красные отсветы пожаров на чёрной воде, крышах, стенах. Пахнет гарью. Обыватели грабят, тащат мешки, ящики, санитарное имущество. Над нефтехранилищем бушуют огненные языки, чёрный дым кружится над молотом, обволакивает последний теплоход – «Армению». Она наконец-то пришла. Мы переночевали в райотделе НКВД и на рассвете двинулись в лес. «Армения» всё ещё грузилась. Ах, как она задержалась! Пока небо слепое, опасаться нечего, но вдруг солнце пробьётся? Ведь юг – долго ли».

Около 11 часов автор со своими спутниками поднялся на вершину Главной гряды Крымских гор над Гурзуфом.

«И открылась даль моря. Мы все одновременно увидели «Армению». Теплоход шёл на восток, оставляя за собой расходящийся пенный след. Два крохотных сторожевика сопровождали корабль. Это последний транспорт из покинутого города, на нём 11 госпиталей, советский и партийный актив Большой Ялты, врачи, многие семьи партизан. Там Борис Иванович (Герасимов – второй секретарь Ялтинского райкома – Е. В.) и его семья. Сердца наши учащённо бьются, мы задираем головы и смотрим на открывшееся во всю ширь небо. Только бы не появились пикировщики (автор – бывший летчик – Е. В.).

И вдруг крик Захара Амелинова: «Идут». Они, гады, шли с треском, воем, пронесли над нашими головами метрах в двухстах-трёхстах. Мы видели лица летчиков. Бомбардировщики мгновенно оказались над теплоходом, выстроились, и началась безнаказанная карусель. Со сторожевиков ударили зенитные пулемёты, но разве плетью обух перешибёшь? Фашисты пикировали, как на ученье...

Теплоход переломился пополам и буквально за считанные секунды исчез, оставив после себя чёрную яму, которая тут же сомкнулась под напором тысячетонных волн. Сторожевики сиротливо бороздят воду, но подбирать, видимо, некого. Семенов ведёт машину, плачет...».

Обратите внимание, И. З. Вергасов ничего не говорит о торпедоносцах. По его словам, теплоход потопили бомбардировщики, а это расходится с официальной версией. Но он бывший летчик и поэтому едва ли ошибся (да и бомбардировщик с торпедоносцем во время атаки спутать невозможно). Зачем и кому потребовалось придумывать нападение торпедоносцев? Может быть для того, чтобы как-то оправдать посланных теплоход на верную гибель? Ведь отразить атаку торпедоносцев значительно труднее, они летят низко над водой и, вероятно, не так зависят от облачности.

- Из воспоминаний Анатолия Бородия (ему было 11 лет), одного из выжившего в этой катастрофе: «...Когда отошли от Ялты, прилетел самолёт и сбросил торпеду. Корабль стал тонуть. Моряки сбросили две или три лодки. Кто-то нас с мамой со всей силой толкнул в лодку. Потом люди из воды поднимались в лодку. А самолёт стал расстреливать всех, очень низко летел.
- Почему-то мне кажется, что самолётов было два. Нашего теплохода уже не было, а вокруг плавали носилки, вещи и люди, почти все убитые. Потом подошли два катера и нас туда пересадили. И убитых тоже поднимали»⁵².

⁵² Пупкова Н. Рейс в неизвестность // Крымская правда. 2011. 4 ноября.

- Ялтинским исследователям А. Маркову и А. Спасенкову удалось получить
- из немецких архивов фотокопии из журнала боевых действий ВМФ Германии
- на Восточном фронте и журнала боевых действий 28-й эскадрильи, кото-
- рая принимала непосредственное участие в уничтожении «Армении». В них
- однозначно указывается, что 7 ноября 1941 года южнее Ялты самолётом
- «Хенкель-III» при помощи ЛТ-торпед уничтожен военно-транспортный па-
- роход водоизмещением 8–10 тысяч тонн. В 11 часов 25 минут самолёт зашёл
- со стороны берега и с дистанции 600 метров сбросил две торпеды. Одна из
- них попала в носовую часть теплохода. Через 4 минуты «Армения» затонула.

Теперь приведу письмо одного из членов экипажа несчастного судна. Эта женщина спаслась, потому что не пошла в роковой рейс... Пишет жительница Одессы Маркова Л. Г.: «Прошло 50 лет, а «Армения» стоит у меня в памяти, как будто это было вчера... Моё положение сейчас такое: у меня был год назад перелом ноги и до сих пор не могу ходить. Живу одна, мне сейчас 79 лет, семью потеряла. Муж был военным лётчиком в морской авиации – погиб в 42-м году при защите Севастополя...

Когда началась война, я жила с мужем в Одессе. При Доме моряка мы проходили подготовку медсестёр, работали в портовой поликлинике, потом жили в порту на казарменном положении при амбулатории, около причалов, где подходили пароходы. Мы обслуживали раненых, которых перевозили на Кавказ, в Туапсе, и нас посылали в рейсы вместе с ними. Мне пришлось ходить на «Белостоке», «Чехове», «Армении».

На «Армении» мы работали как медсёстры и в качестве сандружинниц были зачислены в команду... 16 октября «Армения» стояла на крымском причале, грузили раненых и последние войска с Одесского фронта. Погрузка продолжалась до трёх часов ночи. Налетело четыре бомбардировщика «Хенкель-III». Сбросили 16 бомб. Но у нас был командир корабля капитан Плаушевский Владимир Яковлевич, он лавировал между бомбами и спас судно».

Л. Г. Маркова перечисляет фамилии членов экипажа «Армении», сохранившиеся в её памяти: Знаюненко Николай Фадеевич, второй помощник; Николаев, радист; Екатерина Клименко, медсестра; Мария Юдина, военфельдшер. «При этом последнем рейсе при бомбежке она делала вливание раненым, ампулы разбились, и она порезала руки, работала забинтованной. У меня есть её карточка... она мне её подарила и написала: «Погибну, взгляни и вспомни. На память милой подруге Леоноре от любящей Марии Юдиной».

Из Одессы мы отошли в три часа ночи, город горел, мы все плакали, не верили, что уходим совсем. Когда пришли в Туапсе, меня списали с судна по болезни, и это меня спасло, а «Армения» из Туапсе пошла на Севастополь и погибла под Ялтой. Я слышала, что никто не спасся».

Ещё несколько подробностей. Житель Ставропольского края В. И. Репецкий утверждает, что «Армению» бомбили ещё в Ялте. Он вспоминает: «Мы отступали от Перекопа через Алушту, заночевали в Массандре. Где-то с восходом солнца теплоход стал отходить от причала. Вдруг налетели фашистские самолёты, штук шесть-семь, но попаданий не было. Зенитчики отогнали самолёты, они сбросили бомбы и улетели».

Г. И. Бабель из Керчи слышал от своих родителей, что на «Армении» погибли работники Гурзуфского военного санатория, он же уточнил, что теплоход сопровождали два катера типа МО-IV. Имели ли право, с точки зрения законов войны, немецкие самолёты нападать на «Армению», ведь она была санитарным судном? К сожалению, имели. Дело в том, что она шла в сопровождении военных кораблей (хотя это были всего «морские охотники»), да и сама имела оружие.

3 июля 1941 года народный комиссариат Военно-Морского Флота издал приказ № 00164 «О вооружении судов НКВМФ на Чёрном море». В соответствии с ним на «Армению» установили три зенитных полуавтомата калибром 47 мм. Вооружение это, конечно, было ничтожным, но оно стояло, и, надо думать, «Армения» по мере сил пыталась отстреливаться. (Фото 45)

А кроме того, как известно, И. В. Сталин упорно отказывался подписывать какие-либо международные конвенции о правилах ведения войны, обращения с пленными и т.п.

И остаётся главный вопрос: почему «Армения» вышла в море утром, в сущности, на верную гибель?

Дочь адмирала Ф. С. Октябрьского Р. Ф. Октябрьская в посвящённой жизни отца книге «Штормовые годы» пишет: «7 ноября пришло сообщение о гибели санитарного транспорта «Армения». На этом транспорте эвакуировались тысячи раненых и персонал севастопольского военно-морского госпиталя (даже двух госпиталей – Е. В.) – хирурги, терапевты, медсёстры. Все они погибли.

Позднее адмирал (Ф. С. Октябрьский – Е. В.) с горечью писал: «Когда мне стало известно, что транспорт собирается уходить из Ялты днём, я сам лично отдал приказание командиру ни в коем случае из Ялты не уходить до 19.00, то есть до темноты. Мы не имели средств хорошо обеспечить прикрытие транспорта с воздуха и с моря. Связь работала надёжно, командир приказание получил и, несмотря на это, вышел из Ялты в 8.00. В 11.00 он был атакован самолётами-торпедоносцами (опять эти торпедоносцы – Е. В.) и потоплен. После попадания торпеды «Армения» находилась на плаву четыре минуты».

Таким образом, Октябрьский целиком возложил вину за гибель судна на его командира. Далёк от мысли, что адмирал при этом как-то себя выгораживает, но тогда что же заставило В. Я. Плаушевского сделать совершенно невероятную вещь – пренебречь личным приказанием самого командующего Черноморским флотом?

- В это время, по некоторым данным, в Ялте началась паника. Город го-
- рел, в разных его частях раздавались взрывы. Поэтому дожидаться вечера
- просто не было возможности. Есть сведения, что два немецких танка уже
- были в городе и стреляли по «Армении». Так что решение капитана парохода,
- похоже, было единственно правильным.
- Однако странного в деле «Армении» немало. В Севастополе она долж-
- на была забрать раненых и местных жителей. Но командир корабля полу-
- чил неожиданный приказ: эвакуировать все медучреждения флота. Уйди
- «Армения» на Кавказ вечером, трагедии бы не случилось. Но последовал ещё
- один неожиданный приказ: загруженному транспорту идти в Ялту, чтобы
- забрать семьи руководящих работников, местные госпитали и почти весь
- медперсонал. Уже в море командир получает ещё один странный приказ:

- свернуть в Балаклаву (здесь судно задержалось на 3 часа). Сотрудники НКВД
- погрузили на борт ящики: то ли коллекцию вывезенной из Алупки передвижной выставки Русского музея, то ли партийные архивы и документы НКВД.

В 1989 году в Москве вышел справочник «Суда Министерства Морского флота, погибшие в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Там сказано: «Армения», грузопассажирский теплоход... Капитан В. Я. Плаушевский (погиб). Дата и место гибели – 07.11.41 к югу от Ялты, 44 17 с.ш., 34 10 в.д. Шёл из Ялты в Туапсе с ранеными и грузами, потоплен вражеской авиацией. Число погибших неизвестно...».

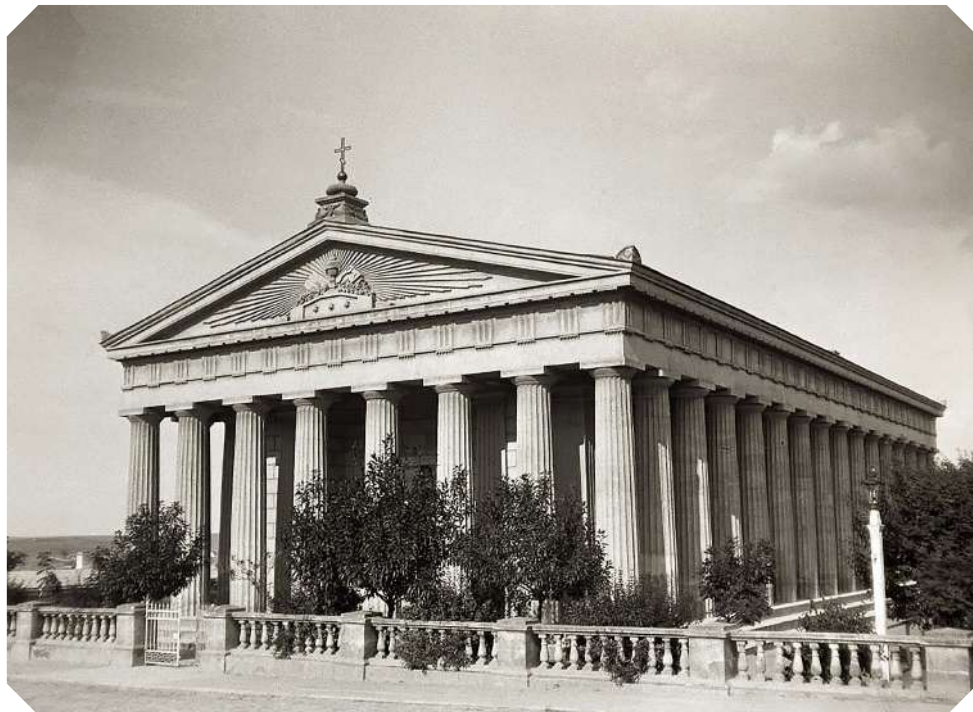
- Более подробную информацию о гибели «Армении» даёт «Итоговый отчёт боевой деятельности ЧФ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».
- Третий том этого закрытого документа оперотдела штаба ЧФ сообщает, что «7 ноября 1941 года на санитарном транспорте «Армения» полностью погибли: Севастопольский морской госпиталь на 700 коек, военно-морской госпиталь ЧФ 2-го разряда, ВМГ г. Ялты, санитарно-эпидемиологическая лаборатория ЧФ и её имущество, 5-й медико-санитарный отряд, базовый лазарет и т.д. Число погибших около 6000 человек, спаслось 8 человек. После гибели «Армении» ЧФ остался без медицинского обеспечения, и пришлось заново создавать главный госпиталь ЧФ № 40, базовые лазареты, призвав врачей из запаса. Погрузка на один санитарный транспорт всего состава нескольких лечебно-санитарных учреждений стала тяжёлой ошибкой».

- Найти «Черноморский «Титаник» пытались не раз. Но только в 2017 году во время поисковой операции, проводившейся силами Министерства обороны РФ, магнитомер засёк на дне магнитную аномалию. Это позволило сузить район поисков. И в марте 2020 года был обнаружен корпус затонувшего судна, совпадающий по своим габаритам с «Арменией». Для проведения идентификации находки были привлечены специалисты Центра подводных исследований Русского географического общества.

- Выяснилось, что объект стоит на глубине 1500 метров на ровном киле единым фрагментом в 15 морских милях от берега. Корпус парохода покрыт слоем ила, но не имеет очевидных пробоин, что исключает вероятность его гибели от попадания торпед. Надстройки и палубы имеют явные следы разрушений, характерных при попадании авиабомб (а не торпед!). Основные повреждения пришлись на среднюю и носовую части надстройки ближе к левому борту, что говорит о том, что самолёты заходили с кормы по курсу судна. Также исследования подтвердили версию быстрой гибели «Армении»: некоторые иллюминаторы не разбиты, а вдавлены внутрь целиком. Это означает, что к моменту ухода корпуса на большую глубину внутри теплохода ещё оставался воздух. Но исследователи не обнаружили ни фрагментов, ни самих шлюпок на штатных местах, что говорит о том, что все они были сброшены за борт (на канифас-блоках обрублены канаты). Поэтому можно предположить, что теплоход был на плаву минимум 15–20 минут. Получается, что спастись могло 500 человек (10 шлюпок по 50 человек). Кроме того, в кормовой части был обнаружен открытый кормовой погрузочный люк, а значит, люди могли покидать тонущее судно и этим путём. Возникают закономерные вопросы: где же тогда спасённые и сколько всего людей было на борту?

Фото 1. Екатерининская миля. 2020 г.

Фото 2. Петропавловская церковь. Начало XX в.

Фото 3. Графская пристань. Начало XX в.

Фото 5. Михайловский форт. Фото Дж. Робертсона. 1856 г.

Фото 4. Башня ветров. 2012 г.

Фото 6. Форт Литер А-5. 2010 г.

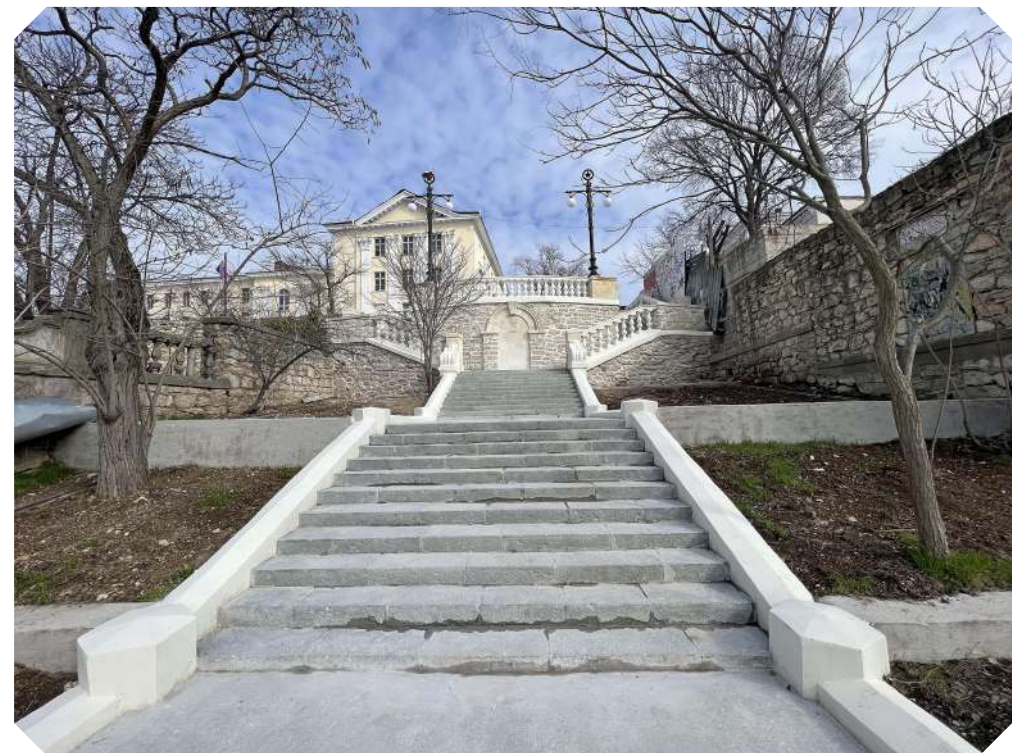
Фото 7. Стрелецкий форт. 2010 г.

Фото 9. Синопский спуск. 1960-е гг. Фото из коллекции А. В. Дербасова

Фото 8. Лестница на Матросский бульвар. 2024 г.

Фото 10. Таврический спуск. 2024 г.

Фото 11. Г. Б. Бархин, М. Г. Бархин, Б. Г. Бархин, П. Ревякин. Проект панорамы Севастополя со стороны Южной бухты (фрагмент), 1945-1950 гг.

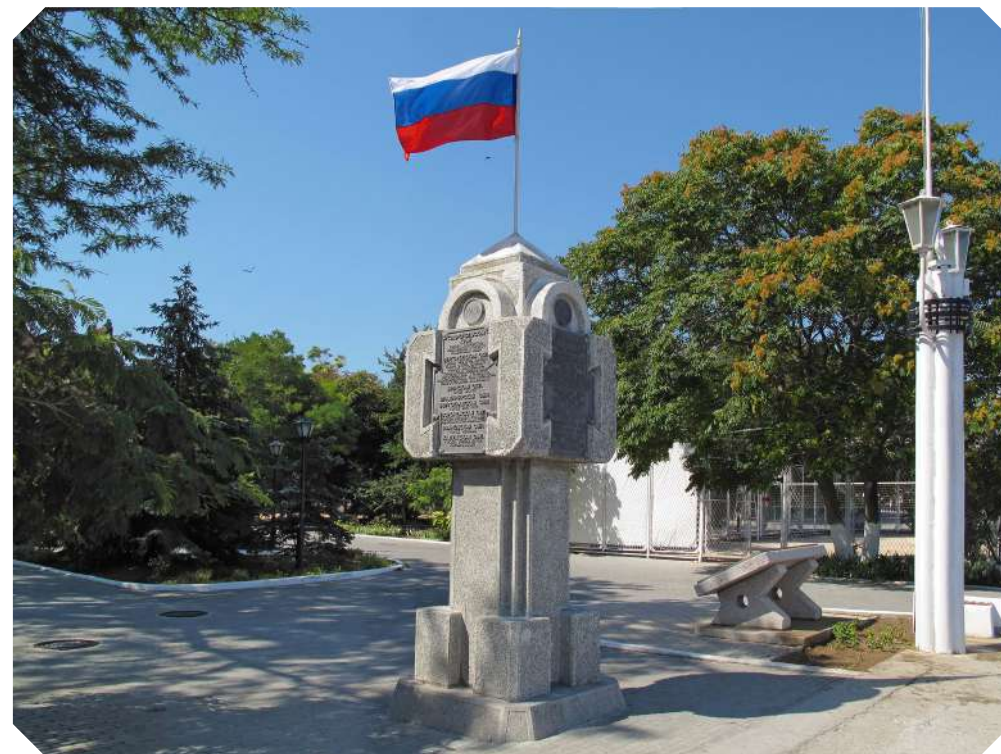

Фото 13. Памятный знак «С пользой и во славу России». 2009 г.

Фото 12. Юбилейный уголок отдыха на спуске Шестакова. 2024 г.

Фото 14. Боголюбов А. Синопский бой 18 ноября 1853 года

Фото 15. Памятник пароходу «Веста» на бывшем Михайловском кладбище, 2015 г.

Фото 17. Оборонительная казарма 1-го бастиона, 2023 г.

Фото 16. Мортира парохода «Веста» на Мичманском бульваре, 1920-е гг.
Фото из коллекции А. В. Дербасова

Фото 18. Императорская семья на ротонде 1-го бастиона, Начало XX в.

Фото 19. Памятник 2-му бастиону. 2023 г.

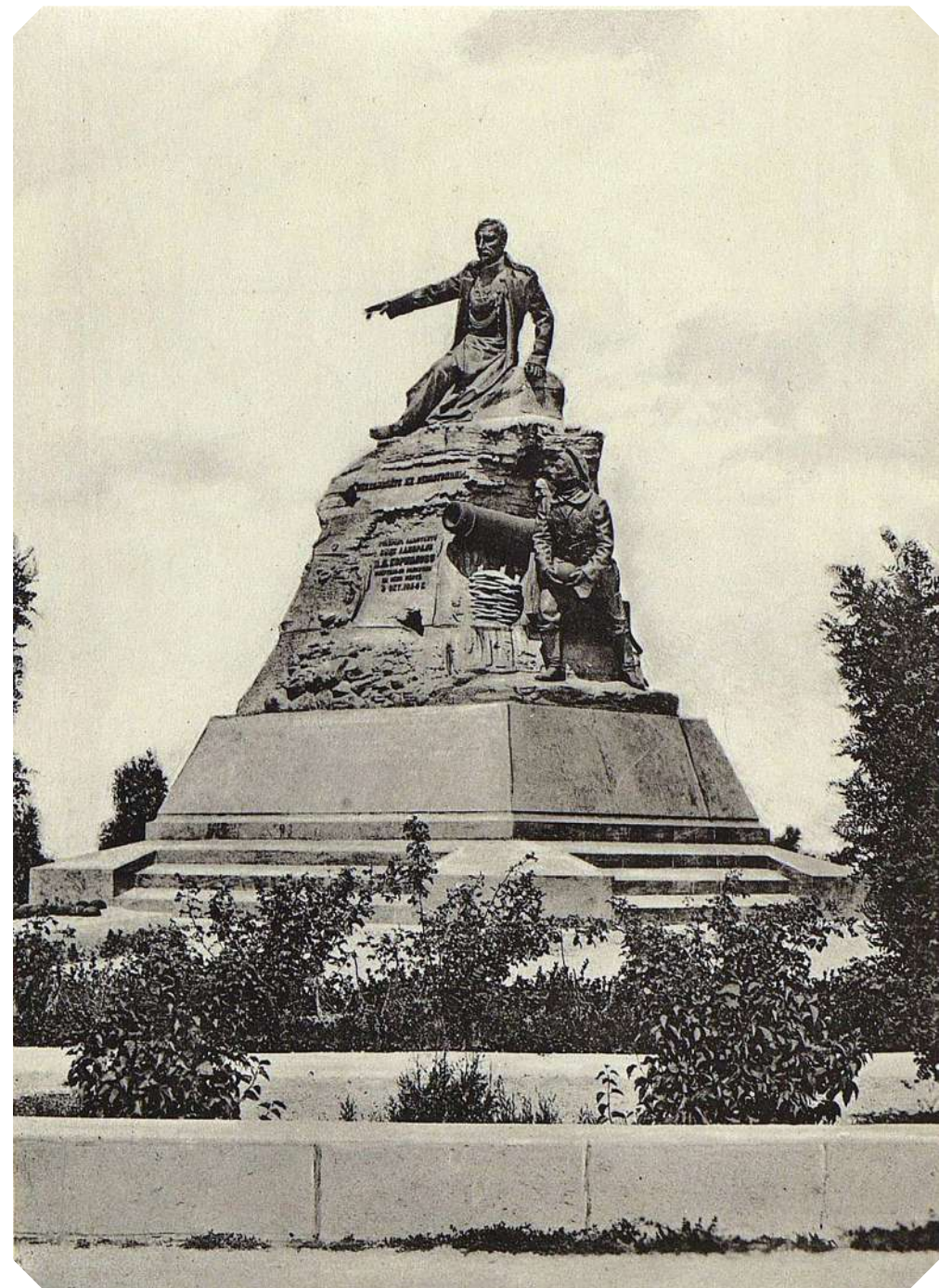

Фото 21. Памятник В. А. Корнилову. Начало XX в.

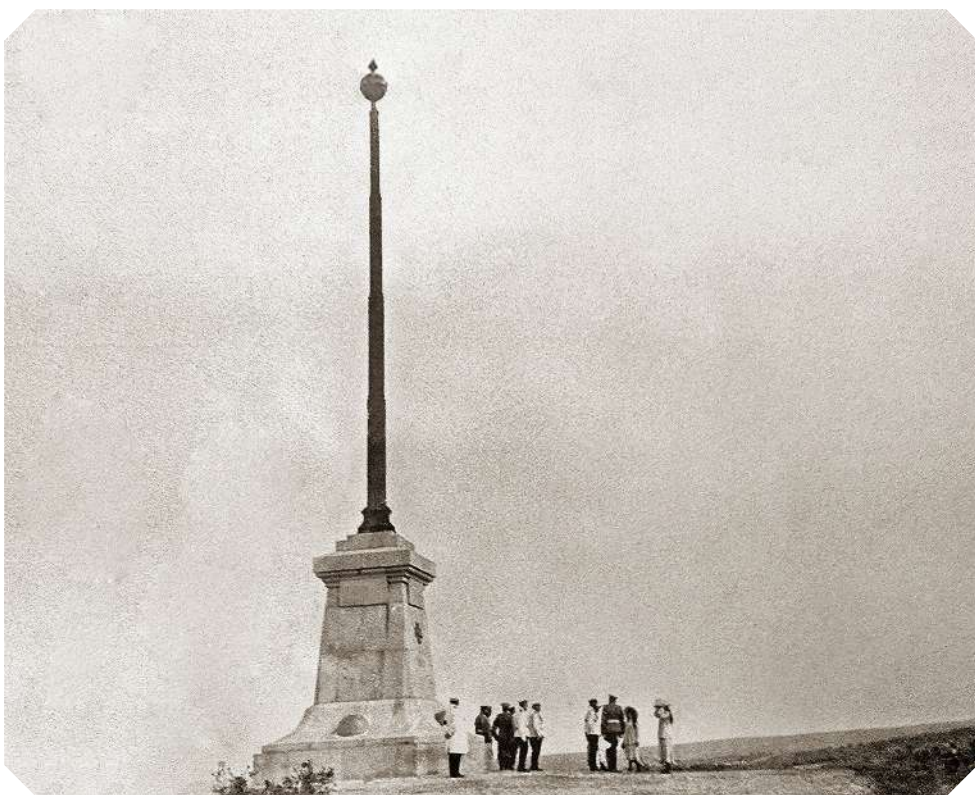

Фото 20. Императорская семья у памятника Камчатскому маяку. Начало XX в.

Фото 22. Памятник русским и французским воинам. 2012 г.

Фото 24. Памятники матросу Шевченко и Героям вылазок на 3-м бастионе. 2009 г.

Фото 23. Оборонительная башня Малахова кургана. 2009 г.

Фото 25. Сохранившийся фрагмент английского памятника. 2009 г.

Фото 26. Памятник батарее «Грибок». С открытки начала XX в.

Фото 28. Памятник воинам 5-го бастиона. 2024 г.

Фото 27. Памятник воинам люнета Белкина. 2024 г.

Фото 29. Матрос Кошка (на переднем плане). Рисунок В. Ф. Тимма

*Фото 30. Обелиск на братской могиле еврейских воинов, 2015 г.
Фото Б. Н. Гельмана*

Севастополь. Памятникъ Графу Остенъ-Сакену. Крымъ.

Фото 31. Памятник Д. Е. Остен-Сакену. Фото из коллекции А. В. Дербасова

СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Два первых десятилетия XX столетия в России можно назвать «новейшим смутным временем». Три революции и две войны кардинально изменили историю великой державы. Прошло чуть более 60 лет, и вновь потрясения. Казавшийся нерушимым Советский Союз распался на отдельные государства. Его история, а заодно и история Российской империи подверглись критической переоценке. Именно в этот период Евгений Веникеев пишет свои полемические статьи, вызвавшие неоднозначную реакцию.

«КРАСНЫЙ АДМИРАЛ»⁵³

Не задумывались ли вы, кто до недавнего времени становился национальным (если можно так выразиться) советским героем? К их выбору подходили со строго классовых позиций: Павлик Морозов – крестьянский мальчик, А. Стаханов – рабочий, А. Матросов – рядовой солдат и так далее. Странным диссонансом здесь выглядит капитан 3-го ранга в отставке Пётр Петрович Шмидт, вошедший в советские «святцы» как «лейтенант Шмидт».

В чём секрет «феномена Шмидта»? Слава этого человека не потускнела даже сейчас, когда пали и сметены со своих пьедесталов другие «герои социалистического отечества». Его именем недавно (повторно) назван гарнизонный Дом офицеров в Севастополе (сегодня имя П. П. Шмидта не фигурирует в названии Дома офицеров ЧФ РФ – *Ред.*), а 15 декабря 1992 года при школе № 49 в том же городе торжественно открыли музей Шмидта.

Как видите, «феномен Шмидта» живёт, и в нём, как во всяком социальном явлении, полезно разобраться. Почему в 20-е годы его сделали официальным советским героем? Ведь он же не подходит ни по каким параметрам. Во-первых, дворянин, сын (страшно подумать!) адмирала. Во-вторых, царский офицер – «золотопогонник» и, в-третьих, даже не большевик! Правда он не был членом и других партий, но явно тяготел к эсерам. И, несмотря на это, вошёл в обойму героев № 1. Почему?

В то время советская власть испытывала зверскую нужду в культурных людях. Кухарки и кухаркины дети оказались неспособными управлять не только

⁵³ Южный курьер. 1993. 25 июня.

государством (результаты их управления мы испытываем на собственной шкуре), но и мало-мальски ответственным участком народного хозяйства, армии и флота. Следовало срочно привлечь на службу новому режиму «бывших» (с последующим, конечно, их уничтожением, но этого знать им не полагалось).

Тогда-то и «канонизировали» Шмидта. Смотрите, мол, дворянин, офицер, а как только перешёл на службу Революции, так и стал всесоюзным героем. Переходите, значит, к нам, и тут вам будет очень хорошо.

И надо сказать – переходили. Ловились на удочку пропаганды, соблазнялись окладами, распределителями, обманывали сами себя, говоря: «Я буду служить не большевикам, а России».

Они возвращались из-за границы, «сменяли вехи», вылезали из углов внутренней эмиграции. Начали писать книги, пьесы, стихи и поэмы про Сталина, двигать вперёд советскую науку, развивать военную мысль, водить корабли, обучать кухаркиных детей в институтах и военных училищах.

Но служили они всё-таки большевикам, за что и получили от них в большинстве своём заслуженную награду – пулю, Соловки, Беломорканал, лесоповал...

Но с годами ореол вокруг имени «красного лейтенанта» («адмирала») начал тускнеть. Это происходило по мере укрепления режима и постепенного понимания его руководителями, что главари восстаний на мятежных кораблях – не самые подходящие фигуры для поддержания их власти.

Пусть Шмидт выступил против другой, царской России, но восстал он всё же против законного правительства. А в том, что такой пример может найти последователей, убедил всех капитан 3-го ранга В. Саблин, поднявший в 1975 году мятеж на БПК «Сторожевой» Балтийского флота, но уже против советской власти. И хотя он как будто мечтал о возрождении чистых идеалов ленинизма, но подражал Шмидту. В. Саблина, как и его славного предшественника, пришлось расстрелять.

21 июля 1992 года из базы в Донузлаве вырвался СКР-112 под флагом незалежной Украины и помчался к Одессе. Корабли ЧФ догнали его, открыли предупредительный огонь, но на большее не решились. Мятежный сторожевик, немедленно прозванный прессой «украинским «Потёмкиным» (почему не «Очаковым?»), ускользнул.

Уверен, что образы Шмидта и Саблина витали в воображении офицеров СКР-112. И если бы, не дай Бог, на месте командования Черноморским флотом в тот момент оказался незабвенный адмирал Г. Чухнин, они бы не отделались легким испугом, когда единственная пулемётная очередь пересекла их курс.

Но всё равно без жертв не обошлось. По прибытии корабля в Одессу один из офицеров утонул. Он тоже жертва советской пропаганды, сделавшей Шмидта героем и примером для подражания.

Почему же слава этого человека пережила «перестройку», «гласность» и прочие недавние пертурбации? Почему он так пришёлся ко двору современным идеологам, которые не соображают, что рубят сук, на котором сидят?

Представьте себе такую картину. Какой-то офицер, скажем БПК «Москва» (он, кстати, обычно стоит неподалёку от места, где находился в 1905 году мятежный «Очаков»), арестовывает командира корабля и других офицеров,

привлекает на свою сторону (посулами всяких благ) большую часть команды, поднимает сигнал «Командую флотом. Иванов» (или Иваненко) и отбивает радиограмму: «Требую созыва Учредительного собрания» или «Требую восстановления СССР в полном объёме», или «Требую немедленной передачи всего Черноморского флота незалежной Украине», или... Да мало ли чего можно потребовать! Думаете, невероятно? А почему, собственно? Шмидт ведь поступил именно так.

Обычно говорят, что Шмидт и его деяния принадлежат истории и замалчивать их нельзя. Совершенно согласен, но от замалчивания до рекламирования и создания примера для подражания «дистанция огромного размера».

Геростат, сжёгший в 356 г. до н.э. одно из семи чудес света – храм Артемиды Эфесской, тоже принадлежит истории, но я что-то не слышал, чтобы в Греции из него сделали национального героя.

Что же касается самого Петра Петровича, то при ближайшем рассмотрении романтический ореол с него быстро слетает. И остаётся неврастеник, подверженный нервным припадкам, человек без твёрдых убеждений, склонный к импульсивным поступкам (стремительная женитьба на проститутке, страстная любовь к З. Рисберг, с которой ехал из Киева в Дарницу – ныне четыре перегона на метро), мучительное сознание полной неудачи собственной жизни, результатом чего явилось желание завершить её хотя бы героической смертью...

- *Вот как писал о Шмидте в 1931 году советский историк-марксист*
- *М. Н. Покровский: «Во главе восставших оказался случайный человек, отставной морской офицер Шмидт, наивный мечтатель, называвший себя социал-демократом, разговаривавший об объединении всех социалистических*
- *партий и пославший царю Николаю телеграмму: «Славный Черноморский флот, храня заветы и преданность царю, требует от Вас, государь, немедленного созыва Учредительного собрания и не повинуется более вашим мини-*
- *страм...». Не оказавшись во главе восстания интеллигент чеховского типа – и*
- *царь остался бы без Черноморского флота, а Севастополь стал бы первой*
- *«красной крепостью» российской республики».*

Очень правдоподобны результаты недавних исследований (Г. Рыжонок), что Шмидт был психически «не в себе», любил приложиться к бутылке. О странности его природы говорит и следующий, неизвестный его биографам (а в советское время имя им легион) факт. В № 55 севастопольской газеты «Крымский вестник» за 1 марта 1904 год напечатано: «Доверенность, выданную мною жене моей Доменике Гавриловне Шмидт, сим уничтожаю и долгов моей жены не плачу. Лейтенант Пётр Петрович Шмидт».

Даже в наши дни, когда мужчины позволяют себе выйти на улицу без сюртука и с папиросой в зубах, публично сморкнуться «в пальцы», публикация такого объявления нынешним офицером Черноморского флота вызвала бы сенсацию. Это было всё равно, что догола раздеться на людях. Судите сами, что это был за человек.

- Интересно, что за шесть лет до этого очерка Е. В. Веникеев публикует
- статью «Под красным флагом» о том же П. П. Шмидте. И в ней о мятежном лейтенанте, он писал по-другому: «Ему предстояло стать гордостью
- России» и «Шмидт имел все основания поднять на «Очакове» знаменитый
- сигнал: «Командую флотом. Шмидт». Но прошло время, и мнение писателя
- кардинально изменилось.

Но почему же нынешние идеологи так за него держатся? Им нужен герой именно буржуазный, не пролетарской революции. Октябрьский переворот они вроде (но не до конца) отрицают, а февральскую революцию как будто приветствуют. Но в узком промежутке между ними нового героя не обретёшь. И никого не смущает, что современный Шмидт может положить на алтарь «свободы» свою жизнь и жизни десятков таких, как и он, ослеплённых идеалистов.

По поводу следующей публикации было сломано немало полемических копий. Один из критиков писал: «Вообще же суть статьи сведена к одиозному – доска, висящая ныне на Приморском бульваре и вопиющая о том, что на этом месте были расстреляны матросы мятежного «Очакова» – это ложь. Ну что ж, если ведение огня по беспомощно плывущим к берегу в ледяной воде невооружённым людям с горящего «Очакова» и его продолжающийся расстрел, несмотря на полную потерю боеспособности, что было видно невооружённым глазом, считать «чугунной» ложью, то пусть это останется на совести Евгения Витальевича. Речь, наконец, идёт о бессмысленности расстрела людей на акватории бухты, а не конкретно у стены, где висит злополучная и не понравившаяся своим местом пребывания Веникееву доска».

ЧУГУННАЯ ЛОЖЬ⁵⁴

В Севастополе, на Приморском бульваре на подпорной стене против памятника Затопленным кораблям укреплен чугунная мемориальная доска. На ней значится: «Здесь 28.11.1905 царскими войсками были зверски расстреляны революционные матросы крейсера «Очаков». Доска эта интересна тем, что на ней не написано ни слова правды...

В тот день, восставший крейсер стоял под Северной стороной недалеко от выхода из Севастопольской бухты (между мысами Нахимова (ныне мыс Радиогорка – *Ред.*) и Михайловской батареей). В 16 часов по нему был открыт огонь с верных правительству кораблей и береговых батарей. Из-за незначительного расстояния до цели (900–1100 метров) с судов стреляли не только из орудий, но вели и винтовочный огонь. Восставшие отстреливались, но слабо. Стрельба продолжалась 25–30 минут, после чего крейсер спустил красный флаг, загорелся и горел два дня.

⁵⁴ Южный курьер. 1992. 11 сентября.

К началу обстрела на нём находилось 365 человек. После боя, по подсчетам знатока вопроса Р. М. Мельникова («Крейсер «Очаков», М., 1986), пропало без вести около 165 человек. Значит ли это, что они погибли? Очевидно, нет. Многие спаслись вплавь, выбравшись на ближайшую сушу – Северную сторону (до неё было метров 200–300). До Приморского бульвара, а это почти километр, никто с «Очакова» в конце холодного ноября физически не мог доплыть.

Откуда же взялась «утка» на мемориальной доске? Обычно ссылаются на статью А. Куприна «События в Севастополе», напечатанную 1 (14 по старому стилю) декабря 1905 года в газете «Наша жизнь». Но, очевидно, её внимательно никто не читал. Известный писатель сам в тот день находился на Приморском бульваре, видел горящий корабль и утверждал, что слышал крики гибнущих на нём людей (что на таком расстоянии сомнительно), много и с негодованием говорил о «героической жестокости» командующего Черноморским флотом Г. П. Чухнина, но ни слова – о расстрелах на Приморском бульваре (кстати сказать, бульвар был в тот вечер забит народом, сбежавшимся на пожар).

Далее Куприн пишет, приводя слухи, циркулирующие среди публики: «Тут в толпе многое узналось. О том, что в начале пожара предлагали «Очакову» шлюпки, но матросы отказались (это вымысел – Е. В.). О том, что по катеру с ранеными, отвалившему от «Очакова», стреляли картечью (факт подтверждается вахтенным журналом броненосца «Ростислав» – в 4 часа 30 минут с этого корабля расстреляли какую-то шлюпку и миноносец № 270 – Е. В.). Что бросавшихся вплавь расстреливали пулемётами. Что людей, карабкающихся на берег, солдаты приканчивали штыками (советские «историки» всегда прекращали цитирование на этом месте – Е. В.). Последнему я не верю: солдаты были слишком потрясены, чтобы сделать и эту подлость».

Таким образом, А. Куприн, как очевидец, опровергает нашу мемориальную доску. Правда, он приводит слух (никак и нигде документально не подтверждённый), что плывущих расстреливали из пулемётов, но имеет в виду какое-то другое место, скорее всего – Северную сторону.

Писатель жил тогда в Балаклаве (помогал, между прочим, прятаться бежавшим с «Очакова»). 7 декабря, после прибытия газеты с его статьей в Севастополь, он получил от местного градоначальника предложение в 48 часов покинуть градоначальство (в него входила и Балаклава), как находящееся на осадном положении. Потом ему предоставили трёхдневную отсрочку, во время которой вручили судебную повестку: Г. П. Чухнин подал на Куприна в суд, обвиняя по статье 1535-й Уголовного кодекса Российской империи «за клевету в печати» (вот оно – правовое государство!). С него взяли подписку о невыезде с места постоянного жительства – Петербурга.

Суд состоялся только через два года. Куприн был признан виновным, но отделался лёгким испугом – был приговорён к домашнему аресту сроком на 10 дней.

История имела любопытное продолжение. Дело в том, что писатель успел приобрести в Балаклаве земельный участок и даже начал строительство. Но попытка вернуться в Балаклаву в 1906 году была пресечена полицией. В его защиту выступил известный ученый и путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шаньский, бывший ещё и сенатором, и членом Государственного Совета. 19 апреля

1907 года он обратился к министру внутренних дел с письмом, в котором говорится: «Он был выслан оттуда по распоряжению генерала Неплюева за то, что произносил какие-то буйные речи... Но с тех пор он вполне протрезвился, пройдя полный курс лечения (по-видимому, от алкоголизма – Е. В.) в санатории близ Гельсингфорса... я решаюсь обратиться к вашему великодушию с ходатайством о возвращении Куприна в Балаклаву, в надежде, что присутствие его там... при некотором надзоре за ним близких никому никакого вреда принести не может».

Министр запросил севастопольского градоначальника. Но злопамятный Неплюев ответил, что «... возвращение Куприна в район градоначальства крайне нежелательно». Так писатель больше ни разу не был ни в Балаклаве, ни в Севастополе.

Какой отсюда вывод? Куприн слишком увлёкся своими тогдашними симпатиями к революционерам и написал пристрастную статью. Советским идеологам показалось, что жестокости тогда было маловато (хотя куда уж больше), и они сделали следующий шаг – придумали расстрел на Приморском бульваре и водрузили доску, висящую там до сих пор.

- *И всё же матросы к Приморскому бульвару плыли. Скорее всего, они были с миноносца № 270, который пытался уйти в Артиллерийскую бухту.*
- *Возможно, именно их и могли расстреливать солдаты. Вот несколько свидетельств.*

● *«Сухопутные войска стреляли залпом, стоявшие на Графской пристани и на Приморском бульваре» (матрос 32-го флотского экипажа Федор Мартыненко). «Когда «Очаков» загорелся, то весь огонь был сосредоточен по спасающимся. Несколько матросов было приколото штыками стоящими на берегу пехотинцами... солдаты зверствовали, потому что не многие были трезвы...» (канонир севастопольской крепостной артиллерии Ян Кенный). Эти свидетельства были написаны в 1906 году, некоторые были опубликованы в 1920-х годах. «...Публика, наблюдавшая за ходом трагедии с Приморского бульвара, – писал в своих воспоминаниях сын П. П. Шмидта Евгений, – поспешила на помощь погибавшим повстанцам, и там, где представлялось возможным, укрывала матросов от разъяренных солдат и снабдив штатской одеждой, переправляла в город...».*

● *Но прав был и Е. В. Веникеев. «Наверное, правильно было бы поставить вопрос, – писал севастопольский историк В. В. Крестьянников уже после публикации этой спорной статьи, – о том, что доска с несколько изменённым текстом должна быть установлена в районе западного берега Южной бухты, где действительно расстреливали плывущих матросов, но то, что была проявлена жестокость при подавлении восстания, не вызывает сомнения»⁵⁵.*

Е. Веникеев: «Максимова дача – любимое место загородных пикников севастопольцев. Многие из тех, кто бывал там и видел парк, пруды, развалины красивых построек, естественно, интересуются, кто же такой Максимов».

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА⁵⁶

Севастопольский городской голова Алексей Андреевич Максимов стал очень известен в наши дни. Выходец из самых низов (вероятно, его отец был крепостным крестьянином), Максимов родился около 1850 года, работал приказчиком в лавке, десятником на стройках. Скопив кое-какие деньги, занялся подрядами и разбогател. В мошенничестве замечен не был, но дела свои вёл настолько удачно, что вскоре женился на дочери богатого севастопольского купца С. Л. Кундышева-Володина.

Вместе с тестем за свой счет он восстановил в 1887–1888 годах Петропавловскую церковь, разрушенную во время Крымской войны, а в 1900 году пожертвовал 27.675 рублей (огромные тогда деньги) на сооружении церкви при городской больнице (после революции снесена). За это там была учреждена «кровать его имени». Последнее пожертвование диктовалось не столько благочестием – сколько поисками популярности.

- *С этим был не согласен А. М. Чикин, позже написавший несколько книг о А. А. Максимове: «Абсолютный абсурд, совершенно бездоказательный...»*
- *Церковь как таковая вообще не должна была строиться, т.к. деньги были завещаны одним из крупных священнослужителей на строительство больницы часовни. Они были переданы наличными лично в руки городского головы.*
- *Максимов исполнил волю умершего, но, по словам современников, «увлекся» и вместо часовни построил церковь, привнеся дополнительно личные средства в сумме 27 тыс. рублей»⁵⁷.*

В 1901 году Максимов выставляет свою кандидатуру на пост городского головы и побеждает на выборах, правда, с перевесом всего в один голос. Одновременно он является почётным попечителем реального училища и почётным членом совета попечительства севастопольского детского приюта. «Крымский вестник» именуется его «энергичным попечителем». В 1900 году он жертвует проценты с капитала в девять тысяч рублей на ремонт училища.

Максимов говорил о своей деятельности: «Я четвёртый год на городской службе и за всё это время четырёх свободных дней не имел». Судя по тому, что ему 11 декабря 1904 года был «всемилоостивейше пожалован» орден Святой Анны 2-й степени, «наверху» его тоже ценили.

Вообще, в первые годы нового века ему всё удаётся. Он богат, владеет прекрасным домом в центре города, приобретает имение в Хомутовой балке и закла-

⁵⁵ Крестьянников В. В. Версия – она и есть версия // Слава Севастополя. 1992. 24 декабря.

⁵⁶ Используются статьи: Веникеев Е. В. Максимова дача // Слава Севастополя. 1979. 19 мая; Городской голова // Таврические ведомости. 1992. № 38.

⁵⁷ Чикин А. М. Переписать историю // Слава Севастополя. 1992. 12 ноября.

дывает там по проекту лучшего севастопольского архитектора В. А. Фельдмана загородную усадьбу и парк.

Максимова дача – один из красивейших уголков в окрестностях Севастополя. Её территория – это миниатюрная плодородная долина, изобилующая разнообразными породами деревьев и кустарников. Здесь геометрически правильные формы сочетаются со свободным стилем, насыщены различными архитектурными украшениями. По склонам балки как бы сбегают в долину виноградники, летом и осенью их кусты создают иллюзию необыкновенно красивого низвергающегося водопада. Каменные подпорные стены, ступени и переходы, таинственные гроты, сад, сливающийся с дикорастущей флорой, причудливые водоёмы – всё это, особенно сейчас, тронутое временем, придаёт Максимова даче некую таинственность и романтическое очарование. (Фото 46)

Но тут судьба начинает поворачиваться спиной к Максиму. В марте 1904 года инженер П. Я. Семёнов (автор проекта курорта «Новый Симеиз») обрушился на него с гневной филиппикой по поводу строительства севастопольского водопровода. Упомянув о малограмотности Максимова, он обвиняет его в популизме и прямом обмане – голова уверил думу, что добился экономии в 31 тысячу рублей, за что получил три тысячи премиальных. П. Я. Семёнов утверждал как специалист, что никакой экономии не было.

Через год «Крымский вестник» подвергает Максимова суровой критике. Газета пишет, что при нём «...создано массу проектов, планов, чертежей, написано много сочинений, оказавшихся непригодными, израсходовано непроизводительно из городской кассы около 20.000 рублей».

Результаты не замедлили сказаться. 30 июля 1905 года на очередных выборах голоса разделились поровну, и вопрос о том, кто будет городским головой – Максимов или его соперник инженер Ф. Н. Еранцев (автор большинства памятников севастопольской обороны) – должен был решаться в Петербурге. Но по каким-то причинам Еранцев «взял самоотвод», и наш герой сохранил свой пост.

Грянула первая революция. 18 октября толпа пыталась ворваться в тюрьму и освободить заключённых. Охрана стреляла. Погибло шесть человек. На следующий день дума постановила: удалить жандармского полковника и полицмейстера, казаков, заменить полицию милицией, назначить торжественные похороны убитых, и послала председателю Совета министров С. Ю. Витте телеграмму протеста. Её подписал Максимов.

Но городской голова пошёл дальше. Открывая траурный митинг, он призвал «небо и землю протестовать против того, как царское правительство безжалостно расправляется с русским простым народом». На этом основании уже упомянутый А. Чикин объявил его чуть ли не революционером.

Конечно, это не так. Севастопольский богач просто решил, что победила революция, и спешил бежать впереди паровоза. Множество примеров такого же поведения мы могли наблюдать в последние годы. Но ему не так повезло, как нынешним «перестройщикам». В тот раз революция провалилась, и ловкий «мэр» имел некоторые неприятности. Конечно, его не сняли и не посадили (Россия всё же была правовым государством), но, кажется, допрашивали в полиции и даже проводили обыск в квартире.

- И всё же вскоре в печати началась его травля, а в 1908 году А. А. Максимов
- был отстранён от исполнения обязанностей городского главы. Он направля-
- ет докладную записку на имя статс-секретаря П. П. Столыпина с просьбой
- разобраться в его деле, но получает отказ. Неудачей закончилась и попытка
- попасть на приём к Николаю II. История с отставкой сказалась на его здо-
- ровье, это был такой удар, который хозяин Максимова дачи не смог пере-
- жить. Стали говорить о его выселении из Севастополя и возможной конфи-
- скации имения в Хомутовой балке.

В 1908 году А. А. Максимов скончался. Ходили слухи, что он будто бы покончил с собой. Печальный конец для баловня фортуны.

Эта статья была опубликована в газете «Слава Севастополя» (24.06.1992 г.) под заголовком «Кровь!.. Голубая? Белая? Красная?». «Такой лихой заголовок, – писал позже Е. В. Веникеев, – я, честное слово, придумать не в состоянии. Его дали в редакции без моего ведома. В оригинале статья именовалась прозаичней: «Как это было». Разудалый заголовок только повысил градус и без того бурной полемики, которую вызвала эта публикация.

КАК ЭТО БЫЛО

В 1923 году в Берлине вышла книга С. П. Мельгунова «Красный террор в России» (в прошлом году она переиздана издательством «Таврия»). Там много страниц посвящено нашему городу, массовым казням в 1918–1922 годах. Страшно читать такие строки: «Наибольшие расстрелы (в Крыму – Е. В.) происходили в Севастополе и Балаклаве, где ЧК расстреляла, если верить очевидцам, до 29 тысяч человек... Нахимовский проспект был увешан трупами офицеров, солдат и гражданских лиц, арестованных на улицах и тут же наспех казнённых без суда... Были использованы все столбы, деревья и даже памятники... Исторический бульвар весь разукрасился качающимися в воздухе трупами. Та же участь постигла и Екатерининскую, и Большую Морскую улицы, и Приморский бульвар». Это относится к концу 1920 года, когда большевики расправлялись с остатками белой армии, не успевшими или не пожелавшими покинуть родину, а также вообще с «буржуями».

- Позже в статье «Правда им не нужна» (Республика Крым, 1992 г., № 30)
- Е. В. Веникеев приведёт слова И. Квятковской, бывшего директора городской
- детской библиотеки, потомственной уроженки Севастополя, которая «ка-
- тегорически отрицает, что трупы казнённых висели в Севастополе на дере-
- вьях и фонарях». Сегодня известно, что сведения Мельгунова по Севастополю
- преувеличены.
- Минимальное число погибших во время красного террора в Крыму в на-
- чале 1920-х годов – 12 тыс. человек. Именно эта цифра указана в наградном
- документе чекиста Ефима Евдокимова, возглавлявшего Крымскую ударную

- группу. Но, во-первых, далеко не все убийства документировались; во-вторых, смертные приговоры выносили не только чрезвычайные «тройки» особых отделов, но и другие репрессивные органы. В-третьих, многие документы того периода репрессий до сих пор не выявлены и не введены в научный оборот. Представитель наркомата по делам национальностей, татарский революционер Мирсаид Султан-Галиев определял число расстрелянных одних только врангелевских офицеров от 20 до 25 тыс. человек. В эмигрантской литературе цифры доходят до 150 тыс. Но всё же наиболее доказуемой следует считать именно 20–25 тыс. погибших. В это число входят не только расстрелянные по приговорам «троек», но и многочисленные жертвы «стихийной фазы» террора⁵⁸.

Ужасом веет со страниц этой книги, но для современного читателя этот ужас (да позволят мне такое выражение) носит несколько умозрительный характер. Теоретический, так сказать. Издано это давно, тем более в Берлине, автор не «наш». Вот если бы рассказ очевидца...

До самого последнего времени современники тех событий предпочитали о них не заикаться. Мой дед и отец с 1918 по 1920 год безвыездно прожили в Севастополе, но дед не единым словом не обмолвился о той поре, а отец вспоминал только весёлое. Ни о казнях, ни о страшном голоде, ознаменовавшем первые годы Советской власти, они не говорили. Крепко был напуган русский человек! Доживи они до 1985 года, то, возможно, стали бы откровеннее, но этого им было не дано. Рассказ очевидца о тех страшных днях донёс до меня другой человек.

В 20–30 годах в нашем городе существовал Севастопольский музей краеведения – интереснейшая организация, оригинально совмещавшая под руководством талантливых педагогов Павла и Владимира Петровичей Бабенчиковых собственно музей, научно-исследовательское и учебное заведение. В СМК принимали мальчиков и девочек с 13–14 лет. Моя мечта – написать историю этого чудесного музея, проследить за судьбами «музеистов» (так они себя называли), многие из которых стали известными учёными. Я лично или по переписке знаком со многими из них (к сожалению, их осталось мало, да и те постепенно покидают этот мир). Одна из «музеисток» – инженер-геолог Муза Евгеньевна Заколдаева (живёт ныне в Петербурге), рассказала мне следующее.

Её отец Евгений Кулик до 1917 года был штабс-капитаном таможенной стражи. Я думаю, он относился к числу того «молчаливого большинства» всякого народа, которое воспринимает революцию, как стихийное бедствие, и старается просто как-то пережить смутное время, не очень задумываясь над идеологическими тонкостями. Правильно сориентировавшись в обстановке, Е. Кулик пошёл работать в охрану Морского завода и даже вступил в соответствующий профсоюз. Мобилизации в армии тех многочисленных правительств и властей, что сменились в Севастополе за три года, он счастливо избежал по слабости здоровья.

Наконец 15 сентября 1920 года войска генерала Врангеля покинули Севастополь, и в городе установилась Советская власть. И вот в конце того же месяца по городу были расклеены объявления нового начальства, предлагавшие всем

бывшим офицерам прийти 27 ноября в цирк Труцци на Новосильцевской площади (ныне площадь Ушакова) для регистрации на предмет получения продовольственных карточек. Вопрос имел жизненно важное значение – уже начинался голод, который будет особенно свирепствовать в следующем году.

Понятно, что Е. Кулик, как и многие другие, поспешил явиться в назначенное время. Далеко не все офицеры эвакуировались с Врангелем, многие остались, поверив заявлению Фрунзе, что им гарантирована амнистия.

У дверей цирка стояли матросы не на посту, а просто так – стояли, курили. (Их задачей было всех впускать, никого не выпускать, но этого, конечно, они не сообщали). Один из них оказался хорошим знакомым бывшего штабс-капитана. Подойдя к нему, он тихо сказал:

— Дядя Женья, не ходи туда...

— Почему?

— Не знаю. Но лучше – иди домой.

Евгений Кулик послушался и остался жив. Других же погнали под конвоем на Максимову дачу и там расстреляли из пулемётов. Говорят, их могила – на большой поляне ниже бассейна. Сейчас это любимое место весенних пикников севастопольцев.

Почему я считаю, что этот первый (за ним последовали другие) расстрел произошёл именно 27 ноября? Потому, что на следующий день в газете «Известия временного севастопольского ревкома» появился список расстрелянных – 1634 человека (тогда любили гласность в таких вещах).

О том, что происходило в цирке Труцци, рассказал писатель С. Бондарин в книге «Прикосновение к человеку», вышедшей в Москве в 1973 году. Эти подробности он передает со слов «одного чекиста-романтика, любителя рыб, птиц и литературы». Были, оказывается, и такие.

Вот этот жуткий рассказ, который С. Бондарин приводит с явным восхищением: «В помещении цирка, прямо на арене, размещалась толпа арестованных..., на арену выехал всадник на отличном коне – в красных галифе, в кавказской бурке на плечах. Всадника сопровождало несколько человек при оружии. На бедрах парабеллумы. Кубанки. Кожанки. Всадник оглядел толпу и, не сходя с седла, привстал на стременах и произнёс речь.

Он говорил о том, что человечество резко разделилось. И не на небесах – на земле начинается Страшный суд. Одни стали налево, другие ушли направо. Судит не бог Саваоф, а мать Революция. Восстал мученический народ и борется он за коммуны, это люди по одну сторону, по другую, и к ним относятся те, кто останутся здесь, на песке цирковой арены, после проверки – все, кто против Революции, против коммуны, против народа... Пощады таким людям не должно быть! Оратор был неукротимый боец революции, недавний фронтовик Артём Весёлый».

- Мотив подобных действий был предельно ясно сформулирован одним из руководителей Всеукраинского ЧК М. И. Лацисом, слова которого приводит А. М. Чикин в своей книге «Севастопольская голгофа»: «Мы не ведём войны против отдельных лиц, мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал

⁵⁸ Соколов Д. В. «Я словно заглянул в бездну...». – М., 2018. – С. 365-366.

- делом или словом против Советской власти. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Эти вопросы и должны разрешить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть «красного террора»⁵⁹.
- Поэтому он был не так резок, как остальные оппоненты Е. В. Веникеева.
- В статье «Переписать историю?» («Слава Севастополя», 12.11.1992 г.) А. М. Чикин писал: «Однако надо заметить, что Веникеев прав, проводя мысль о том, что в Крыму 1920–21 годов большевиками было совершено немало преступлений против собственного народа. И эта тема всё ещё ждёт своего вдумчивого и скрупулёзно объективного исследователя. Долгое время она была закрыта для нашей официальной исторической науки... Гражданская война – это страшная трагедия всего народа. В ней нет правых, победителей и побеждённых. А что касается красного террора в Крыму и Севастополе, то убеждён – во многом истина лежит посередине, и искать её надо прежде всего в закрытых пока архивах ВЧК и ГПУ⁶⁰, используя подспорьем тому воспоминания современников как с той, так и с другой стороны. Публикации же белой эмиграции требуют серьёзного подтверждения документами и непременно учёта политической обстановки, царившей тогда в многочисленных течениях эмиграции. Нельзя забывать и о неразобранных ещё белоэмигрантских архивах дальнего зарубежья».

А. Весёлый – псевдоним Н. И. Кочкурова (1899–1939). Этот человек, так мозаично упивавшийся собственным красноречием перед толпой обречённых на смерть, позже стал известным советским писателем и сам пал жертвой репрессий, уже сталинских.

Надо сказать, что в биографических работах о жизни А. Весёлого описанный жуткий эпизод отсутствует. Умалчивает о нём и сам писатель в автобиографических заметках. Везде сказано, что он впервые попал в Севастополь в 1922 году, будучи призван на службу на Черноморский флот. Но «Краткая литературная энциклопедия» в списке его занятий кратко указывает – «чекист», правда, без даты.

Тот «чекист-романтик» на которого ссылается С. Бондарин, положительно утверждает, что он прибыл в Севастополь на следующий день после эвакуации Врангеля (то есть 16 ноября) и уже застал здесь А. Весёлого.

В Севастополе, на кладбище Коммунаров, есть братская могила, над которой установлен внушительный массивный монумент. Там похоронены 49 большевиков-подпольщиков, казнённых в разное время белогвардейцами. Какой ничтожной кажется эта цифра по сравнению с чудовищным количеством жертв красного террора. А над их могилами нет даже деревянного креста! Да и сами могилы неизвестны (про Максимову дачу – только слух). Говорят (опять «говорят»), что расстреливали и хоронили ещё и на Мекензиевых горах, и под Балаклавой. Но где точно – неизвестно. Не было ни поисков, ни раскопок.

Сейчас много пишут о национальном примирении, о том, что Гражданская война была трагедией для обеих сторон. Но это только слова. На их фоне выгод-

но выделяется поступок испанского фашистского диктатора Франко – он приказал похоронить жертвы гражданской войны в Испании в 1936–1939 годах в общей могиле и поставить над ней гигантский «Крест примирения».

Не говорю уже про США, где памятники южанам в таком же почёте, как и их победителям в гражданской войне 1861–1865 годов – воинам северных армий. А для нас люди, предательски расстрелянные 72 года назад, – по-прежнему «белые» и враги.

Война продолжается?

- Уже позже появился «Крест примирения» и в Севастополе. В 1995 году у дороги, ведущей с 5-км Балаклавского шоссе к Максимовой даче, где производились расстрелы, был установлен камень. В дальнейшем на его месте планировалось открыть мемориал красным и белым русским воинам. Но лишь спустя десять лет состоялось освящение памятного креста, а на камне сделали надпись, предложенную писателем Геннадием Черкашиным – «Они пали, любя Россию, в братоубийственной Гражданской войне 1917–1920 г.г.».
- (Фото 47)
- В 2020 году к 100-летию «Русского исхода» рядом с крестом был открыт храм в честь иконы Божией Матери «Умягчение злых сердец», возведённый по модульной технологии. В его создании участвовали жертвователи из России, русского зарубежья, общественные организации, горожане. Рядом с храмом планируется строительство собора Новомучеников и исповедников Церкви Русской и музея Гражданской войны с исследовательским центром.

⁵⁹ Чикин А. М. Севастопольская голгофа. Севастополь: «Рибест», 2005. С. 130.

⁶⁰ 12 тысяч. Крымские расстрелы, 20.11.1920-18.04.1921 // Реабилитированные истории. Автономная Республика Крым: Книга десятая. К., 2021. 1050 с.

«БЕЛЫЕ ПЯТНА» ВТОРОЙ ОБОРОНЫ

«Следует отметить, что, несмотря на огромное количество работ по второй обороне Севастополя, её настоящей истории на русском языке не существует, – писал Е. Веникеев в неопубликованной рукописи «Ахтиар – Севастополь». – Всё написанное коммунистическими «историками» далеко от объективности хотя бы потому, что они почти полностью игнорируют немецкие источники. До сих пор неизвестна цифра потерь осаждающих и обороняющихся, масса эпизодов вообще вымышлена из идеологических и пропагандистских соображений. Списки «героев обороны и освобождения» утверждались ЦК КПСС и тем самым были канонизированы. Ликвидация всех «белых пятен» в истории Севастополя с 1941 по 1944 годы требует создания фундаментальной монографии...».

И Веникеев одним из первых попытался разобраться в некоторых неоднозначных эпизодах Второй обороны Севастополя.

Е. Веникеев: «Перед рассветом 22 июня 1941 года город содрогнулся от грохота – это взорвались две мины, сброшенные с четырёх немецких самолётов. Один из них удалось подбить. Обычно этот эпизод описывают в значительно преувеличенном виде как по числу нападавших, так и по количеству уничтоженных машин».

ПЕРВАЯ НОЧЬ ВОЙНЫ. СЕВАСТОПОЛЬ⁶¹

Вот как вспоминал эту ночь первый секретарь Севастопольского горкома партии Б. А. Борисов: «Девятнадцатого июня 1941 года закончились учения Черноморского флота, и на следующий день корабли вошли в Севастопольскую бухту. Светомаскировка, продолжавшаяся в городе несколько дней, была снята. Вечером в субботу 21 июня на улицах, площадях и бульварах Севастополя было особенно людно, оживлённо, весело. Праздничным гулянием встречал город моряков, сошедших на берег после продолжительных учений...»

Улицы полны народа. Куда ни глянь – всюду моряки в гладко отутюженных форменках с синими отложными воротниками, мелькают белые чехлы фуражек

⁶¹ Флаг Родины. 1993. 21 августа. Очерк написан в соавторстве с Д. Стогнием.

и бескозырок. На Приморском бульваре сияют трубы краснофлотского оркестра, на асфальтовых площадках, залитых сиреневым светом «юпитеров», танцует молодёжь. По тёмной воде вдоль берега шныряют юркие шлюпки. Смех, музыка, оживлённый говор! До позднего вечера продолжались гуляния на городских бульварах и площадях, в Ушаковой балке, на Корабельной стороне и на Малаховом кургане...

Глухие, тяжкие раскаты нарушили первый сон... За окном медленно таял зеленоватый свет ракеты. Снова прогремели залпы. Тарелка репродуктора наполнилась сухим треском, и твёрдый, настойчивый голос диктора объявил о «Большом сборе» и гарнизонной тревоге⁶².

Кто же прав?

Великая Отечественная война началась в четвёртом часу утра 22 июня 1941 года нападением немецких самолётов на главную базу Черноморского флота – Севастополь. Именно в этом городе прогремели первые взрывы, похоронили первых убитых, рухнул в море первый сбитый вражеский самолёт.

Казалось бы, события тех часов должны быть тщательно изучены и известны каждому. Однако противоречат друг другу очевидцы и историки, превращая этот, вообще-то говоря, незначительный в стратегическом отношении военный эпизод (знаменитый, пожалуй, лишь тем, что был первым) в какой-то невероятный по числу налетевших и сбитых самолётов бой.

Первым источником информации (а вернее – дезинформации) об описываемом нами событии явилась статья М. Муцит и Л. Дубнова, появившаяся в газете «Красный Крым» 24 июня 1941 года и неоднократно перепечатывавшаяся впоследствии. Краткое содержание её таково: «глубокой ночью» наше командование заранее узнало о приближении самолётов врага, их встретили в полной боевой готовности и, «когда послышались взрывы брошенных на город бомб», открыли огонь. Три «разбойничьи машины» были сбиты, а «остальные обратились в бегство».

Под влиянием этого сообщения находились и другие авторы – очевидцы события. Е. А. Игнатович в книге «Зенитное братство Севастополя» говорит о «цепочке самолётов» (три из них сбито). П. А. Моргунов в работе «Героический Севастополь» упоминает о двух уничтоженных машинах. Н. М. Кулаков тоже придерживается этой цифры. Другие авторы отдают предпочтение то трём, то двум самолётам, некоторые вообще не упоминают ни одного (Б. Борисов «Подвиг Севастополя»), а другие (Ф. С. Октябрьский) останавливаются на одном.

Где же правда, спросит читатель, и почему такие расхождения в цифрах у очевидцев? Причина проста: как подсчитала зарубежная статистика (и это блестяще подтвердилось во время недавней войны в Персидском заливе), каждая из сторон в военных сводках увеличивает потери неприятеля в среднем в три раза и настолько же преуменьшает свои. Поэтому и появились в газете «Красный Крым» три сбитых и огромное количество нападавших машин. На самом деле с немецкой стороны участвовало всего четыре самолёта.

⁶² Борисов Б. А. Подвиг Севастополя. Симферополь: «Крым», 1970. С. 3-4.

Как это было?

В середине июня 1941 года в северо-западной части Чёрного моря проводилось большое совместное отрядное учение сил Черноморского флота и войск Одесского военного округа. Задачей учения была отработка действий войск и сил флота по высадке и отражению морского десанта. На учении присутствовал заместитель Наркома ВМФ адмирал И. С. Исаков. 19 июня учение закончилось, и корабли ЧФ стали сосредотачиваться в Севастополе.

Однако, ввиду напряжённой обстановки на границе с Германией, Военный совет флота по указанию Наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова оставил силы флота в оперативной готовности № 2. По этой готовности во всех штабах устанавливалось суточное оперативное дежурство, а в штабе флота, кроме того, ночное дежурство поочередно начальника оперативного отдела, заместителя начальника штаба и начальника штаба. В ночь с 21 на 22 июня в штабе флота дежурили оперативный дежурный Н. Т. Рыбалко и начальник штаба контр-адмирал И. Д. Елисеев.

Вечером 21 июня корабли Черноморского флота стояли рассредоточено в Севастопольской бухте. Они были затемнены, но сам город – ярко освещён. До одной трети командного состава кораблей было уволено на берег.

В 23 часа 50 минут Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов по распоряжению Наркома обороны СССР С. К. Тимошенко передал всем флотам и флотилиям телеграфный приказ о переходе на оперативную готовность № 1. Одновременно он связался с Севастополем по телефону и предупредил начальника штаба флота контр-адмирала Елисеева о посланной телеграмме. В 01 час. 02 минуты узел связи штаба Черноморского флота принял телеграмму: СФ, КБФ, ЧФ, ПВФ, ДВФ. Оперативная готовность № 1 немедленно. Кузнецов».

Оперативная готовность № 1 была объявлена по Черноморскому флоту в 01 час. 15 минут, а в 01 час 55 минут в главной базе был сыгран «Большой сбор» и одновременно объявлена боевая тревога. Началось затемнение объектов флота и города, но в связи с тем, что оно производилось недостаточно быстро, были выключены рубильники на городской электростанции.

В 01 час. 35 минут начальник штаба ПВО Черноморского флота майор Н. Перов получил условный сигнал «Юкон», означавший приказание о немедленном переводе всех сил и средств ПВО в наивысшую степень боевой готовности.

Около 01 часа 50 минут адмирал Кузнецов отправил Военным советам флотов и командующим флотилиями телеграмму следующего содержания: «... В течение 22–23 июня возможно внезапное нападение немцев, которое может начаться с провокационных действий. Наша задача – не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно флотам и флотилиям быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. Приказываю, перейдя на оперативную готовность № 1, тщательно маскировать повышение боевой готовности. Ведение разведки в чужих территориальных водах категорически запрещать. Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить».

Через некоторое время после вышеупомянутого приказа Нарком ВМФ дал экстренную телеграмму, в которой говорилось, что обстановка дана «только для сведения Военных советов».

Эти телеграммы являются прекрасным отражением тех противоречий, которые царили в Наркомате обороны и Наркомате ВМФ в ту роковую ночь. С одной стороны, флотам, как и всем Вооруженным Силам, предписывалось «встретить возможный внезапный удар», с другой – «не поддаваться на провокации».

К двум часам ночи 22 июня Черноморский флот перешёл на оперативную готовность № 1. «Благодаря более оперативному способу доведения указаний командование Военно-Морского Флота до флотов и флотилий, а также специфическим условиям организации и боевой деятельности флота, военно-морское командование смогло значительно быстрее, чем командование Красной Армии, привести свои силы в боевую готовность», – говорится в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны».

Перевод сил и средств ПВО главной базы в состояние готовности № 1 завершился к 02 часам 06 минутам. В Севастополе было введено угрожаемое положение, развёрнуты командные пункты и службы местной противовоздушной обороны (МПВО). Дежурная зенитная батарея № 74 была приведена в состояние трехминутной готовности к открытию огня. Для выяснения обстановки начальник ПВО ЧФ полковник Жилин связался с начальником штаба ВВС ЧФ полковником Калмыковым, который сообщил, что советских самолётов в воздухе нет, но по плану, утверждённому накануне, с аэродрома под Севастополем должен в 4 часа утра подняться самолёт УТ-2.

- Примерно так же описывает первые ночные часы 22 июня в упомянутой
- Е. В. Веникеевым книге старший лейтенант, командир 4-й батареи 1-го дивизиона 61-го зенитного-артиллерийского полка ПВО ЧФ Е. А. Игнатович:
- «В 01 час 50 минут Морской завод дал ряд протяжных гудков, и тут же прогремели три орудийных выстрела. Этим сигналом, известным каждому краснофлотцу и жителю Севастополя, в Главной базе флота объявлялся «Большой сбор» ... Приказание подразделениям и частям зенитной артиллерии о готовности к немедленному уничтожению могущих появиться воздушных целей было отдано начальником ПВО Черноморского флота полковником И. С. Жилиным после разговора с начальником штаба флота, предупредившего, что наших самолётов в воздухе нет и не предвидится... В 02 часа 22 минуты в Севастополе введено «Угрожаемое положение». На кораблях флота, на улицах и площадях были погашены огни, город окутал мрак южной ночи.
- На огневых позициях зенитчики усилили наблюдение за воздухом...».

Корабли, военные объекты и городские кварталы Севастополя были затемнены. Однако своевременно погасить огни Херсонесского маяка и Инкерманских створных знаков не удалось – проводная связь с ними оказалась нарушенной в результате диверсии: уже утром было обнаружено, что на телефонных линиях, ведущих к этим объектам, было вырезано по 25–50 метров провода. Поэтому приказ о тушении огней пришлось предавать через посыльных. До Верхнего (Восточного) Инкерманского маяка посыльный добраться не успел, и его белый огонь, дальность видимости которого составляла 24 мили, продолжал гореть.

В 2 часа 35 минут операторы приёмной станции радиолокатора «РУС-1» поста воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) в селе Тарпанчи

(ныне Окуневка) на мысе Тарханкут обнаружили в створе мыс Херсонесский – мыс Тарханкут неизвестную воздушную цель, идущую с запада. Через 20 минут донесение об этом уже лежало на столе командующего флотом. Однако флотское командование, очевидно, не доверявшее тогдашней технической новинке – радиолокации, не восприняло всерьёз этого предупреждения.

Около трёх часов ночи посты службы наблюдения и связи (СНиС) и ВНОС флота в Евпатории и на мысе Сарыч доложили, что слышат в морском секторе шум моторов самолётов, идущих курсом на Севастополь. Через пять минут аналогичные доклады поступили с наблюдательного поста зенитной батареи № 73, находившейся юго-восточнее Херсонесского маяка и поста СНиС «Мыс Херсонесский». Ещё через две минуты о приближении с пеленга 270 градусов неизвестного самолёта доложил Константиновский пост СНиС, находившийся у входа в Севастопольскую бухту. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский позвонил по ВЧ-связи начальнику Генерального штаба РККА Г. К. Жукову и сообщил: «Система ВНООС флота докладывает о подходе со стороны моря большого количества неизвестных самолётов; флот находится в полной боевой готовности. Прошу указаний».

В 3 часа 13 минут прожекторами ПВО главной базы был обнаружен двухмоторный самолёт, идущий на высоте около 1.000 метров вдоль линии Инкерманских створов. «Последовало приказание открыть заградительный огонь, – писал в своих воспоминаниях командир 214-й зенитной батареи гвардии старший лейтенант Телегин, – но вслед за этим приказанием поступило приказание не открывать огня, так как в это время в этом районе должен был пролететь УТ-2. В результате всей этой суматохи и неразберихи первый вражеский самолёт не был обстрелян». Напротив – из штаба ПВО Черноморского флота поступило распоряжение выключить прожекторные станции и прекратить наблюдение. Ограничились лишь прокладкой на планшете курса неизвестного самолёта.

Вторично прожекторы были включены в 03 часа 15 минут. В их свете было видно, как самолёт сбросил на фарватер три предмета на парашютах. Первоначально их приняли за парашютистов и даже послали за ними катера, но «парашютисты» оказались донными электромагнитными минами. Сбросив свой груз, самолёт развернулся на удалении трёх миль от боновых ворот главной базы и скрылся в северо-западном направлении. Зенитная артиллерия молчала...

В 03 часа 20 минут от постов СНиС и ВНОС поступил новый доклад о приближении к Севастополю неизвестных самолётов. Оперативный дежурный штаба флота Н. Т. Рыбалко доложил об этом адмиралу Октябрьскому и просил дать разрешение зенитной артиллерии открыть огонь. При этом между Рыбалко и Октябрьским произошёл следующий диалог:

Октябрьский: Есть ли наши самолёты в воздухе?

Рыбалко: Наших самолётов в воздухе нет.

Октябрьский: Имейте в виду, что, если в воздухе есть хоть один наш самолёт, вы завтра будете расстреляны.

Рыбалко: Как быть с открытием огня?

Октябрьский: Действуйте по инструкции.

Командующий флотом так и не взял на себя ответственность отдать приказ об открытии огня.

Тем временем зенитными прожекторами был обнаружен второй самолёт, идущий в сторону Севастополя. Нужно было что-то предпринимать. И тогда начальник штаба флота И. Д. Елисеев, взяв всю ответственность на себя, приказал начальнику ПВО полковнику Жилину открыть огонь. Жилин ответил:

— Имейте ввиду, вы несёте полную ответственность за это приказание. Я записываю его в журнал боевых действий.

— Записывайте, куда хотите, но только открывайте огонь! – прокричал в ответ Рыбалко.

Зенитная артиллерия главной базы Черноморского флота открыла огонь в 03 часа 30 минут. Это были первые выстрелы советской артиллерии в Великой Отечественной войне. Попав под обстрел батарей 1-го и 2-го дивизионов 61-го зенитно-артиллерийского полка, неизвестный самолёт не изменил курса, сбросил на фарватер три мины, развернулся и ушёл в сторону моря.

- *А этот эпизод Е. А. Игнатович описывает уже по-своему: «Батарея на предельной дальности захватила цель в свои приборы, и командир дал команду открыть огонь. Из четырёх орудий почти одновременно вырвались языки пламени, и снаряды со свистом понеслись к цели. Затем последовали второй, третий залпы. Вокруг самолёта засверкали звёзды разрывов. Попытка вражеских лётчиков совершить противозенитный манёвр не удалась, и они начали сбрасывать с парашютами свой пока не опознанный груз. Один из предметов упал на пустыре, другой в районе Приморского бульвара, раздались мощные взрывы. Но фашистский самолёт не ушёл безнаказанно – объятый пламенем от меткого огня зенитчиков, он упал в море недалеко от Константиновского равелина».*

В 03 часа 42 минуты командиру 62-й истребительной авиационной бригады Черноморского флота был отдан приказ: поднять в воздух звено истребителей для патрулирования над аэродромом Бельбек на высоте 2.000 метров.

В 03 часа 45 минут со стороны мыса Фиолент появился третий самолёт, шедший в направлении Братского кладбища. Попав под огонь зенитных батарей 3-го дивизиона 61-го ЗАП, он сбросил две мины, развернулся и со снижением стал уходить на юго-запад.

- *Первая мина упала на улице Подгорной (ныне улица Нефёдова), вторая – на мелководье у Памятника затопленным кораблям. Обе взорвались, сработали их ликвидационные устройства. На улице Подгорной было убито более 20 человек, которые стали первыми погибшими среди мирных жителей Севастополя (и всего населения СССР) в начавшейся вскоре войне. Ещё 136 человек получили ранения. 22 июня 1996 года на месте гибели севастопольцев – первых жертв Великой Отечественной войны на пересечении улиц Нефёдова (бывшая Подгорная) и Партизанской открыли стелу из серого гранита (архитектор Ю. Н. Ковалёв). (Фото 48)*
- *О второй разорвавшейся мине в воспоминаниях Б. А. Борисова читаем: «Сильный взрыв потряс здание горкома. Посыпались стёкла, обвалилась*

- *штукатурка, в кабинете сорвалась с потолка и со звоном упала люстра. Уж не угодила ли вражеская бомба в самое здание горкома? Но из штаба МПВО позвонил Кулибаба: в Северной бухте, у Приморского бульвара, взорвалась мина, спущенная на парашюте. А от здания горкома до места взрыва никак не менее трёхсот метров...».*

Около 04 часов 10 минут над главной базой появился последний – четвёртый самолёт. Не успев сбросить мины, он был сбит огнём зенитной артиллерии и упал в море в районе Северной косы.

- *Е. А. Игнатович четвёртый самолёт вообще не упоминает. Зато он пишет, что «...в течение всего дня 22 июня с интервалами в 10-15 минут продолжались налёты фашистской авиации. И всякий раз её встречали организованным метким огнём зенитчики береговой обороны, корабли флота, а также истребительная авиация... С наступлением сумерек налёты на Севастополь прекратились».*

В 04 часов 13 минут в воздушном пространстве главной базы был установлен воздушный барраж советских истребителей. Командующий Черноморским флотом вице-адмирал Октябрьский доложил о налёте в Москву Наркому ВМФ, который в свою очередь, доложил об этом в Наркомат обороны и в Канцелярию И. В. Сталина.

Горький урок

Чьи же самолёты совершили налёт на Севастополь в ночь на 22 июня и какую задачу они выполняли?

Как известно, главная стратегическая цель плана войны нацистской Германии против СССР (директива № 21, план «Барбаросса») заключалась в том, чтобы внезапными сосредоточенными ударами в кратчайший срок уничтожить основную массу находящихся в западной части СССР войск и захватить жизненно важные районы страны. На Чёрном море предусматривалось хотя бы на короткое время прервать оперативную деятельность советского флота, заперев его «у себя дома» – в Севастополе, путём постановки с воздуха на входной фарватер главной базы электромагнитных неконтактных мин.

Как уже говорилось выше, 14 июня 1941 года началось общештормовое учение сил Черноморского флота. Но ещё за сутки до этого – 13 июня – в военном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера появилась следующая запись:

«...Из Румынии сообщают о скоплении кораблей, которые находятся в боевой готовности, юго-западнее Одессы». Возвращение кораблей в Севастополь 19 июня также не осталось незамеченным. Теперь оставалось сделать самое главное – внезапным налётом минопостановочной авиации закупорить вход в Севастопольскую бухту, превратив в ловушку для советского флота его же собственную базу.

Для проведения операции из состава 27-й бомбардировочной эскадры «Бельке» 4-го воздушного флота Люфтваффе, базировавшейся на аэродро-

ме Мамайя (близ румынского порта Констанца), выделялось шесть самолётов Ю-88 и ХЕ-111. Два из них должны были маневрировать в районах Евпатории и мыса Сарыч, отвлекая внимание советской истребительной авиации и зенитной артиллерии от четырёх бомбардировщиков, каждый из которых нёс по две-три неконтактные парашютные донные электромагнитные мины.

Анализируя время появления немецких самолётов над Севастополем в ночь на 22 июня 1941 года и на их курс, можно прийти к следующим выводам:

— воздушный налёт был совершён двумя группами самолётов (по две машины в каждой) с временным интервалом 15 минут;

— первая группа (самолёты №№ 1 и 2) производила минную постановку (шесть мин) вдоль фарватера Севастопольской бухты по направлению с запада на восток и при налёте ориентировалась на огни Инкерманских створных знаков;

— вторая группа (самолёты №№ 3 и 4) должна была поставить мины (четыре штуки) поперёк фарватера – с юго-запада на северо-восток. При подлёте самолёты ориентировались по церкви св. Николая Братского кладбища, белое пирамидальное здание которой хорошо просматривалось в предрассветных сумерках. Однако пилот самолёта № 3 несколько ошибся в курсе и сброшенные им мины попали не на фарватер, а на жилые кварталы города. Что же касается самолёта № 4, то он, хотя и шёл правильным курсом, был подбит огнём зенитной артиллерии и упал в море, так и не успев сбросить мины.

Как же объяснить тот факт, что по первому появившемуся над Севастополем немецкому самолёту не стреляли вообще, а по второму открыли огонь со значительным опозданием? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно вспомнить обстановку последних предвоенных месяцев и дней.

В условиях сталинского террора, когда подавлялись любые попытки проявления инициативы, царил атмосфера всеобщей подозрительности, доношительства и страха, другого и быть не могло. Действительно, будь в севастопольском небе в ту роковую ночь случайно обстрелян хоть один советский самолёт, головы слетели бы у многих. Поэтому адмирал Октябрьский так и не отдал приказ на открытие огня, нарушив ту самую инструкцию, действовать по которой он приказывал оперативному дежурному.

Из намеченных немцами к постановке десяти мин на фарватер главной базы попало только шесть, но и их хватило, чтобы нанести Черноморскому флоту ощутимые потери.

По мнению первого исследователя данного вопроса Ю. К. Румянцева⁶³, минная постановка в ночь на 22 июня 1941 года не смогла сорвать даже на короткий срок оперативную деятельность кораблей Черноморского флота, и прежде всего потому, что была по числу доставленных и выставленных мин ничтожной. Для решения задачи блокирования Севастопольской бухты требовалась гораздо более крупные силы авиации, чем группа из четырёх самолётов. Однако, как отмечалось в «Отчёте о боевой деятельности кораблей эскадры ЧФ с 22.06.1941 по 1.04.1942», – «действия кораблей эскадры в значительной степени, особенно

⁶³ Этот севастопольский краевед написал в 1977 г. работу «Операция по минированию Севастопольского фарватера немецкими самолётами 22 июня 1941 года» (не опубликована). – Ред.

для линкора и крейсеров, были скованы постановкой противником магнитных мин». Урок, преподанный советскому флоту в первую ночь войны, оказался достаточно горьким...

● Вечером 22 июня при подходе к боновому заграждению подорвался портовый буксир СП-12. Это было тем более неожиданно, что целый день бухту, выходя за боны, проверяли тральщики, но не одной мины не зацепили. ● «На буксире, возможно, ещё не знали, что началась война, – писал в повести «Возвращение» Г. А. Черкашин, – потому что накануне он находился у Тендровской косы, участвовал в учениях флота и то ли по своей тихоходности, то ли по иной причине лишь теперь возвращался в родную гавань. Взрыв невиданной силы взметнул к небу тонны воды и ила, которые в мгновение ока погребли под собой буксир. Катера, которые бросились к месту катастрофы, нашли на плаву пятерых оглушённых, контуженных людей. В момент взрыва их словно сдуло ударной волной, отбросило чёрт знает куда – и это как раз и спасло моряков. Двадцать шесть человек погибли». Это были уже первые жертвы Великой Отечественной войны на Черноморском флоте.

● «На следующее утро тральщики снова утюжили фарватер и снова это не дало никаких результатов. После тральщиков в море благополучно проследовали для постановки минных полей крейсера «Червона Украина» и «Красный Кавказ». Они уже возвращались и вот-вот должны были пересечь линию бонов, когда прямо у них по курсу под плавучим двадцатипятитонным краном, который портовый буксирчик тащил к бонам для постановки дополнительных противолодочных сетей, разверзлась вода, кран, словно игрушку, подбросило кверху, опрокинуло – и он исчез в пучине. Если бы не этот плавкран, то взрыв произошёл бы под днищем «Червоны Украины» и свершилось бы то, что задумали немцы: затонувший крейсер закрыл бы выход из гавани с большей надёжностью, чем это произошло 11 сентября 1854 года, когда почти на том же месте поперёк бухты легли парусные корабли нахимовского флота. Да, случись это – и флот был бы закупорен в бухте, остальное, как говорится, дело техники: на аэродромах Румынии ждали своего часа четыреста двадцать бомбардировщиков.

● Мины взорвались на фарватере, следовательно – как это ни горько было признать, – вражеские пилоты всё-таки выполнили свою задачу, несмотря на зенитный огонь береговой и корабельной артиллерии. И это было ещё полбеды, гораздо хуже было другое: сброшенные врагом мины не поддавались обычному тралению, вели себя непредсказуемо и обладали громадной разрушительной силой»⁶⁴.

⁶⁴ Черкашин Г. А. Возвращение. Л. «Детская литература», 1985. С. 49-50.

Из всех подвигов, совершённых во время Второй обороны, бой пяти моряков с немецкими танками, пожалуй, самый известный. Его мифология начала складываться ещё во время войны, а в советский период достигла апогея. З. Ф. Чебанюк в путеводителе «Севастополь. Исторические места и памятники» (1957) сообщает, что в этом бою черноморцы сражались с 22 вражескими танками, из которых 16 было уничтожено. Естественно, что у постсоветских исследователей возникли вопросы...

БОЙ У ДУВАНКОЯ⁶⁵

О подвиге пятерых черноморцев мы все слышали с детства. Их именами названы улицы в Севастополе и селе Верхнесадовое (бывший Дуванкой). Их героизму посвящены диорама и музей в том же селе.

● Единственная в СССР сельская диорама «Подвиг пяти моряков-черноморцев в ноябре 1941 года» является главной достопримечательностью музея ● «4-й сектор обороны Севастополя 1941-1942 гг.», который находится в Доме ● культуры села Верхнесадового. Полотно (автор – заслуженный художник ● РСФСР В. В. Кузнецов) размером 11 х 2,5 метра и предметный план были ● заказаны в Москве, в Студии военных художников имени Грекова. (Фото 49)

Но сегодня... Увы, есть основания считать этот подвиг «белым пятном» в истории Великой Отечественной войны. В это трудно, даже невероятно поверить.

Почему появились сомнения? Обратимся к описанию боя в официальном труде – «Героическая оборона Севастополя 1941–1942 гг.», написанном группой авторов во главе с Г. И. Ваневым.

«20-ю годовщину Великого Октября... к высоте двинулись семь танков, а за ними пехота. Заранее выдвинутая вперёд группа Фильченкова встретила их метким огнём. Завязалась неравная схватка пяти моряков с семью танками. Меткой пулемётной очередью Василий Цыбулько вывел из строя водителя головного танка. Бутылками с горючей смесью поджёг второй танк Иван Красносельский. Николай Фильченков, Юрий Паршин и Даниил Одинцов подожгли третий танк... Нервы у фашистов не выдержали».

Сделаем перерыв в цитировании и спросим, где всё это происходило? В книге туманно сказано: «севернее села Дуванкой». А памятник Пяти стоит, между прочим, на хребте Кара-Тау, над селом. Не в этом ли суть? В начале ноября немецкие войска начали решительно прощупывать оборону Севастополя. Седьмого ноября противник попробовал наступать по шоссе вдоль долины Бельбека, но был остановлен мощным огнём наших дотов и бронепоезда «Железняков». Тогда, вероятно, враг и сделал попытку подняться на хребет Кара-Тау и, двигаясь по нему, обойти доты.

Из Дуванкой туда вела извилистая горная дорога, по которой танки могли двигаться только гуськом.

⁶⁵ Южный курьер. 1992. 11 января.

Если В. Цыбулько очень повезло, и он, стреляя из пулемёта по движущемуся танку, попал ему в смотровую щель и не был сам уничтожен огнём танковой пушки, то головная машина действительно встала. А за ней – все остальные! Во время поднявшейся суматохи, когда одни танки пытались обойти подбитый, другие развернуться, наши моряки могли поджечь ещё две машины. Однако непонятно, что при этом делала немецкая пехота, о которой авторы описания боя, похоже, просто забыли?

Во всяком случае, даже при перечисленных натяжках, первая половина боя теоретически могла протекать так, как она описывается. Обратимся ко второй.

«Вскоре перед позициями появилось 15 танков. Василий Цыбулько опять меткой пулемётной очередью остановил головной танк. На этом патроны иссякли.

— Гранаты! — приказал политрук.

Первым пополз Цыбулько. Две связки гранат, метко брошенные под гусеницы, остановили танк. Но и Цыбулько получил ранения в руку и плечо. Превозмогая боль, теряя кровь, он пополз к другому танку. Однако бросок был слабым, связка гранат взорвалась, не долетев. К танку бросился Иван Красносельский и поджёг его бутылкой с горючей смесью. Уже раненый, он подполз к другому танку и разбил о его броню бутылку с горючей смесью. Танк загорелся. Получив второе ранение, Красносельский упал под гусеницы танка...

А танки всё шли. Политрук Фильченков молча подвязал к поясу гранаты и бросился под ближайший из них. Взрыв потряс воздух и землю... Так же поступили комсомольцы Даниил Одинцов и Юрий Паршин... Уцелевшие танки повернули назад».

Очень многое вызывает в этом описании сомнение и протест. Зачем, например, немцы направили ещё 15 танков, если единственный подъём на Кара-Тау уже был перекрыт теми первыми тремя, подбитыми? Как мог Цыбулько ползти, таща три, а то и четыре связки гранат?

Из рассказа получается, что танки стояли на месте и даже не стреляли. Судите сами: моряки беспрепятственно подползают к ним и погибают только от взрыва гранат на собственных телах. Правда, Красносельский получил две раны, но от кого – не ясно. Он же, разбив о броню бутылку, ничуть от этого не пострадал, а погиб, упав под гусеницы (!!).

И, наконец, главное. Откуда всё стало известно? Ведь пятеро погибли, а других свидетелей мы не имеем. И вот тут начинается самое интересное – создание легенды. Причём это не мифотворчество народа, а сознательная работа политорганов...

В декабре 1941-го года над Севастополем действительно нависла серьёзная угроза настоящего хорошо подготовленного штурма. Следовало воодушевить защитников, преподать им примеры героизма, которым следовало подражать. Поэтому 4 декабря в газете «Красный Крым» (выходила в то время в Севастополе) появляется статья командующего Приморской армией генерал-майора И. Е. Петрова. В ней сказано: «Невиданный героизм, боевую доблесть и мужество проявили в эти первые дни бойцы и командиры, обороняющие Севастополь. Герои-краснофлотцы во главе с политруком, имена которых остались неизвестными, бросились со связками гранат под вражеские танки».

Политработник, готовивший эту статью для генерала, не решился взять на себя слишком много, так как не было фамилий, дат, числа моряков, места – ничего конкретного. Легенда обрела окончательную форму 19 мая 1942 года в севастопольской городской газете «Маяк Коммуны». В ней был напечатан очерк М. Когута «Подвиг пяти черноморцев». Автор пишет: «Об этом беспримерном подвиге пяти черноморцев защитники Севастополя передавали из уст в уста. Но никто не знал имена бойцов, которые в тяжёлые для города дни своей грудью преградили фашистским танкам путь к Севастополю. На днях нам пришлось встретиться с одним моряком, который рассказал всю историю этого подвига».

Со слов анонимного моряка М. Когут (он позже погиб) приводит и фамилии Пяти, и дату, и обстоятельства, и место подвига. Думается, что это и есть настоящий автор легенды. Но уже после войны, понимая, что эта история не имеет абсолютно никакого документального подтверждения, пустили слух, что умирающий Цыбулько успел рассказать все подробности боя секретарю партийного бюро 18-го батальона морской пехоты И. А. Шипаеву.

- «Как протекал бой группы Фильченкова с фашистскими танками, – вспоминал А. Л. Шипаев, – мне наблюдать не пришлось – он проходил внизу на шоссе (Е. Венিকেев ошибочно полагал, что бой проходил на возвышенности Кара-Тау – Ред.). Да и у нас, на плато, в это время шёл жаркий бой...
- Создалась критическая обстановка. И тут атака врага неожиданно прекратилась. Немцы стали пятиться и отошли... Причина бегства гитлеровцев стала ясна, когда мы увидели, как через Дуванкой поспешно отходят танки.
- За танками откатилась и пехота, атаковавшая наши позиции. После боя мы со старшим политруком Мельником и группой бойцов спустились к шоссе, к месту недавнего поединка моряков с фашистскими танками. В живых остался только смертельно раненый краснофлотец Цыбулько. Он успел назвать фамилии боевых товарищей, погибших в этом бою. Я тут же записал их в свою тетрадь».

Комиссар, к счастью, уцелел, и в начале 80-х годов его разыскала директор музея в Верхнесадовом А. И. Ржевская. Он предъявил ей запись в своём дневнике за 12 ноября 1941 года: «Группа бойцов в количестве 9 человек сражалась с танками. Подбито 3 шт., 4 шт. ушли обратно». Судя по всему, больше он ничего не знал.

Вот это и есть правда! Как и то, что Пятеро погибли. Но при каких обстоятельствах – никто не знает.

И ещё один интересный момент. Я расспрашивал многих ветеранов, старших членов своей семьи (мы эвакуировались из Севастополя 2 декабря 1941 года); ту же работу, но в значительно большем объёме, проделал ныне покойный краевед Ю. Румянцев. Но никто из ветеранов войны в то время ничего не слышал о матросах, кидавшихся под танки.

А когда в 1982 году Г. Шнайдер, желая помешать сносу Французского кладбища, пытался броситься под бульдозер, то эта история мгновенно облетела Севастополь. А в 1941-м, когда каждая весть с рубежей обороны воспринималась с жадным вниманием, никто о подобном не слышал. Не странно ли?

Не думайте, что я отрицаю подвиг. Он был! Просто мне хотелось бы, чтобы всегда торжествовала только правда. А не «подвиги» в угоду политработникам. Верю, был подвиг Матросова, но почему молчат о таком же подвиге других?

Мне думается, что бой у Дуванкоя произошёл 12 ноября, и девяти морякам удалось устроить засаду и подбить три танка. В бою пятеро погибли. Разве это не героизм? На них шли грохочущие чудовища, но моряки не побежали, вступили в бой...

26 июня 1855 года артиллерийский поручик Лев Толстой написал: «Герой... моей повести, которого я люблю всеми силами души... и который всегда был, есть и будет прекрасен – правда». Это – из «Севастопольских рассказов».

● Нельзя не согласиться с мнением известного исследователя и поисковика
● А. В. Неменко, что подвиг в ноябре 1941 года совершили не пять черноморцев,
● а весь 18-й батальон, не давший противнику прорваться к Севастополю.
● И вот подтверждение этому.

● «Я сам родом из Дуванкоя, – написал в письме в редакцию «Южного курьера»
● крымчанин Н. Юнусов. – Во время описанных событий был пацаном, но хорошо
● помню эти времена, и помню рассказы о войне своих односельчан. Мой названный
● отец – Чаушев Амет – бывший председатель сельпо и председатель сельского
● Совета – много раз обращался с письмом в бахчисарайский райвоенкомат,
● пытаясь утвердить истину о бое у Дуванкоя. Но всегда получал ответ: мол,
● без вас знаем... Он писал о том, что подвиг моряков был действительно
● героический, но что погибло их не пятеро, а очень много! И случалось
● десятков подбитых танков не было... Он просил поставить памятник всем
● погибшим морякам, которые голыми руками семь суток сдерживали врага
● на подступах к Дуванкою. К сожалению, он не знал, из какой части и какой
● дивизии были моряки, а погибло их действительно много. Я знаю это точно,
● так как там, где находится сейчас школа, там был дом моего дедушки,
● а за ним находился пустырь. И вот этот пустырь был весь чёрный от
● бушлатов погибших моряков».

● В июле 2004 года при работах на кладбище в Верхнесадовом там, где
● шли немецкие танки, севастьяпольские поисковики обнаружили человеческие
● останки с фрагментами истлевшей военно-морской формы. Всего было под-
● нято из земли 28 воинов, погибших в начале ноября 1941 года.

Е. Веникеев: «Сейчас, в период массовой переоценки ценностей, имена многих героев второй обороны хотя по-прежнему украшают улицы города, но значительно потускнели. Про одного говорят, что он поспешно эвакуировался, бросив своих солдат, про другого – что «стучал», про третьего – что заработала свои награды не на поле боя, а в постели высшего начальства. Не будем называть имён, тем более что ненависть к недавнему коммунистическому прошлому приобретает сейчас довольно дикие формы. Но слава Горпищенко не потускнела, и его памятника не смела пока коснуться святотатственная рука».

ФЕНОМЕН ГОРПИЩЕНКО⁶⁶

В Севастополе, на улице Горпищенко, возле обычного крупноблочного жилого дома типа «хрущёбы» стоит очень скромный памятник. Это четырёхгранная стела из самого дешёвого камня – инкерманского известняка. В её верхней части – бронзовый горельеф с погрудным изображением бородатого человека. Ниже текст: «Горпищенко Павел Филиппович, командир 1-го Севастопольского морского полка и 8-й бригады морской пехоты обороны Севастополя 1941–1942 гг.».

Он родился 26 декабря (7 января н. ст.) 1893 года в станице Пашковская Краснодарского края в многодетной крестьянской семье. Участвовал в Гражданской войне. С Севастополем жизнь его связана с 1933 года, когда его назначили преподавателем военно-морского училища Береговой обороны имени ЛКСМУ. В 1937 году Горпищенко становится командиром школы оружия учебного отряда Черноморского флота в должности командира батальона. Вскоре после начала обороны Севастополя, 10 ноября 1941 года, батальон влился в Севастопольский морской полк, а Горпищенко стал командиром полка.

А к 30 декабря того же года, отражая немецкий штурм, в тяжёлых боях у кургана Азиз-Оба, севернее Симферопольского шоссе, почти полностью погибла 8-я бригада морской пехоты под командованием полковника В. Л. Вильшанского. В связи с этим приказом командующего Черноморского флота от 14 января 1942 года бригада была расформирована и 1-й Севастопольский морской полк укомплектован четвёртым батальоном и наименован 8-й бригадой морской пехоты (обычно её называют 8-й бригадой второго формирования) под командованием П. Ф. Горпищенко. Численность бригады достигала трёх тысяч человек.

За время боёв за Севастополь полковник Горпищенко стал известен в городе, как никто другой. Что явилось причиной его популярности, продолжающейся до сих пор? Наверное, храбростью в то время никого нельзя было удивить. Сказалась и колоритная внешность (с бородой!), забота и отеческое отношение к подчинённым, называвшим его «Батя». «Мои моряки, – писал Горпищенко сыну, – что орлы, все без исключения герои». Но главным здесь было то необъяснимое обаяние, которое исходит от одних военачальников и которого начисто лишены другие.

Вспомним Крымскую войну. Умного и способного Меншикова почти все дружно ненавидели (а ведь его фланговое движение к Бахчисараю некоторые

⁶⁶ Таврические ведомости. 1994. 11 марта. Очерк был опубликован уже после смерти Е. В. Веникеева, соавтором указана его жена Ж. А. Юношева.

специалисты называют гениальным), а вот С. А. Хрулёва – просто обожали. Дал, как говорится, Бог!

Несмотря на тяжёлые бои, 8-я бригада до конца июня сохранила полную боеспособность. Но в три часа утра 28 июня немецкие войска после миномётно-артиллерийской подготовки и ударов авиации, продолжавшихся полтора часа, перешли из района Федюхиных высот в наступление в направлении Сапун-горы на позиции 7, 8, 9 бригад морской пехоты и 386-й стрелковой дивизии.

К семи часам утра части 386-й дивизии и 8-я бригада начали отход от Инкермана на хутор Дергачи. Связь штабов с частями и подразделениями была нарушена, бригада потеряла до 80% личного состава. М. Байсак, участник событий, приводит факт. Свидетельствующий об упорстве сопротивления бригады: «...из семи тысяч, прошедших через полк, а затем бригаду, – пишет он, – война пощадила лишь 216 человек, которые все без исключения инвалиды войны».

В этом бою осколком снаряда был ранен и командир. Его удалось эвакуировать на Кавказ, где после излечения П. Ф. Горпищенко участвовал в боях за Новороссийск.

Награждён орденами Красного знамени и Красной звезды. С июня 1943 года командовал 77-й Краснознамённой стрелковой дивизией, входившей в состав сначала 58-й армии, а затем 44-й армии 4-го Украинского фронта. П. Ф. Горпищенко пал в бою под Мелитополем на Никопольском плацдарме.

- *П. Ф. Горпищенко был представлен к званию генерал-майора, но получить его не успел. 28 ноября 1943 года он вместе с другими офицерами выехал на передовые позиции дивизии на Никопольском плацдарме, чтобы уточнить задачи перед началом наступления. Во время осмотра местности был убит пулей снайпера, которая попала точно в сердце.*

Первоначально он был погребён на своей родине в Краснодаре. 1 ноября 1961 года останки (по просьбе родных и однополчан – *Ред.*) П. Ф. Горпищенко перевезены в Севастополь и захоронены на специальном мемориальном кладбище у посёлка Дергачи, где покоятся боевые друзья полковника. (*Фото 50*)

И такова слава этого человека, что некрополь немедленно стали называть «кладбище Горпищенко». Под этим именем он известен и поныне. Памятник на улице его имени установлен в 1971 году (авторы А. Куликова и С. Арефьева).

Фото 32. Братское кладбище. 2021 г.

Фото 33. Храм святого Николая. Из книги В. Н. Клембовского «Виды полей сражений Крымской кампании 1854-1855 гг.», 1904 г.

Фото 34. Памятники на братских могилах. 2012 г.

Фото 35. Памятник на могиле С. А. Хрулёва

Фото 36. Часовня на могиле М. Д. Горчакова. 2010 г.

Фото 37. Мемориал «Родина – сыновьям». 2010 г.

Фото 39. Памятник Э. А. Абаза. 2010 г.

Фото 38. Один из горельефов мемориала. 2011 г.

Фото 40. Склеп Э. И. Тотлебена и его герб на памятнике. 2010 г.

Фото 41. Памятник Э. И. Тотлебену на Историческом бульваре.
С открытки начала XX в. Из коллекции А. В. Дербасова

Фото 43. Дмитриев Г. Затопление Черноморской эскадры
в Севастополе в 1854 году. 2006 г.

Фото 42. Симпсон В. Шторм в Балаклавской бухте

Фото 44. Теплоход «Армения»

Фото 45. Расчёт 45/46-мм универсальной артиллерийской установки 21-К санитарного транспорта «Абхазия» в боевой готовности». Фото Н. Аснина.
Такие же зенитные установки стояли и на «Армении»

Фото 47. «Крест примирения» у Максимовой дачи и храм в честь иконы «Умягчение злых сердец». 2024 г.

Фото 46. Уголок парка в усадьбе Максимова. 2018 г.

Фото 48. Памятный знак первым жертвам войны. 2024 г.

Фото 49. Фрагмент диорамы в селе Верхнесадовом

Фото 50. Могила П. Ф. Горпищенко. 2021 г.

Фото 51. Восстановленный русский памятник Инкерманскому сражению. 2009 г.

Фото 52. Восстановленный английский памятник Инкерманскому сражению. 2015 г.

Фото 53. Памятный знак Забалканской батареи. 2024 г.

ПРОДОЛЖАЯ «СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ МАРШРУТЫ»

В книге «Севастопольские маршруты» (1988) Е. В. Веникеев рассказывает как о городских достопримечательностях, так и о ближних и дальних окрестностях Севастополя. В заключении он пишет: «Путешествие наше подошло к концу. Но это вовсе не значит, что нет больше интересных тем и туристских объектов, что исчерпаны, описаны все достойные внимания маршруты». И то, что не вошло в книгу, было отражено в его очерках.

СУЗДАЛЬСКАЯ ГОРА⁶⁷

Любое географическое название в Севастополе и его окрестностях связано с героической историей города, без знания которой они необъяснимы.

Суздальская гора, одна из возвышенностей Киленбалочного плато, находящаяся над посёлком ГРЭС между верховьями Воловьей и Микрюковой балок, яркий тому пример. Почему именно Суздальская? Какое отношение имеет древний русский город Суздаль к Севастополю?

Своим именем возвышенность обязана Суздальскому полку, начало биографии, которого восходит ещё к временам Петра I. Полк участвовал почти во всех войнах, которые вела Россия в XVIII, первой половине XIX веков, затем был включён в состав Севастопольского гарнизона и принял участие в первой обороне города. О его стойкости свидетельствует цифра потерь – 2099 человек из состава полка были убиты, ранены, умерли от болезней или пропали без вести.

24 октября (5 ноября) 1854 года на плато в верховьях Килен-балки происходило кровопролитное Инкерманское (под таким названием оно вошло в историю) сражение. Русские войска двумя отрядами – с Корабельной стороны и из Инкермана – должны были одновременно атаковать английские укрепления и лагерь в этом районе. Неудачные распоряжения командования и плохая организация привели к тому, что наши силы вводились в бой по частям.

Суздальский полк входил в первый отряд, который на рассвете в густом тумане неожиданно напал на английский редут № 2, взял его и ворвался в английский лагерь. Но войска из Инкермана задержались на целых два часа, в про-

⁶⁷ Использованы публикации в газетах «Флаг Родины» (11.10.1984 г.) и «Таврические ведомости» (1993 г. № 10, 13).

должение которых русские полки сражались без поддержки под убийственным штурцерным и артиллерийским огнём врага. Наступающие потеряли большую часть офицеров (в том числе смертельно был ранен и командующий отрядом Ф. И. Соймонов, один из лучших генералов русской армии), несколько тысяч солдат и вынуждены были отступить в Килен-балку.

До сих пор на Суздальской горе и вокруг неё находят круглые пули от гладкоствольных ружей, конические от нарезных винтовок, картечины, ядра, пуговицы с номерами русских полков.

В 1904–1905 годах, в ознаменовании пятидесятилетия обороны Севастополя, происходило строительство монументов и памятных обозначений на местах укреплений и наиболее выдающихся событий героической эпопеи. Был сооружён и памятник Инкерманскому сражению по проекту главного архитектора Севастополя (тогда он назывался городским архитектором) А. М. Вейзена. Монумент поставили на Суздальской горе, как наиболее заметной возвышенности на плато⁶⁸. (Фото 51)

ПАМЯТНИК ИНКЕРМАНСКОМУ СРАЖЕНИЮ

Он стоял на вершине Суздальской горы, неподалеку от дороги, соединяющей современную улицу Жидилова с шоссе Севастополь – Симферополь.

Бой, в честь которого воздвигнут монумент, произошел 24 октября (5 ноября) 1854 года. В этот день командующий русской армией в Крыму А. С. Меншиков решил дать сражение, которое в случае успеха принудило бы англо-французские войска снять осаду Севастополя и покинуть Крым. Рано утром началось наступление на английский лагерь на Киленбалочном плато (одной из вершин на нём является Суздальская гора). Несмотря на нечёткие распоряжения, приведшие к путанице в действиях войск, первый период боя окончился поражением англичан. Их разбили и отбросили в свой лагерь, который громила русская артиллерия.

Прибытие свежих французских сил изменило ход битвы. Русские полки, поочередно вводимые в бой, несмотря на героизм офицеров и солдат, вынуждены были отступить под огнём противника, неся большие потери. Инкерманское сражение оказалось неудачным для крымской армии, но и противник понёс настолько значительный урон, что отменил штурм города, назначенный на 26 октября.

Архитектор А. М. Вейзен, инженеры Ф. Н. Еранцев и Г. П. Долин предложили в 1901 году своей проект памятника, который получил высочайшее утверждение в следующем году после изменений, внесённых Н. А. Пермяковым (но последние были не столь значительны, так как за свою работу архитектор получил только 30 рублей). Строительство окончилось в 1905 или 1906 годах. Во всяком случае, окончательный расчёт с подрядчиком Пасхалиди произвели 28 марта 1906 года.

⁶⁸ В 2005 году русский памятник Инкерманскому сражению был восстановлен практически на прежнем месте и в первоначальном виде – *Ред.*

Памятник представлял собой массивный пирамидальный обелиск с пылающей бомбой на вершине, установленный на кубовидном стилобате с четырьмя шарами по углам. Был выполнен их бута, облицованного крымбальским камнем, шары и бомба – из твёрдого известняка, именуемого калеарским камнем. На двух сторонах стилобата находились гранитные доски с надписями, на других были высечены кресты. Ни одной фотографии монумента обнаружить пока не удалось, приходится довольствоваться сохранившимися в фондах Музея КЧФ проектом и описаниями.

Тексты можно восстановить по статье П. Рерберга «Памятники частям войск, оборонявшим Севастополь в 1854–1855 гг.» и по аналогии с сохранившимися надписями на других монументах. На одной грани значилось: «Сражение Инкерманское 24 октября 1854», на другой: «Убиты: генерал Соймонов, 43 офицера, 2945 нижних чина».

Высота монумента равнялась 10,5 метра. Во время Великой Отечественной войны он был разрушен, сохранился только фундамент. В настоящее время от него сохранился только полуразрушенный фундамент и отдельные фрагменты, отброшенные взрывом. В 1990 году разработан проект его реставрации (автор – архитектор А. Н. Холодилов).

О боевом прошлом Суздальской горы напоминает и её английское название. Даже на современных британских морских картах она именуется «Бомбовым холмом».

ПАМЯТНИК ИНКЕРМАНСКОМУ СРАЖЕНИЮ (АНГЛИЙСКИЙ)

Он находился в 500 метрах к юго-востоку от русского памятника в верховьях Каменоломенного оврага, ближе к Симферопольской дороге. В «Путеводителе по Крыму» Г. Москвича 1913 и 1914 годов читаем: «... англичанами поставлены две высокие пирамиды в расстоянии полуверсты одна от другой». Следовательно, существовал ещё один английский памятник Инкерманскому сражению. Хотя других подтверждений данному сообщению нет, но нет и опровержений. В таком случае второй памятник, идентичный первому, находился на расстоянии около 600 м от него, ближе к Севастополю. Но следов его не обнаружено⁶⁹.

О внешнем облике монументов можно судить по фотографии из фотоальбома В. Н. Клембовского «Виды полей сражений Крымской кампании» (СПб, 1904) и английскому памятнику Балаклавскому сражению (все британские монументы под Севастополем однотипны), который хорошо сохранился. Кроме того, большой фрагмент одного из этих памятников находится в настоящее время на территории Керченского историко-археологического заповедника. Как и когда он

⁶⁹ Памятник располагался на правом фланге английских позиций на валу бывшей батареи и представлял собой каменную стелу с надписью «Sand – bag battery» («Батарея на мешках»). – *Ред.*

туда попал – неизвестно (ныне этот фрагмент можно увидеть на улице Володи Дубинина среди других керченских древностей – *Ред.*).

Монумент представлял собой пирамиду на кубовидном постаменте, стоящем на двухступенчатом цоколе. Высота – около 4,6 м. По периметру – невысокая ограда. Материал – мраморовидный известняк. На двух сторонах постамента начертана надпись на английском и русском языках: «В память англичанам, французам и русским, которые пали при Инкерманском сражении 24-го октября – 5-го ноября 1854». На другой грани рельефный крест и текст: «Воздвигнут Британской армией в 1856». Он же повторяется на английском языке на четвертой стороне с добавлением слов «возобновлен в 1875» (этими сведениями я обязан Э. В. Яковенко и С. В. Механикову). Дата разрушения неизвестна. В настоящее время на месте памятника сохранились только трудноразличимые следы фундамента и ограды.

- Этот памятник в настоящее время восстановлен (расположен в 300 метрах восточнее русского памятника). К старым надписям добавлены новые на русском и английском языках: «Посвящается памяти 16 тысяч английских, французских и русских солдат, офицеров и генералов, павших в сражении при Инкермане 24 октября (5 ноября) 1854 г. во время попытки русской армии деблокировать осаждённый Севастополь» (на ограде памятника). Также на двух языках выбиты новые надписи и на второй ступени постамента: «Воздвигнут Британской армией в 1856 г. Разрушен немецкой армией в 1942 г. Восстановлен гражданами Севастополя в 2004 г.». На церемонии открытия присутствовала английская делегация, в составе которой был потомок генерала Кембелла, участника этого сражения. В 2012 году памятник был обновлён (облицован серым гранитом)⁷⁰. (Фото 52)

Не обошли эти места и бои в годы Великой Отечественной войны. На склоне Суздальской горы, обращённом к Килен-балке, стоит памятник воинам 114-й береговой батареи, громившей фашистов в 1941–1942 гг.

Особенно жестокие схватки велись здесь 29 июня 1941 года, когда гитлеровцам удалось, несмотря на большие потери, переправиться с Северной стороны на Корабельную. В течение всего дня продолжались кровопролитные бои за Суздальскую гору. Несколько раз враг врвался на высоту, но защитники отбрасывали его назад. Наконец, к вечеру подразделения 345-й стрелковой дивизии и 78-й стрелковой бригады, сражавшиеся здесь, вынуждены были отойти в Килен-балку.

Е. Веникеев: «Ещё в 1773 году, за десять лет до основания Севастополя, штурман И. Батулин составил первую карту обширной Ахтиарской (будущей Севастопольской) бухты. На её берегах оказались только две маленькие деревушки – Ак-Яр и Инкерман, но зато И. Батулин нанёс множество развалин церквей, причём с названиями. Как он их узнал – неизвестно, но церковь св. Троицы и дала название Троицкой балке».

ТРОИЦКАЯ БАЛКА⁷¹

Она не отличается ни протяженностью, ни глубиной, склоны её пологи. Выходит балка к южному берегу Севастопольской бухты на Корабельной стороне, восточнее Килен-бухты.

Долгое время она была безлюдна – от города далеко. Но в 1855 году, во время первой героической обороны, война пришла и в этот тихий уголок, куда раньше забредал только редкий рыбак. Наступая на англо-французские войска, осаждающие город, русские соорудили в феврале 1855 года на Киленбалочном плато (высоты, протянувшиеся вдоль берега Севастопольской бухты к востоку от Килен-бухты) передовые укрепления – Селингинский и Волинский редуты.

ПАМЯТНИК СЕЛЕНГИНСКОМУ РЕДУТУ

Этот монумент был сооружён на месте редута на возвышенности между Троицкой и Килен-балкой (сквер в начале улицы Жидилова – *Ред.*).

Селенгинский редут был заложен в ночь с 9 на 10 февраля 1855 года и явился первым шагом в выполнении нового плана русского командования, целью которого являлось наступление на позиции неприятеля, осаждающего Севастополь. Через два дня французы попытались уничтожить укрепление. Произошло ночное сражение, в котором с обеих сторон приняло участие по четыре тысячи человек. Враг отступил, понеся значительные потери.

В дальнейшем редут подвергался почти непрерывному огню артиллерии осаждавших, от которого защитники несли большие потери. Наконец, 26 мая 1855 года противник произвёл после усиленной бомбардировки общий штурм передовых русских укреплений. Селенгинский редут был захвачен после ожесточённого сопротивления.

Памятник в 1901 году спроектировали А. М. Вейзен, Н. Ф. Еранцев, Г. П. Долин, а в 1902 году его корректировал Н. А. Пермяков. Хранящаяся в фондах Музея КЧФ «Смета на построение памятника Селенгинскому редуту» на сумму 3 113 рублей сообщает, что монумент был выполнен из гранита, а вокруг него устроен бордюр из крымбальского камня (известняк сарматского яруса) диаметром 6 сажень (около 12 метров). Окончательный расчёт с подрядчиком

⁷⁰ Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя... С.70-72.

⁷¹ Использованы публикации в газетах «Крымской правде» (15.03.1984 г.) и «Таврических ведомостях» (1993 г. №№ 17, 21, 22).

ПАМЯТНИК ЗАБАЛКАНСКОЙ БАТАРЕЕ

Находился на водоразделе между Килен-балкой и Севастопольской бухтой, несколько ниже памятника Селенгинскому редуту (район ул. Гранатной 11–13 – *Ред.*).

Забалканская (названа по имени Черниговского генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского полка, строившего батарею – *Ред.*) трёхорудийная батарея возведена весной 1855 года для огневой поддержки Селенгинского и Волынского редутов. После их падения 26 мая оставлена защитниками.

Проект памятника, выполненный в 1901 году А. М. Вейзенем, Н. Ф. Еранцевым и Г. П. Долиным, в 1902 году переработал архитектор Е. И. Грушевский. Смета в сумме 2 835 рублей утверждена 20 декабря 1904 года. Строительство окончено, вероятно, в конце 1905 – начале 1906 года.

Его фотографий обнаружить пока не удалось. Судя по проекту и смете, памятник представлял из себя массивное пирамидальное сооружение на квадратном приземистом стилобате с четырьмя шарами диаметром 0,24 сажени (около полуметра) по углам. Общая высота – около пяти метров, ширина стилобата – около трёх. Монумент построен из инкерманского камня, частично облицованного крымбальским и 13 гранитными плитами. Все сооружения окружал бордюр диаметром 6 сажений (около 12 метров).

Точное время и причины уничтожения памятника неизвестны. Вероятно, это случилось в начале обороны Севастополя 1941–1942 годов. Он был прекрасным ориентиром для пристрелки неприятельских батарей и, скорее всего, взорван защитниками города.

- *В отличие от памятников двух редутов, место установки памятника Забалканской батареи локализовано точно. Ещё Е. В. Веникеев писал, что «местонахождение памятника отмечено сохранившейся здесь половинной гранитной плиты с частью высеченного на ней георгиевского креста». В 2016 году Благотворительный фонд «Имени сестры милосердия Екатерины Бакуниной» (г. Тверь) изготовил памятный знак для установки на месте, где находилась батарея, которой командовал тверичанин лейтенант Н. А. Колокольцев. Природный валун с мемориальной доской привезли непосредственно из бывшего имения Колокольцева⁷². (Фото 53)*

До середины двадцатых годов нашего века в бухте, у берега Троицкой балки, действовал устричный завод. Севастопольские устрицы, говорят, были очень вкусны. Вероятно, в это же время здесь возник небольшой посёлок.

В ноябре 1941 года, когда гитлеровские полчища стояли у стен города, в подземных штольнях балки был устроен спецкомбинат № 1, наладивший производство миномётов, мин, гранат. Завод работал до последних дней обороны. Мемориальная доска отмечает место, где он находился.

Одна из героических страниц при освобождении города в 1944 году связана с Троицкой балкой. Преодолев мощный узел обороны противника на Мекензиевых горах, части 2-й Гвардейской армии в ночь на 9 мая вышли на Северную сторону.

⁷² Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя... С. 341.

Пасхалиди в сумме 2 351 руб. был произведён 28 марта 1906 года, каковую дату и следует считать временем окончания строительства.

Фотографию монумента пока обнаружить не удалось. О его внешнем облике приходится судить по сохранившемуся проекту и следующей фразе из старого путеводителя: «На берегу Северного рейда, близ Килен-бухты, поставлены три гранитные пирамиды на местах Селенгинского и Волынского редутов и Забалканской батареи».

О двух последних памятниках речь ещё впереди (они также не сохранились), а описываемый монумент представлял собой, судя по чертежу, обелиск классических пропорций на кубовидном постаменте и широком цоколе. На грани обелиска наложены ликторские топоры, а на пьедестал – круглые щиты (вероятно, медные). Едва ли на памятнике поместили те же даты, что и на проекте («1854–1856»). Скорее всего, на нём было написано (по аналогии с памятником Волынскому редуту, фотография которого сохранилась): на одной грани пьедестала – «Селенгинский редут», на другой – «1855».

Время уничтожения неизвестно.

ПАМЯТНИК ВОЛЫНСКОМУ РЕДУТУ

Он находился несколько выше уже описанного монумента Селенгинскому редуту. Точно локализовать место затруднительно из-за сильно изменившейся топографии этого района (между церковью Романа исповедника и школой № 50 – *Ред.*).

Волынский редут сооружён позже Селенгинского (заложен в ночь с 16 на 17 февраля 1855 года) и ещё ближе к французским позициям. Три месяца он держался под сильным огнём неприятеля и был захвачен во время штурма 26 мая 1855 года.

Проект памятника, выполненный в 1901 году архитектором А. М. Вейзенем, переработал Н. А. Пермяков, после чего в 1902 году он получил Высочайшее одобрение. Сооружение окончилось в 1906 году. Монумент решён в едином стиле с русским памятником Инкерманскому сражению, находившемуся от него на расстоянии около километра. Это также обелиск, увенчанный пылающей бомбой на постаменте, окружённом четырьмя другими бомбами. Но памятник на Волынском редуте был менее массивен, светло-серый цвет обелиска из крымбальского камня контрастировал с тёмным, почти чёрным, гранитным постаментом. На одной его грани было начертано «Волынский редут», на другой – «1855».

Общая высота – около 9 метров.

Под их прикрытием в верховьях Троицкой балки были заложены Забалканская и Венецианская батареи. Они продержались до 26 мая (7 июня) 1855 года, когда французам удалось захватить Селенгинский и Волынский редуты. После их падения удерживать батареи было невозможно. Защитники уничтожили укрепления и перешли за Килен-бухту.

Надо было переправляться через Севастопольскую бухту. Для этой цели выбрали участок между балками Голландия и Троицкая, где бухта сужается. Рано утром 9 мая началось форсирование. Первыми в Троицкой балке высадились пять разведчиков 24-й стрелковой дивизии во главе с лейтенантом А. М. Земковым. Фашисты обнаружили наших воинов и открыли перекрёстный огонь. Четверо из них погибли, но начавшаяся массовая переправа советских войск смела врага с Корабельной стороны. Пяти отважным бойцам, вступившим первыми на землю южной части Севастополя, было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1975 году у места, где они высаживались (сейчас там причал пассажирских катеров), установлен мемориальный знак (автор – архитектор В. М. Артюхов). На гранитной глыбе высечены имена героев.

Е. Веникеев: «Подобные сооружения получили наибольшее распространение в Древнем Риме, тогда и выработался для них определённый стереотип – акведуки строились на каменных опорах, пролёты между которыми перекрывались арками. В нашей стране они не получили широкого распространения. Поэтому несколько неожиданно видеть с катера, идущего по Севастопольской бухте, ряды арочных пролётов по берегу Корабельной стороны. Живописный облик акведуков придаёт неповторимый колорит этим местам, а изображение переносит во времена классической древности».

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ АКВЕДУКИ⁷³

По латыни акведук – водопровод. В русском же языке так называется мост для перевода водопроводных труб или каналов через овраги, ущелья, реки, железные или автомобильные дороги.

Севастопольским акведукам всего около ста пятидесяти лет. Их руины, сохранившиеся только в устьях Аполлоновой и соседней с ней Ушаковой балок – это остатки самотёчного водопровода, снабжавшего водой из реки Чёрной доки на Корабельной стороне. Начинался водопровод очень далеко и шёл по Инкерманской долине от деревни Чоргунь (ныне Черноречье – *Ред.*) вдоль левого берега реки Чёрной в виде открытого канала. Овраги он пересекал по акведукам, скалистые мысы «прокалывал» тоннелями.

- Сохранились ещё три пролёта десятиарочного акведука в Каменоломенном овраге в Инкермане (находятся на частной территории). А из трёх тоннелей водопровода уцелели два. Один из них проложен в массиве скалы у станции «Инкерман-1», другой – на территории 19-го судоремонтного завода в Килен-бухте.

⁷³ По материалам статей: Веникеев Е. В. Севастопольские акведуки // Крымская правда. 1982. 17 июля; Сработан в прошлом веке / Крымская правда. 1985. 12 марта.

В настоящее время акведуки в Ушаковой и Аполлоновой балках объявлены памятниками архитектуры республиканского значения. Они – уникальный образец подобных сооружений на территории нашей республики, а, возможно, и всей страны. (Фото 54)

Сохранность и состояние памятников оставляют, как говорится, желать много лучшего: к акведукам пристроены сараи и частные жилые дома. Некоторые пролёты заложены и превращены во вспомогательные помещения спасательной станции ДОСААФ (в Ушаковой балке находится один из городских пляжей). Необходимо срочно произвести расчистку памятников от различных пристроек и осуществить их консервацию.

Водопровод очень пострадал во время первой обороны города 1854–1855 годов. Потом, в начале семидесятых годов прошлого века, его разрушение довершили строители железной дороги, трасса которой на участке от Инкермана совпала с водопроводом.

Могут спросить, почему для этого нужна пресная вода. Дело в том, что в водах Севастополя водится в изобилии морская червь-древоточец (торедо), прогрызавший в деревянных корпусах парусных кораблей замысловатые ходы. Срок службы судов Черноморского флота в 20-30-х годах XIX века составлял всего шесть–десять лет. Именно с целью уничтожения древоточцев, поселившихся в корпусе корабля, и намечалось после ремонтных работ наполнять доки пресной водой (торедо живёт только в солёной).

Впервые это предложение выдвинул адмирал А. С. Грейг ещё в 1818 году, но только через девять лет было получено разрешение царя на строительство доков и водопровода. Оно велось в сороковые годы. Их проектировал в 1834 году инженер Джон (Иван Иванович) Уптон, англичанин на русской службе, прославившийся также как автор Графской пристани.

На протяжении 15 километров от Севастополя никаких следов старого водопровода, кроме уже упомянутых акведуков, обнаружить не удалось – они были уничтожены во время прокладки в прошлом веке железной дороги. Зато на территории Балаклавского района (у подножья горы Телеграфной – *Ред.*) меня ждало настоящее открытие. Я стоял на берегу реки Чёрной и не верил своим глазам: через неё был перекинут изящный каменный мост, по которому бурным потоком текла... вода. (Фото 55)

Стиль постройки, место расположения, глубокий и широкий лоток вместо проезжей части не оставляли сомнений в том, что это и есть тот единственный акведук, по которому водопровод, идущий сначала по правому берегу, переходил на левый, ближайший к Севастополю.

Однако самое удивительное, что он используется по прямому назначению до сих пор. По старому акведуку течёт вода, орошающая земли совхоза-завода «Золотая балка», причём трасса, судя по всему, полностью совпадает с трассой старого водопровода (в настоящее время канал водовода и акведука для орошения не используются – *Ред.*). Вероятно, под слоем бетона, облицовывающего лоток, находятся камни, из которых был сооружён водопровод, подававший воду в доки.

Е. Веникеев: «Среди севастопольских бухт она единственная, названная именем героя революционной борьбы, что и обращает на топоним особое внимание. Это одна из внутренних бухт Севастопольской гавани, находится у её северного берега. С запада бухту ограничивает мыс Радио-горка (он же Нахимовская батарея), а с востока – безымянный мыс, на котором стоит Михайловский форт, чаще именуемый Михайловской батареей».

БУХТА МАТЮШЕНКО⁷⁴

Севастопольцы могут с гордостью сказать, что их город внёс большой вклад в дело первой российской революции. Многие улицы, географические пункты Севастополя носят имена героев тех дней.

Бухта названа в честь Афанасия Николаевича Матюшенко, вероятно, в 1935 году, так как именно в это время переименовали гору Рудольфа на южной стороне города в гору Матюшенко.

- Происхождение этого старого топонима Е. В. Веникеев привёл в очерке «Имени Матюшенко» (Флаг Родины, 13. 08. 1985 г.): «Возвышенность, прилегающая с юга-запада к центральной части города, долго пустовала.
- В 1838 году черноморское адмиралтейство отдало её механику англичанину Томпсону под хутор. В 1845 году хутор купил немец Готлиб Рудольф.
- В 1851 году он умер, но участком продолжала владеть его жена, а затем и дети. Поэтому за этим местом утвердилось название горы Рудольфа. Она часто упоминается в истории первой обороны – на горе у хутора стояли французские батареи, с которыми успешно боролись орудия 4-го бастиона.
- Рудольфова гора часто становилась целью русских вылазок».

Сын украинского крестьянина-бедняка, А. Н. Матюшенко до призыва на флот (в 1900 году) работал портовым грузчиком и матросом на пароходе. В 1902 году окончил школу минных машинистов в Кронштадте и был направлен в Черноморский флот на броненосец «Потёмкин». Унтер-офицерский чин ставил его в среде матросов в привилегированное положение, но Матюшенко под влиянием социал-демократов занял революционную позицию, хотя членом РСДРП не был.

14 (27) июня 1905 года броненосец «Потёмкин» восстал в районе Тендровской косы, при этом одним из офицеров был убит комендор Г. Н. Вакуленчук, член РСДРП, возглавлявший на корабле социал-демократический кружок. Руководство восставшим броненосцем приняла на себя судовая команда, председателем которой избрали А. Н. Матюшенко, что свидетельствовало о его большом авторитете среди матросов.

- Думается, если бы этот очерк Е. В. Веникеев писал в начале 1990-х годов, то его мнение о А. Матюшенко изменилось, как это случилось в отношении лейтенанта П. Шмидта. Современные исследователи характеризуют руководителя восстания на «Потёмкине» как «редкостного фанатика и садиста»

⁷⁴ Крымская правда. 1984. 24 января.

- (лично убил пятерых из семи погибших на броненосце офицеров). «Во время следствия и суда, – пишет севастопольский краевед Б. В. Никольский, – выяснилось, что он угрозами заставил молодых матросов (новобранцев из малограмотных мастеровых и неграмотных крестьян) отказаться от борца и инициировал бунт, а потом приказал матросам добывать раненых офицеров. Для последующего участия в бунте Матюшенко сознательно повязал их всех кровью своих командиров»⁷⁵. Да и сам Е. Веникеев в одной из своих поздних публикаций писал: «Самый известный участник мятежа, квартирмейстер Матюшенко, лично застреливший Голикова⁷⁶ и Тона...».

Как известно, «Потёмкин» был вынужден уйти в румынский порт Констанцу, где команда высадилась на берег. С этого времени начались скитания А. Н. Матюшенко по свету. Кроме Румынии, он побывал в Швейцарии, где встретился с В. И. Лениным, Америке, Франции. За границей им издана книга «Правда о «Потёмкине». Жизнь в эмиграции угнетала А. Н. Матюшенко. Он стремился к революционной борьбе и ухватился за первую возможность вернуться на родину. Осенью 1907 года это ему удалось, но, выданный провокатором, он был схвачен, предан военно-морскому суду в Севастополе, приговорён к смертной казни и повешен в тюрьме, которая находилась на территории нынешнего объединения «Морской завод имени Серго Орджоникидзе» (ныне Севастопольский морской завод – Ред.). На этом месте установлена мемориальная доска.

Как уже говорилось, западный мыс, образующий бухту, носит название Радио-горка, или Нахимовская батарея. Почему возникли эти топонимы?

Второе наименование – наиболее раннее. Во время первой обороны Севастополя на мысу находилась батарея. Сохранилась её фотография, сделанная, очевидно, в 1855 году. По ней можно судить о внешнем облике батареи. На горизонтальной площадке вершины мыса стояли крепостные орудия на поворотных платформах. Их окружал бруствер из фашин – цилиндрических корзин из хвороста, заполненных землей. (Фото 56)

28 июня (10 июля) 1855 года на Малаховом кургане был ранен, а через день скончался один из руководителей обороны, выдающийся русский флотоводец адмирал П. С. Нахимов. В память о нём батарею назвали Нахимовской, а после войны так же стали называть и мыс.

Попробуем объяснить и второе название – Радио-горка. Сначала предположение. Летом 1901 года в Севастополь вторично приехал А. С. Попов, изобретатель радио. Его целью было – продолжить опыты по использованию новой аппаратуры на судах Черноморского флота. В 1899 году с помощью судовых радиостанций, установленных А. С. Поповым, корабли «Георгий Победоносец», «Три святителя» и «Капитан Сакен» поддерживали связь в море. Теперь же изобретатель поместил дополнительно две радиостанции на берегу, чтобы обеспечить связь боевых судов не только друг с другом, но и с базой. Одна из этих радиостанций была, возможно, на данном мысу.

⁷⁵ Никольский Б. В. Старый Севастополь: «Где эта улица, где этот дом»? История и современность. Ч. 1. Главные улицы Центрального городского холма. Севастополь, 2016. С. 131.

⁷⁶ Капитан 1-го ранга Е. Н. Голиков был командиром корабля, на его теле нашли около десятка огнестрельных и колотых ран. – Ред.

Это – предположение, но вот факт: в 1918 году оккупационные войска кайзеровской Германии, уходя из Севастополя, вывезли оборудование двух радиостанций. Одна из них называлась «Бухта Нахимова» и, конечно, находилась на Радио-горке. Название другой – «Круглая бухта» позволяет решить загадку, давно волнующую исследователей: где же находилась вторая радиостанция А. С. Попова? Едва ли места для станций, выбранные изобретателем радио, изменились с 1901 года. Скорее всего, именно на Радио-горке и на берегу Круглой бухты он и установил свою аппаратуру. Впервые в мире.

Восточный мыс, обрамляющий бухту Матюшенко, ни на одной из карт названия не имеет. На нём находится наиболее сохранившееся укрепление времён первой обороны – Михайловский форт (назван в честь Михаила Николаевича – брата царя Николая I), ныне памятник архитектуры. Это двухъярусное каменное 77-орудийное укрепление, напоминающее в плане букву «П» с закругленными вершинами угла. Над двумя из них – трёхъярусные башни. Форт построен в 1846 году, боевое крещение получил 5 (17) июня 1854 года во время обстрела Севастополя англо-французским флотом. В 1942 году служил одним из опорных пунктов защитников города на Северной стороне и принял на себя ожесточённый удар фашистских войск. О тех героических днях напоминают выбоины от пуль и осколков, густо усеявшие его северный фасад.

Е. Веникеев: «Вдоль левого берега реки Бельбек протянулась невысокая, покрытая лесом возвышенность. За дорогой Севастополь – Симферополь она поворачивает к югу на Инкерман. Это Мекензиевы горы. Своим названием они обязаны контр-адмиралу Мекензи, одному из основателей Севастополя».

МЕКЕНЗИЕВЫ ГОРЫ⁷⁷

Англичанин Томас Мекензи, или, как его будут называть в России, Фома Фомич Мекензи, поступил на русскую службу в Балтийский флот в 1765 году, причём явно не имея никаких влиятельных связей в России, так как получил низший офицерский чин мичмана. Через четыре года он произведён в лейтенанты, а в 1770-м в составе русской эскадры прибыл в Средиземное море. В это время шла первая (1769–1774) при Екатерине II русско-турецкая война, и две эскадры отечественных кораблей были отправлены вокруг Европы для уничтожения турецкого флота в Средиземном море. Здесь они соединились под общим командованием графа А. Орлова. После нескольких мелких столкновений, в одном из которых (при Наполиди-Романи) принимал участие и Ф. Ф. Мекензи, турецкий флот потерпел поражение в Хиосском проливе 24 июня (5 июля) 1770 года. После этого он скрылся в Чесменскую бухту под защиту береговых батарей. В ночь на 26 июня русская эскадра вошла в бухту. Общему сражению предшествовала атака брандеров, одним из которых коман-

довал лейтенант Ф. Ф. Мекензи. Вражеский флот был уничтожен почти полностью, оставшиеся на плаву корабли взяты в плен. За отвагу, проявленную в сражении, Ф. Ф. Мекензи был произведён в чин капитана второго ранга и награждён орденом св. Георгия четвёртого класса.

В 1775 году Мекензи вернулся на Балтику, где, проходя все ступени служебной лестницы, достиг в 1782 году чина капитана генерал-майорского ранга. В следующем году этот чин упразднили и Ф. Ф. Мекензи переименован в контр-адмиралы, переведён на создавшийся тогда молодой Черноморский флот.

Когда в мае 1783 года Фома Фомич подъехал к пустынным, заросшим мелким лесом берегам Ахтиарской (будущей Севастопольской) бухты, он увидел стоящие в ней корабли Азовской и части Днепровской флотилий. Командующий эскадрой вице-адмирал Ф. А. Клокачёв сдал ему командование и отбыл в Херсон. 3 (14) июня 1783 года были заложены четыре первых каменных здания нового русского порта, который пока назывался Ахтиаром. 10 (21) февраля следующего года последовал указ Екатерины II, предписывающий: «...устроить крепость большую, Севастополь, где ныне Ахтиар». Как впоследствии писал Э. И. Тотлебен: «...Мекензи детально принялся... за рубку леса и начал строить казармы, адмиралтейство, магазины и дома... Таким образом, Мекензи принадлежит честь основания Севастополя».

Конечно, это слишком сильно сказано. Настоящими создателями Севастополя были те простые матросы, солдаты и мастеровые, которые своими руками строили новый город, но и личность Ф. Ф. Мекензи нам интересна, так как он один из тех, кто стоял у колыбели города-героя.

Ему отвели под хутор участок земли, который естественно, все стали называть «хутор Мекензи», или «хутор Мекензия». Отсюда и пошло название Мекензиевых гор.

Адмирал скоропостижно скончался 10 (21) января 1786 года и похоронен в Севастополе. Мало кому известно, что в его честь была названа ещё одна возвышенность в городе. Это Красная (бывшая Зелёная) горка. На плане Севастополя 1851 года она обозначена как «Мекензиев курган», но с течением времени название забылось.

Зато всемирную известность приобрели Мекензиевы горы. В 1941–1942 годах главной целью немецкого командования было захватить эти высоты и выйти к северному берегу Севастопольской бухты. Особенно ожесточённые бои развернулись с 8 июня 1942 года во время третьего штурма. Железнодорожная станция Мекензиевы горы трижды переходила из рук в руки. Неподдалёку от неё находилась зенитная батарея № 365 под командованием старшего лейтенанта Ивана Пьянзина. Несколько суток она держалась в полном окружении. 13 июня с батареи была получена радиogramма: «Отбиваться нечем. Личный состав вышел из строя. Открывайте огонь по нашей позиции и командному пункту». К тому времени противник уже занял батарею. Вызывая огонь на себя, бойцы уничтожили десятки вражеских солдат, но и сами погибли. Ивану Пьянзину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Многое помнят Мекензиевы горы. До наших дней сохранились здесь следы ожесточённых боёв, остатки дотов и дзотов, полузаплывшие траншеи и окопы, ржавые куски металла.

⁷⁷ Крымская правда. 1984. 25 сентября.

- С Ф. Ф. Мекензи связаны две загадки. Первая – сколько ему было лет, когда он скончался? И вторая – где он похоронен? Ответ на первый вопрос стал известен не так давно. Год рождения адмирала, появившегося на свет в Астрахани – 1740-й, был установлен по письмам его родственника адмирала Томаса Гордона (мать Мекензи была его внучкой). Таким образом, первый строитель Севастополя прожил всего 46 лет. А вторая загадка окончательно была разрешена после публикации путевых записок Ф. де Миранды, побывавшего в составе свиты Г. А. Потёмкина в Севастополе на рубеже 1786–1787 гг. В них путешественник упомянул надгробие Мекензи, находящееся на вершине Зелёной горки. Надмогильный памятник его разочаровал, поскольку «...сделан из обыкновенного камня и по внешнему виду ничем особо не отличается».

ПАМЯТНИК В ЧЕСТЬ ПОСЕЩЕНИЯ КРЫМА АЛЕКСАНДРОМ II В 1855 ГОДУ⁷⁸

Этот памятник знаменит, если можно так выразиться, своей неизвестностью. Мне до сих пор не встретился ни один краевед, который бы знал о его существовании. Он находился в лесу, у шоссе Севастополь – Симферополь, там, где оно минует железнодорожную станцию Мекензиевы Горы (расположена на расстоянии около километра от дороги).

Государь Император Александр II сделал смотр Крымской армии вскоре после её перехода с Южной стороны Севастополя на Северную сторону. В «Описании обороны города Севастополя» Э. И. Тотлебена читаем: «Государь Император в сопровождении Августейших братьев своих Николая и Михаила Николаевичей, и герцога Георгия Мекленбург Стрелицкого посетил войска 5-го пехотного корпуса на Бельбеке и верхом изволил осматривать укрепления Северной стороны (29 октября 1855 года – Е. В.). Затем Его Величество произвёл смотр войскам на Инкерманской и Мекензиевой позициях. На следующий день... осматривал войска 3-го и 5-го пехотных корпусов на среднем Бельбеке, в Каралезском ущелье, откуда верхом изволил проезжать до передовых... постов у перевала к Байдарской долине, а 31 октября осмотрел войска на Каче, после чего, посетив временные госпитали, помещённые в Бахчисарайском дворце, изволил отбыть в Симферополь, а оттуда на другой день выехал обратно из Крыма».

Другие очевидцы сообщают, что царь посетил также кладбища (на Братском не удержался от слёз), раздал награды и благодарил войска за героическое поведение. Энтузиазм войск был огромен. Тот же Э. И. Тотлебен свидетельствует: «Офицеры, в сердечном увлечении, толпами теснились вокруг монарха, чтобы выразить ему чувство их безраздельной любви и готовности умереть за него с радостью».

Первое упоминание о памятнике встречается в книге Д. Парского «Памятники Севастопольской обороны» (Одесса, 1901), но более подробно он описан в очень редкой брошюре «генерального штаба капитана Галкина», изданной в

⁷⁸ Таврические ведомости. 1993. 13 августа.

1903 году и тоже в Одессе. Она озаглавлена «Оборона Севастополя 1854–1855 гг. Памятники его обороны». На странице 43 там сказано: «Памятник посещения Крымской армии Александром II в виде часовни в версте от полустанка железной дороги «Мекензиевы Горы». На обратной стороне... надпись: «В память посещения позиции Императором Александром II, 29-го октября 1855 года, офицерами 11-й пехотной дивизии». Раньше в памятник была вделана икона, ныне её не существует».

Здесь же приводится единственное, насколько известно, изображение монумента (к сожалению, в весьма малом масштабе), по которому можно судить, что он представлял массивное, квадратное в плане сооружение высотой около шести метров, увенчанное треугольным пологим фронтоном без нижнего карниза. Икона (Св. Александра Невского – *Ред.*) находилась в нише на фасаде. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона в статье, посвящённой архитектору Авдееву А. А. (1819–1885), много работавшему в Севастополе, упоминает в списке его произведений «часовню... в воспоминание смотра войск, произведённого Императором Александром II после падения Севастополя». Следовательно, А. А. Авдеев является автором данного памятника, построенного в 70–80-х годах прошлого века. Он же, кстати, соорудил и наиболее значительные здания Севастополя: храм св. Николая на Братском кладбище и Владимирский собор на Центральном холме.

Имеются сведения, что монумент существовал (наверняка без доски) ещё в июне 1942 года (он упоминается как ориентир в военных сводках). Вероятно, во время войны он был сильно повреждён, а в 40-е годы уничтожен.

Пещерный монастырь Шулдан находится в скальном обрыве одноимённой горы, замыкающей с севера Шульскую долину. К нему лучше всего добраться от восточной окраины села Терновка, пройдя на север около двух километров, причём половину пути придётся проделывать по мергелиевым осыпям.

В СТРАНЕ КАМНЯ⁷⁹

Интересный памятник истории и археологии – средневековый пещерный монастырь Шулдан увидишь в Бахчисарайском районе (в настоящее время монастырь входит в состав Севастополя – *Ред.*). Сначала встретится большая естественная пещера, горизонтально уходящая в скалу. Внутри её – вырубленные ниши, скамьи, нечто подобное антресолям.

Далее следует стена обрыва. Извиваясь вдоль неё, бежит тропа, которая приводит к большому скальному навесу. Под ним – круглое, выдолбленное в полу углубление. Из этого грота вёл главный вход в монастырь. Но обвал закрыл его, и теперь надо идти по тропинке ко второму входу. Над ним в скалу вмонтирована доска, сообщающая, что перед вами памятник археологии, охраняемый законом.

⁷⁹ Крымская правда. 1985. 7 февраля.

Рядом со входом – пещера. Отсюда начинается анфилада подземных залов, часть из которых явно искусственная. В одном месте – выход на скальный балкон-террасу, нависший над обрывом. Отсюда открывается панорама Каралезской долины, лесистых гор, видны дома села Терновки. По другой трассе проникаем в пещерную церковь типа одноапсидной базилики. (Фото 57)

В апсиде – следы алтаря, в полу – прямоугольная вырубка, которую считают купелью. Из церкви дверь ведёт в другую пещеру, судя по маленькой апсиде, явно часовню.

- В путеводителях по «пещерным городам» Крыма этот интересный храм
- описывается более подробно. Апсида, перекрытая полуциркульным сводом,
- отделялась от основного помещения алтарной преградой, вырубленной в ска-
- ле. Самая интересная деталь апсиды – двухступенчатый синтрон с «горнем
- местом» (верхняя кафедра, греч.), на котором, возможно, восседал Готский
- митрополит. Находящийся недалеко от Мангуна столицы княжества
- Феодоро, Шулдан мог быть одной из его резиденций. На северной стороне
- храма ещё в первой половине прошлого века были видны остатки фреско-
- вой росписи, фигуры в рост на синем фоне, обрамлённые красной каймой.
- А. Л. Бертье-Делагард, обследовавший монастырь в XIX веке, видел среди
- фресок изображение Богородицы с младенцем. В этой же стене есть вход в
- часовню с усыпальницей и гробницей. А справа от алтаря арочный вход с дву-
- мя ступеньками ведёт в крещальню. В начале XV века обитель перестраи-
- вается, храм расширяется, и в крещальне появляется новый баптистерий,
- а старый переоборудуется в могилу⁸⁰.

Кроме этого яруса пещер, левее и выше входа с охранной доской виден ещё один ряд. К нему в сухую погоду можно подняться по скалам. Внутри яруса – правильно вырубленные, сильно закопчённые пещеры, сообщающиеся между собой. Их двери и окна также выходят на террасу, что тянется вдоль обрыва.

Когда и как возник Шулдан и прочие пещерные монастыри Крыма? Обычно называют одну и ту же дату – VIII–IX века. В это время в Византии происходило иконоборческое движение, и обитатели закрывающихся монастырей эмигрировали в места иные. Они и создали пещерные монастыри Крыма, возможно, на местах древних языческих святилищ⁸¹.

⁸⁰ Могаричев Ю. М. «Пещерные города» в Крыму. Симферополь, Сонат, 2005. С. 96–98.

⁸¹ Анализ письменных источников и современные исследования этого не подтверждают. Большинство монастырей в основном датируются XIV–XV веками. Сегодня Шулдан, как и другие пещерные монастыри Крыма, обжит современными насельниками. В храме устроен алтарь, проводятся церковные службы. – Ред.

«Для жителей Севастополя, как и всего Крыма, топонимика – эта та чудесная тропа в прошлое, по которой каждый может совершить увлекательное путешествие, – писал Е. Веникеев в исследовании «Феномен земли Севастопольской». – Крымские топонимы, несмотря на многократные их переименования, доносят до современников волнующий аромат тончайшего букета далёкого прошлого». В приведённой ниже статье, которая публикуется впервые, Е. В. Веникеев выделяет пять слоёв крымской топонимики на примере Севастополя.

ТОПОНИМИКА СЕВАСТОПОЛЯ

Севастополь и его окрестности достаточно типично демонстрируют процесс возникновения и развития системы географической номенклатуры Крыма (прошу понимать этот термин в его первоначальном значении, от латинского *nomenclatura* – роспись имён). Топонимика района по лингвистическим признакам делится на ряд слоёв. Их можно насчитать семь или восемь, но я выделяю в отдельные группы только языковые общности, имеющие достаточно большие количественные показатели.

Лингвистические слои топонимики соответствуют в хронологическом отношении этапам истории, характеризующимся преобладанием различных этносов.

Первый слой составляют, в основном, названия населённых пунктов Байдарской долины, не переводимые ни с одного из известных языков – Бага (ныне Новобобровка), Саватка (Павловка), Сахтик (Росошанка), Уркуста (Передовое). Ещё академик Н. Я. Марр высказал предположение, что они относятся к какому-то исчезнувшему «праязыку». Им мог быть скифский, таврский, язык носителей кизил-кобинской культуры и даже более древний – киммерийский.

Второй слой – древнегреческий. От него сохранилось немного, но в географической номенклатуре района значение этих топонимов очень велико. К ним относятся Херсонес (мыс, полуостров), Гераклеийский полуостров, Симболонлимне (бухта Символов, предзнаменований), трансформировавшееся в название крепости Чембало. В начале нашей эры (до V века) исследуемый район являлся частью Римской империи, но топонимических следов латинского языка почти или совсем не сохранилось. Единственное географическое название, которое Э. И. Соломоник вполне основательно считает латинским – это Календа, село в Байдарской долине (ныне Подгорное). Оно находится в начале широкой тропы, приводящей к Чёртовой лестнице, возможно, на военной дороге, соединявшей римскую крепость Харакс с Херсонесом (существует, впрочем, толкование названия, как татарское «кале-эндь» – разрушенная крепость).

Третий слой – турецко-татарский и новогреческий. Я объединяю их вместе потому, что наряду с географическими названиями, имеющими только тюркское (Кадыковка – Кади-кой – «деревня судьи», Байдары – Бай-дере – «богатый овраг», Эски-эли – «старый край» и т.д.) и новогреческое (мыс Айя – «святой», гора Аскета – «отшельник», село Скеля – «лестница») происхождение, существуют и смешанные (Батилиман – «глубокий залив», деревня Карань – Кара-Яни – «чёрный Иван» и др.).

Четвёртый слой – русский. Возникновение русских топонимов относится к концу XVIII века после добровольного присоединения Крыма к России. Первыми из них, вероятно, следует считать Мекензиевы горы (Ф. Ф. Мекензи командовал Севастопольской эскадрой в 1783–1786 годах) и сам Севастополь (вместе с его бухтами: Южная, Артиллерийская, Килен-бухта... – *Ред.*) – «священный город». Насколько мне известно, это единственный случай русского до-революционного переименования. Первоначально город назывался Ахтиар по имени соседней татарской деревни Ак-Яр – «белый угёс».

Топонимическое творчество продолжалось всю первую половину XIX века и испытало настоящий бум во время Крымской войны. Тактическая необходимость заставила назвать массу до тех пор безымянных возвышенностей (горы Артиллерийская, Гасфорта, Семякины, Федюхины и др.). Появились английские (Кеткартов холм), французские (холм Канробера) и даже арабские (Араб-табиа – «арабская крепость») топонимы.

Новый взрыв топонимической «активности» произошёл в советское время – пятый слой. Он выразился в насильственном переименовании как отдельных районов города, так и массы населённых мест. Это мероприятие имело два этапа. Первый (в тридцатых годах) потерпел сокрушительный провал. Народ упорно отказывался называть Ушакову балку Комсомольской, Гайтанскую – Первомайской, Советницкую – Советской. Второй этап (1946–1949) окончился относительным успехом. Население, приехавшее на место выселенных татар и греков, старых топонимов не знало, а заменившие их названия являлись частью почтового адреса и использовались по необходимости. Следует отметить полную банальность (за редким исключением) новых географических наименований: Колхозное, Штурмовое, Оборонное, Солнечное...

В 1990 году в Севастополе начались робкие попытки реставрации разрушенной топонимической системы: послано ходатайство в Совет Министров УССР о возвращении городу Белокаменск имени Инкерман (26 февраля 1991 года Верховный Совет УССР вернул городу прежнее наименование – *Ред.*).

НА ЗЕМЛЕ ДРЕВНЕГО ХЕРСОНЕСА

«Херсонес производит величественное впечатление, – писал Е. В. Веникеев в книге «Севастополь и его окрестности», – несмотря на то, что город много веков стоял покинутый жителями и часто использовался как каменоломня... В 1963 году Херсонесское городище со всеми находящимися на нём постройками объявлено комплексным памятником архитектуры республиканского значения. Тем самым официально признано, что раскопки Херсонеса представляют не только чисто научно-археологический и исторический интерес, но и имеют значительную художественную ценность. Херсонес представляет редкий образец античного и средневекового зодчества, скульптуры и градостроительного искусства».

Не менее уникальна и его сельскохозяйственная округа – хора, занимающая всю территорию Гераклеяского полуострова (около 10 тысяч гектар). Здесь до сих пор можно увидеть руины античных усадеб, остатки плантажных стен...

ЗДЕСЬ ПРИНЯЛ ВЕРУ ХРИСТИАНСКУЮ⁸²

В 1988 году весь мир отмечал 1000-летний юбилей принятия Русью христианства. Начало этому событию, имеющему огромное историческое значение, было положено в Крыму, на территории современного Севастополя.

988 год. Большой флот стоит в бухте, которая ныне называется Песочной (она же Херсонесская, Шмидта). Он доставил сюда, под стены греческого города Херсона (так в средние века стали называть античный Херсонес), войско киевского князя Владимира Святославовича. Город подвергнут осаде, прекращён подвоз продовольствия, обнаружен и перекрыт водопровод. Горожане вынуждены капитулировать.

Поводом для похода явилось невыполнение Византией взятых на себя обязательств за оказанную ранее славянами военную помощь. В числе их был и обещанный Владимиру брак с сестрой императоров Василия и Константина принцессой Анной. Наш знаменитый историк Н. М. Карамзин заметил по этому поводу: «Родственный союз с греческими знаменитыми царями казался лестным для его (Владимира – *Е. В.*) честолюбия». Но, кроме того, брак с византий-

⁸² Будем милосердны. 1992. № 26.

ской принцессой имел и большое политическое значение, поднимая престиж молодого государства.

Устрашённые успехами русского оружия, императоры поспешили выполнить свои обещания, тем более что киевский князь заявил: «...створю граду вашему, якже и сему створих», то есть грозил взять Константинополь.

«Василий и Константин... – читаем мы в «Истории государства Российского», – ответствовали ему, что от него зависит быть их зятем; что, приняв веру христианскую, он получит и руку царевны, и царствие небесное. Владимир, уже готовый к тому, с радостью изъявил согласие креститься, но хотел прежде, чтобы императоры, в залог доверенности и дружбы, прислали к нему сестру свою... Горестная царевна отправилась в Херсон на корабле, сопровождаемая знаменитыми духовными и гражданскими чиновниками, что народ встретил её как свою избавительницу...».

Свадьбе Анны и Владимира предшествовало крещение последнего, которое состоялось в церкви св. Василия на главной площади города. Сообщения различных источников о других местах принятия киевским князем христианства (например, Киев) не противоречат первому. Дело в том, что Владимир, очевидно, неоднократно повторял этот обряд в целях пропаганды новой религии, введение которой, как известно, не прошло без сопротивления.

Естественно, что Херсонес, откуда пришло на Русь православие, было в прошлом местом весьма почитаемым. Многочисленные путешественники, приезжавшие в основанный после присоединения Крыма к России Севастополь, считали своим неременным долгом посетить развалины древнего города, расположенные неподалёку. Даже первые раскопки, предпринятые здесь в 1827 году, имели целью отыскать ту самую церковь, в которой крестился Владимир.

Впервые предложение о строительстве храма-памятника на месте этого достопамятного события было выдвинуто командующим Черноморским флотом адмиралом А. С. Грейгом в 1825 году. Александр I, находившийся в то время в Севастополе, разрешил сбор средств для этой цели. В 1837 году архитектор К. А. Тон (1794–1881), автор известного храма Христа Спасителя в Москве, разработал проект пятикупольной церкви в русско-византийском стиле, но Николай I, уступив просьбам главного командира Черноморского флота адмирала М. П. Лазарева, распорядился строить его не в Херсонесе, а на Центральном холме города. Этот собор был заложен в 1854 году, осада Севастополя англо-французскими войсками прервала строительство, возобновленное в 1862 году архитектором А. А. Авдеевым. Он отказался следовать замыслу К. А. Тона и спроектировал храм заново на основе подлинных образцов византийской церковной архитектуры.

Величественный однокупольный храм является своеобразным пантеоном Черноморского флота. В нём покоится прах М. П. Лазарева, П. С. Нахимова, В. А. Корнилова, В. И. Истомина и других моряков. Во время Великой Отечественной войны собор сильно пострадал, в настоящее время здание восстановлено, но реставрация интерьеров ещё не завершена.

4 мая 1850 года появился указ Синода об образовании Херсонесского монастыря, в 1852–1853 годах Иеромонах В. Юдин, бывший офицер Войска Донского,

соорудил здесь первый храм – святой Ольги. Но просуществовал он недолго и был разрушен до основания во время осады Севастополя в 1854–1855 годах.

После войны настоятель Херсонесского монастыря архимандрит Евгений (И. Экштейн) добился разрешения на строительство Владимирского собора в Херсонесе. В 1858 году утверждён проект пятикупольного храма, разработанного архитектором М. И. Эппингером, но в следующем году он был заменён проектом Д. И. Гримма (1823–1898), удостоенного за него должности профессора Академии художеств.

Известный русский архитектор Давид Иванович Гримм начал свой творческий путь с тщательного изучения византийской, грузинской и армянской архитектуры. Результатом этого явился монументальный труд «Памятники архитектуры Византии, Грузии и Армении», принесшие ему известность как в России, так и за границей. Кроме собора в Херсонесе, он соорудил большой храм в Тбилиси, православную церковь в Копенгагене и Женеве, протестантскую в Петербурге, часовню в Ницце. Д. И. Гримм – автор памятника Славы в Петербурге и Петру I в Житомире.

Закладка собора состоялась в 1861 году на центральной площади древнего города, над руинами средневекового храма, который без достаточных оснований был объявлен местом крещения князя Владимира. Из-за политических событий (русско-турецкая война 1877–1878 гг.) и отсутствия средств сооружение храма было приостановлено. В 1887 году Александр III, осмотрев собор, выделил деньги на его завершение.

В 1888 году, к 900-летию крещения Руси, была освящена нижняя церковь во имя пресвятой Богородицы с законсервированными руинами средневекового храма. Живописные работы в ней выполнены Н. А. Майковым (иконостас, «Тайная вечеря», десять икон), Риссом («Крещение князя Владимира», «Крещение киевлян») и Молокиным (образ Христа, писанный на стекле). В 1891 году освящён верхний храм во имя св. Владимира. Его расписывали: А. И. Корзухин («Тайная вечеря», «Крещение господне», «Преображение», «Цари Давид и Соломон»), Т. А. Нэфф («Священномученики Херсонские», «Кирилл и Мефодий», «Андрей Первозванный», «Святой Климент», «Стефан Сурожский», «Святой Мартин»), И. А. Малышев («Божья мать Корсунская») и Молокин («Господь Саввоаф»). Наконец, в 1892 году освящён правый верхний придел во имя св. Александра Невского. На этом строительство храма завершилось. (Фото 58)

Херсонесский монастырь был закрыт в 1926 году, до 1941 года собор использовался как лапидарий археологического музея. Во время Великой Отечественной войны и в последующие годы памятник очень пострадал: рухнул барабан с куполом, провалилось перекрытие между первым и вторым ярусами, треснули стены, почти полностью уничтожена живопись, расхищены ступени внутренних лестниц, отдельные мраморные детали. В настоящее время здание находится в аварийном состоянии.

Великолепный крестово-купольный храм в формах византийского стиля отличается изысканностью пропорций, равновесием объёмов, целостью облика. Размеры в плане: 32,7 на 41,6 м, высота (с крестом) – 34,6 м. Имеет два яруса,

с восточной стороны устроены три гранёные апсиды. Нижний ярус перекрыт полуциркулярными и коробовыми сводами на подпружных арках, центральная часть – куполом на барабане (не сохранился), в верхний ярус ведут широкие каменные лестницы.

В настоящее время, наконец, признано, что здание является выдающимся произведением искусства. Оно объявлено памятником архитектуры. Но одновременно это монумент событию, оказавшему огромное влияние на судьбу не только нашей страны, но и всего человечества. Это выдвигает его в число наиболее выдающихся мемориальных сооружений Отечества.

Я думаю, что Владимирский собор в Херсонесе по своему «рангу» соответствует только двум памятникам: Тысячелетию России в Новгороде и храму Христа Спасителя в Москве (сооружён в память Отечественной войны 1812 года). Первый, реставрированный в послевоенные годы, сохранился полностью; второй – взорван в 30-х годах. Владимирский собор до основания уничтожить не удалось (говорят, взрывчатки не хватило), но разрушен он был основательно. Боюсь, что в ближайшие годы придётся оплакивать останки и севастопольского памятника. Сейчас стены здания пересекают зловещие трещины. Расчётная сейсмичность Севастополя – семь баллов (по девятибалльной шкале). Это немало. К счастью, сильного землетрясения не было с 1927 года. Но чем дальше не наступает какое-то событие, тем больше его вероятность.

Восстановление Владимирского собора в Херсонесе должно стать одной из первоочередных задач в программе реставрации памятников нашего Отечества⁸³. (Фото 59)

Е. Венিকেев: «По простоте душевной я до сих пор считал, что про князя Владимира знают все. Ведь это же Владимир «Красно Солнышко» из русских былин, которые проходят (или сейчас этого уже нет?) в школе. Но недавно беседовал с работниками одной из городских библиотек. Молодые, симпатичные, интеллигентные женщины проявили поразительное незнание этого предмета. А ведь православная церковь ещё в XIV веке объявила его святым и более того – равным Апостолам. Словом, поставила князя на второй уровень в божественной иерархии сразу после Святой Троицы и Богоматери.»

ЧЕМ ПРОВИНИЛСЯ ПАМЯТНИК?⁸⁴

28 июня нынешнего года московский предприниматель А. Жидков привёз подаренный им Севастополю памятник Святому Равноапостольному князю Владимиру (работа пользующегося мировой известностью скульптора В. М. Клыкова). Памятник хотели установить в Херсонесе на месте крещения

⁸³ Богослужения в Херсонесе начались в 1992 году. К работам по восстановлению собора приступили в 1999 году. 3 апреля 2004 года был освящён главный алтарь, а уже через неделю в соборе состоялось Пасхальное богослужение – Ред.

⁸⁴ Флаг Родины. 1993. 22 сентября.

князя, но этого почему-то не разрешили. Тогда монумент воздвигли на площади у ворот на территорию заповедника. Получилось очень удачно.

Но по какой-то причине новый памятник пришёлся «не ко двору». Одни местные историки стали вдруг говорить, что Владимир вовсе не здесь крестился, другие заявили, что он «...разорил, сжёг, разграбил Херсонес... увёз отсюда золотые ворота в Киев, изнасиловал дочь архонта...» и, значит, памятника не полагается.

Таким измышлениям позавидовал бы сам глава воинствующих безбожников 20-х годов М. Губельман, больше известный под псевдонимом Е. Ярославский. Но они сработали. 19 августа монумент тихо убрали под предлогом, что надо для него подобрать другое место. Сейчас памятник сдан на склад художфонда.

- В 1994 году памятник князю Владимиру всё же обрёл свое место.
- Установлен он недалеко от Херсонеса на Девичьей горке (пересечение улиц Дмитрия Ульянова, Ерошенко и Древней). Архитекторы прилегающей территории – А. Л. Шеффер и А. И. Баглей. (Фото 60)
- А в 2024 году перед Владимирским собором был открыт ещё один памятник князю Владимиру, который изображает его в возрасте 25 лет. Считается, что именно столько ему было на момент крещения. В руке князь держит крест с полудрагоценными камнями, который имеет форму знаменитой реликвии «Корсунского креста», хранящегося в Успенском соборе Московского Кремля. По задумке авторов памятника (скульптор В. Шанов, архитектор Д. Смирнов), если посмотреть на него издали, то этот крест накладывается на крестообразное окно собора, что символизирует единство прошлого и настоящего. А восемь граней постамента соответствуют форме купели, в которой крестился Владимир, что ещё раз подчеркивает духовное значение памятника.

Кто же князь Владимир, что известно о его земной жизни? Год рождения до нас не дошёл. Это понятно: Владимир был сыном не одной из официальных жён своего отца, князя Святослава, а рабыни, служанки его матери Ольги. Тем не менее, после гибели Святослава в бою с печенегами (972 г.) он получает княжеский «стол» Новгорода. Началась борьба за верховную власть в Киеве (там княжил его брат Ярополк). Сначала тот победил другого брата Олега, павшего в битве, а затем был сам убит по приказу Владимира.

Став киевским князем, Владимир вёл себя как сын своего времени и к тому же язычник. У него было пять жён. Кроме того, устроил три гарема (в Вышгороде, Белгороде и Берестове), где содержал, если верить летописи, восемьсот наложниц. При нём, как и раньше, практиковались человеческие жертвоприношения языческим богам, изображения которых, вытесанные из дерева, стояли прямо перед великокняжеским дворцом.

Но постепенно князь начал понимать всё несовершенство веры предков, ставшей к тому времени анахронизмом. Как политические, так, надо думать, и нравственные причины толкали его на принятие христианства.

Излагаемые события известны нам, в основном, по «Повести временных лет», автор которой, по мнению великого русского историка Н. М. Карамзина,

«...мог ещё знать современников Владимира и потому достоверный в описании важных случаев его княжения».

Согласно «Повести...», крещение Владимира, за которым последовало обращение в христианство всей Руси, произошло именно в Херсонесе в 988 году. Некоторую путаницу вносит так называемая Иоакимская летопись, известная только по цитатам, приводимым историком XVIII века В. Н. Татищевым. Она сообщает о крещении князя ещё в 985 году в Болгарии. Современные историки В. М. Зубарь и Ю. В. Павленко разрешают это противоречие, считая, что князь первый раз крестился как частное лицо неофициально, не как глава государства. Может быть, и так.

События, связанные с Херсонесом, рисуются следующим образом. Попав в затруднительное положение из-за гражданской войны в своей стране, византийские императоры-соправители Василий и Константин обратились за помощью к русскому князю, обещая ему руку своей сестры Анны при условии крещения.

Значительный русский отряд был направлен, показал, как всегда, чудеса храбрости, спас императоров, но те явно не спешили выполнять свои обязательства. Владимира просто обманули – классический приём византийской дипломатии. Что там считается с каким-то дикарем! Но здесь этот номер не прошёл. Князь с войском и флотом спускается по Днепру, плывет Чёрным морем, высаживается в Песочной (она же Херсонесская, Шмидта) бухте, где ныне пляж «Солнечный», и осаждает Херсон (древний Херсонес, по-русски – Корсунь) – столицу византийских владений в Крыму.

Насчёт даты этого события также существуют расхождения. «Повесть временных лет» относит его к 988 году, а греческие источники к 989 году, но сам факт ни малейшего сомнения не вызывает. Разница в датах, очевидно, вызвана тем, что тогда существовало одновременно две календарных системы: по одной новый год начинался 1 марта, по другой – 1 сентября.

Осада продолжилась около трёх месяцев. Полагают, что часть горожан во главе с неким Анастасом (то ли грек, то ли варяг) имела прорусскую ориентацию и настояла на капитуляции. О каких-либо грабежах и насилиях русского войска в Херсонесе ничего не известно.

Теперь Владимир стал хозяином положения. К императорам поплыл гонец с письмом: «Се град ваш славный я взял, а слыша, что вы сестру имеете деву, прошу, чтобы за меня отдали и тем мир вечный утвердили», – миролюбиво писал князь, но тут же добавил: «Ежели сего не учините, то имею намерение идти к Царьграду, и, может, то же учиню, что и сему». Императоры поспешили согласиться, повторив условие с крещением.

Владимир (крещённый уже или нет) не возражал. Обряд выполнил херсонесский епископ. Сохранилось и место исторического события – это баптистерий (крещальня) при так называемой Уваровской базилике. В 1988 году это доказал доктор исторических наук С. Беляев, много лет занимающийся исследованиями Херсонеса. Ничего не зная о его открытии (оно опубликовано в журнале «Наше наследие»), я в очерке «Крещение в Херсонесе» («Флаг Родины», 1992, 4–11 июня) самостоятельно пришёл к тому же выводу. (Фото б1)

Вскоре после крещения состоялось венчание, и князь с супругой отбыл домой, соорудив в Херсонесе церковь. «Вместо пленников он вывел из Херсона

одних иереев и того Анастаса... вместо дани взял церковные сосуды, мощи Св. Климента и Фива, ученика его, также два истукана (античные статуи – Е. В.) и четырёх коней медных, в знак любви своей к художествам...» (Н. М. Карамзин).

Вернувшись в Киев, Владимир отказался от многожёнства, распустил свои гаремы и согласно как исторической, так и церковной традиции повёл исключительно добродетельную жизнь. Он даже впал в чрезмерное милосердие и всепрощение. «Для чего не караешь злодеев?» – вынуждены были спрашивать у него даже священнослужители. – «Боюсь гнева небесного», – отвечивал Владимир. Так пишет, пересказывая летопись, Н. М. Карамзин.

Тогда он и стал «Красным Солнышком» русских былин – добрым, справедливым и великодушным государём, являл поучительный пример нравственного возрождения человека под влиянием идей христианства. И пусть реальный Владимир, наверное, не всегда соответствовал идеалу – приходилось и воевать, да и социальный строй того времени был далеко от совершенства, но это уже не имеет значения. Он превратился в Легенду. И уж, конечно, достоин памятника. Скончался князь в 1015 году в Киеве.

Надо сказать, что до недавнего времени в факте его крещения в Херсонесе никто не сомневался. Конечно, в процессе обязательной антирелигиозной пропаганды Владимира время от времени слегка пинали (свою лепту в это дело внёс даже академик Д. С. Лихачев), но не более того. Всё изменилось в 80-е годы с приближением великой даты – 1000-летия Крещения. Ведь её по всем правилам следовало отметить в Севастополе, а значит, сюда должны были приехать массы людей со всего мира (говорят, сам римский папа рвался), а что мы им покажем? Руины Владимирского собора?

Вот тут-то и началось. По сигналу сверху заскрипели десятки перьев, большие и малые учёные принялись оспаривать и факт, и дату, и что угодно. У меня есть любопытная коллекция вырезок тех лет на эту тему.

Но тогда действия власть предержащих были понятны, объяснимы и вполне в духе времени. Но сейчас-то за что отправили на слом Святого и Равноапостольного? На постаменте снесённого памятника значилось: «...сооружён на средства гражданина России Алексея Ивановича Жидкова...». Может, в этом всё дело? Представьте, с каким триумфом встретили бы монумент, если бы там было написано: «...гражданина США».

Здесь я хотел закончить, но тайна не давала покоя. Долго размышлял о причинах неприязни к Владимиру. И, кажется, осенило: он символ единения всех славян, общий для них герой и Святой. И вот этот-то символ, видимо и требовалось кому-то уничтожить. Чтобы не было общей истории, чтобы царствовала не взаимная любовь, а ненависть...

Е. Веникеев: «Поистине, изумление внушает его судьба. Отлитый из турецких пушек более двух столетий назад, ещё до основания Севастополя, он почти шестьдесят лет провёл в плену во Франции (в документах 1913 года часто встречается выражение «колокол-пленник»), вернулся на родину, пережил три войны и до сих пор возвышается на древнем берегу Херсонеса! Думаю, что среди многочисленных памятников Севастополя это один из самых уникальных».

«ВЫЛИТ ИЗ ТУРЕЦКОЙ АРТИЛЛЕРИИ...»⁸⁵

Вечером 27 августа (8 сентября) 1855 года гарнизон Севастополя начал переправляться на Северную сторону. Окончилась 349-дневная оборона города в Крымскую войну. Южная и Корабельная пылали. Взлетали на воздух пороховые погреба. Через три дня вошли осаждавшие: французы заняли центр, англичане – Корабельную. Оккупация продолжалась около года. За это время захватчики взорвали всё, что могли взорвать, и вывезли всё, что можно было считать трофеями...

- С полуразрушенных зданий Морского собрания и Морской библиотеки французами были сняты барельефы, два сфинкса и три неповреждённые статуи. В Париже их установили в саду Тюильри на всеобщее обозрение в качестве военных трофеев. Один из сфинксов до сих пор стоит там, другого убрали в запасники Лувра. Статуя музы Каллиопы и ныне в Люксембургском саду, судьба двух других неизвестна. Один из церковных колоколов и сейчас находится на звоннице церкви Нотр-Дам-дю-Травай в Париже. Вывезли и статуи двух святых Петра и Павла, стоявших в нишах Петропавловской церкви.
- Англичане же в отличие от образованных французов занимались сбором металлолома – в Великобританию отправилось огромное количество орудий с севастопольских бастионов и батарей, а также весь металл, который смогли поднять со дна бухт. А для генерала Чарльза ван Страубанзи сняли позолоченный крест с часовни в Морском госпитале, в которой лежал умерший от ран вице-адмирал В. А. Корнилов. Он до сих пор венчает надгробный памятник семьи этого англичанина.

Не избежали этой участи и 13 колоколов севастопольских церквей. Но их конфискации был придан вид некоторой законности. Французское командование вспомнило о законах 1807 и 1810 годов, принятых ещё Наполеоном I, по которым колокола захваченных городов передавались артиллерийскому и инженерным ведомствам, вероятно, для переплавки их на орудия. Но в эти годы бронзовые пушки уже были анахронизмом. Артиллеристы и инженеры не могли использовать такой подарок и передали колокола военному министерству.

Дальнейшая судьба большинства из них неизвестна. Однако в 1913 году один русский колокол был обнаружен висящим в соборе Парижской богородицы (Нотр-Дам де Пари). Причём, похоже, что уже никто не помнил, как он здесь оказался. (Фото 62)

Об этом стало известно французскому консулу в Севастополе Л. И. Ге, который и предложил вернуть колокол. Ввиду угрозы со стороны кайзеровской Германии

Франция была чрезвычайно заинтересована в укреплении дружественных отношений с Россией. Поэтому предложение Л. И. Ге оказалось очень кстати, и после непродолжительной дипломатической переписки колокол 23 ноября (6 декабря) 1913 года прибыл в Севастополь и был поднят на звонницу Херсонесского монастыря рядом с Владимирским собором. Президент Франции Р. Пуанкаре написал Л. И. Ге, что он возвращает колокол России в «знак союза и дружбы». Русское правительство, в свою очередь, наградило французского консула орденом.

За несколько лет до этого события неподалёку от Херсонеса потерпел крушение в тумане пароход «Пётр» Российского общества пароходства и торговли. После случившегося один из колоколов Херсонесского монастыря был специально определён для подачи сигналов во время тумана. Существует мнение, что им был и колокол, возвращённый из Парижа.

В 1926 году монастырь был закрыт, его звонница ликвидирована, колокола сняты. Но один установили на берегу моря, и он по-прежнему предупреждал корабли об опасной близости скалистого берега. Колокол пережил героические дни обороны 1941–1942 годов, освобождение города в 1944 году и сейчас, хотя уже и не используется по назначению (появились более совершенные способы сигнализации), по-прежнему остался на крутом берегу Херсонеса. (Фото 63)

С детства я неоднократно слышал, что это тот самый колокол, что побывал во Франции. Однако доказательств никто привести не мог. Чтобы выяснить суть дела, я обратился к материалам Севастопольского городского государственного архива, где хранится любопытнейшее «Дело о возвращении из Франции колокола». Там удалось обнаружить его подробное описание, в котором, в частности, сказано, что колокол «...имеет изображения; на одной стороне св. Николая, а на другой неизвестного святого, стоящего на луне...».

При осмотре барельефы явственно видны. Кроме того, в описании сказано, что вокруг колокола была сделана надпись, которая уже в то время сохранилась не полностью: «Сей колокол вылит... святого Николая Чудотворца в Таганро... (очевидно, в Таганроге – Е. В.) ...из турецкой артиллерии весом... пуд 1778 года месяца августа... числа». Эта надпись, пострадавшая от пуль и осколков в Великую Отечественную войну, также сохранилась. Особенно ясно читается дата отливки. Последние сомнения исчезли: это действительно тот колокол, что прибыл из Парижа.

⁸⁵ Крымская правда. 1983. 16 января.

«Весной Гераклеийский полуостров покрывают буйные сочные травы с яркими алыми маками, – писал Е. В. Веникеев в книге «Севастополь и его окрестности». – Но это ненадолго. Прекращаются дожди, нещадно палит солнце, сохнут травы, выжигают только цепкие колючие растения «перекати-поле». Осенью сильный ветер вырывает их из земли, сбивает в большие шары, которые в сумерках кажутся летающими бесшумными призраками. Но в этой выжженной солнцем, колючей, каменной степи есть своя суровая красота. Именно так должна выглядеть древняя земля, из-за которой веками спорили народы, разыгрывались драматические события».

КАМЫШОВАЯ БУХТА⁸⁶

Каждая пядь севастопольской земли имеет историю, уходящую вглубь веков. Так и Камышовая – одна из бухт Гераклеийского полуострова. Римский писатель Клавдий Птолемей сохранил нам её древнейшее название – Дандаке, а недавно историк и филолог С. К. Сосновский обратил внимание на сходство названий с индоарийским словом Дандака – «камышовая». Исследователь законно предположил, что это наследие языка древнейших обитателей горного Крыма – тавров. Значит, и в те далёкие времена по берегу рос камыш, заросли которого ныне почти совсем вытеснены из бухты причалами рыбного порта.

В 422–421 годах до н.э. на мысе у Карантинной бухты был основан Херсонес Таврический, колония древнегреческого города Гераклеи Понтийской. Вскоре новые жители этого уголка освоили прилегающую территорию, превратив её в «хору» – сельскохозяйственную округу города. Она была разделена на участки, которые принято называть «клерами» (в переводе – жребий). На них стояли укрепленные усадьбы, а вокруг располагались сады, виноградники. Развалины усадеб, фундаменты стен, опоясывающих клеры, следы дорог и сейчас хорошо видны по берегам Камышовой. Их раскапывают и исследуют сотрудники Херсонесского государственного историко-археологического заповедника. (Фото 64)

Камышовая бухта видела войска скифов, когда они во II веке до н.э. воевали с Херсонесом, римлян, византийцев. Усадьбы здесь то разрушались, то вновь отстраивались. Наконец, на рубеже XIV–XV веков Херсонес прекратил своё существование, а с ним замерла жизнь и в его окрестностях.

Проходили века, но пустынными оставались эти берега. Только случайно забредал сюда человек или заходил корабль. Даже после присоединения Крыма к России здесь появлялись разве что казачьи разъезды или стрелки таможенной стражи.

Но земля имела цену, и скоро нашёлся её собственник. На плане 1806 года район Гераклеийского полуострова от Стрелецкой бухты до половины расстояния между мысами Херсонес и Фиолент показан как принадлежащий контр-адмиралше М. К. Алексановой. На карте 1832 года это большое имение уже разбито на более мелкие участки, на которых появились хутора.

1854 год. На месте современной застройки существовал тогда только хутор некоего Кашина, где-то здесь и возник в сентябре 1854 года временный французский городок Камьеш. Пока войска были заняты осадой Севастополя, в Камышовую бухту,

где устроили главную базу французского флота, слетелись торговцы и авантюристы разных национальностей, желающие нажиться на войне. Они построили из щитовых домов целые улицы, состоявшие из магазинов, кафе, ресторанов, гостиниц. Был даже театр! Но после заключения в 1856 году мирного договора французский флот с армией отплыл на родину. С ним исчез и Камьеш. Его дома были распроданы, увезены новыми владельцами, и опять на берег Камышовой опустилась тишина.

На плане 1874 года все окрестности бухты показаны как «участки, розданные частным лицам для разведения виноградных и фруктовых садов». Хутора меняли владельцев, меняли и названия. На карте 1910 года на левом берегу появляется кладбище, на мысе Манганари, между бухтами Камышовой и Казачьей – кордон пограничной стражи. Мало что изменилось здесь и в первые годы после революции. «Лоция Чёрного моря» 1927 года сообщает: «Берег Камышовой бухты... совершенно пустынный и только в глубине бухты видны несколько хуторов». Но в 1929 году здесь уже создаётся рыбколхоз.

Грозные события произошли на этих берегах в 1942 году, в последние дни обороны Севастополя. Сюда входили редкие корабли, которым удавалось прорваться в город, отсюда эвакуировали раненых. Здесь же проходил и последний рубеж обороны, на котором героические защитники города держались до начала июля.

После Великой Отечественной войны на берегах Камышовой восстанавливаются дома рыболовецкого колхоза, а в 1952 году начинается массовое жилищное строительство в связи с созданием базы Азово-Черноморского бассейна по вылову и переработке рыбы.

Сейчас этот микрорайон – часть Севастополя, по берегам бухты раскинулся крупнейший рыбный порт Крыма, корабли которого бороздят воды океанов. Вокруг растут улицы. В связи с благоприятными условиями (спокойный рельеф, наличие свободных территорий) район Камышовой бухты имеет прекрасные перспективы развития. В ближайшие годы её территория будет застроена до проспекта Октябрьской революции.

Е. Веникеев: «В I веке до н.э. географ и историк Страбон, говоря о городе Херсонесе и его окрестностях написал фразу: «В этом городе есть святилище Девы... имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии ста стадиев мыс... Между городом и мысом есть три гавани, затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах...». Так родилась проблема «Страбонова» или «Старого» Херсонеса».

ГДЕ «СТРАБОНОВ ХЕРСОНЕС»?⁸⁷

Ещё П. С. Паллас, путешествуя по Крыму в 1793–1794 годах, обратил внимание на два ряда стен с башнями, отделяющих мыс Херсонес от материка, на развалины между ними и на самом мысе. Тогда они были хорошо видны. Он утверждал, что «Страбонов» Херсонес был именно здесь. Но всех смущало, что между «старым» и «новым» городом лежало не три бухты, как писал древний географ, а

⁸⁶ Крымская правда. 1983. 22 декабря.

⁸⁷ Неделя. 1986. № 13.

пять: Песочная (она же Херсонесская, Шмидта), Стрелецкая, Круглая, Камышовая и Казачья. Но это противоречие легко устранимо: Песочная бухта была очень мала, и Страбон просто не считал её таковой, а Круглой в его время не существовало, так как уровень Чёрного моря тогда был на несколько метров ниже.

Вопрос о месте поселения, таким образом, был решён. Ну, а время его существования? Об этом могли рассказать только раскопки. В прошлом году исполнилось 140 лет с тех пор, как лопата археолога впервые вонзилась в почву древнего поселения. В 1845 году лейтенант Черноморского флота Виктор Иванович Барятинский впервые произвел раскопки в верховьях Казачьей бухты. Этот офицер известен также раскопками в Греции (во время пребывания там Черноморского флота). На принадлежащей ему яхте «Ольвия» одно время служил знаменитый впоследствии матрос П. М. Кошка.

В 1890 году внутренняя линия стен исследовалась К. К. Косцюшко-Валюжиничем, затем подполковником Н. М. Печёнкиным. Он исследовал сельскохозяйственные усадьбы местных жителей поселения, находившиеся на мысе Херсонес. Впоследствии исследовались оборонительные сооружения города – стены и башни. В тридцатые годы на мысе Херсонес работала экспедиция, которая обследовала дно моря в районе Херсонесского маяка.

Во время Великой Отечественной войны «Страбонов» Херсонес стал местом ожесточённых боев, которые буквально перепахали древнее городище. Повсюду воронки от бомб и снарядов, следы окопов. Земля пронизана осколками – они под ногами почти на каждом шагу.

После войны исследования памятника продолжались (зачистки А. Н. Щеглова в 1968 году, охранные раскопки С. Г. Рыжова в 1972 году), но систематических, в большом масштабе раскопок всё же не проводилось ни в дореволюционное, ни в советское время. (Фото 65)

На основании обнаруженного археологического материала (керамика, монеты) победило мнение, что «Старый» Херсонес моложе нового. Основан он в IV веке до н.э. и прекратил своё существование в конце II века до н.э., во время войн Херсонеса со скифами⁸⁸. Но изучен этот интереснейший памятник недостаточно. Исследователей интересовали главным образом его оборонительные сооружения, следы которых видны до сих пор. Сам же город остается погребённым под землей и, по предположению учёных, таит самые удивительные находки и открытия.

Вулканический мыс Фиолент расположен на южном побережье Гераклейского полуострова. На картах XVIII века он указан как «мыс Феолент». От этого топонима происходит один из его переводов с греческого как «Божий». Существовало и другое название и тоже греческое – Партеиум («девичий, девственный»), связанное с мифом об Ифигении. А в начале XIX века мыс называли именем Святого Георгия, но расположенному в его окрестностях монастырю.

НА МЫСЕ ФИОЛЕНТ⁸⁹

«Один шаг из мёртвой пустыни, и меня вдруг охватило могущественное и грозное великолепие... Передо мною на страшной глубине и на страшное пространство колыхалось синее, волнующееся море, переливавшееся зеленью, багрянцем, серебром и чернью. Громадные утёсы, обглоданные, оборванные, шагнули с обеих сторон в это ревущее море...». (Фото 66)

Так описывает вид, открывшийся ему из Георгиевского монастыря, писатель Е. Марков, посетивший его во второй половине XIX века.

Здесь, на мысе Фиолент, в 1820 году побывал А. С. Пушкин. К первому изданию своей поэмы «Бахчисарайский фонтан» он приложил «Отрывок из письма» (адресат не указан), в котором, рассказывая о своём путешествии по Крыму, упоминает: «Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление».

В 1891 году монастырь отпраздновал своё тысячелетие. По этому случаю была издана специальная книга, в которой изложили легенду о его основании. Вот она. В 891 году на скале, лежащей в море у мыса Фиолент, буря застигла нескольких греков. Они обратились с молитвой к св. Георгию, и он явился им в блеске молний. Буря тотчас прекратилась, а спасшиеся обнаружили на скале икону с изображением святого. В восторге от чудесного избавления они основали в береговых пещерах монастырь.

Наш земляк, известный учёный и инженер А. Л. Бертъе-Делагард, никогда ничего не принимавший слепо на веру, подверг эту легенду тщательному анализу и пришёл к выводу, что её сочинил архимандрит Никон, бывший настоятелем монастыря с 1860 по 1867 год. Он впервые напечатал её в своей книге «Балаклавский первоклассный монастырь», изданной в Чернигове в 1862 году. По этому поводу Бертъе-Делагард заметил: «...все перепечатывали этот рассказ, но никто не решался указать истинного автора глубокомысленного измышления». На этом основании исследователь язвительно назвал юбилейные торжества «мнимым тысячелетием».

Кто же в таком случае основал монастырь? Н. Зинченко, автор книги «Мыс Фиолент и Георгиевский монастырь» (издана в 1891 году), утверждает, что средневековый архив монастыря увезён в Стамбул. Очевидно, это случилось после 1475 года, когда турки присоединили к своим владениям Южный берег Крыма. П. Сумароков, посетивший это место в 1801 году, обнаружил заложенную в монастырскую ограду плиту с греческой надписью. «Повреждения, – пишет он, – не позволяют разобрать содержание оной, а открывается только то, что некто иеромонах Гервасий Сумеди упоминает о другом своём собрате, называвшемся,

⁸⁹ Слава Севастополя. 1988. 27 февраля.

⁸⁸ Последующие археологические раскопки позволили установить, что городище, правда, уже не в тех размерах, существовало и в римское время, и в период раннего средневековья, примерно до VII–VIII веков. – *Ред.*

как видно, Евгением, и означен 1175 г...». XII век – это тоже неплохо. К сожалению, никаких построек того времени в бывшем монастыре не сохранилось.

Самое древнее сооружение, появившееся здесь после присоединения Крыма к России – Георгиевская церковь (1814), воздвигнутая министром «духовных дел» А. Н. Голицыным, завещавшим похоронить себя в ней (могила не сохранилась). Е. Марков сообщает, что в 30–40-х годах прошлого века главный командир Черноморского флота адмирал М. П. Лазарев построил небольшой домик прямо на береговом обрыве, справа от лестницы, ведущей от монастыря к морю (сохранился фундамент), и жил здесь, когда приезжал в Севастополь из своей официальной резиденции – Николаева.

В 1850 году в монастыре сооружена каменная церковь Воздвижения креста (частично сохранилась). А в 1864 году монастырь заняли французские войска. В апреле следующего года отсюда был проложен первый на Чёрном море подводный кабель в Варну и заработал электрический телеграф, позволявший за несколько часов обмениваться депешами с Парижем и Лондоном. В монастыре находилась главная телеграфная станция. От неё шли кабели к английским позициям на Воронцовой горе, в Инженерный парк у нынешней Максимовой дачи, в Кадыковку, а также к месту стоянки французского флота – Казачьей и Камышовой бухтам. После Крымской войны монастырь продолжал застраивать свою территорию. (Фото 67)

Но все его сооружения очень пострадали во время героической обороны Севастополя 1941–1942 годов. Среди сохранившихся обращает внимание фонтан св. Георгия с прекрасным мраморным барельефом, сооружённый в 1846 году. В настоящее время рассматривается вопрос об объявлении его памятником архитектуры.

БЫЛ ЛИ ПУШКИН В СЕВАСТОПОЛЕ?⁹⁰

Сто шестьдесят лет тому назад, в начале сентября 1820 года семья Раевских выехала из Гурзуфа в Россию. С ними путешествовал их гость, молодой, но уже известный поэт Александр Пушкин, которому пора было вернуться к месту службы, а вернее, ссылки – в Кишинёв. Путешественники миновали Ялту, Алупку, Симеиз, поднялись по Чёртовой лестнице на вершину яйлы и по Календской тропе (один из возможных вариантов маршрута – *Ред.*) спустились в Байдарскую долину. Всем им был, конечно, известен античный миф об Ифигении, дочери царя Агамемнона, которую отец собирался принести в жертву богам перед отплытием из Греции для осады Трои. Но богиня Артемида спасла девушку и перенесла её в Тавриду, где Ифигения стала жрицей в её храме. На эту тему Еврипидом и Гёте были написаны драмы, которые, вероятно, также читали путешественники. В то время в печати высказывалось много предположений о том, где именно находился храм Артемиды (в римской мифологии – Дианы).

Известный учёный П. С. Паллас предположил, что храм стоял на мысе Фиолент, и, действительно, в 1793 году он обнаружил там какие-то развалины. Поэтому Раевские и Пушкин из Байдарской долины поехали в Георгиевский монастырь у мыса Фиолент.

⁹⁰ Слава Севастополя. 1980. 18 октября.

Величественная красота этих мест потрясла поэта. Позже он напишет:

*К чему холодные сомненья?
Я верю: здесь был грозный храм,
Где крови жаждущим богам
Дымились жертвоприношенья.*

К поэме «Бахчисарайский фонтан» Пушкин приложил прозаическое описание своего путешествия по Крыму под названием «Отрывок из письма» (кстати, среди опубликованных писем поэта этого письма нет), где, говоря о своём посещении мыса Фиолент, пишет: «...Георгиевский монастырь и его крутая лестница к морю оставили во мне сильное впечатление. Тут же я видел и баснословные развалины храма Дианы». Сейчас трудно сказать, что он имел в виду, так как уже в пятидесятых годах прошлого века никаких развалин храма на Фиоленте обнаружить не удалось, но последнюю аккуратно цитировали почти все путеводители по Крыму вплоть до двадцатых годов нашего века, и этому мы обязаны тем, что на карте окрестностей Севастополя между Крестовой скалой и оконечностью мыса Фиолент появился новый топоним (географический термин) – балка Дианы. Этот топоним нам должен быть особенно дорог – им мы обязаны великому поэту.

Во всех жизнеописаниях Пушкина сказано, что он вместе с Раевскими, неезжая в Севастополь, проехал в Бахчисарай (видимо, по Трактирному мосту через речку Чёрную у нынешнего села Штурмового и долиной Кара-Коба) и далее через Симферополь на Перекоп, где расстался со своими спутниками, и 21 сентября прибыл в Кишинев.

Однако, просматривая недавно «Известия Таврической учёной архивной комиссии», изданные в Симферополе в 1912 году, натолкнулся я на протокол заседания комиссии от 25 мая 1911 года, на котором было сделано совершенно сенсационное сообщение, которое не стало широко известно только потому, что эти «Известия» читал, да и сейчас читает только узкий круг специалистов – историков и археологов. На этом заседании председатель комиссии А. И. Маркевич сообщил, что им обнаружена в архиве канцелярии Таврического губернатора подорожная, выданная супруге генерала Н. Н. Раевского Софье Андреевне в Севастополе на двенадцать лошадей до Симферополя. Подорожная датирована 2 октября (14 по новому стилю) 1820 года!

Значит, Пушкин не только уехал из Крыма на двенадцать дней позже, но и был в Севастополе? К сожалению, последнее предположение следует отставить, так как есть свидетельство Екатерины Николаевны Раевской, дочери генерала, что Пушкин присоединился к ним только в Бахчисарае. Видимо, дамы отправились в Севастополь, чтобы заказать экипажи, а мужчины, и в том числе великий поэт, поехали из Георгиевского монастыря верхом в Бахчисарай⁹¹.

В настоящее время Байдарская долина и мыс Фиолент входят в административные границы нашего города. И нам, севастопольцам, можно гордиться тем, что посещение этих мест оставило заметный след в творчестве поэта.

⁹¹ В Георгиевский монастырь из Гурзуфа через Главную гряду Крымских гор отправились только мужчины: Пушкин, генерал Раевский и его сын Николай. Дамы же поехали в Бахчисарай через Симферополь, возможно, побывав и в Севастополе – *Ред.*

ЭТО БЫЛО В СЕВАСТОПОЛЕ

В 1880-1890 годах Севастополь интенсивно восстанавливали. Развитие капитализма в России и появление железной дороги Москва – Севастополь вызвали его бурный рост. Участки в центре дорожают, плотность застройки растёт. В 1891 году была введена в эксплуатацию городская телефонная станция ручного обслуживания ёмкостью 300 номеров. А в новый 1899 год Севастополь вошёл первым из городов Причерноморья весёлым звоном трамвая на улицах и ярким электрическим светом в окнах домов. Севастополь становится действительно красивым городом европейского уровня, в него начинают приезжать туристы осматривать севастопольские достопримечательности.

ПЕРВЫЙ ТРАМВАЙ⁹²

На территории троллейбусного управления, около музея предприятия, экспозиция которого рассказывает об истории развития электротранспорта Севастополя, стоит уменьшенная копия дореволюционного трамвая. Около него подолгу задерживаются посетители. Глядя на макет, мысленно переносишься в конец XIX века, когда в Севастополе появился первый трамвай. (Фото 68)

Договор на его строительство был заключён между городской думой и бельгийским акционерным обществом «Компания тяги и электричества» 16 (28) августа 1896 года. Первые пробные поездки были назначены на 1 (13) января 1899 года. Эта дата и считается до сих пор днём рождения севастопольского электротранспорта. Но выходившая в то время газета «Крымский вестник» в № 13 за 1900 год писала, что пробные поездки начались только 18 (30) января 1899 года. Следовательно, 30 января 1979 года электрическому транспорту нашего города исполняется восемьдесят лет. Открытие пассажирского движения состоялось 19 декабря 1899 года (1 января 1900 года).

- Однако «Крымский вестник» от 16 сентября 1898 года сообщает, что
- первый пробный рейс севастопольского трамвая состоялся 29 августа
- 1898 года. В этот день вагон летнего типа прошёл от железнодорожного

- вокзала по Екатерининской улице (ныне ул. Ленина) и Нахимовскому проспекту до разъезда в районе нынешней площади Лазарева и вернулся обратно.
- А 31 августа в присутствии директора правления компании и директора Управления трамвая была произведена официальная проба вагонов. 1 сентября линию и вагоны на Нахимовском проспекте осмотрел городской голова К. П. Мертваго совместно с членами управы. Повторный осмотр линии состоялся 11 сентября.

- «12 сентября состоялось открытие электрического трамвая, – сообщила газета. – Удивительная новинка привлекла массу не только пассажиров, но и любопытствующих зевак, полиции пришлось принимать меры к сохранению порядка... Деятельность электрического трамвая в Севастополе в первые дни движения, по участку от вокзала до Нахимовского проспекта, превзошла всякие ожидания. Количество пассажиров настолько велико, что места берутся чуть ли не с боя. Администрация трамвая вынуждена была распорядиться о прицепке запасных вагонов к главным вагонам, но и эта мера не удовлетворяет нужду в передвижении, особенно в праздничные дни. Население города не нахвалится удобствами и дешёвизною путешествия в вагонах трамвая, что даёт возможность, помимо деловых поездок, совершать приятные прогулки»⁹³.

Электростанция, вагонный парк и топливный склад размещались в Лабораторной балке. Там же через двенадцать лет (в 1913 году – Ред.) было построено административное здание, где находилось трамвайное управление. Здание, сооружённое по проекту архитектора В. А. Чистова, сохранилось до сих пор. В настоящее время в нём находится Севастопольское предприятие электрических сетей «Крымэнерго».

Известный советский специалист в области городского транспорта А. Е. Страментов в своей книге «Городской транспорт» указывает, что до Севастополя трамвайные линии были построены в Киеве, Казани, Нижнем Новгороде, Екатеринославле, Курске и Орле. Трамвай в нашем городе – седьмой в России. К 1917 году в Севастополе было всего 12 километров путей, парк состоял из 36 вагонов.

После Октябрьской революции наш трамвай получил значительное развитие. В 1926 году была построена одноколейная линия в Балаклаву. Она начиналась на площади Ушакова и проходила вдоль нынешнего проспекта Генерала Острякова. Её длина достигала почти 30 километров. В это же время рассматривался проект строительства трамвайной линии в Омегу, но осуществлён он не был.

- Балаклавская линия появилась на год раньше. Газета «Маяк Коммуны»
- 14 октября 1924 года восторженно сообщила: «Электричество вытесняет лошадь. Расстояние от Севастополя в Балаклаву вместо обычных двух с половиной часов будет покрыто трамваем за 50 минут... На будущее лето пройдёт наконец «спящая красавица» Балаклава и, благодаря трамваю, станет шумным пролетарским курортом». Официальное открытие состоялось

⁹² Слава Севастополя. 1979. 30 января. В соавторстве с В. Г. Шавшиным.

⁹³ Тархов С. А. Первый в Крыму: История трамвая и троллейбуса в Севастополе. Севастополь: НПЦ ЭКОСИ-Гидрофизика, 1998. С.13-45.

- 14 ноября 1924 года. Но строительные работы на линии до конца не были закончены, поэтому открытие регулярного движения перенесли на весну следующего года.
- И 2 мая 1925 года по Балаклавской линии был пущен один вагон. «Как и следовало ожидать, – писал «Маяк Коммуны», – трамвай на Балаклаву привлек большое число пассажиров. Места в вагоне буквально брались с бою. К сожалению, по некоторым техническим соображениям, по линии был пущен всего один вагон, что вызвало большое неудобство с ожиданием вагона. Приходилось ждать более полутора часа прихода вагона». Тем не менее, со 2 по 13 мая единственный вагон перевёз 3740 пассажиров. 17 мая был добавлен второй вагон, и время ожидания трамвая сократилось до получаса.
- А 26 июля на линию были поставлены прицепные вагоны.

Во время Великой Отечественной войны подвижной состав трамвайного парка был уничтожен, тяговые подстанции и другие сооружения разрушены. Потом линии демонтировали. В 1950 году на улицах города появились первые троллейбусы.

Е. Веникеев: «История яхтинга в Севастополе, как вида спорта в современном значении этого слова, начинается, в сущности, с 1886 года, времени сооружения здания яхт-клуба. Но задолго до этого в составе Черноморского флота числились различные яхты. Так назывались небольшие быстроходные суда, используемые высшим командным составом для служебных и личных надобностей. Как боевые корабли, они имели на борту пушки».

ЯХТИНГ В СЕВАСТОПОЛЕ⁹⁴

В 1830 году спущена на воду яхта «Резвая» (10 орудий), а через семь лет в Николаеве завершилось сооружение яхты «Орианда», тоже десятипушечной. Она была построена по проекту и под личным наблюдением главного командира Черноморского флота и портов Чёрного моря, известного русского мореплавателя и флотоводца вице-адмирала (впоследствии адмирала) М. П. Лазарева.

«Орианда» отличалась исключительной быстроходностью при крепком ветре и прекрасными мореходными качествами. Яхта обогнула Европу и пришла в Кронштадт, где приняла участие в парусных гонках. Она заняла в них первое место и тем же путем вернулась в Чёрное море.

Судя по сохранившимся изображениям, «Орианда» имела парусное вооружение тендера. Она числилась в составе Черноморского флота вплоть до 1859 года (то есть благополучно пережила Крымскую войну, когда был затоплен почти весь русский флот). В том же году её сдали на слом.

След в истории оставила и 160-тонная яхта «Ольвия» с парусным вооружением шхуны. Построенная также в Николаеве, в 40-х годах прошлого века, она

⁹⁴ Севастопольские ведомости. 1993. № 3.

принадлежала лейтенанту князю Виктору Ивановичу Барятинскому. Её экипаж, как и на других яхтах, состоял из «низших чинов» Черноморского флота. В их число в начале 50-х годов входил знаменитый впоследствии герой первой обороны Севастополя матрос (потом квартирмейстер) П. М. Кошка.

В. И. Барятинский известен своим интересом к археологии. Одним из первых (с 1841 года) он производил раскопки на территории Херсонеса Таврического, а около 1850 года совершил на «Ольвии» переход в Пирей, в Греции он занимался археологическим исследованием древних Афин.

В 1858 году спущена на воду первая на Чёрном море императорская яхта. Она называлась «Тигр» и кроме парусного вооружения имела мощную по тем временам паровую машину в 400 лошадиных сил. Царские яхты, построенные в последующие годы (начиная с «Ливадии», вступившей в строй в 1875 года), представляли собой пароходы значительных размеров и парусов не имели.

- В 2008 году были найдены фрагменты императорской яхты «Ливадия», потерпевшей катастрофу в 1878 году у мыса Тарханкут. Яхта в качестве вооружённого парохода была участницей русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
- Отличалась отличными мореходными качествами и скоростью. Однажды её более 18 часов преследовали два турецких броненосца. Яхта села на камни у мыса Тарханкут в тот момент, когда маяк на нём перестал светить на 15 минут – меняли фитиль. Экипаж покинул «Ливадию», но спасти судно не удалось; разыгравшийся шторм разбил корпус яхты.

Севастопольский яхт-клуб, как уже упоминалось, образовался в 1886 году и занимал первый этаж красивого дома на Приморском бульваре, построенного на месте взорванной в Крымскую войну каменной Николаевской батареи. Двухэтажное здание в псевдомавританском стиле было обращено к морю ажурными террасами, на втором этаже в нём размещался ресторан, над кровлей возвышались две декоративные башенки с балконами и куполами, увенчанными шпилями. (Фото 69)

Пристань яхт-клуба располагалась на оконечности Николаевского мыса, где ныне водная станция КЧФ. В книге Е. И. Иванова «Ривьера и Южный берег Крыма, их лечебные места и свойства», изданной в Петербурге в 1897 году, в главе, посвящённой Севастополю, читаем: «Яхт-клуб находился под покровительством великого князя Алексея Александровича. Имеет несколько собственных яхт, паровой катер, шлюпки и отдельную пристань. Приезжие любители моря могут баллотироваться временными членами, – 15 рублей в сезон (значительная сумма, рубль в день считался вполне приличной зарплатой рабочего – Е. В.) с правом пользования судами клуба, пристанью и прислужкой, однако, под ответственностью одного из постоянных членов». Ежегодно в течение летнего сезона клуб проводил четыре-пять парусных гонок.

В первые годы после революции яхтинг в Севастополе заглох. Здание клуба использовалось в качестве ресторана и клуба «Красный водник». Во время войны оно очень пострадало (сохранились только стены первого этажа), с 1945 года его приспособили под летний кинотеатр «Приморский», ныне он ремонтируется, но, к сожалению, не воссоздается в прежнем виде.

В 1933 году на оконечности Николаевского мыса построили здание Водной станции «Динамо». Она объединяла на своей территории занятия всеми видами водного спорта, включая яхтинг. Такая ситуация в Севастополе сохранялась до начала пятидесятых годов, когда яхт-клуб КЧФ обосновался на мысе Александровском, а городской – в Артиллерийской бухте.

Здание водной станции сохранилось до наших дней. Выполненное в стиле конструктивизма, оно имеет стилизованную форму корабля и в настоящее время объявлено памятником архитектуры.

Строительство мостов через севастопольские бухты имеет давнюю историю. Актуальна эта тема и сегодня. Е. Веникеев в своей статье, которая публикуется впервые, рассказывает о всех существовавших в городе мостах, как реальных, так и планируемых.

СЕВАСТОПОЛЬ. МОСТЫ ЧЕРЕЗ БУХТЫ

Севастопольская бухта с её ответвлениями, носящими самостоятельные названия, делит город на три части или «стороны»: Северную, Южную (она же Городская) и Корабельную. Эта географическая особенность, будучи весьма полезна с точки зрения базирования флота, очень затрудняет транспортные связи отдельных городских районов друг с другом. Особенно это сказалося во время первой обороны Севастополя, когда устройство связи по кратчайшему расстоянию между Южной и Корабельной сторонами, осаждённых неприятелем, диктовалось тактическими соображениями.

Первый севастопольский мост был устроен в 1854 году. Он, как и все последующие, был понтонным, наплавным, состоял из разнообразных вспомогательных судов с устройством сверху настилом в качестве проезжей части. Начинаясь он на берегу Южной бухты восточнее современной площади Суворова (впоследствии в этом месте устроили так называемую Царскую пристань) и кончался на противоположном берегу Южной бухты, под морскими казармами. (Фото 70)

Во время первой бомбардировки города 5 (17) октября 1854 года мост сильно пострадал от снарядов противника, в связи с чем соорудили новый – на плотах, просуществовавший до конца осады – 27 августа (8 сентября) 1855 года. Он находился ближе к устью бухты и соединял место современной Минной пристани с территорией адмиралтейства (ныне Морзавод). Первый из этих мостов имел длину около 210 метров, второй – около 330 метров.

Решение о строительстве нового моста было принято П. С. Нахимовым, о чём свидетельствует, в частности, запись в его памятной книжке (не датировано, но судя по соседним заметкам, относится к октябрю 1854 года): «Мост осмотреть и переговорить с Редкиным».

Следующим в хронологическом порядке следует считать мост через расположенную на Корабельной стороне Килен-бухту. Его построили, надо думать, в феврале 1855 года в связи с сооружением на Киленбалочных высотах (рай-

он улицы Жидилова – Ред.) передовых русских укреплений – Селенгинского, Волынского редутов и Забалканской батареи. Мост обеспечивал кратчайшее сообщение между ними и главной оборонительной линией и просуществовал до 26 мая (7 июня) 1855 года – дня падения передовых укреплений, захваченных французами. Он имел длину около 140 метров и был сооружён с помощью лодок.

Но наиболее известным из всех является, конечно, мост через Севастопольскую бухту или Большой рейд, как его называли в то время. Память о его сооружении, являвшемся крупным инженерным достижением даже по меркам нашего времени, увековечена памятником, воздвигнутым в месте, где он начинался – на Николаевском мысу.

Проект моста разработал начальник инженеров Крымской армии генерал А. Е. Бухмейер, был утверждён главнокомандующим князем М. Д. Горчаковым 23 июня (5 июля) 1855 года, к строительству приступили 15 (27) июля.

Мост начинался у правого закругления каменной Николаевской батареи на Южной стороне и оканчивался у башни Михайловского форта на Северной. Этот створ был выбран, как находящийся на равном расстоянии от вражеских батарей на Корабельной стороне и у Карантинной бухты. Кроме того, Городской (он же Центральный) холм прикрывал мост от выстрелов английских батарей на Зелёной (ныне Красная) горке. Расчёты оказались справедливы – ни один снаряд не попал в мост.

Его конструкцию подробно описывает Э. И. Тотлебен: «Мост предполагено устроить из 86 плотов, каждый из 13 брёвен, длиною в шесть сажень, расположенных с промежутками и выдвинутых концами попеременно то в одну, то в другую сторону так, что плоты получили восемь сажень длины и четыре сажени ширины. Каждый плот должен был удерживаться на месте двумя якорями... Лес был куплен в Херсоне и на других днепровских пристанях. Большая часть его была доставлена прямо в Севастополь на фурах... для вязки плотов (было назначено – Е. В.) 40 плотников из сапёр и 60 от пехоты, а для буксирования плотов – 100 матросов. 14 июля прибыл на Северную сторону первый транспорт леса и на другой же день был сплочён первый плот». Плоты стояли не в стык друг к другу, а с промежутком в одну сажень (около двух метров), перекрытым настилом проезжей части, шириной в две с половиной сажени (пять метров).

Мост был освящён и введён в эксплуатацию 15 (27) августа и существовал 12 дней. 27 августа (8 сентября) в 16 часов по нему начался переход русских войск с Южной стороны города на Северную. Рано утром на следующий день мост развели, притянув к северному берегу бухты. (Фото 71)

Относительно размеров моста существует некоторое противоречие. На планах того времени ширина бухты в этом месте определяется по масштабу в 860 метров, однако известный историк А. М. Зайончковский указывает его протяжённость в 470 сажень (940 м). Э. И. Тотлебен общую длину моста не указывает, но если принять, что плоты соединились длинными сторонами и учесть промежуток между ними в одну сажень, то протяжённость сооружения получается равной как раз 431 сажени или 862 метрам. Следовательно, мост имел двухстороннее движение: две проезжие части по пять метров каждая при общей ширине 16 м. Показатели впечатляют даже по современным масштабам!

- Однако первый в России военный корреспондент Н. В. Берг в своих воспоминаниях мост оценивает весьма сдержанно: «Я думал, как мы будем переправляться через мост, чуть не в версту, устроенный на судах и тендерах, посредством перекинутых досок. В двух местах, по неровности тендеров эти доски возвышались и понижались, и на них были прибиты поперечные планки, и всё это скрипело и качалось вместе с судами. С горы мост казался узенькой досчатой полоской, и не верилось, что по нему можно проехать на лошади. Спустившись ниже, я нашёл его также не слишком широким: три-четыре доски, и никаких перил».

В последующие годы мостов на Северную сторону не создавалось, но через Южную бухту он существовал. А. С. Пантюшенко (1904–1987) утверждал, что видел такой мост уже в 1913 году, но на планах того времени его нет. Возможно, ему изменила память. Но в 1920 году мост существовал, несомненно. Об этом говорит В. В. Шульгин, живший в Севастополе в конце лета того года. Возвращаясь на Корабельную сторону, он проходил «...по бесконечному понтонному мосту, переброшенному через бухту»⁹⁵. Как долго просуществовал мост – неизвестно. На плане 1926 года он уже отсутствует.

Больше мостов через севастопольские бухты не устраивали, за исключением Карантинной, через которую навели понтонный мост ещё в 40-х годах нашего века. Он находился в ведомстве военных. Его длина была около 120 метров.

Другие мосты через севастопольские бухты существовали только на стадии проектных предложений. В генеральном плане Севастополя, разработанном местным филиалом Гипрограда в 1963–1965 годах, намечено строительство двух крупных мостов: одного через Севастопольскую бухту на линии мыс Хрустальный – Радиогорка, длиной 1220 метров, другого, протяжением около 300 метров от площади Суворова на улицу Героев Севастополя у морских казарм для связи центра с Корабельной.

Е. В. Венিকেев в неопубликованной рукописи «Ахтиар – Севастополь» писал: «Несмотря на весь абсурд тогдашней жизни являлись вещи неожиданные и радующие. Таким было создание в 1923 году СМК – Севастопольского музея краеведения. Собственно, «музеем» это уникальное учреждение можно назвать весьма условно, ведь кроме хранилища экспонатов, СМК совмещал в себе учебное заведение и научно-исследовательское учреждение».

БОЛЬШИНСТВО ЭКСПОНАТОВ ПОГИБЛО⁹⁶

Археолог и историк Е. В. Веймарн («музеист первого призыва», как он называл себя) вспоминает: «Помещался музей в бывшей женской частной гимназии Ахновской. Дом стоял на Соборной площади в начале спуска, к северу от

Владимирского собора. На этом месте сейчас памятник В. И. Ленину. Здание было двухэтажное с третьим этажом-мезонином, где были три комнаты плюс небольшое тёмное помещение...».

О ранее забытом Севастопольском музее краеведения в последнее время уже писали (в частности «Таврические ведомости» в № 30 за прошлый год поместили интересную статью И. Вдовиченко), но до сих пор никто полностью не оценил уникальность этого явления. Судите сами: СМК был одновременно музеем с коллекциями, фондами, экспозицией и даже филиалом в селе Чоргунь (ныне Черноречье); научно-исследовательским учреждением (раскопки, разведки, составление и защита научных работ) и вечерним учебным заведением (преподавание, экзамены). А самое главное – всё это несло элементы увлекательной игры (иерархия, герб, знамя и проч.), что заставляло стремиться туда мальчиков и девочек 13–15 лет, а его руководителям давало возможность принимать желающих с большим разбором.

Новый набор проходил ежегодно в сентябре. Принимались ученики 5–7 классов, причем существовало нечто вроде приёмных экзаменов. Затем «музеисты» последовательно проходили следующие ступени: практикант, кандидат 1-й и 2-й категорий, сотрудник.

Последнее звание присваивалось после завершения исследований после утвержденной теме и чего-то вроде «защиты» на ежегодном собрании членов музея и их родителей. «Если сообщение получало положительный отзыв, – вспоминает «музеист» Л. С. Нодель, – ему (кандидату 2-й категории – Е. В.) присваивалось звание «сотрудника» с вручением нагрудного знака». Это обычно совпадало с окончанием школы.

Учебные занятия проводились в зимнее время по оригинальной программе, разработанной руководителями музея Павлом Петровичем (1882–1947) и Владимиром Петровичем (1885–1974) Бабенчиковыми (в создании СМК принимал участие и Юрий Петрович Твердохлебов⁹⁷). О её содержании может дать представление крылатое изречение старшего из братьев: «Краевед должен знать всё».

Летом наступал экспедиционный сезон. Отправлялись в походы по Гераклейскому полуострову, в Байдарскую долину, к Чёртовой лестнице, на мысы Айя и Сарыч, на Яйлу и Ай-Петри, к пещерным городам, по Южному берегу.

Представители СМК участвовали в 1-й (1926 г., Керчь) и 2-й (1927 г., Севастополь) археологических конференциях. Сообщение Б. В. Веймарна «Об археологической разведке Эски-Кермена», сделанное в Керчи, привлекло внимание известного археолога Н. И. Репникова. С 1928 года под его руководством силами «музеистов» начались регулярные раскопки этого средневекового поселения.

«Музеисты» занимались обработкой находок, устройством экспозиции, работой на опытном сельскохозяйственном участке, организацией передвижных выставок, с которыми ездили по сёлам пригородной зоны Севастополя, чтением лекций и экскурсионной работой.

⁹⁵ Шульгин В. В. Дни. 1920. – М., 1989. – С.471.

⁹⁶ Таврические ведомости. 1993. № 36.

⁹⁷ Твердохлебов Ю. П. был преподавателем естествознания, географии и физики в учебных заведениях Севастополя и фотографом-любителем, членом Русского фотографического общества – Ред.

Многие «сотрудники» музея стали известными учёными: искусствовед, академик Б. В. Веймарн, историки А. Н. Бернштам, Е. В. Веймарн, С. Ф. Стржелецкий, биолог О. В. Зеленский и др. Не все юноши и девушки, прошедшие через СМК, добились выдающегося положения в жизни, но никто из них не запятнал себя бесчестным поступком. (Фото 72)

Директор музея П. П. Бабенчиков был в 1930 году арестован за знакомство с академиком С. Ф. Платоновым, до 1936 года находился в тюрьме и ссылке.

История СМК связана с бывшей гимназией Ахновской до 1927 года, когда произошло известное Крымское землетрясение. Здание сильно пострадало. Его стены прорезали трещины. Причины разрушений, я полагаю, в старости и ветхости постройки, а также в том, что она находилась на краю склона, давшего при подземном толчке лёгкую подвижку.

Здание было признано аварийным, и вскоре его разобрали. Оно вполне заслуживает занесения в «Книгу рекордов Крыма» как единственный дом в Севастополе, погибший за весь XX век от, так сказать, естественной причины – другие уничтожены войной или снесены.

Что касается СМК, то его перевели в другое, значительно худшее помещение. «Для развертывания экспозиции, – пишет Л. С. Нодель, – выделили большой магазин под картинной галереей. Там была развёрнута сокращённая экспозиция и в таком виде она просуществовала до войны. Остальные экспонаты сложили в подвале Военно-исторического музея».

Большинство экспонатов музея погибло.

«Во время подготовки к 200-летию нашего города, – писал Е. В. Венিকেев в одной из своих статей, – я часто выступал с лекциями. Мои слушатели – молодые люди в возрасте 16-17 лет, задавали много вопросов, из которых я с удивлением выяснил, что они имеют очень смутное представление о времени присоединения Крыма к России, русско-турецких войнах, многие даже не помнили дат героической обороны Севастополя.

В ходе обсуждения проекта школьной реформы на страницах печати появлялись предложения о введении в последних классах различных факультативных (необязательных) дисциплин, занятия по которым учащиеся посещают по собственному выбору. Предлагались этика, эстетика и другие. Я хотел бы к этому списку присоединить и краеведение. Считаю, что без основательных знаний о месте, где он родился и вырос, молодой человек не сможет стать сознательным патриотом».

КНИГА РЕКОРДОВ КРЫМА

В 1992 году в газете «Таврические ведомости» под рубрикой «Книга рекордов Крыма» появилась серия коротеньких заметок. В них Е. В. Венিকেев выделял уникальные факты и объекты Крымского полуострова. Неудивительно, что большинство из них принадлежит Севастополю.

Город, самый большой по площади – Севастополь. Его площадь в административных границах (с пригородной зоной) – 77 тысяч гектаров, всего в два раза меньше Москвы.

Город, которому посвящено наибольшее количество книг и статей – Севастополь. В работе научного сотрудника Музея героической обороны и освобождения Севастополя С. В. Венюковой «Регистрационная библиография по истории Севастополя и Черноморского флота периода Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.» (Севастополь, 1966 г., рукопись), хранящейся в рукописном отделе Севастопольской Морской библиотеки, перечислено более четырёх тысяч наименований книг и статей. Но эта работа, посвящённая к тому же довольно узкой теме, далеко не полна как по русской литературе, так и из-за отсутствия в ней публикаций на иностранных языках.

А на английском, французском, немецком, итальянском и других языках издана масса книг о Севастополе. Мне, например, известны работы даже на испанском и японском. Думаю, не будет преувеличением сказать, что литература на эту тему (переводная или оригинальная) существует во всех странах мира. Поэтому мы можем смело увеличить приведённую С. В. Венюковой цифру по крайней мере на порядок. К сожалению, полной или даже приближающейся к ней библиографии книг и статей о Севастополе не существует. Да и едва ли найдётся человек, способный выполнить такой титанический труд.

Город, выдержавший наибольшее количество осад и нападений – Севастополь. Кроме знаменитых первой (1854–1855) и второй (1941–1942) оборон, его несколько раз осаждали в другое время. Первый раз это случилось в 1918 году. 16 января у города были замечены конные татарские разъезды. Севастопольский ревком приказал подготовить на всех кораблях флота вооружённые отряды.

Бои с наступавшими «эскадронцами» (так называли военные формирования крымского татарского правительства, созданные на базе Крымского конного полка) развернулись 24-25 января за Камышловский мост, у села Дуванкой, у железнодорожных станций Сюрень и Альма. Эскадронцы были разбиты. К концу месяца весь Крым оказался в руках большевиков.

21 апреля 1918 года к Севастополю подошли немецкие войска. Оборонительные бои на рубеже реки Альма продолжались неделю. 28 апреля матросские и красногвардейские части отступили в город и погрузились на корабли. Несколько дней длились переговоры в связи с «украинизацией» флота, наконец, 1 мая германские войска заняли город.

19 апреля 1919 года на подступах к Севастополю снова появились части Красной Армии. На этот раз его защищали 22 тысячи греков, сенегальцев и французов. Но особого желания сражаться они не проявляли. 17 апреля красные заняли Малахов курган. 19–20 на французских кораблях произошли волнения – экипажи требовали возвращения на родину. 1 мая союзная эскадра покинула гавань. В город вступили советские войска.

26 мая того же года они почти без сопротивления сдали Севастополь Добровольческой армии. А в 1920 году белые войска также не смогли организовать оборону и 15 ноября покинули город.

В середине апреля 1944 года к занятому немцами Севастополю подошли наступающие советские части. 7 мая начался штурм. 9-го город был взят, хотя сопротивление немецких войск продолжалось до 12 мая на мысе Херсонес.

Таким образом, в общей сложности за всю историю Севастополя на него нападали восемь раз, брали – семь.

Самое крупное артиллерийское орудие всех времён – железнодорожная пушка «Дора» (калибр 800 мм). Применена немецкими войсками при последней осаде Севастополя. Доставлена в 1942 году под Бахчисарай в ста вагонах. Ствол орудия имел длину порядка 50 м и весил 400 т (вся пушка – 1 350 т).

Первый выстрел был произведён 5 июня 1942 года в 5 час. 35 мин. Расстояние до цели в 25 км снаряд преодолел за 44,8 сек. Всего было выпущено 48 бронепробойных снарядов весом по 7 тонн каждый и пять фугасных. Один из первых оставил самую глубокую в мире воронку – 32 м. Вообще под Севастополем в 1941–1942 годах отмечено наиболее массивное применение немецкой артиллерии за всю Вторую мировую войну.

Победоносные морские сражения при наибольшем неравенстве сил

1. Бой брига «Меркурий» (20 орудий) 14 мая 1829 года с турецкими линейными кораблями «Селимее» (110 орудий) и «Реал-бей» (74 орудия). Продолжался три часа. Русскому кораблю удалось повредить рангоуты неприятеля и уйти, получив 22 пробоины корпуса.

2. Бой русского вооружённого (бывшего пассажирского) парохода «Веста» (главный калибр – пять шестидюймовых мортир, скорость – 11 узлов) 11 июля 1877 года с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд» (главный калибр – четыре девятидюймовых орудия в бронированных казематах, скорость – 14 узлов). В ходе пятчасового сражения меткий огонь русских артиллеристов вывел на «Фетхи-Буленде» из строя две пушки и взорвал котёл. Броненосец был вынужден прекратить преследование. После победоносного боя и «Меркурий», и «Веста» пришли в Севастополь.

Наибольшее число памятников на одном постаменте

Этот постамент находится на площади Нахимова в Севастополе. Он был сооружён в 1898 году, когда на нём поставили памятник адмиралу П. С. Нахимову. В 1928 году этот монумент, как водружённый «царскому адмиралу», снесли, а 7 ноября 1932 года там же открыли памятник В. И. Ленину. Во время войны немцы его уничтожили. В 1944 году, сразу же после освобождения города, на этот большой постамент установили маленький бюстик Ильича, что выглядело достаточно странно. В 1946 году его заменили полномасштабной фигурой «великого вождя».

В 1957 году тот же монумент показался недостаточно большим и был заменён той скульптурой, что и сейчас возвышается на вершине Центрального холма. А всё на том же многострадальном пьедестале в 1959 году открыли новый памятник – адмиралу Нахимову – пятый по счёту на одном месте. Уверен, что это мировой рекорд.

Самая большая бухта в Европейской части бывшего СССР – Севастопольская. Её протяжённость от входных мысов до устья реки Чёрной – восемь километров.

Наибольшее число бухт на одном участке побережья – в Севастополе. Кроме Севастопольской бухты, по её берегам и в непосредственной близос-

ти находятся: бухта Нахимова (ныне Матюшенко – *Ред.*), Старо-Северная, Северная (Перевозная), Инженерная, Голландия, Сухарная, Маячная, Нефтяная гавань, Килен-бухта, Корабельная, Южная, Артиллерийская, Александровская, Мартынова, Карантинная, Песчаная (Херсонесская, Шмидта), Стрелецкая, Круглая, Камышовая, Казачья, Солёная, Балаклавская⁹⁸.

Самое крупное подземное сооружение

Находится под Севастополем, строилось в 1979–1992 годах, как запасной командный пункт КЧФ (известен как «объект 221» в районе села Морозовка – *Ред.*). Расстояние между входами – более 600 м. Выполнено в виде нескольких подземных блоков, имеющих от двух до пяти ярусов и связанных между собой лестницами, переходами и подземными дорогами.

Первая железная дорога в Крыму

Дорога сооружена в 1843 году в Севастополе подрядчиком – отставным мичманом Волоховым. Длина около 1 км. Служила для транспортировки груза при строительстве Адмиралтейства на Корабельной стороне. Тяга – конная.

Первая железная дорога с паровой тягой построена англичанами во время осады Севастополя в 1854–1855 годах. Окончена в феврале 1855-го. Длина – 12,8 км. Протянулась от Балаклавы на Сапун-гору с веткой к итальянским позициям на горе Гасфорта. Строительство продолжалось семь недель.

Первая железная дорога с пассажирским движением – Лозово-Севастопольская. Окончена в 1875 году.

Город с наибольшим количеством кладбищ – Севастополь. Кроме античного некрополя Херсонеса Таврического и одиннадцати сохранившихся гражданских кладбищ (из них пять действующих, не считая сельских погостов, входящих в административную черту города), в Севастополе и его окрестностях имеются кладбища времён Крымской войны 1853–1856 годов: Братское (кроме него, было не менее двенадцати русских военных кладбищ, ныне уничтоженных), Еврейское, Французское, Английское, Итальянское (последние три основательно разрушены). От Великой Отечественной войны осталось 19 кладбищ и несколько десятков братских могил.

Город с наибольшим числом памятников истории и культуры – Севастополь. В нём взято на учёт около 1,5 тысячи памятников (в настоящее время уже более 2 тысяч – *Ред.*). Среди них ряд комплексных, каждый состоящий из сотен единиц. (Например, Братское кладбище первой обороны – около 600 единиц).

Наибольшее число памятников на душу населения. В Севастополе на начало прошлого года на официальном учёте находилось 1692 памятника истории, археологии и культуры («Слава Севастополя», 15 декабря 1992 г.). Причём сюда не включены памятники природы и за истёкший год в общий список наверняка включили ещё штук двадцать-тридцать (официальных данных ещё нет, но это надо всячески приветствовать). Население в городе перевалило за 400 тысяч. Думаю, что местная газета права, утверждая, что по количеству памятников на душу населения Севастополь занимает второе место в мире «после острова Пасхи».

⁹⁸ Перечислены не все бухты. Всего на этом участке побережья более 30 бухт – *Ред.*

Самый старый действующий корабль русского флота. Это судоподъёмное судно Черноморского флота «Коммуна». Оно двухкорпусное (катамаран), заложено в 1912 году, вступило в строй в 1918 году и исправно служит до сих пор. (Фото 73)

Проведённая недавно проверка не обнаружила даже коррозии корпуса, изготовленного из высокопрочной стали, полученной по специальной технологии. В. Ероносов в газете «Флаг Родины» (1993, 12 марта) сообщил о ряде рекордов, поставленных «Коммуной» (кроме факта столь длительного существования). Она может спустить груз весом в десять тонн на глубину 2000 метров, с её борта зафиксировали самую низкую точку Чёрного моря. Главный командный пункт корабля находится на высоте 23 метра над уровнем моря и при сильном волнении, когда крен судна может достигать 45 градусов (тоже рекордная цифра), он описывает дугу до 12 метров.

Единственные в мире круглые корабли, так называемые «поповки» (по имени изобретателя – вице-адмирала А. А. Попова) – броненосцы береговой обороны «Новгород» (1872 г.) и «Вице-адмирал Попов» (1875 г.). Они входили в состав Черноморского флота, разрезаны на металл в 1913 году. В 1880 году построена яхта «Ливадия», имевшая форму эллипса. До 1926 года она использовалась в Севастополе в качестве блокшива⁹⁹.

Крупнейший в истории корабль, на котором произошло восстание экипажа. Эскадренный броненосец «Князь Потёмкин Таврический». Водоизмещение – 12500 тонн, максимальная скорость 16 узлов / 29,6 км. в час. Вступил в строй Черноморского флота в 1904 году. Вооружён четырьмя 305-мм., шестнадцатью 152-мм. орудиями (имел также 24 пушки меньшего калибра и пять торпедных аппаратов). Численность экипажа – 763 «нижних чина и кондукторов». В момент восстания, кроме того, на борту находилось 23 рабочих. 12 (25) июня 1905 года корабль покинул Севастополь для производства артиллерийских испытаний. 15 (28) июня на стоянке у острова Тендра на «Потёмкине» произошёл мятеж революционно настроенного экипажа под предлогом недоброкачественной пищи.

Корабли с наибольшим числом переименований. В XX веке из-за изменяющихся идеологических и национальных «установок» корабли русского Черноморского флота не раз подвергались переименованиям. Но обычно их число не превышало трёх. Например, «Адмирал Лазарев» – «Гетман Петро Дорошенко» – «Красный Кавказ»; «Кубанец» – «Запорожец» – снова «Кубанец»; «Император Александр III» – «Воля» – «Генерал Алексеев» и т.д.

Но два корабля поставили рекорд – их переименовывали четыре раза! Эскадренный броненосец (после 1907 года – линейный корабль) «Князь Потёмкин Таврический» после произошедшего на нём восстания был в октябре 1905 года назван «Святым Пантелеймоном», в апреле 1917 года снова стал «Потёмкиным», а в мае того же года превратился в «Борца за свободу».

Крейсер «Очаков», спущенный на воду в 1902 году, участвовал в Севастопольском восстании (ноябрь 1905 года), был обстрелян и загорелся. После ремонта в 1907 году переименован в «Кагул», в апреле 1917 года ему

⁹⁹ Блокшив – старое судно, лишённое оборудования и механизмов, используемое в качестве склада или жилья.

вернули прежнее название. В Белом флоте носил имя «Генерал Корнилов» (с 1918 года) под которым и ушёл на место своей последней стоянки – в Бизерту (Северная Африка).

Самые мощные в СССР береговые батареи периода Великой Отечественной войны. Находились у Севастополя, носили номер 30 (на левом берегу реки Бельбек, неподалёку от её устья) и 35 (в районе мыса Херсонес). По мнению знатока вопроса А. Н. Лубянова, они «превосходили все имеющиеся в СССР береговые батареи».

Наиболее известна из-за происходивших здесь упорных боёв в 1941–1942 годах, 30-я батарея. Строилась в 1914–1934 годах, была вооружена четырьмя 305-мм орудиями, установленными в двух бронебашнях, каждая из которых находилась в отдельном железобетонном массиве. Орудия стреляли на 44 км, каждое весило 53 тонны при длине ствола 15, 8 м. Башни поворачивались на 360 градусов и весили по тысяче тонн при толщине брони от 200 мм (потолочное перекрытие до 3000 мм (боковая). Массивы состояли из трёх этажей, внутри располагалась масса помещений вплоть до автономной электростанции и клуба. Гарнизон насчитывал 300 человек.

Во время последнего штурма батареи немцы выставили против неё две мортиры типа «Карл» калибром 610 мм, стрелявшие снарядами длиной свыше двух метров и весом 2200 кг. Расчёт каждого орудия состоял из 109 человек. Неприятель добился двух попаданий в башни, из-за чего они вышли из строя. 17 июня 1942 года все внешние сооружения батареи были захвачены, но гарнизон отступил внутрь массива и продолжал сопротивляться ещё девять дней.

35-я батарея, вооружённая аналогично 30-й, из-за своего тылового положения относительно рубежей обороны не принимала в ней столь активного участия. В последние дни она служила опорным пунктом защитникам, оставившим город и отошедшим на мыс Херсонес. В начале июля 1942 года орудия батареи были подорваны.

- В 1950–1954 годах 30-я батарея была восстановлена и вновь вошла в строй как 459-й отдельный башенный дивизион. На месте прежних двухорудийных башен были установлены две башни с тремя 305-мм орудиями, снятые с пошедшего на слом линкора «Фрунзе» (бывший «Полтава»). В ходе раздела флота после распада СССР дивизион остался в составе ЧФ РФ как взвод консервации. В 2021 году легендарная батарея стала экскурсионным объектом, войдя в состав Военно-исторического музея фортификационных сооружений ФГАУ «УИСП» филиала в г. Севастополе Минобороны России.
- Также доступна для экскурсий и вторая бронебашенная батарея (музейный комплекс «35-я береговая батарея»).

Крупнейшая морская катастрофа за всю историю человечества (по числу жертв). 7 ноября 1941 года у Ялты затонул в результате налёта немецкой авиации теплоход «Армения». На нём были беженцы из Крыма, пациенты и врачи нескольких госпиталей. Спаслось только восемь человек. Погибло (по данным Музея морского флота в Одессе) около пяти тысяч.

Крупнейший пассажирский лайнер, когда-либо вошедший в порты Крыма. Американское судно «Юнайтед Стейтс». Вошло в Севастопольскую гавань с целью ремонта 2 ноября 1993 года. (Фото 74)

Длина корпуса – 301, 90 м, ширина – 30, 96 м., валовая вместимость – 53 322 регистровых тонны, пассажиро-вместимость (до ремонта) – 1962 человека. Судно спущено на воду в 1952 году в городе Ньюпорт (США), в первом же рейсе через Атлантический океан показало рекордную скорость – 36,17 узла, весь маршрут проделало за трое суток, десять часов и 40 минут, став последним, до сих пор не превзойдённым обладателем почётного приза – Голубой ленты Атлантики. «Юнайтед Стейтс» эксплуатировался на различных линиях как пассажирский лайнер до 1969 года. Из-за конкуренции самолётов стал нерентабельным, долго стоял на приколе.

Самый высокий маяк в Крыму и на территории бывшего СССР

Им является Восточный створный в Инкермане (Севастополь). Высота его огня над уровнем моря – 122 метра (на самом деле маяк находится на высоте 195,7 м над уровнем моря – Ред.).

Самое протяжённое здание

Это – Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище в Голландии (так называется балка на Северной стороне). Длина по фасаду – 393 метра, только на 14 метров короче здания Адмиралтейства в Санкт-Петербурге. Начато в 1915 году, окончено в 1960. Автор – архитектор А. А. Венсан.

Наибольшее число лестниц

По количеству лестниц рекордсменом среди городов Крыма, а возможно, и всего мира является Севастополь. Только таких, что заменяют улицы, в настоящее время (на 1992 год – Ред.) – 82 (не считая Инкермана, Балаклавы, Качи и других пригородов).

Самая высокая лестница в Крыму

Находится в Георгиевском монастыре у Балаклавы. Идёт с высоты около 200 метров до уровня моря.

Самый крупный античный театр на территории бывшего СССР

В Херсонесе обнаружен в 1954 году, автор раскопок – О. И. Домбровский. Сооружён в середине III века до н.э., существовал до IV века н.э. Сохранился не полностью. Вместимость – 2000–3200 зрителей.

Первый историк, живший на территории бывшего СССР – Сириск, сын Гераклита, херсонесит (III в. до н.э.).

«ВЗЫВАЮТ ПАВШИЕ К ЖИВЫМ...»

Погружение в историю Севастополя, восстановление памятников привело к тому, что Евгений Витальевич начинает принимать самое активное участие в работе Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (УООПИК). В 1979 году им была создана и возглавлена одна из самых многочисленных секций – Памятников градостроительства и архитектуры. Основными задачами деятельности секции стали разработка проектов реконструкции, проведение обмеров и составление паспортов памятников архитектуры. При его непосредственном руководстве силами членов Общества были составлены технические чертежи крепостей Каламита и Чембало, храма св. Николая на Братском кладбище, Башни ветров и Графской пристани.

С 1984 года, параллельно с занимаемой должностью в Обществе, Е. В. Веникеев возглавляет секцию Общественной инспекции, в задачи которой входит непосредственный контроль за охраной и использованием памятников города. Благодаря его бескомпромиссной гражданской позиции по любым фактам нарушения закона «Об охране памятников СССР» удалось сохранить десятки уникальных объектов культурного наследия Севастополя.

БЕРЕЧЬ ПАМЯТНИКИ ЗОДЧЕСТВА¹⁰⁰

Составной частью культурного наследия, играющего огромную роль в идейно-нравственном и эстетическом воспитании трудящихся, являются памятники архитектуры. Для Севастополя, дважды разрушенного на протяжении своей 200-летней истории, памятники архитектуры имеют особую ценность – они сохранились просто чудом.

В информации о памятниках архитектуры нуждаются широкие слои трудящихся, от этого зависит сохранность этих объектов.

Памятники архитектуры республиканского значения по существующим правилам должны иметь чугунные охранные доски (на многих они установлены), но памятникам местного (городского) значения таковые не положены, а о них должен знать каждый.

¹⁰⁰ Использованы публикации: Веникеев Е. В. Бережь памятники зодчества // Флаг Родины. 1986. 25 марта; Разрушим до основания, а затем... // Слава Севастополя. 1990. 8 августа.

Памятниками республиканского значения в Севастополе являются: Херсонес Таврический (памятник градостроительного искусства) с находящимся на его территории Владимирским собором, средневековые крепости Каламита в Инкермане и Чембало в Балаклаве, Чоргунская башня в с. Черноречье (16–17 вв.), Екатерининская миля на улице Челюскинцев (дорожный знак, сооружён в 1786 г.), акведуки в Ушаковой и Аполлоновой балках (19 в. – автор Д. Уптон), Петропавловская церковь на Центральном холме (архитектор В. А. Рулёв, 1844), Графская пристань (автор – Д. Уптон, 1846), Михайловская церковь на ул. Ленина (1848), Башня ветров на пл. Ленина (1849, часть сгоревшего в 1855 году здания Морской библиотеки), храм св. Николая на Братском кладбище (архитектор А. А. Авдеев, 1870).

В 1980 году севастопольский горисполком утвердил список памятников архитектуры местного значения, в который вошли: Константиновская и Михайловская батареи, Владимирский собор на Центральном холме, здание Музея КЧФ, здание Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг. и градостроительный комплекс Городского кольца. Под ним надо понимать все здания, сооружённые в 1949–1957 годах на улицах Ленина, Большой Морской, пр. Нахимова и площадях Ушакова, Суворова, Нахимова, Лазарева.

В 1985 году этот список был расширен. В него включены комплекс зданий бывших Лазаревских морских казарм на улице Героев Севастополя, комплекс Братского кладбища на Северной стороне, здание судостроительного техникума на пл. Нахимова (бывшая гостиница «Кист», построенная в XIX веке – *Ред.*) и т.д.

Началось издание многотомного «Свода памятников истории и культуры УССР». В настоящее время готовится том «Свода», относящийся к Севастополю. В него, кроме перечисленных, будет включён ещё ряд ценных в архитектурном отношении объектов.

Но не только здания характеризуют прекрасный облик города-героя. В список памятников архитектуры включены и лестницы, являющиеся характерной чертой Севастополя. Это Синопский и Таврический спуски, лестницы по улицам Воронина и Сергеева-Ценского.

В заключение несколько слов об отношении к старым зданиям. Даже не тех, которые являются памятниками архитектуры или время создания которых теряется в глубине веков, а рядовой, так называемой «фоновой» застройки. Они придают своеобразие городу, создают его неповторимый колорит, делают непохожим на другие. Особенное значение эти дома имеют для Севастополя, где их после войны осталось совсем немного. Представьте себе Севастополь, застроенный типовыми зданиями в современном крупноблочном и железобетонном стиле. Кошмарная перспектива!

Вот как о работе Е. В. Веникеева по охране памятников писал А. А. Соколов, соискатель Центра памятниковедения НАН Украины и УООПИК в статье «Евгений Веникеев – исследователь и защитник севастопольских памятников»: «В период «Перестройки», когда к делу охраны памятников активно стали подключаться различные коммерческие организации, Евгений Витальевич резко осудил подобные действия, считая недопустимым доверять дело сохранения культурного наследия частным лицам.

Такая позиция часто приводила к конфликту с руководством Севастопольской организации УООПИК и властями города. Так в 1991 году предметом подобного противоречия стало стремление ряда предпринимателей, без учёта мнений специалистов-реставраторов, взяться за восстановление Английского и Французского кладбищ времён Крымской войны, с целью дальнейшего использования памятников в туризме».

ПЕРВООЧЕРЕДНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ¹⁰¹

Количество памятников истории и культуры, приходящихся на душу населения Севастополя, едва ли не самое высокое в СССР. В этом году мне удалось побывать во многих городах страны. Больно признаться, но получается, что отношение к памятникам в нашем городе хуже, чем в других. Судите сами: ещё в 1957 году было объявлено, что Севастополь полностью восстановлен. Но часть города, значительная не по площади, а по своей ценности, разрушена до сих пор – это памятники.

Не восстановлены монументы на местах Инкерманского и Балаклавского сражений (в настоящее время эти памятники восстановлены – *Ред.*), памятники Камчатскому люнету, Вольнскому и Селенгинскому редутам, Забалканской батарее, батарее Грибок. Нет мемориальных ротонд на 1-ом и 5-ом бастионах, в развалинах Владимирский собор в Херсонесе (сегодня восстановлен – *Ред.*), Максимова дача; никак не окончится реставрация Братского кладбища и Владимирского собора на Центральном холме (ныне восстановлен – *Ред.*) и т.д.

Кроме того, за последние годы в Севастополе безжалостно снесён ряд объектов, имеющих большую историческую ценность. Это дом народовольца М. Н. Тригоны в Балаклаве, Михайловское, английское, итальянское и французское кладбища, дом на улице Сергеева-Ценского, где в начале XX века жил К. Г. Паустовский.

- *Е. В. Веникеев имеет в виду дом контр-адмирала М. Н. Коландса. Он находился на Центральном холме напротив 110-й военной поликлиники (бывшая ул. Садовая, 12) на пересечении улиц Сергеева-Ценского и Терещенко. Был снесён в 1980-х годах. (Фото 75)*
- *Старожилы говорили, что в нём был очень красивый двор с фонтанами и цветниками. Сам дом был одноэтажным, зато имел большие венецианские окна. К. Г. Паустовский жил в нём две недели зимой 1922 года. Вот как он об этом писал в повести «Чёрное море»: «Дом, где находилась школа, принадлежал адмиральше Коланс. Эта решительная высокая и хромая старуха, ходившая с кочергой вместо палки, спаслась от выселения тем, что отдала под школу свой особняк. Сама она жила с сыном – бывшим мичманом – во флигеле во дворе. Ко мне адмиральша благоволила, потому что считала меня моряком, скрывающим своё звание».*

Неудивительно, что такая вакханалия уничтожения дала свои плоды. Ими явилось моральное растрепывание части севастопольской молодёжи, которая росла,

¹⁰¹ Публикуется впервые.

наблюдая поспрание народного прошлого. В результате – варварское разрушение памятника 8-й бригады морской пехоты на высоте Азис-Оба, регулярное уничтожение монументов на Братском кладбище.

Посмотрим для сравнения на другие районы нашей страны. На Соловецких островах, на краю света, восстанавливается огромный комплекс монастыря-крепости. Во Пскове и Новгороде воссозданы Кремли, реставрируются десятки весьма крупных зданий. В Калининграде восстановлена лютеранская церковь, разрушенная во время войны до цоколя (там сейчас зал органной музыки), а поражающий своими размерами Кафедральный собор хотя и не реставрирован, но качественно законсервирован. В Архангельске тщательно реставрируются деревянные жилые дома, восстановлено английское кладбище.

Где же выход? Прежде всего – прекратить сооружение за государственный счёт новых памятников до полного восстановления старых. Уже есть решение о реставрации Покровского собора, памятников 2-й гвардейской и 8-й воздушной армий, форта № 2 («Литер А-5»), но к этому списку следует добавить монументы и объекты, которые перечислены выше. Кстати сказать, решение о запрещении строительства новых монументов было принято партией и правительством ещё лет десять тому назад. Но с тех пор в городе-герое появились: «Триумфальная арка», памятный знак (таково его официальное название) авиаторам-черноморцам высотой 32 метра, памятник А. С. Пушкину, А. В. Суворову, Ф. Ф. Ушакову и многие другие. Этот процесс продолжается – воздвигается огромный монумент в честь обороны 1941–1942 гг. на Хрустальном мысу, стоящий около восьми миллионов рублей.

Прошу понять меня правильно – я не против этих памятников (хотя последний мог быть подешевле, да и его художественная ценность вызывает сомнения), но сначала следовало восстановить те, что уничтожены во время войны и в послевоенные годы. Многие из них, правда, воссоздать уже нельзя, но надо как можно скорее поставить на их месте (это относится к кладбищам) хотя бы скромные мемориальные обозначения, где перечислить фамилии погребённых (многие из них известны) и разбить скверы. И уж во всяком случае, не застраивать эти участки. Нельзя допустить, чтобы повторилась история Михайловского кладбища на Северной стороне.

Строительство жилых домов на его территории началось в 1973 году. Пошли письма в различные инстанции, их игнорировали. Вот выдержка из письма, направленного в 1983 году группой старожиллов Северной стороны в «Славу Севастополя» (не напечатано): «...со скорбью приходится смотреть... как бульдозерами давят черепа защитников города 1854–1855 годов и... 1941–1942 годов».

В 1987 году благодаря вмешательству писателя Н. А. Черкашина и работника Севастопольского горкома КПУ С. А. Целовальника было произведено перезахоронение останков (того, что осталось) матросов миноносца «Лейтенант Пущин», погибших в 1914 году в бою с немецким крейсером «Гебен». Но до сих пор посреди грязной стройплощадки стоит памятник на могиле поручика А. Есиповича, погибшего в 1855 году на Камчатском льонете, и контр-адмирала Галанина, командира линкора «Евстафий».

Ещё в 1971 году проектом реставрации Братского кладбища 1854–1855 гг. было предусмотрено перенесение на его территорию праха майора М. Ф. Полешко и полковника К. С. Фрейнда с полностью разрушенного Сонного кладбища (пер-

вый погиб в Чернореченском сражении 4 августа 1855 года, второй – при последнем штурме Малахова кургана). Это не сделано.

- Сонное, или Горчаковское кладбище находится в Бельбекской долине недалеко от посёлка Заря Свободы. Во время Крымской войны вблизи от него располагался подвижной военно-временный госпиталь № 3. По мнению историка В. Г. Шавшина, на кладбище было захоронено около 70 офицеров и нижних чинов. В настоящее время некрополь заброшен. Надгробия М. Ф. Полешко и К. С. Фрейнда так и не были перенесены на Братское кладбище и в настоящее время утрачены. Интересно, что на Братском кладбище есть памятник К. С. Фрейнду, но он считается кенотафом.

Все кладбища города находятся в ведении Управления коммунального хозяйства горисполкома, оно и должно осуществлять перезахоронения. И делать это надо не так, как раньше, когда переносили только надгробия, а по всем правилам и с отдаванием воинских почестей, положенных тем, кто погиб, защищая Отчизну.

«Взывают павшие к живым...» назвал свою статью о равнодушном отношении к судьбе старорусского кладбища в Симферополе журналист Г. Ананичев («Крымская правда», 6 января 1988 г.). Прекрасно сказано! Мёртвые беззащитны – дело совести живых сохранить их могилы, спасти имена от забвения. Не будем подавать плохой пример последующим поколениям. Как мы относимся к могилам предков, так потомки будут относиться к нашим. Если мы будем сносить памятники прошлых веков, то люди XXI столетия получат полное право сделать то же самое по отношению к монументам, воздвигнутым в наши дни.

Для оказания методической помощи первичным организациям Общества охраны памятников истории и культуры в 1981 году Е. В. Веникеев разработал и внедрил «Рекомендации по текущему уходу за памятниками истории и культуры». В них кратко излагались основные положения законов СССР и УССР об охране памятников, перечислялись наиболее типичные недостатки, встречающиеся при уходе за ними, а также давались практические рекомендации по производству ремонтных работ. Это издание приводится ниже. Знакомство с этой методичкой навеивает грусть: современные реставраторы памятников не выполняют и половины необходимых требований.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ТЕКУЩЕМУ УХОДУ ЗА ПАМЯТНИКАМИ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

29 октября 1976 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», что свидетельствует об огромной заботе партии и правительства о сохранении всенародного достояния – культурных ценностей.

Задачу законодательства СССР в этой области Закон определяет так: обеспечение сохранности памятников для будущих поколений, создание наиболее бла-

гоприятных условий для их использования, научного изучения и пропаганды в интересах коммунистического и патриотического воспитания советского народа.

Закон об охране памятников дал чёткое определение понятие памятника: «Памятниками истории и культуры являются сооружения, памятные места и предметы, связанные с историческими событиями в жизни народа, развитием общества и государства, произведения материального и духовного творчества, представляющие историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» (статья 1).

Настоящие рекомендации распространяются только на памятники недвижимые – мемориальные доски, мемориальные обозначения, монументы, здания и сооружения или их фрагменты.

Являясь материальными предметами, памятники подвержены разрушающему влиянию времени, получают повреждения от небрежного с ними обращения, в результате стихийных бедствий и войн. С целью обеспечения сохранности памятников рекомендуется:

Текущий ремонт памятника и уход за ним (поддержание памятника в существующем виде без его исследования).

Консервация – цикл инженерно-технических мероприятий по укреплению конструкций, устройству покрытий от дождя и др., имеющих целью предупреждение дальнейших разрушений и укрепление памятника без изменения его общего физического объёма.

Реставрация – ремонтные работы с ограниченным восстановлением отдельных деталей, если для этого имеются бесспорные данные на самом памятнике или достоверные иконографические материалы (рисунки, чертеж, фотографии).

Восстановление – сооружение полностью разрушенного памятника на старом фундаменте, при этом выявление художественных достоинств памятника происходит только частично, в условной форме, т.к. при таких условиях создать точную копию оригинального произведения невозможно. Происходит, так сказать, создание макета в натуральную величину.

Приспособление (только для памятников архитектуры) – комплекс мероприятий, направленных на приспособление памятника для современного использования.

Все перечисленные мероприятия, кроме первого и последнего, выполняются специализированными научно-реставрационными организациями по проектам, разработанным квалифицированными специалистами. Уход за памятниками и мелкий текущий ремонт их обычно выполняется на общественных началах активистами Общества охраны памятников истории и культуры – коллективами предприятий и организаций, закреплённых решением горисполкома за тем или иным памятником.

Исключение составляют памятники археологии, текущий уход и ремонт которых осуществляют специалисты – археологи.

Следует также учитывать, что каждый памятник имеет охранную зону, простирающуюся на расстояние 50 м от ограждения участка или границы памятника. В этой зоне запрещена всякая застройка, но её благоустройство – важная задача для организаций, осуществляющих уход за памятником.

Уход за памятниками и их текущий ремонт осуществляют в Севастополе следующие организации:

Памятники археологии – Херсонесский историко-археологический заповедник.

Памятники архитектуры, приспособленные для современного использования – организации-арендаторы на основании охранно-арендных договоров.

Прочие виды памятников – различные организации и предприятия на основании охранных или шефских обязательств.

Работы по текущему ремонту и уходу за памятниками должны иметь основной целью сохранение памятника в том виде, в каком он был принят под охрану. Их следует производить не от случая к случаю и не приурочивать к какому-нибудь событию (праздники, смотры памятников и т.д.), а регулярно, по мере надобности.

Эти работы разделяются на два вида:

Работы, выполняемые непосредственно с памятником.

Работы, выполняемые в охранной зоне.

Ниже приводится примерный перечень мероприятий, из которых нужно выбрать одно или несколько, в зависимости от типа, материала и состояния объекта:

По памятнику:

Зачистка. Поверхности из гранита, диорита, мрамора, лабродорита, мраморовидного известняка и из твёрдого камня других пород следует только мыть и зачищать. В случае, если эти памятники были покрашены или побелены раньше, то слой окраски или побелки следует осторожно удалить.

Окраска или побелка. Допускается в отдельных случаях, если памятник сооружён из недолговечных материалов (бутовый камень, бетон, инкерманский известняк и др.) и был покрашен или побелен первоначально. Запрещается его побелка другими оттенками или окраска в другой цвет.

Очистка. От ржавчины металлических частей с последующей покраской в первоначальном цвете.

То же относится и к ограждениям памятников.

Запрещается счищать «благородную» патину (зеленоватый налёт) с изделий из бронзы, её следует сохранить как защитный слой. Зато следует бороться с вредной «дикой» патиной в виде ярко-зелёных пятен, появляющихся при повышенной влажности. Она разрушает скульптуру.

Мелкий ремонт с заменой отдельных незначительных деталей, утраченных уже после принятия памятника под охрану. Предусматривает бетонирование трещин и повреждённых мест, заделку выбоин, восстановление отбитых углов мемориальных досок, установку на место выпавших камней и т.п. Разрешается при условии, что приведённые работы не исказят первоначальный вид памятника.

Реставрация полустёртых надписей или повреждённых букв, цифр и знаков, высеченных в текстах на памятниках. Поручается специалистам.

Запрещается окраска букв и цифр, высеченных в камне масляными красками.

Надписи, выполненные сусальным золотом, нельзя подновлять с использованием других покрасочных материалов.

Работы по текущему ремонту памятника архитектуры, приспособленного под современное использование (ремонт кровли, инженерного оборудования, зачистка фасадов и проч.) должны выполняться по мере надобности, но при условии обязательного сохранения первоначального облика памятника.

По охранной зоне:

Выпалывание сорных трав и растений.

Регулярный уход за зелёными насаждениями (обрезка деревьев и кустарников, полив, борьба с вредителями, внесение удобрений и т.д.).

Текущий ремонт элементов благоустройства (дорожных покрытий, бордюров, подпорных стен, лестниц, оград, скамеек, урн и проч.).

Благоустройство территории охранной зоны (устройство оград, дорожек, подпорных стен, посадка деревьев, кустарников, устройство цветников и травяных газонов, установка скамей, урн и других малых архитектурных форм). Разрешается только при условии наличия проекта (хотя бы эскизного, в виде схемы), согласованного с Управлением культуры горисполкома, с ландшафтным архитектором города, главным художником города и правлением Общества охраны памятников истории и культуры. Разработку проекта следует поручить специалистам: архитектору и инженеру-дендрологу.

В случае, если осмотр памятника затруднён разросшимися деревьями и кустарниками, высаженными ранее без учёта возможности восприятия памятника, допускается расчистка зарослей и, в исключительных случаях, пересадка или вырубка некоторых деревьев или кустарников при условии непременно согласования этих работ с вышеперечисленными организациями.

Запрещается вывешивать, так называемые «шефские доски» (таблицы с наименованием организации, ведущей шефство за тем или иным памятником) на главном фасаде памятника, так как это искажает первоначальный вид памятника и отвлекает внимание посетителей от непосредственного восприятия объекта.

В дни советских праздников и годовщин памятных событий не следует возлагать на памятники венки из искусственных цветов. Уровень их изготовления и эстетические качества невысоки, кроме того, венки закрывают памятник, искажают его облик и мешают его обзору.

К подножиям памятников следует возлагать только живые цветы, которые после увядания необходимо своевременно убрать, заменить другими.

Уход за памятниками и текущий ремонт их – это благородный долг и обязанность каждого советского гражданина, каждого члена Общества охраны памятников истории и культуры.

Постоянный и добросовестный уход за памятниками поможет сохранить их для последующих поколений.

Вот несколько примеров работы Е. В. Веникеева в Обществе по охране памятников истории и культуры как председателя городской общественной инспекции¹⁰².

15 июня 1983 года он пишет заведующей отделом охраны памятников музея героической обороны и освобождения Севастополя А. Т. Щиголовой: «Я получил письмо от жителей Северной стороны, в котором они справедливо возмущаются уничтожением Михайловского кладбища, которое застраивается. Так

¹⁰² АГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 91, 92.

как сохранившиеся там могилы участника Крымской войны А. Есиповича и матросов с миноносца «Лейтенант Пушин» не включены в список памятников Севастополя (о чём я в своё время ходатайствовал), то прошу Вас обратиться в Горисполком с просьбой о перезахоронении останков А. Есиповича на Братское кладбище, а матросов с «Пушина» (они погибли в Первую мировую войну) на городское с перенесением памятников»¹⁰³.

18 февраля 1985 года Е. В. Веникеев вновь пишет А. Т. Щиголовой, но по другому вопросу: «На старом городском кладбище, у западного входа, находится могила, на которой установлена рубка подводной лодки старинного образца. Здесь похоронены моряки с подводной лодки «Камбала», погибшей во время манёвров 29 мая (по ст. ст.) 1909 г. неподалёку Севастополя. Учитывая, что это одна из первых подводных лодок Черноморского флота, а рубка, установленная на могиле, является уникальным музейным экспонатом (возможно, единственным в нашей стране, сохранившимся с того времени), прошу Вас рассмотреть вопрос о возможности включения памятника в список памятников истории г. Севастополя»¹⁰⁴.

6 июня 1985 года Е. В. Веникеев отправляет запрос заместителю председателя Севастопольского отделения УООПИК Н. Н. Васину: «Памятник археологии – пещерный монастырь (средневековый монастырь св. Софии – *Ред.*) на левом берегу р. Чёрной (у станции Инкерман-1) находится в очень плохом состоянии по вине жителей расположенных рядом двух домов. В помещении монастыря устроены сараи, пещерный храм (один из крупнейших в Крыму) превращён в свалку мусора. Прошу вас обратить внимание исполкома г. Белокаменска (ныне г. Инкерман – *Ред.*) на печальное состояние памятника и потребовать от него наведения порядка и наказания виновных».

Под особым контролем у Евгения Витальевича было Братское кладбище. 29 июня 1987 года он пишет заместителю председателя УООПИК: «Во время обследования Братского кладбища 22 июня 1987 г. мною обнаружено следующее:

У входа на кладбище ВОВ на главной аллее вблизи храма, на боковой аллее у памятника Э. И. Тотлебену собраны кучи веток, бумаг и проч. мусора, способного загореться в любую минуту.

Вдоль западной ограды Братского кладбища уже год стоят засохшие деревья (пострадали от пожаров прошлым летом).

По-прежнему не вывозится строительный мусор.

Не восстановлены братские могилы, реставрированные в 1971–1973 гг. и снова разрушенные.

При реставрации не углубляются надписи эпитафий, которые уже читаются с трудом, и не всегда возобновляются номера на памятниках.

До сих пор не исправлена ошибка, допущенная при реставрации памятника И. Пржецлавскому (написано, «Чезеславский»))»¹⁰⁵.

¹⁰³ Только в 1988 году надгробие А. Г. Есиповича и памятник с братской могилы моряков эскадренного миноносца «Лейтенант Пушин» были перенесены на Братское кладбище, но без перезахоронения останков. – *Ред.*

¹⁰⁴ Включён в список памятников Севастополя. – *Ред.*

¹⁰⁵ Эта ошибка объясняется тем, что при реставрации памятника информация о погребённом отсутствовала. К сожалению, эта неточность не устранена до сих пор – *Ред.*

ЗАКОН НЕИЗБЕЖНОГО ВОЗМЕЗДИЯ

Как любой талантливый человек Е. В. Веникеев был сложной и противоречивой натурой. Вот как писал о нём его близкий друг В. А. Дмитриев: «Он был настоящим русским патриотом. Вместе с тем, мягкий по натуре Евгений Витальевич становился жёстко непримиримым по отношению к тем, кто позволял себе оскорбительные выпады в адрес русской культуры, русской истории...».

Публицистические статьи Е. В. Веникеева на темы, которые в 80–90-е годы прошлого столетия волновали жителей бывшего СССР, были всегда актуальными, а порой весьма резкими и неудобными для властей.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ¹⁰⁶

Мы изменяем окружающую среду и одновременно рубим сук, на котором сидим. Пора бы и одуматься, начать хотя бы разговор о путях улучшения положения (или как принято говорить, «о мерах борьбы за сохранение природы» – привыкли за всё бороться), чтобы разобраться, почему дошли до жизни такой. Выяснить это попробую на примере Севастополя, причём считаю, что наш город, при всей его специфичности, отражает процессы, происходящие и в других регионах страны.

Постараюсь быть объективным, хотя сделать мне это нелегко, потому что я родился в Севастополе, здесь похоронены мой дед (до 1933 года, когда его репрессировали, был начальником горфинотдела Севастопольского горсовета), бабушка, мать. Здесь родина, которую я люблю и которой меня дважды пытались лишить; первый раз в 1942 году – немцы, а второй в 1983 году – городское начальство, сделавшее меня безработным и пресекавшее телефонными звонками все мои попытки устроиться на работу.

В книгах, которые мне удалось напечатать, я пытаюсь отразить неведомые или малоизвестные черты любимого города: его архитектуру (а она великолепная, особенно в центре), ландшафты окрестностей, отличающиеся изумительной красотой и редкой изысканностью, топонимику, уходящую в глубину веков, незатасканные моменты нашей биографии.

¹⁰⁶ Набат. 1991. № 1. Приводится с сокращениями.

Именно в своих книгах, в частности в «Севастопольских маршрутах», изданных «Таврией» в 1988 году, мне следовало бы рассказать о преступлении против природы, свидетелями и жертвами которых мы все являемся. Но рукопись создавалась в 1985 году, а тогда это было невозможно. Например, книгу В. Терехова «За перевалом перевал», выпущенную тем же издательством в 1986 году, постигла печальная судьба: по распоряжению Гослитиздата УССР её уничтожили. Пустили под нож 25-тысячный тираж! За что? А за то, что (цитирую по памяти) «автор изобразил трудящихся, приезжающих в Крым для отдыха и лечения, врагами природы, уничтожающими окружающую среду».

Вот о трудящихся и поговорим. Природное окружение страдает, в основном, от промышленной деятельности человека. Данное правило – вселенское, но во всем мире прогресс вызван причинами экологическими и социальными, а в нашей стране (с 1917 года) – главным образом идеологическими.

Планы развития промышленности намечают непрерывное увеличение производства и, следовательно, появление новых рабочих рук, а последние требуют новых рабочих мест и дальнейшего развития заводов и фабрик. Порочный круг. Но человеку ещё нужно жилье – и дома растекаются по лицу земли, уничтожая поля, леса и виноградники, его благосостояние растёт – и появляются автомобили, накрывая смогом улицы и площади.

В Севастополе нет «строек века» (кроме рудника Гасфорт – крупнейшего объекта 11-й пятилетки на Украине), нет самого большого в мире завода, мощнейшей электростанции. Но даже без излишнего пускания пыли в глаза «проклятым капиталистам» мы имеем то, что имеем.

Впрочем, всё по порядку.

Год 1914-й. Число жителей (с Балаклавой) – 102 тыс. человек. Единственное крупное предприятие – Морской завод (судоремонт, судостроение), есть мастерские для обслуживания флота, порта, железной дороги. Всё остальное – мелкие объекты пищевой промышленности (типа хлебозавода) и коммунально-бытового назначения (прачечные).

Революция, гражданская война, первые пятилетки. В 1920 году в Севастополе только 74 тыс. человек. Возрождается Черноморский флот, начинает расширяться Морской завод, наконец, появляются «гиганты» – рудоуправление им. А. М. Горького (1933 г.) чуть ли не единственное в стране предприятие по переработке флюсовых известняков (о нём поговорим ниже) и крупнейшая в Крыму электростанция (1937 г.).

В 1941 году население города составляет уже 114 тыс. человек.

Дальнейшая судьба Севастополя – образец варварского отношения к природе и человеку. Если бы принятая в довоенные годы концепция развития Севастополя (главная база флота, музей под открытым небом) сохранилась, то демографического взрыва могло не произойти. Но нам навязали (а мы, надо сказать, с энтузиазмом приняли) третий критерий – впервые в генеральном плане 1963 года появилось: «Севастополь – крупнейший промышленный центр Юга Украины». И пошло-поехало. Приборостроительная (а что это значит – один бог ведает) промышленность, радио-, рыбная и рыбоперерабатывающая, строительных материалов. Промзона № 1, промзона № 2,

промзона в Камышовой, на Северной, на Корабельной... Население 200... 300... 400 тысяч человек.

Но это, сами понимаете, далеко не конец. Снежный ком катится по склону, превращаясь в лавину. Не это ли главная причина нашего экологического бедствия?

Теперь поговорим о проблемах, так сказать, психологических. В нашем обществе существует привитая с детства почти каждому индивиду стойкая привычка к разрушению и уничтожению. Началось с официально не утверждённого, но повсеместно проводимого на практике правила, что «история начинается с 17-го года».

Разрушение начали с церквей и прочих памятников «буржуазной культуры». Но какое это имеет отношение к природе, спросит читатель. Вспомним определение термина «экология человека»: это раздел биологии, изучающей влияние окружающей среды на человека и человека – на среду. Храмы и монументы – элементы окружающей среды, и их уничтожение вызвало цепную реакцию в психике человека, разрушило сдерживающее начало: то, что считалось священным, теперь подлежало поруганию.

Сносили (или не восстанавливали после войны) дореволюционные здания, памятники героическим событиям, победоносным сражениям, «царским» генералам и адмиралам. Дошла очередь и до кладбищ. Собственно, уничтожение монументов на могилах «классовых врагов» началось сразу же после революции. Причём из своеобразного рыцарства («мы с бабами не воюем») сносили только мужские монументы.

Доказательства? Пожалуйста. На старом севастопольском кладбище (по ул. Пожарова) сохранилось много фамильных склепов. При погребении, как правило, поступали так: усопшего вносили в склеп, а сверху на перекрытии ставили небольшой обелиск с его именем и датами жизни. В склепе Уптонов погребён их родоначальник – инженер-полковник Иван Иванович Уптон, автор проекта и строитель Графской пристани, севастопольских акведуков и других памятников архитектуры города. Так вот обелиск с его именем уничтожен, оставлены надгробия его снохи и внука.

- Это предположение Е. В. Веникеева ошибочно. Исследователь старого городского кладбища О. И. Малиновская считает, что Иван Иванович (Джон) Уптон, умерший в 1851 году, вероятно, был похоронен в другом месте и его могилу уже не найти (во время Крымской войны кладбище сильно пострадало).
- Также утрачена могила и Елизаветы Уптоны (скончалась в 1850 году), жены сына Джона Уптона Томаса. Склеп, о котором пишет Е. В. Веникеев был сооружён уже после войны. В нём захоронены Мария Уптон (умерла в 1888 году) жена Самуила Уптона, ещё одного сына Джона Уптона, бывшего одно время главным архитектором Севастополя, и её сын Дмитрий Самуилович Уптон (умер в 1904 году). Он так же, как и все Уптоны, был архитектором и военным строителем. В Севастополе имел двухэтажный каменный дом (ул. Екатерининская, 74) и хутор на 4-й версте Балаклавского шоссе.

То же самое со склепом Максимова: памятник городскому главе А. А. Максиму снесён, а надгробия детей, умерших в младенчестве, целы. Список мож-

но продолжить. В 1920 году в Севастополь доставили тело скончавшегося в Ялте знаменитого ученого, археолога и нумизмата генерала Александра Львовича Бертье-Делагарда. Его погребли в фамильном склепе (род Бертье-Делагардов жил в Севастополе, по меньшей мере, с начала прошлого века), но памятник поставить не успели – вскоре в городе установилась Советская власть¹⁰⁷. Известно, что на кладбище похоронены отец и дядя учёного – их памятники также снесены. Даже сам склеп не удалось обнаружить, потому что надпись «склеп Бертье-Делагардов», очевидно находилась на накладной мраморной доске, а такие уничтожались все подряд¹⁰⁸.

Недавно я читал неизданные воспоминания В. К. Ретлинга, автора мемориала П. П. Шмидту и другим руководителям восстания на крейсере «Очаков» (кладбище Коммунаров). Он пишет, что для сооружения монумента, оконченного в 1935 году, использовали строительные материалы от памятника, установленного на могиле «классового врага» капитана 1-го ранга Голикова, командира «Потёмкина», убитого во время восстания на броненосце.

Уже много написано о варварском уничтожении Михайловского кладбища. Сносили его открыто и, если можно так выразиться, гордо. Прочитав потрясающий документ – письмо группы жителей Северной стороны, направленное в 1983 году в «Славу Севастополя» (в то время напечатать его, конечно, было совершенно невозможно): «со скорбью приходится смотреть... как бульдозером давят черепа защитников города 1854–55 и 1941–42 гг.»

Наши идеологи, надо думать, весьма благосклонно взирали на эти акты вандализма, видя в них проявление «здорового классового чутья». Но «трудящийся» вошёл во вкус разрушений, и скоро выяснилось, что ему решительно всё равно, что крушить. Начав с могил царских офицеров, он взялся за памятники на братских захоронениях советских солдат, павших в 1941–1942 годах, предельно поджогу реликтовых лесов, вырубке деревьев.

Самое печальное, что и сейчас, когда пагубность подобной политики, казалось бы, стала всем ясна, она по инерции продолжается. Причина проста: отношение к памятникам истории и природы изменилось только теоретически.

Херсонесский историко-археологический заповедник неоднократно обращался в прокуратуру по поводу сноса памятников археологии, в том числе и Страбонова Херсонеса, отданного морякам на растерзание под дачные участки. Ни одного дела возбуждено не было.

В Симферополе живёт и работает в институте «Укрпроектреставрация» искусствовед В. Н. Гуркович. В своё время он тоже «не вписывался в систему», был уволен из областного краеведческого музея, несколько лет водил гру-

¹⁰⁷ Достоверных сведений о захоронении в Севастополе в 1920 г. Александра Львовича Бертье-Делагарда нет – Ред.

¹⁰⁸ О. И. Малиновская полагает, что склепа Бертье-Делагардов на кладбище могло и не быть. Согласно её данным, здесь были похоронены семь представителей этого семейства, поэтому, возможно, для них был отведён специальный семейный участок. Сам А. Л. Бертье-Делагард отмечал, что могил предков на севастопольском кладбище после Крымской войны ему найти не удалось. Что касается памятников конца XIX – начала XX в., которых немало сохранилось на кладбище, идентифицировать их не представляется возможным из-за отсутствия плит с эпитафиями – Ред.

зовик. Ныне он сопредседатель Крымского отделения общества «Мемориал». Имя этого человека должно войти в историю – ему первому удалось (в газете «Московские новости») опубликовать статью, сообщавшую о сносе французского, английского и итальянского кладбищ.

Но В. Н. Гуркович пошёл дальше: заставил (а сопротивление было отчаянным) Севастопольский горисполком заказать проекты реставрации этих памятников (правда, за них горисполком так и не заплатил, к счастью, это сделал облисполком). Но и это не всё, он написал заявление в прокуратуру, требования расследования, предания суду и наказания виновных.

Как нетрудно догадаться, заявление оставили без последствий. А ведь уничтожение надгробий – вопиющее нарушение не только действующего законодательства, но и нравственности. Я не юрист, но точно знаю, что наказание за осквернение могил полагается. Во всяком случае, когда на Востряковском кладбище в Москве два заезжих хулигана, напившись, принялись разрушать и осквернять еврейские могилы, о чём сообщали центральные газеты, преступников немедленно отыскали и осудили, оштрафовав на несколько тысяч рублей в возмещение ущерба и направив на какой-то срок в места не столь отдалённые. Выходит, если захотеть, то законы можно отыскать и прекрасно их использовать.

И это следует делать. Потому что сегодня, когда уже не действуют моральные сдерживающие факторы, остановить разрушение окружающей среды (не государством, не промышленностью, а отдельными «трудящимися») можно только мерами принуждения, страхом неизбежного наказания. Мне могут возразить, что обнаружить, мол, виновных в уничтожении кладбищ, в экологических преступлениях трудно. Не спорю. Но заниматься надо.

Я этим занимался, поэтому могу кое-что рассказать. К примеру, о бессмысленном сносе с лица земли английского кладбища. Его территория в начале восьмидесятых годов была передана в распоряжение садоводческого товарищества «Сапун-гора». Решение принимал Нахимовский райисполком. Совершалось это с невероятным, чудовищным цинизмом: вокруг, чуть ли не до горизонта, расстилаются свободные земли, а под коллективные сады надо было выделить именно кладбище! Земля здесь, разумеется, плодородная – удобрена прахом десятков тысяч английских солдат, к тому же перепахана, так что поднимать целину и сражаться с нашей каменистой почвой уже не надо. А теперь задумаемся: какое представление о добре и зле может быть у людей, хладнокровно выбрасывающих кости из ям под деревья, стаскивающих трактором со своего места памятник генералу Д. Кеткарту (до сих пор валяется в степи за оградой участка), именем которого названо само это место (оно именуется Кеткартов холм), давно известное всему миру!

- Позже в одной из статей Е. В. Веникеев писал: «После войны разбитое кладбище принялись растаскивать на стройматериалы, а в начале 80-х годов решением Нахимовского райисполкома его территория (там ещё сохранились фундаменты строений, фрагменты памятников, растительности) отвели садоводческому кооперативу «Сапун-гора». В настоящее время кладбище полностью занято дачами и садами, сохранилась только часть плиты с

- могилы Д. Кеткарта. Стащеная со своего места, она лежала в степи, пока в целях сохранения не была привезена сотрудниками Севастопольского филиала КрымНИИпроекта к стенам своего института.
- Незастроенную часть бывшего кладбища попытались восстановить.
- 27 октября 1991 года по просьбе англичан на вершине Кеткартова холма был открыт памятный знак с текстами на английском и русском языках. А в 1992 году началось строительство мемориального комплекса. Была возведена его первая очередь, включавшая обелиск высотой восемь метров и ограду, на которой размещались чугунные доски с названиями сражавшихся здесь полков.
- Но наспех сооружённый из некачественных материалов, мемориал быстро пришёл в запустение. Не помогла и его частичная реконструкция, выполненная английским архитектором. Уже позже приняли решение возвести памятник британским воинам (архитектор Ю. П. Олейник, 2004 г.) в районе посёлка Дергачи и к нему перенести оставшиеся надгробия (в том числе и сохранившуюся могильную плиту генерала Кеткарта). Что и было сделано. (Фото 76)

В 1983 году в сердце заповедника «Батилиман» был сооружён большой многоэтажный пансионат «Мыс Айя», принадлежащий Министерству автомобильных дорог СССР. При строительстве здания, благоустройстве территории и прокладке многокилометровой подъездной дороги уничтожены сотни реликтовых сосен, древовидных можжевельников и других ценнейших растений. Природе этого места, которую иначе, как «уникальной», не называют, нанесён невосполнимый урон. В отличие от других подобных деяний, это оказалось настолько вопиющим, что привлекло всеобщее внимание. Появились негодующие статьи в журналах и газетах. И что же? А ничего. Никто не наказан, виновных не нашли. А ведь это так просто было сделать.

В сентябре прошлого года «Слава Севастополя» опубликовала документ большой разоблачительной силы (правда, автор его об этом и не догадывается). Я имею в виду письмо главного инженера Балаклавского рудоуправления И. Ткачука, протестующего против попыток севастопольцев, которых – цитирую – «к сожалению, поддерживают некоторые депутаты», остановить уничтожение рудоуправлением горы Гасфорт, на которой, кстати, расположено итальянское кладбище.

Я прекрасно понимаю И. Ткачука и других работников предприятия: остаться перед перспективой лишиться работы – очень неприятное дело (сам три месяца ходил в безработных).

- Об этом эпизоде в своей жизни Е. В. Веникеев рассказал в отклике на статью Н. Черненко «Второе «покорение Крыма» («Архитектура», 15.04.1989 г.): «Моя собственная судьба являет ещё один пример того, как в КрымНИИпроекте расправляются с неудобными людьми. Я был начальником отдела генерального плана в Севастопольском филиале института, которым в то время руководил В. Фуклев. Когда его назначили главным архитектором области, то мой отдел расформировали. Я пробовал протестовать, но в 1983 году меня уволили «по сокращению штатов». Ходил без работы три месяца, причём все попытки устроиться по специальности пресекались телефонными звонками. К счастью, я в молодости приобрёл профессию топо-

- графа, что и позволило найти работу и избежать приговора за тунеядство,
- который уже готовился. В результате ликвидации отдела, увольнения его
- сотрудников, генеральный план Севастополя на срок до 2000 года, разрабо-
- танный нами в 1975 году, был утверждён только через десять лет».

Повторяю, я вполне им сочувствую, но то, что И. Ткачук публично протестует и яростно борется за сохранение на горе рудничного комплекса – в высшей мере безнравственно. Что же это получается: люди уничтожают природу и отстаивают свое право так поступать? До чего низок уровень нравственности общества, если люди, превратившие курортный район в лунный пейзаж, публично требуют признания и награды!

В 1991 году строительство рудника было приостановлено. После детальной экологической экспертизы проект разработки горы Гасфорт был признан неэкономичным и неудовлетворительным. Но БРУ продолжало битву за рудник. И добилось разрешения Кабинета министров Украины на завершение строительства с выдачей уже в 1997 году продукции.

- *И тогда восстали учёные и общественность. Главным противником рудника «Гасфорт» был В. Ю. Супруненко, в 1997 году начальник управления водных ресурсов и мелиорации. Он неоднократно обращался в самые высокие инстанции в Киеве. Подобный карьер на горе Агармыш в г. Старый Крым привёл не только к разрушению ландшафта, но и к лишению города водоснабжения. При строительстве рудника «Гасфорт», подъездных путей, водосистемы и т.п. было уничтожено 80 гектаров можжевельного леса, обезображена половина горы напротив Гасфорта, испорчен прекрасный живописный пейзаж с горным лесом и озером.*
- *В итоге распоряжением Севгорадминистрации от 13.11.1995 г. строительство рудника «Гасфорт» было запрещено. Часть его территории была отнесена к землям историко-культурного назначения и подлежала рекультивации (осуществлена не была). С 1995 года на объекте проводились байк-шоу мотоклуба «Ночные волки».*

В декабре 1926 года поэт Максимилиан Волошин, размышляя об исторических судьбах Крыма, написал злые и, в общем-то, несправедливые по тем временам строки:

*Простор столетий был для жизни тесен.
Покамест мы – Россия – не пришли...
Свели леса, размыкали руины,
Расхитили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли,
По скатам выкорчеваны сады,
Народ ушёл. Источники иссякли,
Нет в море рыб. В фонтанах нет воды.*

Тогда это было почти клеветой. Теперь стало почти правдой...

Е. Веникеев: «29 февраля этого года в Севастополе состоялась торжественная и пышная церемония с участием духовенства, командующего флотом и мэра города. Четыре гроба, покрытые андреевскими флагами, плыли на руках офицеров, под грохот салюта они обошли на военном корабле строй эскадры и, наконец, были водружены в склепе Владимирского собора. Это мероприятие широко освещалось в местной прессе и на телевидении, показывалось и по центральным программам. Официально оно называлось: «Перезахоронение праха адмиралов Лазарева, Корнилова, Нахимова и Истомина».

ВОКРУГ ПРАХА¹⁰⁹

Город был сбит с толку: ведь каждому севастопольцу с самого нежного возраста известно, что знаменитые адмиралы изначально покоились во Владимирском соборе (М. П. Лазарев умер в 1851 году, В. А. Корнилов погиб в 1854, В. И. Истомин и П. С. Нахимов – в 1855-м), их имена выбиты на его стенах. И вдруг – перезахоронение! Откуда? Выходит, они были похоронены где-то в другом месте? Тогда где же?

На массу вопросов нет ответов. Что думают люди – наплевать. Вернее, лучше им сообщить поменьше фактов, а то ещё что-нибудь подумают.

Хотя особой секретности-то и не было: многое, касающееся «перезахоронения», публиковалось в прессе ещё несколько месяцев назад. Но некоторые об этом забыли; другие просто не смогли свести воедино разрозненную информацию. Отсюда недоумение, кривотолки. А почему бы вовремя не сообщить, скажем, следующее.

16 октября 1991 года в «Известиях» написали, что в 1931 году при передаче здания Осоавиахиму склеп адмиралов был взломан и их останки выброшены (это произошло позже, в 1933 году – Ред.). А 14 ноября прошлого года в «Славе Севастополя» рассказано о работе комиссии, обследовавшей склеп.

- *Из рассказа директора Музея героической обороны и освобождения Севастополя Ю. И. Мазепова: «Несмотря на то, что восстановительные работы в соборе идут с 1974 года, центральный склеп, где были захоронены знаменитые флотоводцы, не вскрывали. Все, кто были в нижнем храме, видели детали гранитного креста в центре зала, знаменующего сам склеп и погребения под ним. Для продолжения реставрационных работ потребовалось убедиться в надёжности несущей конструкции (свода) и цементного основания. В то же время возникли сомнения в целостности захоронений – ведь известно, что могилы адмиралов не раз подвергались глумлениям и мародерству... Поэтому, решили вскрыть захоронения. Увиденное потрясло всю достаточно авторитетную комиссию. Склеп-усыпальница был засыпан мусором, заполнен водой. Две недели расчищали завалы. Позднее шесть КамаАЗов, загруженных доверху, вывезли хлам из склепа. Чего там только не было! Смесь ракушечника с обломками камня, куски разбитых мраморных плит, бутылки, кастрюли, всевозможный мусор, свидетельствующий о пребывании в соборе мастерских «Осоавиахима», остатки более поздних по времени предметов периода войны и т.д.*

¹⁰⁹ Южный курьер. 1992. 28 марта.

- При расчистке склепа на разных уровнях был обнаружен костный материал. Зафиксировать положение незначительных костных остатков оказалось невозможным, они были перемешаны с землей, с частями полусгнивших досок от гробов. Члены комиссии составили акт вскрытия. Сделали фотографии всего найденного. Приложили описание находок, обнаруженных во время раскопок...». Руководство музея принимает решение – отправить антропологический материал (кости – 70 фрагментов) в Ленинград для антропологического исследования и проведения научной экспертизы. Отправили действительно в коробке из-под фруктов (другой тары, видимо, не нашлось)¹¹⁰.

Кости зачем-то отправили в Санкт-Петербург «на экспертизу» (единственный вопрос, на который она могла ответить, – не принадлежат ли они животным). Там останки где-то и пребывали, пока в дело не вмешалась центральная пресса. И вот – торжественное «перезахоронение», с практически пустыми гробами. Опять пускание пыли в глаза, опять обман!

Конечно, восстановить надгробие, очистить склеп, положить эти кости в гроб, наконец, было необходимо, но зачем втирать людям очки, уверять, что происходит какое-то «перезахоронение» – вот чего я не понимаю! Чтобы в очередной раз замазать преступления советской власти? Выходит, так.

Но при всей шумихе, поднятой вокруг собора, почему-то тщательно замалчивается одно обстоятельство. Дело в том, что в нём, в нижнем храме святого Николая, кроме перечисленных адмиралов, погребены ещё не менее двадцати (!) высших офицеров русского флота. Их могилы располагались по периметру, вдоль стен храма, и были тоже уничтожены. Над ними лежали прямоугольные плиты с именами погребённых и датами смерти. Таких захоронений, судя по плану 1888 года, было 18, но с тех пор их количество, конечно, увеличилось.

В 1906 году в соборе был похоронен командующий Черноморским флотом Г. П. Чухнин, убитый революционерами. Естественно, прах такой одиозной личности большевики никак не могли оставить в покое! Из других погребённых упомянем адмирала Ивана Алексеевича Шестакова (1820–1888), боевого офицера и государственного деятеля. Он автор «Люции Чёрного моря», строил знаменитый винтовой фрегат «Генерал-адмирал», «тип которого был последним словом морского искусства того времени», возрождал Черноморский флот. Там же лежал прах контр-адмирала Петра Александровича Карпова, умершего в 1869 году. В 1855 году он командовал 4-м отделением оборонительной линии Севастополя, в которую входил знаменитый Малахов курган. Вице-адмирал Сергей Петрович Тыртов, главный командир Черноморского флота и портов Чёрного моря, также погребён здесь вместе с братьями Михаилом и Павлом Александровичами Перелешинскими. Первый из них во время обороны был начальником артиллерии 4-го отделения оборонительной линии, а затем командовал 3-м отделением, тяжело ранен (умер в 1857 году в чине капитана первого ранга). Его брат, также участник обороны, дослужился до полного адмирала, стал генерал-адъютантом, членом адмиралтейств-совета. До 1975 года в Севастополе сохранялась Перелешинская улица (позже переименована).

¹¹⁰ Юрздицкая Е. Г. Владимирский собор: трагедия истории и горькое послевкусие сенсации // Слава Севастополя. 1991. 14 ноября.

Праха погребённых в соборе нет, он уничтожен. Но восстановить надгробные плиты мы обязаны, включая и ту, под которой лежал Г. П. Чухнин. В конце концов, подавляя восстание 1905 года на Черноморском флоте, он просто выполнял свой долг. Делал то, к чему его обязывала присяга.

- Могилы адмиралов были уничтожены ещё в довоенное время. Сегодня память о них, как того и хотел Е. В. Веникеев, восстановлена. Согласно данным Музея героической обороны и освобождения Севастополя, с 1869 по 1920 годы в соборе были упокоены девять высших чинов Российского флота. В нижнем храме установлены надгробные плиты с их именами: контр-адмирал П. А. Карпов, последний командир Малахова кургана; генерал-адъютант И. А. Шестаков, управляющий Морским министерством; адмирал П. А. Перелешин, первый градоначальник Севастополя и почётный гражданин города; Главные командиры Черноморского флота и портов адмирал С. П. Тыртов и вице-адмирал Г. П. Чухнин; участники обороны Севастополя адмиралы В. П. Шмидт (родной дядя П. П. Шмидта), И. М. Диков и вице-адмирал И. И. Дефабр; вице-адмирал М. П. Саблин, командующий Черноморским флотом в 1920 году у барона П. Н. Врангеля.

Иначе опять получится, что в нашей истории сохраняются персонажи первого сорта, признанные официальной идеологией (в данном случае – Лазарев, Корнилов, Истомина, Нахимов), второго – все остальные и третьего – преданные вечному проклятию борцы с революцией. О каком восстановлении исторической памяти, о каком национальном примирении тогда можно говорить?

Еженедельная газета «Русский вестник» (учредитель – Российское Общество по сотрудничеству с соотечественниками за рубежом) начала издаваться в Москве с января 1991 года и очень быстро завоевала большую популярность у читателя. Её специальным корреспондентом в Севастополе стал Е. В. Веникеев.

«Эта газета, – говорил он в интервью, – единственная, или, во всяком случае, первая, решившаяся поместить в своё название прилагательное «русский». Главная цель газеты – способствовать возрождению русского народа. Ведь ни для кого не секрет, что «жёлтая пресса» делает вид, будто нашего народа вовсе не существует – он, мол, выродился, превратился в какой-то неопределённый конгломерат без национального характера, религии, культуры. Повсеместно избегают применять термин «русский народ», подменяя его оскорбительным выражением «русскоязычное население». А в названии периодических изданий слово «русский» упорно заменяют на «российский». И публикации Евгения Витальевича в полной мере соответствовали этому главному направлению газеты.

КРЫМ, НОВОРОССИЯ, УКРАИНА¹¹¹

С незапамятных времён, как утверждают некоторые историки, южнорусские степи являлись местом кочевья различных народов. Это было Дикое поле, где

¹¹¹ Русский вестник. 1992. № 16. Статья подписана Е. Ильин (первоначальная фамилия отца).

царствовало право сильного. Ещё в 1740-х годах огромное пространство от нынешней Одессы до Азовского моря лежало необитаемым.

По мере продвижения рубежей Русского государства к югу в этих местах появились первые поселения. В них селились выходцы из Сербии, Венгрии, а также болгары и молдаване. Первые русские административные единицы именовались Новая Сербия, к западу от Днепра, и Славяно-Сербия, к востоку до Области Войска Донского. В дальнейшем заселение осуществлялось как выходцами из России и Малороссии, так и колонистами различных национальностей.

В 1764 году создаётся Новороссийская губерния, которая с 1774 года именовалась Новороссийским краем. Его генерал-губернатором тогда был светлейший князь Г. А. Потёмкин. В 1783 году к Новороссии – её к тому времени переименовали в Екатеринославское наместничество – присоединяется Крымское ханство, из которого образовали Таврическую область. По Ясскому договору (1791 г.) территория края увеличилась на Очаковскую область, приняв, в основном, современные очертания.

Новороссийский край никогда не имел отношения к Малороссии (Украине) и всегда от неё административно отделялся. Так, Павел I, переименовав Екатеринославское наместничество снова в Новороссию, одновременно исключил из неё северные районы, ранее относившиеся к Малороссии, и установил чёткую границу.

В начале XIX века край включал в себя Одесское, Таганрогское, Керчь-Еникальское, Феодосийское градоначальства, Херсонскую и Таврическую губернии.

Последняя образовалась в 1802 году, к началу XX века включала в себя Бердянский, Днепровский, Мелитопольский, Евпаторийский, Перекопский, Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский уезды и Севастопольское градоначальство.

В 1896 году сюда добавилась Черноморская губерния с центром в Новороссийске, и в таком виде Новороссийский край существовал до 7 (20) ноября 1917 года, когда в Киеве была провозглашена Украинская Народная республика в составе России, отторгнувшей большую часть Новороссии, за исключением Таврической губернии. 11 (24) января 1918 года УНР объявила себя независимой, а 17-го заключила мирный договор с Германией. 26 марта последняя признала, что в состав Украины входит также часть бывшей Таврической губернии, но без Крыма. Он в соответствии с Брестским миром, заключённым 3 марта 1918 года, признавался **неотъемлемой частью России** (выделено в оригинале – *Ред.*).

18 апреля 1918 года германские войска овладели Перекопом и вторглись в Крым. Ранее организованная здесь марионеточная советская республика Таврида пала. В захвате полуострова участвовали и украинские части, которые первыми вступили в Симферополь. Немецкое командование решительно отвергло притязания Украины на Крым, впрочем, как и потуги татар на восстановление Крымского ханства. В Симферополе было сформировано русское правительство генерала Сулькевича.

В 1921 году в составе РСФСР была учреждена Крымская автономная республика. Она занимала только территорию полуострова, а всей Новороссией В. И. Ленин щедро одарил Украину.

В 1945 году вновь учреждается Крымская область, которую Н. С. Хрущёв в 1954 году, по случаю 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией, подарил УССР. Тогда этот акт не вызвал больших разговоров, попробуй поговори! Кроме того, передача имела для жителей полуострова чисто формальное значение: какая разница, где было жить – в РСФСР или УССР?

Ситуация изменилась с так называемой «перестройкой». Украина объявила свой язык единственным государственным, на что Крым ответил восстановлением автономии (пока в составе Украины). А теперь в республике возобладали самостийные, сепаратистские настроения, очень беспокоящие крымчан.

Анализируя их, можно найти причины такого отношения. Во-первых, правительство России постоянно предаёт интересы своих соотечественников, живущих в границах бывших союзных республик. Никто из власть предержащих не помогает русским в Прибалтике, Средней Азии, на Кавказе, в Молдавии. Зачем же, рассуждают многие в Крыму, нам желать единения с матерью, предающей своих детей?

Во-вторых, широко поставленная агитация. Накануне 1 декабря повсюду расклеивались, бросались в почтовые ящики листовки, где перечислялось, сколько продовольственных товаров на душу населения производит Украина и как будет хорошо, когда она перестанет их вывозить в Россию. Обещалось сплошное изобилие. О том, что республика ввозит почти всю нефть, газ, лес и многие промышленные товары из России, естественно, листовки умалчивали.

В-третьих, население, особенно в Севастополе, было терроризировано злоеющими слухами: если проголосуешь против, украинские националисты перекроют газопроводы, прекратят подачу электроэнергии и воды из Днепра, устроят не только голод, но и новый Карабах.

В-четвертых, до последнего времени в Крыму нет пока насильственного обучения в школах украинскому языку, все вывески – на русском. «Рух» малочислен и ведёт себя сравнительно тихо. В настоящее время единственной чертой, свидетельствующей о нашей принадлежности Украине, служат только деловые бумаги, приходящие из Киева на украинском языке. А отвечать можно и на русском.

Наконец, ходят упорные слухи, что результаты референдума могли быть фальсифицированы. Всякий независимый контроль за ходом опроса отсутствовал. Можно было голосовать вместо кого угодно, имея только паспорт этого человека. Ровно половина из достигших соответствующего возраста голосовать не ходила. «Мы русские, – говорили они, – это не наше дело».

- 1 декабря 1991 года состоялся Всеукраинский референдум в подтверждение Акта провозглашения независимости Украины от 24 августа 1991 года.
- В нём приняло участие 84% электората, и 90% проголосовали за независимость Украины. Но в Крыму и Севастополе цифры были гораздо ниже среднеукраинских. Так в автономной республике явка составила 67,5%, а проголосовавших «за» – 54,2. Примерно также голосовал и Севастополь: 63,7% и 57% соответственно.

В декабре 1991 года состоялось собрание Республиканского движения Крыма. Присутствующие единогласно решили бороться за проведение референдума об отмене акта 1954 года. События развиваются. Как на этот раз проголосят Крым – во многом зависит от России.

Е. Веникеев: «Русские люди в Крыму и во всём мире должны помнить и помнить одно – наше дело на полуострове будет жить только при возрождении Великой и Неделимой России. А сейчас мы можем только повторить за А. Л. Бертье-Делагардом: «Предает нас Русь, забывая о лучшей жемчужине своей державы: быть может, придётся нам покинуть могилы отцов и дедов, но будем не скажу надеяться, ибо надежда исчезла из сердец наших, а верить, что когда-либо настанут иные времена и вновь заблестит в русском понимании наша родная Таврида».

БУРНЫЙ ЯНВАРЬ В СЕВАСТОПОЛЕ¹¹²

Не знаю, как столицы, но провинция к Новому году всегда ждёт повышения цен. Иногда она ошибается – чтобы обмануть «надежды» подданных власти проводят эту операцию чуть позже. Но в 1992 году всё произошло по классической схеме – 26 декабря правительство Украины объявило об очередном повышении цен на услуги и товары народного потребления.

Причём простым повышением или даже «скачком» это назвать трудно. Цены на предметы первой необходимости повысились в 4–5 раз. Соотношение уровней жизни с Россией (которую, по уверениям националистов, до времён «незалежности» кормила несчастная Украина) демонстрирует соотношение их валют. «Деревянный», презираемый истинными демократами, рубль, стоит сейчас около трёх купонов-карбованцев самостийной валюты, ласково именуемой туземцами «кравчуками» (по фамилии первого президента Украины Л. М. Кравчука – *Ред.*). Так и живём: за один рубль – два с половиной-три «кравчука», причём спрос во много раз превышает предложение.

Уже несколько раз объявляли о скором введении настоящей полноценной украинской валюты – гривны, но каждый раз к назначенному сроку стыдливо об этом забывали. Хватало здравого смысла понять, что инфляция расправится с «полноценной гривной» так же, как и с «неполноценным кравчуком».

Каждому жителю незалежной становится понятно, что без России она существовать не в состоянии. Всем, кроме, ясное дело, «верхов».

7 декабря Россия, наконец, вспомнила о своих братьях, брошенных на произвол судьбы: на VII съезде народных депутатов рассмотрен вопрос о государственно-правовом статусе Севастополя. Сделано это невероятно робко, с бесконечными реверансами в сторону Украины, да и решения-то никакого не принято. Но 9 декабря Президиум Верховного Совета Украины незамедлительно отреа-

гировал: он расценил слушания о статусе русского города-героя на российском съезде «как неприкрытое вмешательство во внутренние дела Украины». «Крым будет украинским или безлюдным» – такой лозунг очень популярен в Киеве.

А 26 декабря объявлено о самом крупном повышении цен – чтобы знали наших. Может быть, это первый шаг к наполнению вышеприведённого лозунга? Во всяком случае, большинство из тех 15 тысяч севастопольцев, вышедших на крупнейший в истории города митинг 7 января 1993 года, думали именно так.

Митинг был организован Севастопольским филиалом Фронта национального спасения (руководитель А. Г. Круглов) и состоялся несмотря на то, что власти трижды отвергли просьбу о его проведении и отключили радиоаппаратуру на площади Нахимова. Митингующие мощной колонной прошли по трёхкилометровому Городскому кольцу, остановив движение транспорта. Но никто не выражал недовольства. Увидев лозунги «Отстаивайте Севастополь», «Севастополь – Россия», пассажиры остановившихся троллейбусов приветствовали демонстрантов или присоединялись к ним.

Резолюция митинга настаивает на отмене запрещения референдума о присоединении Крыма к России, отставке проукраинского правительства города и Крыма и выведении с территории Севастополя штаба марионеточного украинского флота. Таковы же были и требования следующего митинга, состоявшегося через десять дней и собравшего не меньшее количество участников. Его организаторами выступил Союз избирателей Крыма и впавшие в панику городские власти на этот раз не посмели его запретить. Но предварительно приняли меры, чтобы снизить накал страстей. Представитель президента Украины в Севастополе И. Ф. Ермаков обещал золотые горы и снова ввёл отменённый с Нового года бесплатный проезд для пенсионеров в троллейбусе (билет в нём ныне стоит пять «кравчуков»).

Заседали с новыми обещаниями постоянные комиссии горсовета и городской коллегии при представителе президента, отцы города один за другим выступали в местных газетах, успокаивая общественность новыми надеждами и одновременно рассыпая угрозы. Но ничего не помогло – опять центра города около трёх часов находился в руках демонстрантов. Митинги перекинулись и на другие города Крыма, прокатившись по Симферополю, Керчи, Феодосии.

Господа из Киева изрядно переполошились. В конце января в Севастополь и Крым зачастили высокие гости. Сюда явился министр обороны К. П. Морозов с большой группой военных руководителей самостийной державы. Но, несмотря на явное желание «сгладить углы», вызванные пиратскими действиями вооружённых сил Украины по нападению на объекты Черноморского флота (в начале февраля они присвоили большой склад военного имущества в Измаиле и была отбита попытка захвата флотской поликлиники в Севастополе), министр смог только слегка отечески «пожурить» командующего украинским флотом контр-адмирала Кожина за чрезмерно националистические заявления.

Скоро явился в Севастополь и сам премьер-министр украинского правительства Л. Д. Кучма (будущий президент Украины – *Ред.*). «Слава Севастополю» писала по этому поводу 13 февраля 1993 года: «Вместе с премьер-министром прибыла едва ли не половина членов нового состава кабинета министров».

¹¹² Статья была подготовлена для «Русского вестника» (подписана Е. Казанский – фамилия деда Е. Веникеева по матери), но, судя по всему, не была опубликована.

Далее перечислены: министр финансов, министр машиностроения, энергетики, председатель фонда госимущества, председатель госкомитета по материальным ресурсам, министр сельского хозяйства и прочие сановники, перечисленные на десяти строках, включая «и других».

Весь этот могучий десант вихрем пронёсся по Севастополю и Крыму, щедро разбрасывая обещания и сакраментальные фразы типа «Надо работать, а не митинговать!» Очень удобное правило для власть предержащих. И так по-советски – сидите тихо, и у нас всё будет. К сожалению, время теперь не то, господа. Именно тогда-то ничего и не будет.

С характерным украинским лукавством Л. Д. Кучма мимоходом бросил реплику, что не мешало бы сюда, в Севастополь, привлечь средства России, мол ласковый телёнок двух маток сосёт.

Да, Севастополь русский город, но тянуть одной рукой из России, спекулируя на её национальных симпатиях, а другой ей же угрожающе показывать кулак и хватать всё, что плохо лежит, может быть, и дипломатично, но вряд ли порядочно. Хотя даже отсюда, из Севастополя, видно, что в русских властных структурах практически нет людей, исповедующих русские интересы, но даже они едва ли клонут на эту дешёвую приманку.

Наиболее обнадеживающим результатом бурного января на полуострове является создание Русской (Народной) партии Крыма. Её учредительное собрание состоялось 20 февраля 1993 года. Инициатором создания партии явился крупный прогрессивный общественный деятель Крыма, депутат Верховного Совета республики С. И. Шувайников.

- Январь 1993 года выдался действительно бурным. Вслед за митингом
- 7 января (по милицеским отчётам в нём приняло участие 30 тысяч человек (Е. Веникеев пишет о 15 тысячах), хотя в отчёте комиссии Верховного
- Совета РСФСР указано только 3,5 тысячи) 9 января состоялось собрание избирателей с приглашением представителя президента Украины
- И. Ф. Ермакова. Видимо, на нём, как пишет Е. Веникеев, он обещал «золотые горы». 11 января прошло общегородское собрание избирателей Севастополя
- (организаторы – 12 общественных пророссийских организаций). И наконец,
- 17 января очередной, на этот раз санкционированный митинг, в котором приняло участие свыше 10 тысяч человек. По данным севастопольского историка И. В. Островской, «с декабря 1992 по май 1993 гг. в Севастополе было
- организовано свыше 50 митингов (из них 15 несанкционированных), 13 несанкционированных пикетирований, 14 манифестаций по центру города (из
- них 9 несанкционированных)». 12 июня на митинг ко Дню России собралось
- 20 тысяч человек.

Надежда на спасение русского дела в Крыму только в существовании РПК. Противники русской идеи давно имеют крепко сколоченные, по-военному организованные партии и поэтому, несмотря на свою ничтожную численность, обладают перед русским большинством (аморфность которого часто подчёркивает местная жёлтая пресса, регулярно используя для его определения постыдный термин «русскоязычное»).

Только в единстве русского народа, сплочённого на основе православия, залог его выживания в Крыму. Иначе – геноцид, бегство, унижительное рабство.

Кроме того, в Киеве задумана очередная крупномасштабная акция запугивания русского населения. Планируется провести в Севастополе националистический шабаш – так называемый конгресс украинцев, которых привезут отовсюду и неизвестно за чей счёт. Охрану мероприятия будут осуществлять боевики небезызвестного Хмары. Всё действие явно рассчитано на межнациональные, причём крупномасштабные столкновения.

Митинги в Севастополе по-прежнему продолжают каждое воскресенье. Бурный январь сменился таким же февралём и мартом.

- И 9 июля 1993 года Верховный Совет РФ рассмотрел вопрос о российском
- федеральном статусе Севастополя. Большинством в 166 голосов «за» при од-
- ном воздержавшемся и отсутствии голосов против Севастополь провозгла-
- сили территорией России, т.е. был подтверждён «российский федеральный
- статус города в границах городского округа на декабрь 1991 года». После
- этого Верховный Совет поручил Правительству РФ разработать соответ-
- ствующие поправки в действовавшую на тот момент конституцию РСФСР
- 1978 года. Однако это решение парламента не было выполнено в условиях
- противостояния Б. Н. Ельцина и Верховного Совета. После его расстрела
- в октябре 1993 года в новой Конституции РФ, к радости Украины, этот
- вопрос не был отражён.

Но город продолжал бороться. 26 июня 1994 года был проведён всеобщий опрос в Севастополе о статусе города. 90% населения высказалось за принадлежность Севастополя к России. На основе этого городской Совет народных депутатов 23 августа 1994 года принял постановление: «1. Признать российский правовой статус города Севастополя. 2. Подтвердить принципиальную позицию городского Совета о Севастополе как главной базы Черноморского флота Российской Федерации, выраженную во всех ранее принятых решениях городского Совета XI и XXII созыва».

В этом же день было подготовлено обращение к Президенту РФ Б. Н. Ельцину, Президенту Украины Л. Д. Кучме, председателям федерального собрания РФ, Государственной Думы РФ и Верховного Совета Украины с предложением принять Российский федеральный статус Севастополя и решить проблемы Черноморского флота, возникшие после распада СССР. В этом обращении Севастопольского городского Совета народных депутатов говорилось, что «Де-юре город Севастополь и поныне часть Российской Федерации, так как при передаче в 1954 году Крымской области из состава России в состав Украины Постановлением 1948 года о статусе города не отменялось, а последующее распространение юрисдикции Украины на город Севастополь принято в одностороннем порядке».

Историческая справедливость восторжествовала только в марте 2014 года, когда Севастополь «вернулся в родную гавань».

ЗАКОН НЕИЗБЕЖНОГО ВОЗМЕЗДИЯ¹¹³

Нас русских, в Европе не любят. Это отмечали И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский и другие. Не любили и формы государственности русского народа. Ненавидели и Российскую империю, и СССР. Кроме того, здесь есть ещё один аспект – военный.

Правда иногда «там» нас любят, и ещё как! Во время наполеоновских войн Англия буквально на руках носила донского казака Зеленухина. Как пишет М. И. Пыляев: «Вся знать желала видеть у себя гостем казака, все пили за него и за здоровье русских воинов – «победителя злодея вселенной».

Любили нас во время Первой мировой войны, любили даже во время Второй. Но в мирных антрактах чувства европейцев к русским сразу же меняются.

Обычно считают, что неприязнь возникает у человека, который резко от вас отличается. Это верно, но правильно также и другое: ещё большую нелюбовь вызывает личность, во всём похожая физически, но отличная нравственно. В этом главная причина русофобии: мы другие. Не буду судить – хуже или лучше, но другие. Причём, если национальный характер англичан, немцев и других европейцев для нас вполне понятен, то обратного явления не наблюдается. Иначе на Западе не рассуждали бы так много о «тайне русской души».

Мы иные. Причины ясны: ход русской истории, страшная необъятность страны – половина в Европе, а другая в Азии, а главное – религия. Будучи христианской, Россия обрядностью, духом, системой символов так отличается от католичества, протестантизма, что это делает тщетным все попытки объединения церковью (уния не в счёт, это не объединение, а подчинение).

Из всех черт русского национального характера упомяну одну. «Терпимость к иноплемённым и иноверным свойственна русскому человеку более, нежели другим» (А. И. Деникин). Интересно, что и эта особенность вызывает отрицательную реакцию у «иноплемённого» – даже в этом они (русские) другие!

Когда Гитлер объявил русских низшим, неполноценным народом, он только ловко использовал сознательный или подсознательный предрассудок своих подданных, которые и так были в этом убеждены.

В прошлом веке неприязнь к русскому государству усиливалась писаниями наших революционеров. Они долго жили на Западе, европеизировались, им там как-то больше, хотя и не до конца, доверяли. Кроме того, в своих философских и социальных симпатиях они ориентировались на экономические и политические системы и учения, существовавшие в Западной Европе.

Ещё в 1885 году в Британии была издана на английском языке книга С. М. Степняка-Кравчинского «Россия под властью царей». Описав ужасы царского режима, упомянув «зверское обращение с политическими узниками», автор в заключение замечает: «В России дело идёт не только о гуманности, но и о всеобщей безопасности и поэтому имеет значение для всей Европы. Как бы плохо ни управлялась царская империя, как бы она ни была разорена, но она слишком могуча, чтобы не представлять опасности для соседних государств.

¹¹³ Русский вестник. 1991. № 26. Статья вышла под псевдонимом «Е. Казанский».

Миллионная армия солдат, хоть голодная и раздетая, но храбростью на поле боя не уступит ни одной армии в мире (и за то спасибо – Е. В.). Такая колоссальная сила, отданная на произвол безудержной прихоти деспота или царедворца, отнюдь не будет способствовать добрым сношениям между странами. Жить в соседстве с деспотической державой так же опасно, как сидеть за столом рядом с сумасшедшим, на которого не надели смирительной рубашки; никто не может поручиться, что он сделает в следующую минуту».

И это написано о стране, которая с 1856 по 1917 год не вела по своей инициативе ни одной войны, а её последний государь в 1898 году обратился ко всем странам мира с нотой, содержащей призыв ко всеобщему разоружению!

Во всяком случае, выступления вроде цитируемого, вместе с неосознанной (или вполне явной) неприязнью к русским, привели к тому, что общественное мнение Европы с энтузиазмом приветствовало всякие военные или дипломатические предприятия, направленные против нашего Отечества. Но странное дело, даже если они иногда и оканчивались непосредственным успехом, то более отдалённые следствия для этого государства или народа получались непременно катастрофическими. И не только потому, что Россия жаждала законной мести (русские ко всему прочему ещё и не злопамятны), а как-то само собой, следуя неизбежному ходу исторического процесса. Это можно назвать роком, судьбой, рукой божьей, но возмездие следовало неукоснительно.

Чтобы не быть голословным, проследим ход мировой истории со второй половины XIX века по наши дни. Более ранние годы нас не интересуют потому, что современные нации и государства окончательно сложились именно в этот период.

1853–1856. Крымская, она же Восточная война. Против России – Турция, Англия, Франция, позднее – итальянское королевство Сардиния. Турция – обороняется, Англия воюет потому, что боится усиления России за счёт Турции; во Франции Наполеон III заставляет сражаться свою армию, чтобы доказать, что он не просто «маленький племянник большого дяди» (Наполеона I), а тоже не лыком шит; Сардиния зарабатывает помощь Франции в будущем объединении Италии (её роль в этой войне была, впрочем, ничтожна).

В очень решительный момент, когда русские войска осаждали турецкую крепость Силистрия, у них на правом фланге и в тылу с самыми враждебными заявлениями появилась огромная австрийская армия. Друг и союзник, которого совсем недавно, в 1849 году, спасли от развала, подавив восстание Венгрии, нанёс удар в спину!

Война окончилась в общем-то вничью, но России, как и Турции, было запрещено иметь военный флот на Чёрном море. И что же дальше? Для начала Россия не пошевелила и пальцем, когда Франция била Австрию в 1859 году, а потом, когда её же разносила Пруссия в 1866-м. Затем Александр II, радостно потирая руки, наблюдал за разгромом Франции во время франко-прусской войны 1870–1871 годов. А ведь эти катастрофы он мог предупредить одним своим дипломатическим вмешательством.

Как будто только Англия осталась ненаказанной? (Если не считать того, что мы в 1871 году объявили о восстановлении Черноморского флота). Но подождите, её время ещё придёт.

Минуем пятьдесят лет: русско-японская война. Хотя поражения России в ней слишком преувеличены советскими историками (ещё бы – эта и Первая мировая – последние войны, которые вёл «проклятый царский режим». Ничего выдающегося сделать он, конечно, не мог), но, тем не менее, успехи Японии – неоспоримы. Но ими она в значительной мере обязана политической и экономической помощи США и Англии (последняя построила почти весь японский флот).

Страна Восходящего солнца от души поблагодарила обеих в Перл-Харборе, Бирме и на Тихом океане. Кроме того, не будем забывать, что в результате Второй мировой войны Британская империя приказала долго жить. Как самокритично говорили англичане: «Мы были огромной Великобританией, а стали маленькой Англией».

В 1917 году русская империя как будто тоже перестала существовать. Западные державы (кроме Германии и Австрии, быстро вышедших из игры в результате поражения в Первой мировой войне) долго колебались, как им относиться к возникновению страны Советов. Похоже, они решили, что это очередное ослабление ненавистной России и пусть оно так и будет. Реальная помощь была оказана (Францией) только Польше, которая вроде бы победоносно провела советско-польскую войну 1920 года, но, смертельно боясь возрождения «великой и неделимой», поспешила заключить мир, бросив на произвол судьбы своего союзника Врангеля. В результате поляки получили в 1939 году раздел своей страны между Германией и СССР, оккупацию и долгое пребывание в составе стран народной демократии.

Неплохую «награду» заслужили и другие государства Европы. Ведь Муссолини, Гитлер, Франко, а следом Вторая мировая война и десятилетия постоянного ужаса в ожидании ядерной катастрофы – это прямые результаты Великой Октябрьской социалистической революции.

Если бы не существовало Троцкого, Сталина, то не возникли бы и европейские диктаторы. Панический страх перед насильственным объединением «пролетариев всех стран» обеспечил широкую поддержку фашистских вождей своими народами. Результаты нам известны. Вернее, их узнали только те, кому удалось остаться в живых.

Но больше всего пострадал от последствий русофобии народ, который, похоже, даже не догадывается о причинах своих недавних несчастий. Я говорю о евреях.

До революции они единственные были формально ущемлены, как сейчас говорят, в гражданских правах, обитая внутри так называемой «черты оседлости» (площадью в два раза больше Франции). В других частях империи могли жить только купцы первой гильдии, учащиеся высших учебных заведений и лица, их окончившие, артисты, представители свободных профессий. Впрочем, ограничения распространялись не на евреев, а на «исповедующих иудаизм». Как только «иудей» переходил в православие, он тут же становился полноправным гражданином, а фактически даже пользовался рядом преимуществ.

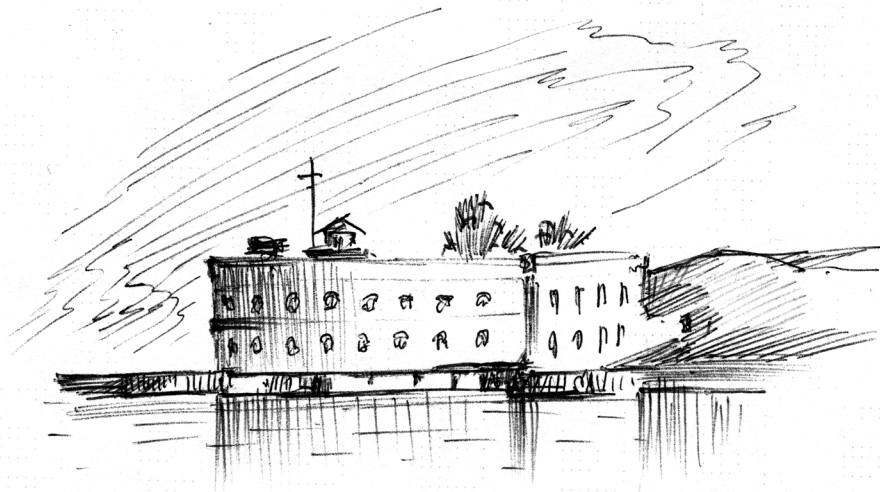
Несмотря на это, ущербность и недовольство оставались. Поэтому евреи заполняли все революционные партии, начиная с народнического движения. Теперь уже ни для кого не секрет, что октябрьский переворот, – это фактически

дело рук еврейской интеллигенции, занимавшей и впоследствии руководящие посты в партии, армии и карательном аппарате.

Результат – не только жертвы, которые понёс еврейский народ во время большого террора и в последние годы жизни Сталина (в количественном отношении они сравнительно невелики). Но организовавшие Октябрьскую революцию создали не только Сталина. Как реакция на существование СССР появился Гитлер. Поистине, в семнадцатом году и позже эти люди «не ведали, что творят». Результатом их усилий явилась смерть миллионов соплеменников в фашистских лагерях смерти!

В наши дни, когда русофобские настроения внутри страны и за границей расцвели особенно пышно, я советовал бы вспомнить уроки истории. Её железный ход нельзя изменить, как и предугадать. Ясно только одно: закон Высшего Возмездия – существует!

ЕГО НАСЛЕДИЕ. НАША ПАМЯТЬ

Наследие Евгения Витальевича Веникеева достаточно обширно. И это не только его книги. Ещё при жизни он часть своих статей, рабочих материалов начал сдавать на хранение в Архив города Севастополя и в Севастопольскую Морскую библиотеку. И сегодня с ними могут ознакомиться историки, краеведы и все почитатели его творчества.

Также к наследию Е. В. Веникеева следует отнести и его архитектурные проекты, которые он воплотил в жизнь в качестве инженера: жилые здания, дома отдыха и культуры, памятники, мемориальные комплексы.

ИНЖЕНЕР, КРАЕВЕД, ПИСАТЕЛЬ

Из автобиографии, написанной 12 апреля 1987 года: «Родился 3 ноября 1937 г. в Севастополе. Мать – Казанская Валентина Михайловна (1916–1949), отец – Веникеев Виталий Васильевич (1913–1978), инженер-строитель, занимал крупные посты в различных союзных министерствах, перед выходом на пенсию (1976) был заместителем президента АН СССР по строительству. (Фото 77)

- Казанская Валентина Михайловна скончалась от порока сердца.
- Похоронена на старом городском кладбище на ул. Пожарова. Рядом с ней захоронение её отца, деда Е. В. Веникеева Казанского Михаила Андрониковича (1888–1949), умершего от воспаления лёгких. Ответственной за обе могилы являлась Казанская М. С. – бабушка Е. В. Веникеева, пережившая своего мужа более чем на 20 лет. Казанский М. А. возглавлял в Севастополе городской финансовый отдел. В сентябре 1932 года весь горфинотдел – 16 человек был арестован в полном составе по обвинению в контрреволюционной деятельности. Деду Веникеева повезло, он получил всего год принудительных работ и запрещение в течении трёх лет занимать руководящие должности. Об этом судебном процессе Е. В. Веникеев напишет в очерке «Дело «банды Казанского» (Слава Севастополя, 07.10.1993 г.).

Первые месяцы обороны Севастополя я находился в городе, в конце 1941 г. наша семья эвакуировалась на Кавказ (на крейсере «Красный Кавказ») в Абхазскую АССР (Гальский район, Очимчирский гайсовхоз). В Севастополь вернулись в 1945 г.

- В книге «В Севастополе. 1941–1942» Е. Веникеев так описал возвращение в родной город: «Это удалось уже осенью, когда наладилось регулярное пассажирское судоходство по Чёрному морю. Возвращались мы уже не на крейсере,

- *а на теплоходе «Украина». С его палубы я снова увидел Туансе и Новороссийск,*
- *мне показалось, что они сильно разрушены. Но Севастополь явился огромным*
- *полем развалин. Улицы уже расчистили от завалов и по ним ездили автома-*
- *шины, но пешеходы улицами пользовались редко. Ходили напрямик по тропин-*
- *кам, протоптанным по «развалкам». Половина домов уцелела, сохранилась*
- *даже наша квартира, но нас туда не пустили. Здесь разместилось какое-то*
- *учреждение. Поселились на Большой Морской в здании, где сохранился первый*
- *этаж – перекрытия над двумя верхними рухнули, но над первым уцелели.*
- *Здесь я испытал переживание, которое одарило меня, наверное, един-*
- *ственными минутами чистой радости, доставшейся в жизни... Вскоре по-*
- *сле возвращения в Севастополь, а это случилось в ноябре 1945 г., почти через*
- *четыре года после эвакуации, дед начал работать бухгалтером на местном*
- *молокозаводе. И вот тогда я впервые в жизни попробовал мороженое. Дед*
- *принёс его полную банку (наверное, поллитровую) и дал мне. Я умял её всю и*
- *очень быстро. Ощущение передать невозможно, но что это было наивыс-*
- *шее мгновение истинного счастья – не сомневаюсь. Господи, как это было*
- *вкусно! С тех пор мне случалось лакомиться мороженым, приготовленным в*
- *ресторанах или специализированных кафе. Пробовать его не только в нашей*
- *стране, но и в Чехословакии, Польше, Индии (а там особенно понимают толк*
- *в мороженом), но ничего лучше того, с молокозавода, первого мороженого*
- *первого послевоенного года, изготовленного, как я сейчас понимаю, далеко не*
- *по мировым стандартам, конечно, не встречал».*

В 1954 г. я окончил среднюю школу № 5. (Фото 78) В этом же году поступил в Московский институт инженеров транспорта, который окончил в 1959 г. по специальности инженер путей сообщения-строитель. Работал в различных проектных строительных организациях Севастополя (с ноября 1964 г. по август 1968 г. работал в г. Орёл в должности старшего инженера в группе генплана и транспорта в институте «Гипроприбор»), где специализировался как геодезист, специалист по вертикальной планировке и проектированию дорог, архитектор-планировщик и реставратор.

- *Вот как об этом периоде работы Е. В. Венিকেева вспоминала В. М. Назаренко, член Союза архитекторов Украины: «С Евгением Витальевичем, для*
- *меня просто Женей, мы познакомились в декабре 1960 года. Оба поступили на*
- *работу в «Горпроект» я в 1960 году, а он в 1959, и оба были молодыми специали-*
- *стами и работали в одном архитектурно-планировочном отделе. Первый наш*
- *общий объект – «Сквер у поликлиники в Балаклаве». Тогда у Жени был моторол-*
- *лер, и мы на этом мотороллере поехали в Балаклаву смотреть площадку, для*
- *меня это была первая поездка на таком виде транспорта, страшно было, но*
- *всё прошло благополучно и проект сделали и построили по нашим чертежам».*

С 1971 по 1978 гг. я работал в Севастопольском филиале КрымНИИпроекта главным инженером проектов и начальником отдела генерального плана города. Автор проектов (в соавторстве с В. М. Артюховым): реставрация Братского кладбища, кладбища-некрополя в Дергачах, памятника 51-й армии, 2-й ГА, в совхозе им. П. Осипенко, генерального плана Севастополя и др.). (Фото 79)

Фото 54. Акведук в Аполлоновой балке. 2024 г.

Фото 55. Мост-акведук через реку Чёрную. 2012 г.

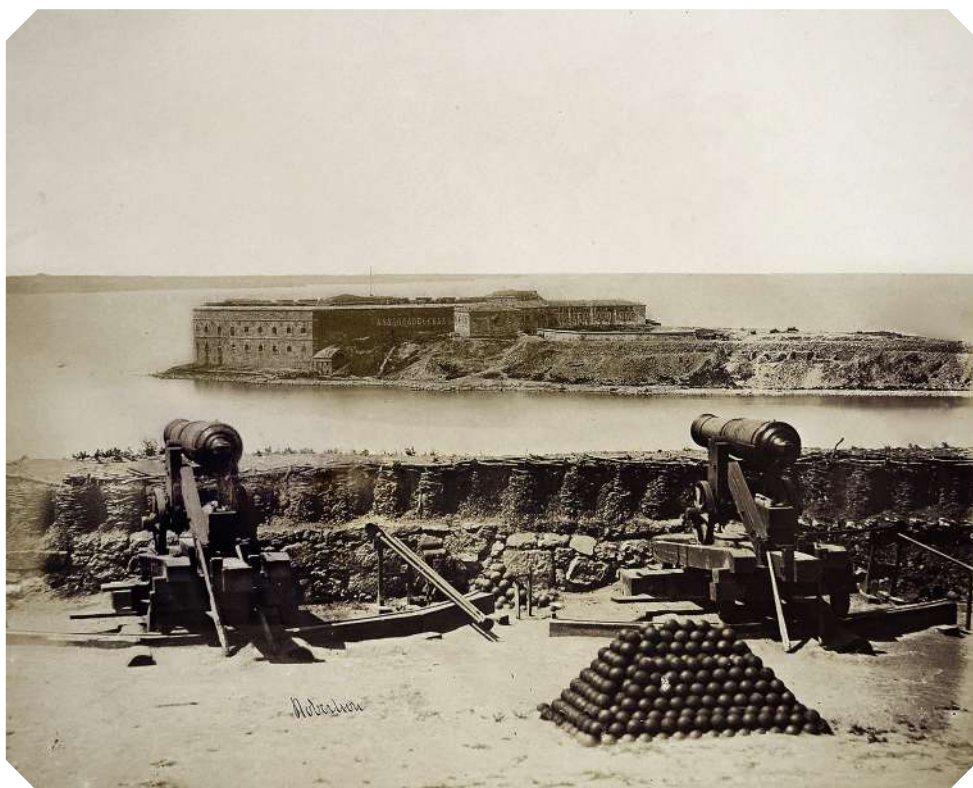

Фото 56. Нахимовская батарея. Фото Дж. Робертсона. 1856 г.

Фото 58. Владимирский собор в Херсонесе. С открытки начала XX в.

Фото 57. Монастырь Шуцдан. Вход в базилику. 2008 г.

Фото 59. Восстановленный Владимирский собор в Херсонесе. 2021 г.

Фото 60. Памятник князю Владимиру. 2010 г.

Фото 61. Крещальня Уваровской базилики. 2008 г.

2500

PARIS. — Notre-Dame, Cloche de Sébastopol

Cloche rapportée des Guerres de Crimée, provenant du Siège de Sébastopol

ND Phot

Фото 62. Колокол из Херсонеса в соборе Нотр-Дам.
Фото из коллекции А. В. Дербасова

Фото 63. Гуманный колокол. 2013 г.

Фото 65. Раскопки Страбонова Херсонеса. 2010 г.

Фото 64. Башня усадьбы надела № 9 в Камышовой бухте. 2019 г.

Фото 66. Мыс Фиолент. С открытки начала XX в.

Фото 67. Георгиевский монастырь. Начало XX в.

Фото 69. Севастопольский яхт-клуб. С открытки начала XX в.

Фото 68. Так выглядел первый севастопольский трамвай. 2024 г.
ГУП «Севэлектротранс им. А. С. Круподёрова» (реконструкция)

Фото 70. Вид на Южную бухту со стороны 3-го бастиона. 1855 г.
Из альбома «Севастопольцы» П. Ф. Рерберга. 1903 г.

Фото 71. Мост с Южной стороны на Северную.
Из книги Н. В. Берга «Севастопольский альбом», 1858 г.

Фото 73. Судоподъемное судно «Коммуна». 2013 г.

Фото 72. Сотрудники Севастопольского музея краеведения.
В центре В. П. Бабенчиков и П. П. Бабенчиков, 1923 г.
Из фондов Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена

Фото 74. Лайнер «Юнайтед Стейтс» на ремонте в Северном доке

*Фото 75. Дом контр-адмирала М. Н. Коландса. 1970-е гг.
Фото из коллекции А. В. Дербасова*

Фото 76. Надгробие генерала Кеткарта. 2015 г.

Ниже приводится неполный перечень проектов, в разработке которых Е. В. Веникеев принимал участие как исполнитель, автор, главный инженер или начальник отдела Генерального плана за время его работы в «КрымНИИпроект» в период 28.05.1959 г. – 20.01.1964 г. и 01.04.1971 г. – 07.02.1983 г. Полный список всех работ Е. В. Веникеева, составить невозможно из-за давности выполнения и ограниченных сроков хранения архивных экземпляров проектов.

1. Генеральный план г. Севастополя до 2000 года. Е. В. Веникеев был не только главным инженером Генплана, но и соавтором исторического раздела и автором раздела внешнего и внутригородского транспорта. «Госстрой УССР рассмотрел и одобрил для дальнейшей доработки генеральный план развития Севастополя до 2000 г. с прогнозами на далёкую перспективу, составленный в комплексе с проектом пригородной зоны. Генплан разработан Севастопольским филиалом Гипрограда с помощью специалистов головного института в 1975–1976 гг. По проекту город будет развиваться как крупный научный и промышленный центр Юга Украины, комплексный музей под открытым небом», – писали авторы Генплана в статье «Проблемы дальнейшего развития Севастополя»¹¹⁴.

И далее: «Исторически сложившийся центр города, представляющий собой систему улиц и площадей, опоясывающих центральный городской холм, застроен в первом послевоенном десятилетии в едином стиле и масштабе, соответствующих восстановленным и новым зданиям. По своему функциональному назначению это в основном административный центр. По генеральному плану намечается расширение границ центра (его площадь достигнет 500 га) в западном направлении вдоль бухт и на юг к внутригородской широтной магистрали с включением в его территорию новых железнодорожного, авто-, аэро- и морвокзала. На этих участках будут строиться общегородские торговые и культурно-бытовые учреждения, гостиницы, создаваться зоны отдыха и спорта, главные транспортные узлы. Существующая прибрежная парковая зона (Приморский бульвар) разовьётся вдоль бухт и моря до Херсонесского заповедника и превратится в террасированную набережную-эспланаду протяжённостью более 5 км, насыщенную культурно-зрелищными и спортивными сооружениями в основном водного спорта.

В архитектурно-пространственную композицию центра города включены окружающие его холмы и противоположный северный берег бухты, который в комплексе с застройкой южного берега образует как бы морские ворота. Здесь размещены основные мемориальные сооружения. Учитывая природные особенности обширной территории, включая акватории, в композицию центра вводятся здания повышенной этажности. При этом сохраняется архитектура и масштаб исторически сложившейся застройки. Новая застройка, отделённая от центрального холма системой балок и бухт, окружающая исторический центр, придаёт ему ещё большую значимость. Особое внимание уделяется зрительному восприятию со всех видовых точек комплекса холмов, Малахова кургана на

¹¹⁴ Статья была опубликована в научном сборнике «Градостроительство». В ней её авторы – В. М. Артюхов, В. Н. Фуклев и Е. В. Веникеев изложили основы 4-го послевоенного генерального плана Севастополя вплоть до 2000 года.

Корабельной стороне, Исторического бульвара со зданием Панорамы обороны Севастополя 1854–1855 гг., зелёного холма Братского кладбища, холма центра города. Таким образом, основные мероприятия, предусматриваемые генеральным планом Севастополя, направлены на создание современного, величественного и неповторимого облика города-героя».

2–3. Схема размещения автостоянок в г. Севастополе и г. Керчи. Е. В. Венিকেев в обоих случаях был автором проектов (1974 г.). Причём Облисполком Крымской области отметил высокое качество керченского проекта.

4–5. Реставрация мемориального Братского кладбища защитников Севастополя 1854–1855 гг. и авторский надзор за реставрацией Братского кладбища. «О сложности задачи, которую пришлось выполнить проектировщикам, – писал Е. В. Венিকেев, – говорит объём проекта – 1244 листа обмерных и реставрационных чертежей. Значительная часть работ, предусмотренная проектом, уже выполнена, но до их завершения ещё далеко». Интересно, что по проекту планировалось сделать электроосвещение кладбища, центральную аллею и двор храма вымостить гранитными плитами, установить каменные скамьи, по форме такие же, какие были здесь сто лет назад. Очень хотелось Евгению Витальевичу вернуть на место перед обоими входами на кладбище и старинные орудия.

6. Мемориальное кладбище участников Великой Отечественной войны на Северной стороне. На этом некрополе, расположенном у северной стороны Братского кладбища периода Крымской войны, похоронены воины, павшие во время обороны и освобождения Севастополя в годы Великой Отечественной войны, а также моряки Черноморского флота, погибшие при исполнении воинского долга в послевоенные годы. На кладбище во время реконструкции в 1963 году были сооружены 4 братские безымянные могилы с надгробиями из крымбальского камня, 5 братских и 79 индивидуальных памятников с гранитными надгробиями. (Фото 80)

7. Проект нового кладбища на Северной стороне, у Братского кладбища.

8. Комплекс памятников на Сапун-горе. Реконструкция двух памятников, сооружённых в 1944 году: воинам 51-й армии и воинам Приморской армии (по проекту А. Д. Киселёва). Последний в 1964 году был облицован серым гранитом, на мемориальные плиты у основания постамента нанесены части и соединения, освобождавшие Севастополь.

9. Монумент Победы на мысе Херсонес. Был открыт на Крепостном шоссе (район остановки «Автобат») на Фиоленте 15 октября 1944 года по проекту академика архитектуры М. Я. Гинзбурга и архитектора А. Д. Киселёва. В ходе реконструкции обелиск облицевали розовым гранитом из Ново-Даниловского карьера (архитектор В. М. Артюхов). (Фото 81)

10–11. Памятники 315-й дивизии и 8-й бригаде морской пехоты. Памятник 315-й Мелитопольской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии был сооружён воинами дивизии в 1944 году. Он установлен на склоне Мекензиевых гор у Бельбекской долины, вблизи посёлка Поворотное (в 2024 году был перестроен). Рядом с памятником две большие братские могилы, в которых покоятся воины дивизии, которая в составе 2-й гвардейской армии в ночь на 9 мая 1944 года вышла к Севастопольской бухте. (Фото 82)

Памятник воинам 8-й бригады морской пехоты 1-го формирования (командир – полковник В. Л. Вильшанский, комиссар – бригадный комиссар Л. Н. Ефимов) был открыт 28 мая 1977 года на высоте Азис-Оба, в районе села Верхнесадового, где находился командный пункт бригады. (Фото 83)

12. Реставрация Мемориального комплекса Великой Отечественной войны у посёлка Дергачи. «Кладбище на шестом километре Симферопольского шоссе – место захоронения погибших бойцов из 8-й бригады морской пехоты, которой командовал в дни обороны Севастополя полковник Горпищенко, – писал Е. В. Венিকেев в статье «Некрополь героев». – В 1946 году сюда был перевезён прах самого командира бригады. Сейчас кладбище-некрополь на Симферопольском шоссе имеет такое же значение, как и Братское кладбище первой обороны Севастополя. Сюда перенесены останки воинов, особенно отличившихся в дни обороны нашего города. Здесь также похоронены наиболее активные участники обороны, скончавшиеся в послевоенный период. В 1952–1953 годах кладбище благоустроено и оформлено по проекту архитектора В. П. Петропавловского».

В 1975–1983 годах была проведена реконструкция кладбища (архитектор В. М. Артюхов). «Главная цель проекта – создание такого архитектурно-художественного облика некрополя, который бы соответствовал его значению в настоящее время. Предусмотрено создание определённых удобств для посетителей и экскурсантов. Небольшие братские могилы объединяются в шестнадцать больших. Надгробия выполняются из гранитных блоков, на которых будут высечены имена погребённых под ними героев. Индивидуальные памятники из долговечных материалов остаются. По проекту сохраняется архитектурная композиция и основные пропорции обелиска. Главная его часть от постамента до вершины облицовывается плитами толщиной в четыре сантиметра из камня, добываемого в Альминском карьере, наиболее высокой марки. Постамент облицовывается гранитом.

Центральная часть ограды полностью разбирается и заново выполняется из крупных калиброванных блоков Альминского месторождения. На этой стене в последующем могут быть выполнены текстовые обозначения и тематические барельефы, прославляющие подвиги советских воинов во время обороны и освобождения Севастополя. Вокруг кладбища устанавливается защитная зона шириной до 50 метров с трёх сторон и около 100–120 метров – со стороны Симферопольского шоссе (вплоть до проезжей части). Территория охранной зоны озеленяется и не должна застраиваться какими-либо сооружениями, не имеющими отношения к некрополю. Центральная аллея, ведущая к главному входу со стороны Симферопольского шоссе, значительно расширяется, откроется перспектива мемориальных сооружений»¹¹⁵. (Фото 84)

13. Реставрация Форта литер А-5. К сожалению, проект не реализован до сих пор. В статье «Под угрозой срыва» Е. В. Венিকেев писал: «В мероприятиях по подготовке к юбилею сказано: «...произвести работы по благоустройству форта... с созданием сквера, установлением границ охранной зоны и обелиска».

¹¹⁵ Венিকেев Е. В. Некрополь героев // Слава Севастополя. 1973. 24 марта.

Назначен срок исполнения – апрель 1983 года., но он вызывает сильные сомнения... Несколько лет назад при строительстве жилых домов была уничтожена правая часть рва и фланговый каземат, в 1981 году, несмотря на протест общественной инспекции общества охраны памятников, засыпали строительным мусором левый фланговый каземат и прилегающий ров».

14. Реставрация памятника 2-й гвардейской армии. Этот четырёхгранный обелиск, увенчанный орденом Славы, был установлен на мысу Кордон в Северной бухте в мае 1944 года (архитектор К. А. Чанкветадзе) бойцами и военными инженерами мотостроительного батальона 2-й гвардейской армии. Проект реставрации был разработан архитектором А. Н. Холодиловым. «У Холодилова зародилась интересная догадка, – писал Е. В. Венিকেев. – Алексей Николаевич попросил опытного геодезиста Г. Г. Пинчука проверить инструментальную высоту памятника. О своих соображениях ему не сообщил и с нетерпением ждал результата. Догадка подтвердилась с точностью до сантиметра: высота обелиска оказалась равной 1944 сантиметрам, то есть соответствовало году освобождения Севастополя»¹¹⁶.

15. Реконструкция кладбища Великой Отечественной войны в селе Орловка. «Памятник на братском кладбище у села Орловка, установленный ещё в 1944 году, к началу семидесятых годов сильно обветшал, – писал Е. В. Венিকেев в одной из своих статей. – В 1975 году был разработан проект нового памятника и благоустройства всего кладбища (авторы В. М. Артюхов и С. Н. Фролов), которое в то время трактовалось как место захоронения воинов только 315-й Мелитопольской Краснознамённой стрелковой дивизии. Но исследовательская работа, проведённая поисковой группой боевой славы 2-й гвардейской армии во главе с Л. Т. Рубашной, выявила, что кладбище является некрополем бойцов и других соединений 54-го стрелкового корпуса, погибших на подступах к Севастополю в мае 1944 года. Это вызвало корректировку проекта, которая была выполнена в 1979 году. В соответствии с проектами старый памятник был разобран и вчерне выполнен новый». (Фото 85)

16–17. Дома культуры в селе Андреевка и посёлке Сахарная Головка. Сооружены по типовым проектам в 1983–1984 годах. (Фото 86)

18. Санаторий АН СССР на 300 мест в посёлке Кацивели на Южном берегу Крыма. Е. В. Венিকেев являлся главным инженером этого крупного объекта. К сожалению, он не был завершён.

19. 1-я очередь застройки квартала по улице Погорелова, 23 в г. Инкерман. Проект 5-этажного жилого дома с пристроенным отделением связи выполнен в 1982 году. (Фото 87)

20. Пионерлагерь-база отдыха на 720 мест в с/х им. П. Осипенко. Е. В. Венিকেев являлся главным инженером проекта (1976 г.). Реализован частично.

21. Проект кладбища на 5-м км Балаклавского шоссе. Е. В. Венিকেев являлся главным инженером проекта (1978 г.).

22. Проект детальной планировки урочища Максимова дача. Е. В. Венিকেев работал над ним в качестве главного инженера. В одной из статей он под-

робно написал об этом проекте: «В 1976 году архитектором Севастопольского филиала «КрымНИИпроекта» О. Л. Холодиловой с помощью инженера-дендролога Н. Катыревой разработан проект детальной планировки парка в районе Максимова дачи и превращения его в зону отдыха. С помощью заведующего отделом раскопок Херсонесского государственного заповедника О. Я. Савеля были разработаны меры по охране памятников истории и археологии, находящихся на территории Максимова дачи.

Проектом предполагается разделение парка на зоны: главную вестибюльную, массово-зрелищную, физкультурную, зоологическую, зону дендропарка, отдыха детей, хозяйственную, прогулочную. Намечается устройство автостоянок более чем на 400 машин. Дендропарк предполагается разбить по дну и склонам Хомутовой балки. Композиционный центр парка будет перенесён на центральную поляну с новым декоративным водоёмом, который имитирует озеро. Его берега окаймляются декоративными каменными композициями, живописной растительностью. По дну Хомутовой балки будет расположена горная долина с рядом полей, переходящих одна в другую и ведущих к центральной. Парковые сооружения, пруды, мостики, беседки будут сохранены и реставрированы. При полном благоустройстве парка на Максимова даче ежедневно смогут отдыхать более семи тысяч человек»¹¹⁷. Однако из-за отсутствия финансирования проект не был реализован.

23. Проект реконструкции средневекового зала Херсонесского музея.

24. Обследование памятников и захоронений времён Крымской войны 1854–1855 гг. в г. Севастополе и его окрестностях. Цель работ – выяснение возможности их реставрации. Вот одна из таких работ Е. В. Венিকেева: в 1981 году он разработал чертежи постамента утраченному памятнику Камчатскому люнету. На основании их, а также эскизов О. И. Энберга (автора оригинального памятника, открытого в 1905 году) архитектор А. Л. Шеффер выполнил рабочий проект Мемориального парка Камчатского люнета (пока не реализован).

25. Оборонительная линия на Корабельной стороне. Эта мемориальная стенка соединяет фортификационные сооружения Крымской войны. Её проект был разработан инженер-полковником О. И. Энбергом к 50-летию Севастопольской обороны. Она представляла собой уступчатый парапет из крымбальского камня, высотой от 0,8 до 1,4 м, толщиной от 0,7 до 1,2 м. На ней оформлены ложементы для орудий и укреплены чугунные доски с наименованием полков, экипажей и батарей, защищавших бастион (надписи выполнены участником обороны П. Ф. Рербергом). Е. В. Венিকেев в 1975–1975 годах был консультантом по инженерным вопросам при раскопках оборонительной линии, проводимых Музеем героической обороны и освобождения Севастополя. (Фото 88)

¹¹⁶ Венিকেев Е. В. Тайна памятника // Слава Севастополя. 1987. 23 мая.

¹¹⁷ Венিকেев Е. В. Максимова дача // Слава Севастополя. 1979. 19 мая.

ХАРАКТЕРИСТИКА

на Веникеева Евгения Витальевича.

(год рождения – 1937, образование – высшее, русский, беспартийный).

ВЕНИКЕЕВ Евгений Витальевич работал в Севастопольском филиале Гипрограда (ныне – Севастопольский филиал КрымНИИПроект) в 1959–1964 гг. и работает в настоящее время с 1971 г. За этот период он прошёл путь от рядового инженера до главного инженера проектов. Тов. Веникеев Е. В. специализировался в области реставрации и создания памятников истории и архитектуры. Как исполнитель, он принимал участие в разработке проекта мемориального кладбища Великой Отечественной войны на Северной стороне г. Севастополя, комплекса памятников на Сапун-горе, монумента Победы на мысе Херсонес, памятника 315 дивизии, восьмой бригаде морской пехоты и др.

Является главным инженером проектов реставрации мемориального комплекса – Братского кладбища 1854–1855 гг., форта литер А-5, средневекового зала Херсонесского музея, памятника второй гвардейской армии, мемориального комплекса ВОВ у пос. Дергачи.

Эта деятельность требовала от Веникеева Е. В. знакомства с историческими событиями, связанными с тем или иным памятником, и изучения истории его создания. Он производил успешные поиски первоначальной проектной документации, относящейся к реставрируемым памятникам в архивах и музеях Севастополя, Симферополя, Москвы и Ленинграда. В результате этого проекты, главным инженером которых он является, неоднократно получали отличные оценки на городских и областных градостроительных советах.

Проявляет хорошие деловые качества, дисциплинирован, активно участвует в общественной жизни филиала.

В настоящее время тов. Веникеев Е. В. закончил (совместно с кандидатом исторических наук тов. Ляховичем А. А. и заведующим отделом раскопок Херсонесского историко-археологического музея тов. Савеля О. Я.) исторический раздел проекта генерального плана г. Севастополя и осуществляет авторский надзор за реставрацией Братского кладбища и памятника героям вылазок 1854–1855 гг. на месте третьего бастиона в г. Севастополе. В полёвой сезон 1974 и 1975 гг. он являлся консультантом по инженерным вопросам при раскопках оборонительной линии 1854–1855 гг., проводимых музеем Героической обороны и освобождения Севастополя. Кроме этого, тов. Веникеев Е. В. занимается обследованием памятников и захоронений времён Крымской войны 1854–1855 гг. в Севастополе и его окрестностях и выяснением вопроса о возможности их реставрации.

Характеристика дана для представления в Институт истории АН СССР. Директор Севастопольского филиала КрымНИИПроект В. Фуклев. Секретарь парторганизации Э. Орленко. Председатель месткома Э. Порожникова.

25 октября 1975 г.

Из автобиографии: «В 1979 г. окончил заочную аспирантуру при институте КиевНИИГрадостроительства (тема диссертации в окончательном варианте «Формирование транспортных систем приморских городов с учётом колеба-

ния пассажиропотоков»). В настоящее время (апрель 1987 г. – *Ред.*) работаю в Севастопольском отделе института Укржилремпроект в качестве инженера-геодезиста, являюсь председателем секции памятников градостроительства и архитектуры Севастопольской городской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры и председателем городской инспекции общества.

В 1960 г. женился на Линюк Викторине Александровне (вместе работали в «Горпроекте» – *Ред.*). В 1963 г. у нас родилась дочь Татьяна. В 1967 г. наш брак был расторгнут. В 1972 г. вступил во второй брак – с Юношевой Жанной Александровной (1946 г.р.). Детей во втором браке нет¹¹⁸. (Фото 89)

С 1972 г. печатаю в различных газетах и журналах (городских, областных, республиканских и союзных) научные и популярные статьи по вопросам архитектуры и строительства Севастополя. Один из авторов сборников «Крымские каникулы», книг: «У карты Севастополя» (в соавторстве), «Архитектура Севастополя» и «Севастополь и его окрестности».

Талантливый литератор Евгений Витальевич Веникеев работал в разных жанрах – очерка, рассказа, путеводителя, исторической повести. Однако полной его библиографии пока не существует, также точно не известно и количество книг, написанных им лично или в соавторстве. В различных публикациях обычно говорится – «около 10 монографий и более 300 статей». (Фото 90)

У карты Севастополя» (справочник). Симферополь: Издательство «Таврия», 1982. 224 с.

Написан в соавторстве с севастопольскими краеведами и историками: А. А. Ляховичем, В. Г. Шавшиным, Л. А. Шориним. Каждый из авторов работал над определёнными разделами. Е. В. Веникеев сделал топонимическое описание Северной и Южной сторон города и всей пригородной зоны. Топонимика окрестностей Севастополя была «коньком» Веникеева. На презентации справочника на заседании Клуба любителей истории Севастополя он произнёс афористическую фразу: «Лучше уж утонуть в топонимах, чем не иметь их вообще».

Книга для того времени стала явлением необычным. Фактически в ней была кратко изложена вся история города, запечатлённая в географических названиях – названиях бухт, балок, возвышенностей, гор, долин, сёл, улиц, площадей и т.д. Библиограф Севастопольской Морской библиотеки Е. М. Шварц писала: «Эту книгу с нетерпением ждали все, кто интересуется историей нашего города и Черноморского флота. Обсуждение её на внеочередном заседании членов Клуба любителей истории города и флота прошло очень заинтересованно. Проливной дождь не стал помехой: читальный зал Морской библиотеки был полон... Мнение выступавших было единым: книга «У карты Севастополя –

¹¹⁸ В 1983 году умерла дочь Татьяна. Как писал Е. В. Веникеев позже: «Участковый врач перепутала гепатит с острым респираторным заболеванием». А позже в 1992 году в браке с Ж. А. Юношевой родилась дочь Валентина – *Ред.*

прекрасный подарок севастопольцам и гостям в преддверии 200-летия города». Справочник был издан 50-тысячным тиражом и разошёлся за два месяца.

Крымские каникулы (сборник для туристов и краеведов)

Симферополь: Издательство «Таврия», 1981. (книга первая) – С. 273–279.

Симферополь: Издательство «Таврия», 1985. (книга вторая) – С. 107–118.

В сборниках приведены очерки крымских писателей, историков, краеведов. В первой книге напечатан очерк Е. Венিকেва «Лестницы Севастополя», во второй – очерк «Родина – сыновьям» о мемориальном Братском кладбище защитников Севастополя 1854-1855 гг. на Северной стороне. Первый сборник был выпущен тиражом 100 тыс. экземпляров, второй – 50 тысяч.

Архитектура Севастополя. *Симферополь: Издательство «Таврия», 1983. 208 с.*

Путеводитель знакомит читателя с архитектурным обликом Севастополя. В нём рассказывается не только об истории уцелевших зданий, их архитектурных особенностях и значении, но и о современной застройке города.

Книга получилась качественной, она хорошо иллюстрирована (82 цветные фотографии и 20 чёрно-белых рисунков), снабжена кратким словарём архитектурных терминов с пояснительными рисунками, есть даже аннотация на английском языке на 10 страницах. В книге отмечены фамилии 114 архитекторов, принимавших участие в застройке и восстановлении города. Автор указывает, что «многие имена и факты, разысканные нами в архивах Севастополя, Москвы и Ленинграда, публикуются впервые». Книга была выпущена 100-тысячным тиражом и сразу стала настольной книгой севастопольских архитекторов, краеведов, экскурсоводов и историков.

Севастополь и его окрестности. *Москва: Издательство «Искусство», 1986. 175 с.*

Вышла в серии «Дорога к прекрасному». Из аннотации: «Книга посвящена памятникам истории и культуры Юго-Западного Крыма – той части полуострова, где находится легендарный город-герой Севастополь. Особенно подробно автор знакомит читателя с достопримечательностями города и экспонатами Херсонесского историко-археологического заповедника». Интересно, что книги в этой серии всегда выпускались тиражом до 50 тыс. экземпляров. Но работу Е. Венিকেва посчитали достойной гораздо большей аудитории. Но и этого тиража в 200 тыс. экземпляров оказалось мало. Книга сразу стала библиографической редкостью.

Вот как о работе над книгой рассказывал друг Е. В. Венিকেва, инженер-геолог В. И. Арестов: «Мне посчастливилось выполнить фотографии для этой книги. Случилось это так. Получаю письмо из Москвы: «Уважаемый Виктор Иванович, издательство «Искусство» просит Вас выполнить фотографии к книге Венিকেва Е. В. «Севастополь и его окрестности». Так официально Евгений Витальевич пригласил меня подключиться к своей работе. Мне хотелось сделать работу хорошо. Для получения максимальной детализировки негативов я решил снимать архитектурные памятники большой павильонной камерой на штативе.

Но из этой затеи ничего не вышло. Пластинки засвечивались солнечными лучами, проникавшими сквозь мельчайшие щели в конструкции деревянной камеры, как я их ни пытался заклеивать. Оставил эту затею и отснял все сюжеты для книги «Салютот». После выхода книги Евгений Витальевич передал мне 70 экземпляров для распространения в «Гипрограде». Книги моментально разошлись среди сотрудников. Все радовались успеху автора».

Севастопольские маршруты. *Симферополь: Издательство «Таврия», 1988. 141 с.*

Путеводитель по Севастополю и его окрестностям. В отличие от предыдущей книги, маршруты, приведённые в ней, более разнообразны и охватывают практически весь регион Севастополя. Автор пишет об этом так: «Сказать, что эти места красивы, значит сказать очень мало. Неизъяснимая прелесть таких уголков пригородной зоны Севастополя, как Аязьма, Батилиман, Ласпи, проникает в душу. Они привлекательны не только красотой природы, но и своей историей, уходящей вглубь тысячелетий, богатой событиями, порой драматической».

Редактор издательства «Таврия» М. П. Апошанская вспоминала: «Последней совместной работой с Евгением Витальевичем стали «Севастопольские маршруты» – путеводитель по окрестностям и самому городу, который получился необычным и интересным. Для себя я называла эту книгу «По «нехоженому Севастополю», причём «нехоженому» брала в кавычки, потому что места все были хоженные, но под пером автора преображались, оживали, наполнялись особым содержанием, смыслом, становились близкими. Эта книга – показатель того, как много знал о нашем городе Евгений Витальевич, как умел об этом рассказать». Она была издана тиражом в 50 тыс. экземпляров и, как и другие книги Е. Венিকেва, быстро исчезла из магазинов.

Звёздный час «Весты». *Симферополь: Издательство «Таврия», 1989. С. 200–304. Издана вместе с другим произведением о морях – повестью В. Ф. Петрова «Всплытие».*

Историческая повесть, которая посвящена одному из ярких эпизодов русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тогда русский пароход «Веста» вышел победителем в поединке с турецким броненосцем «Фетхи-Буленд». Этот подвиг так «зацепил» Е. В. Венিকেва, что он рассказал о нём не только в «Севастопольских маршрутах» и в нескольких очерках, но и в отдельном произведении. Кстати, крымское издательство «Таврия» четыре раза возвращало повесть автору на доработку, но это не остановило работу Евгения Витальевича над книгой. Ему было очень важно, чтобы рассказ об этом героическом корабле дошёл до читателя.

Родина – сыновьям. Мемориал Братское кладбище. *Севастополь: Украинское общество охраны памятников истории и культуры; Севастопольская городская организация, 1990. 99 с.*

История её создания такова. «Будучи в 1970–1972 годах главным инженером проекта реставрации Братского кладбища, – писал Е. В. Веникеев в предисло-

вии к этой книге, – я занимался в различных библиотеках и архивах изысканием материалов, относящихся к проектированию и строительству этого мемориального комплекса. Меня удивило почти полное отсутствие литературы по этому предмету. Учитывая огромное значение и уникальность мемориального комплекса, я пожелал хотя бы отчасти восполнить недостаток сведений о нём». После завершения проектных работ по Братскому кладбищу Е. Веникеев продолжал заниматься этой темой, собрав огромный материал – обмеры, описания и фотографии памятников, тексты эпитафий, биографические сведения о более чем 150 участниках обороны и описания подвигов павших героев, военных эпизодов. (Фото 91)

Монография должна была выйти в конце 1980-х годов¹¹⁹, но начался распад СССР и планы издательства изменились. В итоге задуманная как солидное издание книга превратилась в информационно-методический материал для членов Общества охраны памятников истории и культуры тиражом всего 500 экземпляров. От иллюстраций пришлось отказаться, а текст набрать очень убористо. Но книга, разлетевшаяся мгновенно, стала настоящим пособием для будущих исследователей этой темы. Ими и было подготовлено второе издание книги, более качественное и иллюстративное, выпущенное в 2018 году издательством «Сонат» (Симферополь).

В Севастополе 1941-1942. *Севастополь, 1991. 70 с.*

В книге, изданной в виде скромной брошюры, основанной на мемуарах участника обороны Севастополя 1941–1942 годов А. С. Пантюшенко, приведены также и личные воспоминания автора, в то время четырёхлетнего ребёнка, об этом историческом периоде в жизни города.

Пенителы Понта. *Симферополь: Издательство «Таврия», 1992. – 187 с.*

Написана в соавторстве с Л. Т. Артёменко. Книга рассказывает об истории пиратства и каперства на Чёрном и Азовском морях с древнейших времён до XX века. Была издана за счёт ассоциации «Корабли и моряки» в бюджетном варианте. Из экономии пришлось отказаться от нескольких печатных листов выигрышного текста. Напечатана в типографии Севастопольского военно-морского училища, но под эгидой «Таврии» в количестве 1000 экземпляров.

В 1997 году, уже после смерти Е. В. Веникеева, Л. Т. Артёменко издал книгу «Пираты, пираты, пираты...» об истории пиратства всех времён и народов и самых знаменитых корсарах. Есть в ней и глава, посвящённая черноморским морским разбойникам, написанная Е. В. Веникеевым. Поэтому на обложке его имя стоит рядом с фамилией Л. Т. Артёменко.

Севастополь» (энциклопедический справочник). *Севастополь, 2000.*

Уже посмертно статьи Е. В. Веникеева по топонимике Севастополя были включены в данный справочник, созданный большим авторским коллективом Музея героической обороны и освобождения Севастополя. Всего за его подписью в справочнике опубликовано 107 статей.

¹¹⁹ Подробнее об истории издания книги о Братском кладбище – см. «Не знаешь – ищи, нашёл – поделись» (стр. 217).

«Феномен земли Севастопольской». Оценка туристической привлекательности Севастопольской зоны. *Севастополь, 2010.*

Эта малоизвестная работа была выполнена в 1992 году В. В. Беляевым и Е. В. Веникеевым по заказу фирмы «Ост-Балтик» (Санкт-Петербург) как часть «Комплексной программы развития яхтенных портов Севастопольской зоны». Авторы в своей работе сделали попытку предложить модель территориальной системы, основные параметры которой изменялись во времени под воздействием исторических событий. Е. Веникеевым были подготовлены все приложения, относящиеся к Первой обороне Севастополя, перечень объектов туризма и схемы их размещения, а также (совместно с В. Беляевым) раздел «Город Севастополь, особенности его архитектуры и градостроительная перспектива».

О полном объёме работы можно судить по её оглавлению, включающему такие части, как «Основные понятия и термины морского туризма», «Общая характеристика Севастопольской зоны Черноморского побережья», «Современное состояние и перспективы развития туризма в Севастополе», «Город Севастополь, особенности его архитектуры и градостроительная перспектива», «Своеобразие истории Севастополя», «Особенности Крымской этнографии и топонимики». Интересны и приложения: «Периодизация истории Юго-Западного Крыма», «Краткая хронология событий на территории Севастополя, а также на сопредельных ему территориях с запада и востока с V в. до н.э. до нашего времени», «План Гераклейского полуострова 1786 г.», «Размежевание земель на ближней хоре Херсонеса» и другие.

ИЗДАНИЯ Е. В. ВЕНИКЕЕВА В ФОНДАХ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ МОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Евгений Витальевич Веникеев не был обласкан властью, не получал престижных премий, не стал почётным гражданином Севастополя, хотя общественность города выходила с такой инициативой. Но он был честным, неравнодушным человеком, любил Севастополь, переживал за его судьбу. Севастополь для него был не только городом, где он родился и рос. Здесь были его корни и здесь – источник творчества Е. Веникеева. История Севастополя, архитектура, памятники города легли в основу его краеведческих и исторических книг, очерков, статей. (Фото 92)

Конечно, Евгений Витальевич рано ушёл из жизни. Сегодня наступило его время... его наследие широко востребовано. Зайдите на севастопольский исторический форум, и вы в полной мере убедитесь в этом. О популярности произведений Е. Веникеева можно судить и по читательским запросам на них, поступающим в библиографический отдел Морской библиотеки, и по тому, что современное историческое краеведение и сегодня не обходится без ссылок на публикации Е. Веникеева.

В фондах Севастопольской Морской библиотеки хранится уникальный источник – трёхтомное собрание его статей (Евгений Витальевич Веникеев преподнёс библиотеке этот дар незадолго до своей смерти). Уникальность томов в том, что этот труд составлен им самим. Е. Веникеев собственноручно вырезал эти статьи, подклеивал их на альбомный лист, проставлял дату публикации и название газет и журналов, где статьи выходили, систематизировал по годам выхода в свет и затем сброшюровал их. Так составила авторская подборка материалов на три увесистых тома, общим числом 514 страниц.

Статьи Е. Веникеева как жемчужины разбросаны по крымским и севастопольским газетам и журналам... Просто поразительно, что только не становилось предметом его интереса, а затем и творчества!.. Он писал: о севастопольских курантах, колоколах; фонтанах, лестницах, балках, бульварах, бухтах; об окрестностях Севастополя – тропах, долинах, водопадах, о горах, водохранилищах; о портах, мостах, акведуках; высотах, крепостях, фортах, бастионах, редутах, башнях; о городском транспорте, о градостроительных планах Севастополя (более 20 статей).

Об истории города и его микрорайонах – новых и старых; об Инкермане, Балаклаве; об улицах, площадях, об архитектурных ансамблях города и отдельных зданиях; о памятниках Севастополя и защите памятников (более 50 статей); об исторических местах и памятниках археологии; о Максимовой даче, Херсонесе, о храмах и монастырях; о топонимике Севастополя и его окрестностей. О военной истории города и Черноморского флота, о кораблях и людях. В наследии Е. Веникеева около 200 персоналий – людей, оставивших след в истории Севастополя и флота, более десятка персоналий кораблей Черноморского флота.

Но вот полной библиографии произведений Е. Веникеева пока не существует. Поэтому библиографический отдел Севастопольской Морской библиотеки задумал указатель, цель которого – собрать под одной обложкой все сведения, весь материал о том, где, когда и в каких источниках были опубликованы его статьи и изданы его книги; собрать вместе все отзывы и рецензии на его творчество, его биографию, биографические и служебные характеристики; воспоминания о нём его друзей, сослуживцев и его современников. Собственно, всё, что составляет мир Евгения Витальевича Веникеева.

Работа над библиографическим указателем началась с того, что была создана электронная база данных, включающая около 300 описаний его статей и книг. Возможности базы позволили сделать некоторые интересные статистические выводы: с 1972 по 1993 гг. Е. Веникеевым написано и опубликовано в газетах и журналах 336 статей и рассказов. Более всего приходится публикаций на годы: 1982 – (24), 1983 – (27), 1984 – (18); 1991 – (25), 1992 – (45), 1993 – (80).

Его статьи публиковались в журналах и газетах, которые, издав несколько номеров, прекратили своё существование и сегодня являются редкими изданиями («Человек и мир», «Что, где, когда?», «Электрон», «Южный курьер», «Будем милосердны», «Набат», «Севастополец», «Русский вестник»), и в таких солидных изданиях как «Советская культура», «Республика Крым», «Строительство и архитектура», «Памятники Украины». Было опубликовано статей в газетах: «Крымская правда» – 37, «Крымский комсомолец» – 5, «Слава Севастополя» – 104, «Севастопольские ведомости» – 24, «Таврические ведомости» – 86, «Флаг Родины» – 65.

Несколько слов о структуре библиографического указателя.

Раздел «Памяти друга, Евгения Веникеева». Он будет содержать материалы об основных датах жизни и деятельности Е. Веникеева, его биографию и служебные характеристики; воспоминания о нём его современников, друзей, сослуживцев; интервью и беседы с ним и другие материалы, характеризующие его как человека, патриота Севастополя, историка, краеведа. Обязательно будет представлен перечень архитектурных и строительных проектов, в разработке которых принимал участие Е. Веникеев.

Раздел «Указатель работ Е. В. Веникеева». Он будет содержать сведения о всех его произведениях по видам изданий: отдельные издания писателя, работы в коллективных сборниках, публикации в периодической печати. В свою очередь издания будут систематизированы по двум основным направлениям: история Севастополя и Черноморского флота и исторические и археологические памятники и памятные места Севастополя. Все произведения будут аннотированы.

Другие разделы: литература о жизни, творчестве, общественной деятельности Е. В. Веникеева; Е. Веникеев в энциклопедических и справочных изданиях Севастополя и Крыма; неопубликованные работы, письма и рукописи Веникеева. В иконографическом разделе будут представлены фотографии Е. Веникеева, фотографии мест, связанных с его жизнью, творчеством, деятельностью, чертежи его проектов. Научно-вспомогательный аппарат будет состоять из именного и предметного указателей; указателя заглавий его работ и статей и указателя наименования периодических изданий, в которых статьи опубликованы.

Указатель адресован краеведам, историкам, студентам, любителям истории города и флота, исследователям, которые занимаются творчеством Е. В. Веникеева.

*Светлана Карпова, библиограф
Севастопольской Морской библиотеки*

- К сожалению, этот капитальный труд не был реализован (Светлана Петровна в 2020 году ушла из жизни). Лишь в изданной в 2016 году повести Е. В. Веникеева «Пароходо-фрегат «Владимир» приведён составленный ею аннотированный библиографический указатель литературы из трёхтомного авторского собрания Е. В. Веникеева 1972–1993 гг. Надеемся, что данный сборник избранных статей и очерков севастопольского краеведа вместе с дополнительными материалами о его жизни и творчестве в какой-то мере восполняет этот пробел.

«НЕ ЗНАЕШЬ – ИЩИ, НАШЁЛ – ПОДЕЛИСЬ!»

О Е. В. Веникееве по документам Архива города Севастополя

Евгений Витальевич Веникеев оставил яркий след в истории Севастополя второй половины XX в., что нашло достаточно полное отражение в документах Архива города Севастополя.

В 1988 году Евгений Витальевич лично передал на хранение в Архив города Севастополя документы, созданные или полученные им от других исследователей в ходе профессиональной, творческой и общественной деятельности. По результатам обработки они вошли в фонд Р-567 «Коллекция документов по истории г. Севастополя» с присвоением шифра «Опись 5. Документы Веникеева Е. В.». Второе поступление документов в Архив города Севастополя от Е. В. Веникеева состоялось в 1993 году.

В 1999 году, уже после смерти Евгения Витальевича, фонд Веникеева пополнился новыми документами, переданными в Архив города Севастополя его вдовой Жанной Александровной.

Всего в описи № 5 фонда Р-567 значится 106 единиц хранения (дел), которые сгруппированы в несколько тематических разделов¹²⁰.

1. Документы служебной и научной деятельности

- Проект восстановления первого бастиона. Обмерные чертежи (1957 г.).
- Плановые задания, генплан и другие документы на реконструкцию Херсонесского историко-археологического заповедника (1969 г.).
- Памятник культуры XIX в. храм св. Николая в г. Севастополе. Проект реставрации (1971 г.)¹²¹.
- Обмерные чертежи оборонительных стен 1, 2, 3 бастионов периода обороны Севастополя 1854–1855 гг., задание на проект их реставрации (1969 г.)¹²², Покровского собора (1964 г.)¹²³, чертежи раскопок подземно-минных галерей на юго-восточном склоне Малахова кургана (1974–1976 гг.).
- Восстановление и реконструкция 3-го бастиона (1958 г.), Корниловской башни на Малаховом кургане (1962 г.).
- Проект реконструкции и благоустройства кладбища воинов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в п. Дергачи¹²⁴, некрополя воинам 315-й стрелковой дивизии (1979 г.).
- Плановые задания, генплан, геодезическая съёмка и другие документы на реконструкцию памятников Севастополя (1965, 1969, 1971, 1972, 1990 гг.)¹²⁵.
- Генеральный план г. Севастополя и документы к плану (1972–1979 гг.).
- Схема памятников истории культуры Севастополя (1979 г.).
- Докладные записки и заявления Е. В. Веникеева директору филиала КрымНИИпроект о сдаче проектов (1972–1979 гг.)¹²⁶.
- Диссертация Веникеева Е. В. по теме «Исследование путей повышения эффективности работы систем общественного транспорта крупных приморских городов в условиях резких сезонных изменений мощности и направления пассажиропотоков» (1979 г.)¹²⁷ и другие документы.

¹²⁰ Названия дел приводятся в соответствии с описью – М. С.

¹²¹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 9-а.

¹²² ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 6.

¹²³ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 72.

¹²⁴ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 10.

¹²⁵ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 9.

¹²⁶ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 17.

¹²⁷ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 18.

2. Материалы, собранные Е. В. Веникеевым для работы

- Обмерные чертежи, топопланы и схемы расположения геологических разрезов памятников Инкерманскому и Балаклавскому сражениям (1990 г.).
- Очерки, путевые записки, дневники, записные книжки (1959–1993)¹²⁸.
- Список переименованных улиц и площадей г. Севастополя и справка по административно-территориальному делению г. Севастополя в 1917–1967 гг.
- О советско-греческих отношениях. Краткая справка (1983 г.).
- Списки русских военных кораблей и судов (1861–1945 гг.).
- И. В. Бренёв, Е. Г. Кьяндская. О работах А. С. Попова на Черноморском флоте и в Севастополе (1977 г.).
- Ю. К. Румянцев. Операция по минированию Севастопольского фарватера немецкими самолётами 22 июня 1941 г. (1977 г.)¹²⁹.
- В. Н. Славянов. Отчёт по гидрогеологическим работам 1948 года в районе Батилиман-Ласпи (1948–1949 гг.) и другие документы.

3. Документы творческой деятельности

Статьи, рецензии:

- Статьи Е. В. Веникеева об архитектуре, памятниках и героях Севастополя, опубликованные в газетах «Слава Севастополя», «Флаг Родины», «Крымская правда» в 1972–1986 гг.¹³⁰
- Новый дом для новой жизни. Статья опубликована в газете «Советская культура» 15 июля 1977 г.
- Городской и пригородный морской массовый пассажирский транспорт. Статья опубликована в сборнике «Градостроительство» (Киев, 1983 г.).
- Рецензии на работы Е. В. Веникеева, рецензии, написанные Е. В. Веникеевым на работы других авторов (1975–1988 гг.) и другие документы¹³¹.

Рукописи:

- Е. В. Веникеев. Мемориальный комплекс «Братское кладбище в Севастополе» (1975 г.).
- Е. В. Веникеев. Памятники Крымской войны в г. Севастополе и его окрестностях. Черновой вариант (1975 г.)¹³².
- Ляхович А. А., Шорин Л. В., Веникеев Е. В., Шавшин В. Г. У карты Севастополя (1979 г.).
- Е. В. Веникеев. Тайна Целистины. Перевод с английского (1980 г.).
- Е. В. Веникеев. Пароход «Веста». Историческая повесть (1983 г.).
- Е. В. Веникеев. Родина – сыновьям (1985 г.).
- Е. В. Веникеев. Севастопольские маршруты. Путеводитель (1988 г.).
- Е. В. Веникеев, Ю. Н. Савченко. Родина – сыновьям (1990 г.).
- Е. В. Веникеев. В Севастополе 1941–1942. (1990, 1991 г.)¹³³.

¹²⁸ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 65.

¹²⁹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 103.

¹³⁰ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 30.

¹³¹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 31, 38.

¹³² ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 58.

¹³³ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 41.

— Е. В. Веникеев. Севастополь. 1830 год. Историческая хроника в пяти действиях. Машинопись. (1992 г.)¹³⁴.

— Е. В. Веникеев. Ахтиар – Севастополь. Автограф. С авторскими правками. (1992 г.)¹³⁵.

— Л. Артёменко, Е. Веникеев. От Язона до мадам Вонг. Опыт всемирной истории пиратства.

— Е. В. Веникеев, Л. Т. Артёменко. Пенители Понта и другие работы.

4. Документы общественной деятельности:

— План работы и протоколы заседаний, отчёты, письма о работе секции памятников градостроительства и архитектуры Севастопольской организации Украинского общества охраны памятников истории и культуры (1976–1989 гг.)¹³⁶.

— Протоколы заседаний Клуба любителей истории Севастополя, афиши (1982, 1983 гг.)¹³⁷.

— Устав объединения граждан общественной ассоциации «Моряки и корабли». Утверждён Севастопольской городской государственной администрацией 23 января 1993 г.¹³⁸

— Перечень планируемых задач и мероприятий ассоциации «Моряки и корабли» (1993 г.)¹³⁹.

5. Биографические документы:

— Автобиография, личный листок по учёту кадров (1975, 1987 гг.)¹⁴⁰.

— Поздравление директора школы № 5 г. Севастополя с окончанием средней школы; Диплом редакционной коллегии газеты «Слава Севастополя» Е. В. Веникееву – призёру конкурса «Книга в моей судьбе».

— Свидетельство о присуждении звания «Ударник Коммунистического труда» (1962 г.), удостоверение «Ударник Коммунистического труда» (1967 г.), удостоверение аспиранта (1979 г.), удостоверение дружинника (1979–1981 гг.)¹⁴¹.

— Пригласительные билеты на юбилейную встречу выпускников МИИТ (1979 г.), расширенное заседание Научно-методического совета Херсонесского государственного историко-археологического заповедника (1981 г.), на открытие новой экспозиции средневековой истории древнего Херсонеса (1982 г.), на вечер, посвящённый 160-летию со дня основания Морской библиотеки (1982 г.), на заседание Учёного совета Музея героической обороны и освобождения Севастополя (1985 г.)¹⁴².

---

¹³⁴ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 62.

¹³⁵ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 59.

¹³⁶ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. ДД. 91, 92.

¹³⁷ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 33.

¹³⁸ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 44.

¹³⁹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 45.

¹⁴⁰ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 1.

¹⁴¹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 2, 3.

¹⁴² ГАГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 736. Л. 22, 23.

Фото 77. Е. В. Веникеев вместе с отцом. 1970-е гг.

Фото 78. Евгений Веникеев. 1954 г. Грамота об окончании 10-ти классов

Фото 79. Евгений Венিকেев. 1960-е гг.
Поздравление от сослуживцев с 40-летием. 1977 г.

Фото 81. Монумент Победы. 2010 г.

Фото 80. Мемориальное кладбище участников Великой Отечественной войны
на Северной стороне. 2010 г.

Фото 82. Памятник воинам 315-й Мелитопольской дивизии. 2010 г.

Фото 83. Памятник воинам 8-й бригады морской пехоты 1-го формирования.
Фото В. В. Докина. 1985 г.

Фото 85. Мемориальное братское кладбище в с. Орловка. 2016 г.

Фото 84. Мемориальный комплекс Великой Отечественной войны (пос. Дергачи). 2010 г.

Фото 86. Дом культуры в с. Андреевка. 2010 г.

Фото 91. Е. Веникеев за обмером памятников на Братском кладбище. 1970-е гг.

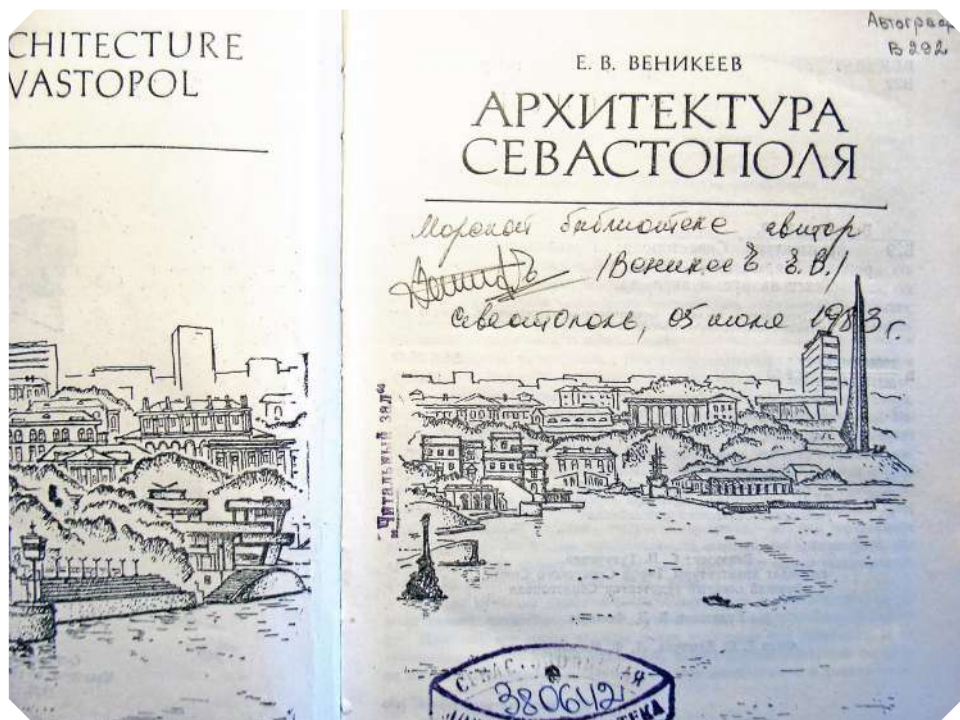

Фото 92. Книга Е. В. Веникеева «Архитектура Севастополя», подаренная Морской библиотеке с автографом автора

Фото 93. Владимир Стефановский на открытии памятника Е. В. Веникееву. 10 марта 2013 г.

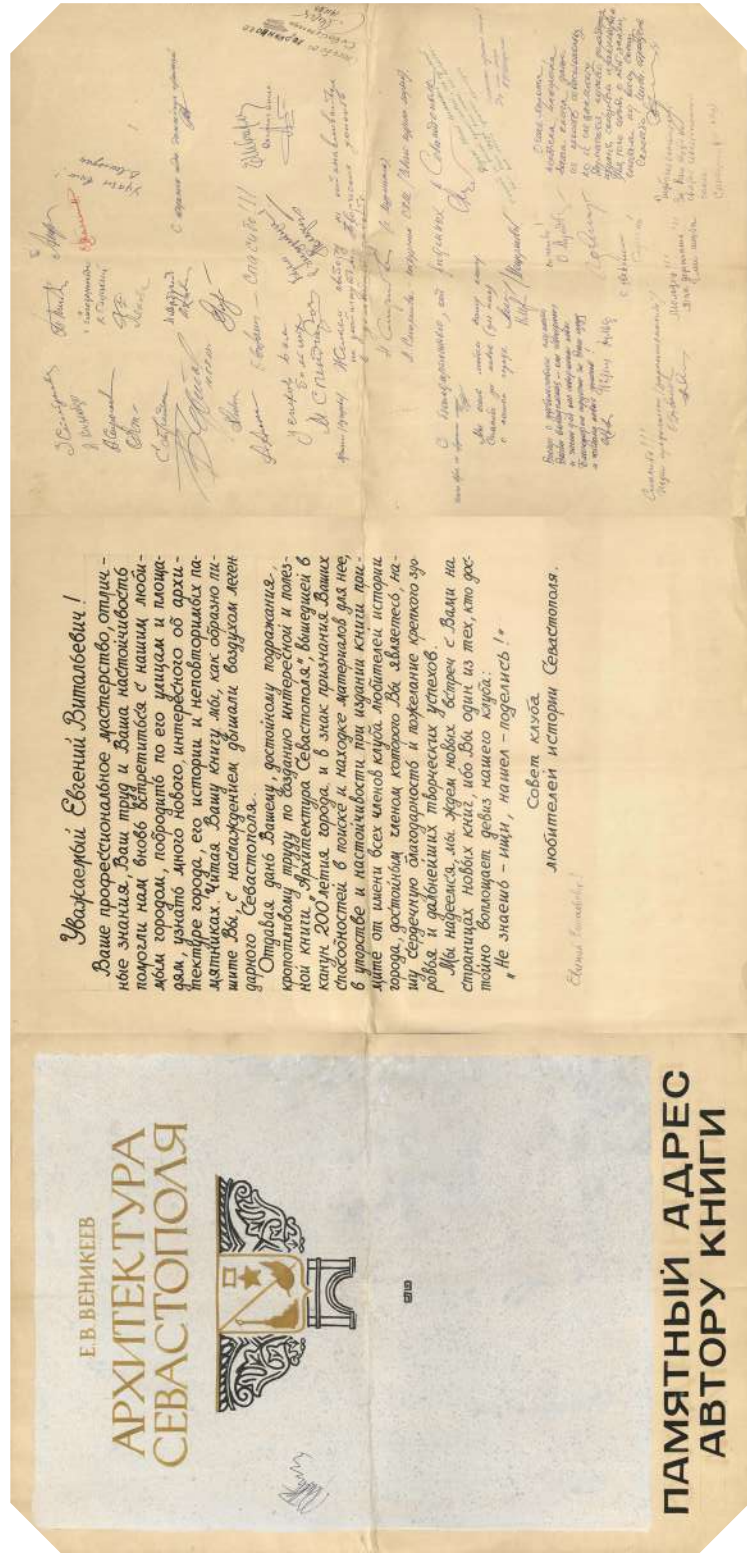

Фото 94. Памятный адрес Клуба любителей истории Севастополя в связи с презентацией книги «Архитектура Севастополя»

Фото 95. Фото класса 9-в школы №5. 1953 г. В первом ряду – второй справа Е. Веникеев, в третьем ряду – пятая справа Н. Белова, в четвертом ряду – первый слева Л. Лато

Фото 96. Е. В. Веникеев рассказывает о Генплане развития Севастополя до 2000 года на заседании Клуба любителей истории Севастополя 18 августа 1982 г.

Фото 97. Выступление Е. В. Веникеева на заседании Клуба любителей истории Севастополя 10 августа 1983 г. (рядом председатель клуба В. А. Милодан)

МУЗЕЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ
ОБОРОНЫ И ОСВОБОЖДЕНИЯ
СЕВАСТОПОЛЯ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ СЕВАСТОПОЛЯ

**ПРОВОДИТ ОЧЕРЕДНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
В ПРОГРАММЕ:**

11.03.87.

Обсуждение книги члена Клуба
Е.В. ВЕНИКЕЕВА
**„ СЕВАСТОПОЛЬ И ЕГО
ОКРЕСТНОСТИ ”**
Москва, „Искусство,” 1986.

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ

*Евгений Витальевич!
Спасибо за книгу - прекрасный
материал севастиопольцам*

*С благодарностью
„любителей Клуба”*

Спасибо за книгу - прекрасный материал севастиопольцам

С благодарностью „любителей Клуба”

Фото 98. Афиша Клуба любителей истории Севастополя

Фото 99. Выступление В. Н. Гурковича (в центре) на открытии нового памятника Е. В. Веникееву, 10 марта 2013 г.

Фото 101. Памятник на могиле Е. В. Веникеева (2013 г.) и модель книги «Архитектура Севастополя» (2016 г.)

Фото 100. В. А. Дмитриев и О. Г. Доскато (справа) на заседании, посвящённом 75-летию со дня рождения Е. В. Веникеева, 3 ноября 2012 г.

*Фото 102. Участники памятного мероприятия у могилы Е. В. Венিকেва.
10 марта 2013 г.*

*Фото 103. Инициаторы издания книги «Пароходо-фрегат «Владимир»
В. А. Дмитриев и В. Н. Прокопенков в музее Черноморского флота
у модели парохода-фрегата «Владимир»*

5. Переписка:

- Письма читателей Е. В. Венিকেеву (1970–1987 гг.)¹⁴³.
- Переписка Е. В. Венিকেева с главными архитекторами курортных городов (1979 г.)¹⁴⁴.
- Письма Е. В. Венিকেева директору издательства «Таврия» и читателям (1984–1985 гг.).
- Переписка с издательствами (1984–1988 гг.)¹⁴⁵.

6. Фотодокументы – свыше 150 ед.:

- Фотографии памятников Братского кладбища (1971 г.).
- Фотографии окрестностей Севастополя (1972–1973 гг.)¹⁴⁶.
- Фотографии по обороне Севастополя 1854–1855 гг. Репродукции. (30 единиц)¹⁴⁷.

Изучая этот массив документов, современники откроют для себя не только целую эпоху в истории Севастополя второй половины XX в., отражённую в жизни и творчестве Е. В. Венিকেева, но и найдут интересные, до сегодняшнего дня сохранившие актуальность работы по теории и практике градостроительства в южных курортных регионах, по истории Севастополя и Российского военно-морского флота и другим важным направлениям.

По роду своей основной деятельности – инженер, строитель, архитектор, планировщик градостроительных проектов, Е. В. Венিকেев оставил большое документальное наследие. Это и генеральные планы Севастополя разных лет, и благоустройство пригородных населённых пунктов в 1970-е гг., и восстановление, реконструкция памятников истории и архитектуры.

При этом Евгений Витальевич собрал многочисленные иллюстрации по темам своей профессиональной и творческой деятельности. При разработке проектов благоустройства сёл Передовое совхоза «Красный Октябрь», Хмельницкое совхоза «Золотая балка», Орловки Е. В. Венিকেев и его коллега, инженер-геолог В. И. Арестов, фотографировали объекты народнохозяйственного назначения, прилегающие территории этих населённых пунктов. Полученные фотографии Е. В. Венিকেев также передал в Архив города Севастополя, и благодаря этому мы можем сегодня получить зрительное представление, как выглядели окрестности Севастополя в 1970–1980-е гг. – навсегда утраченные виды.

Во всём, за что брался Е. В. Венিকেев, прослеживается глубокий, вдумчивый профессиональный подход, ответственное отношение к качеству исполненных работ. Особенно ярко это видно по документам, связанным с работой над диссертацией.

В 1974 году, будучи сотрудником Севастопольского филиала «Гипроград», главным инженером проекта Генерального плана г. Севастополя на 2000 г., часто выполняя обязанности начальника отдела, разрабатывая транспортный раз-

¹⁴³ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 34.

¹⁴⁴ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 21.

¹⁴⁵ ГАГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 736. Л. 23; Р-567. Оп. 5. Д. 22, 93.

¹⁴⁶ ГАГС. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 736. Л. 23; Р-567. Оп. 5. Д. 13.

¹⁴⁷ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 105.

дел указанного проекта, он успешно сдал вступительные экзамены в аспирантуру научно-исследовательского и проектного института градостроительства «КиевНИИПградостроительства» по специальности «Транспортные системы городов» в качестве соискателя учёной степени кандидата технических наук¹⁴⁸.

В письме к своему научному руководителю, кандидату архитектуры А. К. Старинкевичу он делится размышлениями о выборе темы, от которой зависела дальнейшая работа над диссертацией: «... темой для моего реферата послужил вопрос о подвижности населения в городах с значительным сезонным притоком рекреантов. Насколько мне известно, тема эта мало разработана в специальной литературе, имеет определённое значение для решения транспортной проблемы курортных городов, население и общая площадь которых в последнее время интенсивно увеличивается. Однако я сомневаюсь, может ли этот вопрос являться темой диссертации и если да, то не потребует ли это такого объёма изысканий, связанных с массовым опросом населения и различных групп приезжающих, которого невозможно будет выполнить. Я, конечно, смогу использовать для этой цели персонал отдела генплана Севастопольского филиала «Гипрограда», т. к. эти изыскания весьма важны для проекта генерального плана города, который мы разрабатываем и будем продолжать в следующем году. Но даже в случае успешного проведения подобных изысканий (что весьма затруднительно при малочисленности отдела и отсутствии опыта подобных работ) я получу только материалы, относящиеся к Севастополю, которые будут в значительной степени специфичны»¹⁴⁹.

В ходе работы над диссертацией для выявления сведений о пассажиропотоке в различных курортных регионах он установил связь с главными архитекторами Таллина, Батуми, Новороссийска, Сочи, Нальчика, Владикавказа и других наиболее посещаемых курортных центров СССР. В ходе переписки им были получены сведения о динамике туристических потоков и в других регионах страны, которые также доступны для исследователей этого архивного фонда¹⁵⁰.

В рамках работы над диссертацией за период 1976–1977 годов Е. В. Веникеев осуществил «натурные обследования расселения и передвижения приезжего населения в городе Севастополе в течение месяца – максимума рекреационного сезона (июль 1976 г.)», провёл обработку и научный анализ полученных данных, изучил и проанализировал «генеральные планы городов Керчи, Севастополя, Ялты, выполненные в 60-х годах, и материалы их корректировки в 70-х годах в части учёта в этих проектах временного населения и способов решения транспортных задач»¹⁵¹.

В 1977–1978 годах разработал «метод расчёта транспортных систем приморских городов и предложения по совершенствованию проектных решений», опубликовал две статьи: «Развитие транспортной системы Севастополя (Сборник научных трудов КиевНИИПградостроительства «Вопросы совершенствования транспортных систем городов». Киев, 1977 г.) и «Транспортная схема Севастополя» («Жилищное коммунальное хозяйства». 1978 г. № 1)», принимал участие в «науч-

ной работе института ЦНИИПградостроительства по теме: «Развитие градостроительства в СССР в X-ю пятилетку» и в научной работе, выполненной отделом транспорта института «КиевНИИПградостроительства», посвящённой вопросам транспортного обслуживания Южного берега Крыма»¹⁵². В 1979 году опубликовал две статьи: «Решение транспортных проблем в генеральном плане Севастополя» («Строительство и архитектура» 1979 г. № 1) и «Развитие Севастополя в условиях реконструкции» (в соавторстве) в межведомственном сборнике за 1979 г.»¹⁵³.

В 1976 году, одновременно с работой над диссертацией, Е. В. Веникеев принял участие в научно-исследовательском проекте отдела транспорта и архитектурно-производственной мастерской института, целью которого была разработка «...рекомендации по совершенствованию транспортных систем и рациональной организации транспортного обслуживания курортных районов (с обоснованием перспективных норм проектирования)»¹⁵⁴. В проекте нашли «отражение основные технико-экономические показатели развития курортов Крыма, Одесского побережья и Молдавской Советской Социалистической Республики и соображения по допустимой нагрузке в различных зонах этих районов».

Ещё на этапе «обоснования темы диссертационной работы инженера Веникеева Е. В. «Организация транспорта в приморских городах в рекреационный сезон» на заседании секции Научного отделения при НТС КиевНИИПградостроительства 3 октября 1975 г. заместитель директора института кандидат архитектуры С. И. Северин высказал рекомендацию: «Необходимо, чтобы итогом работы явился какой-то новый научный результат»¹⁵⁵.

Сам Веникеев в этот период писал научному руководителю, что его «несколько смущает, так сказать, «практичность» этой проблемы. Я привык думать, что тема диссертации должна быть связана исключительно с решением теоретических вопросов, могущих, однако, иметь практическое применение (так называемое «внедрение»)»¹⁵⁶.

Сведения о первом «практическом применении» разработок Е. В. Веникеева содержатся в документе, датированном 26 января 1976 года. В справке, выданной «аспиранту института КиевНИИПградостроительства т. Веникееву Евгению Витальевичу», директор Севастопольского филиала Крымского научно-исследовательского и проектного института КрымНИИпроект Главного управления проектных организаций Госстроя УССР В. Н. Фуклев указал: «... материалы ... диссертационной работы на соискание учёной степени кандидата технических наук по теме: «Организация транспорта в приморских городах в рекреационный сезон» использованы полностью при разработке транспортного раздела генерального плана г. Севастополя на 1973–2000 гг. В результате использования указанных материалов точность расчётов системы транспорта г. Севастополя повысилась, в среднем, по городу на 33%, а на отдельных направлениях – до 50 %»¹⁵⁷.

¹⁵² ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 38.

¹⁵³ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 60.

¹⁵⁴ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 28.

¹⁵⁵ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 18, 21.

¹⁵⁶ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 4, 5.

¹⁵⁷ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 23.

¹⁴⁸ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 2.

¹⁴⁹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 3, 4.

¹⁵⁰ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 21.

¹⁵¹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 32.

В 1978 году данные о расселении временного населения по районам Севастополя, полученные в результате применения математической модели расселения, разработанной Е. В. Веникеевым, были использованы специалистами управления «Укрюжгипрокоммунстрой» при разработке проекта канализационной системы Южной стороны Севастополя¹⁵⁸.

В 1979 году результаты научных исследований, проведённых Е. В. Веникеевым, его рекомендации были внедрены в «...комплексной схеме транспорта г. Севастополя ... в части учёта расселения временного населения и его распределения по транспортным районам города в расчётах пассажиропотоков на расчётный срок и в первую очередь строительства. Использование разработанной ... математической модели процесса расселения временного населения по территории города с учётом конкретных градостроительных условий позволяет в полной мере получить объективную картину нагрузки на сеть городского пассажирского транспорта в приморских городах в условиях рекреационного периода», – говорится в заключении заместителя главного инженера Украинского государственного института проектирования городов «Гипроград» Н. Н. Пивоварова¹⁵⁹.

К сожалению, эта сторона профессиональной и научно-исследовательской деятельности Е. В. Веникеева, его вклад в формирование транспортной схемы Севастополя известна очень узкому кругу специалистов и достоянием широкой общественности так и не стала. Большую известность снискали работы Е. В. Веникеева в области изучения, сохранения исторического и культурного наследия на территории Севастополя, охраны, реставрации памятников истории, популяризации научных знаний о различных направлениях и этапах истории Севастополя посредством публикации статей, очерков в газетах, журналах, издания книг.

Значительный интерес представляют рецензии и отзывы на работы Е. В. Веникеева и ответы на них, собранные в период 1975, 1980–1987 гг. Документы этого дела приоткрывают завесу тайны рождения его книг, показывают жаркие споры и дискуссии специалистов, которые сопровождали рабочие моменты и творчество историка-краеведа, писателя Веникеева. С уважением и вниманием воспринимает он пожелания и рекомендации рецензентов, вносит в текст правки и изменения, которые сделают работу только чище, лучше, доступнее для понимания. При этом, не прикрываясь ложной «дипломатической покорностью», убеждает рецензента в своей правоте фактами и аргументами, иногда резко настаивает на выбранном им варианте изложения текста.

Так, в ответе на рецензию очерка «Живых им поучать навеки суждено» (о Братском кладбище и храме св. Николая на Северной стороне) Е. В. Веникеев пишет: «Автор благодарен рецензенту за конструктивные замечания, которые учтены при переработке очерка. Однако, не со всем в рецензии можно согласиться».

Например: «... автор не утверждает, что средства на памятники собирали только моряки, просто приводится дата распоряжения Морского министерства на этот счёт, но раз это место в тексте допускало подобное толкование, то оно соответственно изменено ...»¹⁶⁰

¹⁵⁸ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 68.

¹⁵⁹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 20. Л. 67.

¹⁶⁰ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 31. Л. 13.

далее – по пунктам:

3. Название «стотысячное», «издавна утвердившееся в народе» (как считает рецензент) появилось только после первого издания путеводителя Г. Москвича. Автор вычисляет число погребённых на Братском кладбище как в интересах истины, так и из патриотических соображений – пора перестать преувеличивать русские потери и отказаться от дореволюционных взглядов на Крымскую войну как на «бойню» и «разгром». Ссылка на А. Погосского дана не в подтверждение числа русских, а вражеских потерь, которых оказалось больше ... Рецензент не прав в оценке цифр на мемориальных досках – это не число убитых, а «общая потеря», куда входили убитые, раненые, больные и пропавшие без вести ...

10. Общий «идейный стержень очерка» (как выразился рецензент) заключается в желании автора передать читателю свое благоговение перед описанными памятниками, как монументами героических подвигов и (с этой точки зрения их ранее никогда не рассматривали) как незаурядными произведениями искусства...

11. Современные путеводители мало пишут об этих кладбищах потому, что их авторы не располагают соответствующими сведениями. Одна из задач очерка – восполнить этот пробел... Рецензент рассуждает о братской могиле моряков линкора «Новороссийск», ошибочно полагая, что это «главный памятник на кладбище ВОВ». Центральным монументом всего комплекса является не братская могила, а композиция «Родина – сыновьям» ...».

При написании своих книг, научных статей Е. В. Веникеев старался охватить как можно больший объём источников. Среди документов, переданных им на хранение в Архив города Севастополя, в отдельное дело сгруппирован список источников и литературы, которые он использовал при написании своих книг: 44 страницы с перечислением 176 наименований. Из них на русском языке – 154 источника, на иностранных языках (английском, немецком, французском, польском) – 22¹⁶¹.

Архивные документы сохранили свидетельства о том, с каким упорством, настойчивостью, непреклонностью Е. В. Веникеев каждый раз преодолевал препятствия на пути своих книг от рукописи до издания.

Как пример, приведу хронику борьбы за выход в свет книги о Братском кладбище. В марте 1973 года издательство «Таврия» (Симферополь) отказывается принять в печать путеводитель по Братскому кладбищу, выражает сомнение в том, что собранный автором материал сможет заполнить объём книги и, кроме того, считает его издание нецелесообразным ввиду проведения Музеем героической обороны и освобождения Севастополя работы по созданию музейной экспозиции в часовне Братского кладбища¹⁶².

Е. В. Веникеев направляет рукопись в Институт истории СССР Академии наук СССР (Москва). 27 мая 1976 года на заседании Комиссии по подготовке свода памятников истории этого института рассмотрели работу «Е. В. Веникеева «Мемориальный комплекс Братского кладбища в Севастополе» и постановили: «Утвердить к открытой печати работу Е. В. Веникеева «Мемориальный ком-

¹⁶¹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 29.

¹⁶² ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 1.

плекс Братское кладбище в Севастополе». В специальной экспертизе работа не нуждается и после выхода в свет может быть послана за границу»¹⁶³.

30 августа 1976 года в издательстве «Наука» (Москва) подготовили справку на рукопись книги Е. В. Веникеева о Братском кладбище. Рецензенты указывали на необходимость в рассказе о ходе Крымской войны «изложить на основе марксистско-ленинской методологии причины возникновения войны», считали, что в описаниях памятников отсутствует искусствоведческий анализ, как недостаток отметили источник сведений «из Брокгауза или ранее изданных путеводителей» и сделали вывод: «Рукопись тов. Веникеева не соответствует профилю издательства «Наука». Она может быть отнесена к историко-популярной литературе»¹⁶⁴. А в следующем году, в мае 1977 года на заседании бюро редколлегии серии научно-популярных изданий Академии наук СССР приняли решение: «Рукопись отклонить как не соответствующую профилю серии»¹⁶⁵.

В 1978 году, значительно переработав, внося изменения в соответствии с рекомендациями и замечаниями, полученными в различных инстанциях, Евгений Витальевич направляет в издательство «Таврия» на рассмотрение план-проспект книги о Братском кладбище, «копии отзывов на рукопись, выписки из протокола заседания Комиссии по подготовке свода памятников истории АН СССР с рекомендацией к публикации»¹⁶⁶. 1 августа 1978 года издательство «Таврия» подготовило ответ: «Уважаемый Евгений Витальевич! ... Книга, предложенная Вами, посвящена узкоспециальному вопросу и поэтому не может быть издана в нашем издательстве. Когда на Братском кладбище откроется отдел Музея героической обороны и освобождения Севастополя, можно будет подготовить главу о Братском кладбище для путеводителя «Музей героической обороны и освобождения Севастополя»¹⁶⁷.

Следующую попытку издать книгу о Братском кладбище Е. В. Веникеев предпринял в конце 1980-х гг., подготовив в соавторстве с Юрием Николаевичем Савченко книгу «Родина – сыновьям», посвящённую истории мемориальной архитектуры и скульптуры Севастополя. Кроме описания памятников Братского кладбища в книгу вошли главы, посвящённые мемориальному кладбищу Коммунаров и «Некрополю в Дергачах» – Мемориальному кладбищу Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В марте 1987 года республиканское издательство «Мистецтво» (укр. «Искусство», Киев) заявку на издание книги «Родина – сыновьям» отклонило «по объективным причинам»: «При ограниченных издательских лимитах в последнее время мы изыскали возможность выпустить ряд изданий по Севастополю ... учитывая читательский спрос, помимо «Диорамы...» и «Панорамы...», которые ежегодно переиздаются большими тиражами, вскоре издадим большой фотоальбом «Легендарный Севастополь»; готовятся к печати новый путеводитель, альбом о Музее героической обороны и освобождения Севастополя и другие издания по Крыму, где

также будет представлен Ваш город. Этим наши сегодняшние возможности исчерпываются. Советуем обратиться в «Таврию» или «Будівельник». Нам кажется, предлагаемая Вами книга в большей мере отвечает тематическому профилю этих издательств»¹⁶⁸.

В издательстве «Будівельник» (укр. «Строитель», Киев) в мае 1987 года оценили актуальность заявленной в книге темы, но объяснили, что «на ближайшую пятилетку издания о Севастополе не планируются», и порекомендовали обратиться в издательство «Таврия». И только в 1988 году, получив на рассмотрение пробную главу книги Е. В. Веникеева и Ю. Н. Савченко «Родина – сыновьям», редактор издательства «Таврия» П. В. Коньков убедился «в том, что авторы располагают материалом для создания книги» и порекомендовал «включить книгу в план издательства на 1991 год»¹⁶⁹. Машинописная рукопись книги «Родина – сыновьям» с авторскими правками, наряду с рукописями других работ Е. В. Веникеева, составляет значительную часть коллекции документов «фонда Веникеева»¹⁷⁰.

Но, пожалуй, одной из самых известных и востребованных работ Евгения Витальевича стала книга «Архитектура Севастополя». Была издана накануне 200-летнего юбилея со дня основания Севастополя и вошла в классику севастопольского краеведения, стала настольной для многих поколений историков, краеведов и просто неравнодушных к истории нашего города исследователей. Книга вызвала огромный интерес у читателей и очень быстро исчезла с прилавков книжных магазинов.

Евгений Витальевич передал в Архив письмо своего коллеги, инженера-геолога по образованию, Виктора Ивановича Арестова, написанное 2 августа 1983 года и адресованное редакционной коллегии издательства «Таврия»¹⁷¹. Приведём отрывки из этого отзыва.

«Уважаемые товарищи из издательства «Таврия», я приобрёл книжку Е. Веникеева «Архитектура Севастополя» – путеводитель по архитектурным достопримечательностям нашего города. Я работаю в Севастопольском филиале института «КрымНИИпроект», в недрах которого и родились проекты многих зданий и сооружений, упоминаемых в книге. Фамилии многих архитекторов, скульпторов, которые встречаются на страницах книги, для меня – не просто фамилии. Я знал или знаю их обладателей. И город свой я люблю. Вот с таких позиций я и начал изучение путеводителя. Я его внимательно прочитал и хочу высказать свое мнение.

Вначале – о внешнем виде, оформлении книги. Хорошо, любовно оформлена. Красивая, весьма приятная книжица. Как говорится – приятно держать в руках. В этой маленькой книжице на 184 страницах собран огромный фактологический материал. Одни факты широко известны. Другие лежат на поверхности. Третьи зарыты глубже. А четвертые лежат очень глубоко, и можно представить себе, сколь глубоко автору пришлось копать, чтобы добраться до них ...».

¹⁶³ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 2, 3.

¹⁶⁴ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 4.

¹⁶⁵ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 8.

¹⁶⁶ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 16.

¹⁶⁷ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 11.

¹⁶⁸ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 25.

¹⁶⁹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 93. Л. 29.

¹⁷⁰ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 48.

¹⁷¹ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 31. ЛЛ. 19, 19 об., 20, 20 об.

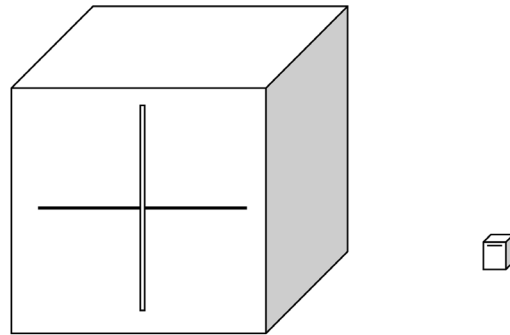
В. И. Арестов с восторгом отметил «захватывающий список источников – 165 названий. Многие из этих книг хотелось бы полистать. Но где их найдешь!».

Для него было важно и наличие сведений, которые на первый взгляд не имели отношения к архитектуре: «Но автор включил их в путеводитель, т. к. они необходимы для понимания духа нашего города».

«Это – не просто путеводитель, – делает вывод В. И. Арестов, – а очень хороший путеводитель. Книга, переросшая рамки путеводителя. Это продукт любви автора, художника книги, издательства. Книга, легко нашедшая себе дорогу к читателю. Не зря же люди порасхватили её за несколько дней. Попробуй, купи её теперь где-нибудь! Не купишь. Бестселлер!»

Следуя методике составления рецензии – вводная часть, положительные, удачные моменты, замечания и предложения, В. И. Арестов задаётся в конце письма вопросом: «А есть ли недостатки у этой книги? Есть. Конечно есть. Но я ограничусь тем, что схематично покажу соотношение плюсов и минусов этого путеводителя:

В Архиве города Севастополя имеется ещё один уникальный документ, связанный с историей выхода в свет этой книги, – Памятный адрес, вручённый автору от имени Совета Клуба любителей истории Севастополя во время презентации на заседании клуба в Морской библиотеке 10 августа 1983 года.

Документ необычен и по форме, и по своему содержанию. Выполнен на большом ватмане (61 x 43 см), повторяет форму книги, на 1-й странице которой воспроизведено художественное оформление обложки книги «Архитектура Севастополя», на обороте – слова благодарности Е. В. Венিকেеву и пожелания от членов клуба:

- С благодарностью, от рождённых в Севастополе!
- Всегда с удовольствием слушаем Ваши выступления – они интересны и часто для нас совершенно новы. Благодарим сердечно за Ваш труд и желаем новых успехов!
- Глубокая благодарность за Ваш труд на святой севастопольской земле. (Симбирская – род[илась] в Сев[астополе])
- Отличная нужная книга! (Д-[окто]-р ист.[орических] наук К. Ф. Шацилло)
- Спасибо от коренного севастопольца!
- Мы очень любим Вашу книгу. Спасибо за новое (для нас) о нашем городе (Мещеряковы)
- Желаем автору не останавливаться на достигнутом. Творческих успехов в дальнейшей работе! (Н. Смирнова (г. Мурманск), Л. Смирнова, сотрудник Севастопольского Художественного музея)
- Дорогой Евгений Витальевич! Спасибо за долгий, кропотливый, так нужный нам всем труд! Кто искал, тот поймет – как много сделано. (Милодан)¹⁷²

¹⁷² ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 26. Л. 2 об.

В развороте Памятного адреса – поздравление Совета Клуба любителей истории Севастополя. Он написан с такой теплотой, любовью, сердечностью, что хочется привести его текст полностью.

«Уважаемый Евгений Витальевич! Ваше профессиональное мастерство, отличные знания, Ваш труд и Ваша настойчивость помогли нам вновь встретиться с нашим любимым городом, побродить по его улицам и площадям, узнать много нового, интересного об архитектуре города, его истории и неповторимых памятниках. Читая Вашу книгу, мы, как образно пишете Вы, с наслаждением дышали воздухом легендарного Севастополя.

Отдавая дань Вашему, достойному подражания, кропотливому труду по созданию интересной и полезной книги «Архитектура Севастополя», вышедшей в канун 200-летия города, и в знак признания Ваших способностей в поиске и находке материалов для неё, в упорстве и настойчивости при издании книги примите от имени всех членов клуба любителей истории города, достойным членом которого Вы являетесь, нашу сердечную благодарность и пожелание крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов. Мы надеемся, мы ждём новых встреч с Вами на страницах новых книг, ибо Вы один из тех, кто достойно воплощает девиз нашего клуба: «Не знаешь – ищи, нашёл – поделись!»¹⁷³ (Фото 94)

Этот девиз, действительно ставший правилом жизни Е. В. Венিকেева, является одновременно и пожеланием всем исследователям истории Севастополя, краеведам, в том числе и тем, кто придёт в Архив города Севастополя, прикоснётся к наследию Евгения Витальевича Венিকেева, откроет для себя что-то новое и творчески применит это знание на благо Города-Героя Севастополя.

В завершение краткого обзора документального наследия Е. В. Венিকেева хочу обратить внимание на то, что документы, собранные в Архиве города Севастополя (Ф. Р-567. Оп. 5.), позволяют получить достаточно полное представление о жизни, профессиональной, научной, творческой и общественной деятельности известного севастопольского краеведа, его выдающемся вкладе в сохранение исторического и культурного наследия России на территории Севастополя, в «культурно-историческое» просвещение широких слоев населения по различным вопросам истории Севастополя.

За исключением одного пробела. Ни Евгений Витальевич при жизни, ни Жанна Александровна после смерти мужа не посчитали нужным передать в Архив города Севастополя фотографии, которые запечатлели Е. В. Венিকেева в различные годы жизни, при выполнении им своих служебных, общественных обязанностей, в кругу друзей и единомышленников.

Думаю, что память о встречах с этим удивительным человеком хранится и в сердцах современников, и в домашних семейных архивах, в фотографиях, газетных публикациях и других бесценных документах.

Архив города Севастополя с благодарностью примет на постоянное хранение в Архивный фонд Российской Федерации не только фотографии из семейных архивов, но и воспоминания о встречах с Е. В. Венিকেевым, о совместной

¹⁷³ ГАГС. Ф. Р-567. Оп. 5. Д. 26. Л. 2.

работе над проектами, о впечатлениях от его выступлений, публикаций и других событиях, которые, так или иначе, уже стали историей.

Давайте вместе заполним этот «пробел» в коллекции архивных документов и «допишем» часть летописи Города-Героя Севастополя – главу под названием «Евгений Витальевич Веникеев»!

Марина Соловьева, главный архивист отдела информации и использования документов Архива г. Севастополя

- При работе над сборником использованы материалы (фотографии, документы и др.) из личного архива близкого друга Е. В. Веникеева, капитана 1-го ранга, профессора Академии военных наук Российской Федерации Вениамина Анатольевича Дмитриева. В настоящее время они переданы в Архив города Севастополя в личный фонд Евгения Витальевича Веникеева.

В память о Евгении Витальевиче Веникееве уместны будут следующие строки, приведённые им в работе «Родина – сыновьям. Мемориал «Братское кладбище», из посвящения защитникам Севастополя. Их автор – служивший на Черноморском флоте в 1836-1851 годах русский офицер и поэт Н. П. Жандр:

*Да, и в потомстве отдалённом
Доколе в сердце умилённом
Родная слава будет жить,
Могилу вашу будут чтить.*

Я РУСКИЙ, Я ПАТРИОТ, Я ВЕНИКЕЕВ

О Евгении Витальевиче Веникееве написано и сказано достаточно. Даже больше, чем он сам написал. Дело в том, что Веникеев – это интеллект. И я, до боли в голове, долго мучился, что ещё сказать. И решил не пересказывать того, что уже всем известно, а коротко написать его интеллектуальный портрет, хотя это не мой литературный жанр. Да и не так это просто. И знакомство наше было недолгим. Так что, если не получится, то заранее прошу прощения.

Пройдя 80 000 миль своей жизни под водой, я остановился в Севастополе. И считал нужным ознакомиться с местом своего обитания поглубже. Демобилизовался я в звании капитана 2-го ранга. Не скажу, что моя служба на флоте проходила гладко. Если многие в своей службе исходили из приказаний начальника, то я ещё и из требований Устава. А это категории не всегда совместимые. После демобилизации началась новая жизнь. Я устроился сторожем в садовое товарищество. Тут служба пошла заметно лучше. Если на флоте от звания «лейтенант» до «старшего лейтенанта» я маялся серых три года, то в садовом товариществе уже через месяц я был старшим сторожем. В свободное от снанья время занимался литературным творчеством, знакомством с городом и

его жителями. Правда, мне уже опасаться увольнения с работы особых оснований не было. Лишь бы картошку никто не выкопал. Такое было голодное время на историческом издохе управления Великой страной.

Веникеев со своим интеллектом и нравственными нормами в эту систему и идеологию не вписался. Ещё задолго до её последних дней видел в этой насильно навязанной системе печальный конец.

С Евгением Веникеевым мы столкнулись в редакции «Славы Севастополя», прямо в кабинете главного редактора. Владимир Иванович Иванов тут нас и состыковал: «Вот главный инженер проекта реставрации Братского кладбища, историк и краевед Ильин Евгений Витальевич, скрывающийся под фамилией Веникеев, а вот подающий надежды начинающий бумагомаратель Владимир Владимирович Стефановский. Дальше, кто есть кто, разберётесь сами».

Тут необходимо отметить, что Веникеев уже «познакомился» со мной по моим пробным публикациям, которые периодически появлялись в печати. Даже в толстых журналах. А сейчас представился случай познакомиться вживую. Относительно своей фамилии, в процессе застольной беседы в забегаловке на набережной Корнилова, он моё недоумение развеял. Дело в том, как рассказывал сам Евгений, что после революции многих подозрительных, да и просто так — по разнарядке, увозили на выяснение личности. Прямо с улицы. Многие потом и не возвращались. Остановили и Виталия Ильина: пальчики белые, фамилия подозрительно буржуазная. Других грехов не нашли, только фамилию предложили выбрать попроще. Вот бывший Ефим Придворов стал Демьяном Бедным. А Самуил Плавник, белорусский поэт и писатель – уже Змитрок Бядуля. Ну, чем «беднее» фамилия, тем в идеологическом плане для революции и новой власти её носитель нужнее. Восстал же мир «голодных» и «рабов». Так и Виталий Васильевич Ильин стал Веникеевым. От рабоче-крестьянского хозяйственного инструмента «веник». Такая фамилия лучше вписывается в новую идеологию. А кто не вписывается, кто не с нами, то уж извините... заставим! Вот Иосиф Джугашвили и стал Сталиным, Вячеслав Скрябин стал Вячеславом Молотовым. Перекуём всех! Белорусский поэт, бывший Евгений Скурко стал Максимом Танком – если понадобится, то и переедем!

«Меня уже и «отмолотили», и «переехали», но не перековали, – продолжал свой монолог Веникеев. – Вот белорусский поэт-сатирик Кондрат Атрахович стал Кондратом Крапивой. Чтобы его сатира воспринималась более доходчиво. Отстегали этим крапивным веником и меня. Но отказаться от своих убеждений и от страны у меня не хватило сил».

Признаться, я об изменениях фамилий профессиональных революционеров уже знал. Своей механической головой воспринимал это как революционную необходимость, чтобы сбить с толку царскую охранку. И для меня это было «правильно» и понятно. Но Веникеев все эти «изменения» толковал по-своему. Спорили с ним до упаду. Тем не менее, к своей фамилии «Веникеев» Евгений относился вполне терпимо. Её передал в наследие и в память его отец Виталий Васильевич Ильин.

Но смена фамилии натолкнул Ильина-Веникеева на мысль – почему новая власть отвергала исторические родовые связи, и он этот вопрос переадресовал

молодому поколению – своему сыну Евгению. Подрастёт – разберётся. Евгений, обладая умом и творческой натурой, со временем докопался до истоков и причин октябрьского переворота, в 1929 году названного Великой Октябрьской социалистической революцией. Докопался и до победы большевиков в Гражданской войне. Обоснованно и критически с этой своей правдой выступал в печати. За правду и пострадал. Стал первым в стране социализма безработным. Перебивался случайными заработками и с помощью друзей-архитекторов, хотя и для них это грозило разбором на партсобрании, а то и увольнением.

Благодаря своему интеллекту и глубокому осмыслению Истории Евгений Венিকেев воспринимал себя частицей исторической России, её прошлого и будущего. И, как показало время, оказался прав. Это была широкая русская душа, отзывчивая на боль, страдания и несправедливость. В особенности Евгений Витальевич надрывал сердце, когда подвергались уничтожению памятники, глумились над историей страны и её гражданами, ставшими национальной гордостью. Многие из них ещё раньше были насильно выметены из страны большевистской метлой. Сейчас об этой трагедии исторической России призывают к нашей совести разбросанные по всему миру русские погосты. Он болезненно воспринимал любую неточность в официальном изложении истории страны. В равной мере как и становился на защиту памяти погибших. Тем более в мирное время.

В 1955 году, у нас, в Севастопольской бухте подорвался и погиб линкор «Новороссийск». Катастрофа унесла жизни более 600 человек. Венিকেев поставил перед собой задачу разобраться в причинах взрыва корабля и гибели половины экипажа. Но так как это трагическое происшествие было сразу же строго засекречено, то вопрос отпал сам собой. Остался лишь вопрос увековечения памяти погибших. С разных уголков великой страны приезжают родственники погибших и кланяются безымянным могилам, а то и вообще пустым, так как хоронили всех наспех, не считаясь с формальностями. Виталий Евгеньевич, по своему морально-нравственному уровню, мириться с этим не мог и совместно с ветеранами крейсера и общественностью поднимал этот вопрос, пока в 1990 году не появились плиты с именами погибших. Над проектом увековечения имен у пустого памятника на Братском кладбище уже давно трудились лучшие архитекторы – А. И. Баглей, А. Л. Шеффер. Большую лепту в решение вопроса увековечения жертв катастрофы внёс писатель-подводник Николай Черкашин.

Это была победа общественности над бездушием и бюрократией власти, которой уважение к памяти погибших и правда оказались не нужны. Причины гибели линкора не установлены до сих пор. Сослались на немецкую мину или «итальянских диверсантов». На этом всё расследование и закончилось. Подрыв такого судна в мирное время и оставление этой трагедии без установления причин гибели корабля – это не красящая страну историческая брешь. По выражению Н. Черкашина, незаделанная пробоина в прочном корпусе корабля.

Евгений Витальевич Венিকেев – это и писатель, и архитектор, и строитель, и краевед, и вдумчивый историк. И гражданин Великой страны. Трудно перечислить все грани его таланта. Везде он проявлял себя как высокий профессионал, готовый охватить все стороны жизни любимого города и страны. Об этом свидетельствуют его многочисленные книги и статьи. Это «Архитектура

Севастополя», «Севастополь и его окрестности», «Севастопольские маршруты», «Севастополь 1941–1942», «Пенители Понта», «Звездный час «Весты», «Родина-сыновьям. Мемориал «Братское кладбище»... Всего не перечесать.

Необходимо отметить, что, независимо от жанра, всё его литературное наследие воспринимается как морально-нравственный Устав. Не строгий, не навязчивый, но познавательный и приглашающий к дискуссии. В этом его ценность. Приглашающий морально подтянуться. Описание жизни не только в деталях, но и во всём её разнообразии. Придерживался при этом постулата Марка Аврелия: «Делай, что должно, и будь что будет».

Из-под пера Евгения Витальевича выходят справочники и путеводители по Севастополю и его окрестностям, статьи и очерки по истории и архитектуре нашего города, исторические рассказы и миниатюры, публицистика на самые злободневные темы конца восьмидесятых – начала девяностых годов. А злободневных тем и в стране, и в Севастополе для вдумчивого взгляда было предостаточно. Но Евгений Витальевич Венিকেев, если по таланту писатель и журналист, то по духу – ещё человек поступка.

Как известно, Севастополь, являясь Главной базой Черноморского флота, до конца нашего «коммунизма» был закрытым городом не только от иностранцев, но и от своих. Въезд только по паспортам и прописке. Хотя, на взгляд Венিকেева, скрывать особо было и нечего. Разве что, на случай войны, вырытое в гранитной скале на западной стороне Балаклавской бухты прибежище для подводных лодок. В 1955 году сам Никита Сергеевич Хрущёв и Маршал Победы Георгий Константинович Жуков наведались в это подземелье с целью ускорить его сооружение. Военно-политическая ситуация требовала.

Примерно в это же время французы, вспомнив о своих погибших в Крымскую войну соотечественниках, попросились посетить место их вечного покоя, но им, естественно, было отказано. Французы, само собой, упорно настаивали. Мы, само собой, упорно отказывали, и чтобы этот вопрос закрыть, придумали отмазку – кладбище уже давно нет – оно разрушено немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны. И потому нечего вам тут делать. Примерно так. Характерно, что если турецкие, итальянские, английские погосты, кроме бутылки из-под шампанского, пуговиц и валяющихся эполет, ничем собой не отличались, то французское кладбище – это «остановка» на туристическом маршруте. Над фамильными надгробиями и склепами посетители кладбища надолго застывали, даже забывали про французское вторжение на Крымскую землю. Здесь же можно было познакомиться и с полководцами: генерал Брюне, генерал Мейран...

Тут необходимо отметить, что и в Париже есть Русское кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Там могилы защитников Исторической России. Это кладбище тоже является «остановкой» на пути туристического потока. В этом потоке оказался и я. Поле русских могил! Это русские патриоты, вынужденные из-под большевистского молота покинуть Родину. Чтобы поклониться и побеседовать с каждым обитателем этого Русского кладбища, не хватило дня. Приехал во второй раз. Поклониться своей Истории, заботливо хранимой малодружественной Францией и русской диаспорой. И там, на надгробиях, прочитать родные русские фамилии. Просветлить душу.

Я, ещё будучи на службе, бывая наездами в Севастополе, посещал это французское кладбище и, если можно так выразиться, любовался их надгробиями. Прямо культурное наследие. Хотя и французское, но наше. Облик Севастополя. Место туристического притяжения. Не зря же и Веникеев там днями пропадал. Когда я в очередной раз приехал на этот французский погост, то ни могил, ни надгробий не обнаружил. Лишь распаханная земля. И обломки плит и крестов. Аккурат в центре погоста – виноградный бетонный столбик с закреплённой табличкой из нержавеющей стали: «На этом месте было французское кладбище жертв Крымской войны 1853–1856 годов. Разрушено немецко-фашистскими захватчиками».

Но кладбище в 1981 году было уничтожено по приказанию властей города.

На защиту этого варварства и насилия над человеческой моралью не встала ни «культура», ни широкая общественность. Лишь немногие. В том числе и Веникеев.

А сотрудник Херсонесского историко-археологического заповедника Геннадий Шнайдер ложился даже под лопату бульдозера. «Шнайдера тогда арестовали и держали в отделении милиции до полного сноса памятника. Вскоре он погиб во время дорожного инцидента. Имя этого человека не должно быть забыто», – напишет уже позже Евгений Веникеев в одной из своих статей. В 1984 году он будет помогать симферопольскому историку, сотруднику краеведческого музея В. Н. Гурковичу собирать материалы об этом некрополе. Вскоре в «Крымском телеграфе» появилась его статья «Помолимся за убитого врага».

Когда образовалась Партия экономического возрождения Крыма, мне предложили возглавить пресс-центр Севастопольского отделения. Я взял с собой и Веникеева. Делил свою месячную зарплату в 10 долларов на двоих. У меня-то какая-никакая пенсия. А у него ничего. Неработающая жена и только что родившаяся дочка.

Севастопольское отделение этого ПЭВК размещалось в опустевшем детском садике на улице Вакуленчука. «Пресс-центру», состоявшему из одного меня, была отведена просторная прихожая. Похоже, это была спортивная площадка для малышей. В этот ПЭВК приходили и наставляли нас с Веникеевым депутат горсовета В. Ф. Шапранов и Е. Г. Юрздицкая. Рассказывали нам с Евгением перспективы и будущее этой партии. И всего Крыма. Для заседаний было отведено отдельное помещение. Заседания проводились не часто, но у нас и без того было много свободного времени.

Помню, на очередное заседание приехали основатели партии Владимир Ильич Шевьёв и Сергей Павлович Цеков. Целью их приезда было убедить севастопольцев «приложить все усилия для сохранения хоть какой-то самостоятельности Крыма в условиях «украинской администрации». Пока поджидали С. Кондратовского и В. Саратова, поговорили и с нами. Евгений Витальевич в своих суждениях им приглянулся как «полный государственный» и вместе со мной был приглашён на съезд Партии экономического возрождения Крыма. К этому времени Крымская автономия уже зашаталась и на съезде единства не нашлось. Об этом мягко предполагал и Веникеев. Шевьёв, объявив о своей отставке, предложил Евгению уехать вместе с ним в Армению, в Ереван – мол, умные люди нужны везде. На что Веникеев коротко и твердо ответил: «Я – русский! Я – севастополец!»

Будучи патриотом и знатоком города, меня, чёрного механика, часто допрашивали вопросами, непосредственно касающимися облика, и духовно-культурного содержания Севастополя. Вот ему влез в душу вопрос: герб города, утверждённый в 1969 году, не соответствует державному предназначению исторической морской крепости. А державное предназначение Севастополя – это морская крепость со своим Адмиралтейством для первого ранга крейсеров. А у нас вместо крейсера на щите герба – памятник Затопленным кораблям. Врез не только истории, но и здравому смыслу. Да и медаль «Золотая Звезда» там ни к чему.

Обратил моё внимание Веникеев и на Графскую пристань. По ней проходит граница разлома между исторической, дореволюционной и современной Россией. Отсюда ушла историческая Россия. У нас более двух тысяч памятников, но памятного обозначения этой исторической трагедии нет. Только этого уже достаточно для сердечной боли.

— Вот, Владимир, возьмите улицу Марата. Это бывшая Ушакова. Сняв свои коммунистические шоры, подумайте, что для Севастополя этот Марат и что Ушаков. Обратите внимание на оформление названия улицы «бывшая Ушакова». В топониме история государства. Его историческая ценность и неповторимость. Почему мы от неё отказались? Или мы уже не Россия? В дополнение к этому безобразию на Приморском бульваре, напротив памятника Затопленным кораблям вмонтировано для всех нас сообщение, что в 1905 году тут были расстреляны революционные матросы с крейсера «Очаков», – закидал меня вопросами Веникеев.

Мне, гуляя по набережной Приморского бульвара, Веникеев, глядя на эту памятную доску сказал: «Чугунная ложь. А мы на ней воспитывали целые поколения». Наша немирная беседа закончилась в ресторане «Волна», но снять с меня коммунистические шоры было не так просто.

Французское кладбище. Фото В. Кудельского, 1967 г.

Я молча внимал тому, что говорил Веникеев, но мне это было не по моей голове. И обычно под каким-нибудь предлогом от этого разговора уходил, но на следующий день всё повторялось. Мне из его «взгляда на вещи» на душу легла лишь одна мысль. После конца нашего большевистского коммунизма принародно осмыслить этот период нашей истории. Чего достигли? Какой ценой? Что потеряли? Ну, вроде как на исповеди в святом Храме.

К сожалению, до сих пор этого не произошло. И наше мирознание и мораль остались те же, что и у профессиональных революционеров. Прецедент с французским кладбищем и этот «наш» герой – французский Марат – это подтверждают.

Партия экономического возрождения Крыма вскоре закончилась, и нам пришлось освободить помещение на улице Вакуленчука. Мы стали собираться в «Морском собрании» на проспекте Генерала Острякова. К этому времени тут функционировал кооператив под названием «Морстройпроект». Я там подвизался в качестве помощника директора. Удалось пристроить туда и Евгения Витальевича. Он страдал не только от безденежья, но ещё и от болезни сердца. И, как он сам говорил – от духовной неволи. Выручало моё знакомство с начальником 1472 Военно-морского госпиталя полковником Журавлёвым, и в случае сердечной необходимости я Евгения туда и доставлял. Жизнь, хотя и запредельно трудная, продолжалась. Без никаких жалоб и претензий.

Обычно Евгений, чтобы объявить коллективу «Морстройпроекта» о своём существовании, приходил к началу рабочего дня, хотя, кроме посильной литературной деятельности, больше ни на что не отвлекался. Когда 2 марта 1994 года Веникеев задержался, я позвонил домой. В трубке я еле слышал голос Жанны, его жены:

— А Жени больше нет.

Уже более 30 лет, как ушёл из жизни Евгений Витальевич Веникеев. Сейчас, кроме ревнителей истории города, хранителей духа Севастополя, о нём, в основном, малоизвестно. Напоминанием служит лишь памятник, установленный «Морским собранием» на Братском кладбище. Приведение в порядок этого некрополя он считал своим гражданским и моральным долгом. И многое сделал по его восстановлению и возвращению к жизни имён погибших. Вот тут он и завещал найти место, где можно укрыться от мирских проблем. Этим исчерпывалось всё его завещание. Как и у греческого философа Диогена Лаэртского. *(Фото 93)*

Но главное для нас – другое. Этот неуёмный труженик пера с твёрдой гражданской позицией оставил для нас огромное наследие. Память о нём в поколениях останется в его литературном творчестве, туристических маршрутах и в его примерном патриотизме, упорном хранителе русского духа в городе русской славы. Нам бы так. Только вот жаль: ни улицы его имени, ни фамилии среди почётных граждан города до сих пор нет.

Владимир Стефановский, писатель, председатель историко-культурной просветительской ассоциации «Морское собрание»

Клуб любителей истории Севастополя (сегодня он называется Севастопольский клуб любителей истории города и флота) был создан в апреле 1982 года. Он объединил людей разных возрастов, образования, профессий. А в его актив вошли краеведы, коллекционеры, старожилы города. Главной задачей Клуба являлась популяризация истории Севастополя. Основная форма работы – заседания, которые проводились два раза в месяц, в ходе которых часто посещались музеи, исторические и памятные места. Традиционными стали мероприятия Клуба в память скорбных дат в истории Севастополя. Благодаря усилиям его членов в городе было установлено несколько мемориальных досок. Евгений Веникеев не только стоял у истоков создания Клуба, но и до последних дней своей жизни принимал в нём деятельное участие, выступая с докладами и сообщениями.

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

С Евгением Витальевичем Веникеевым как одним из авторов книги о морях и событиях, происходивших на Чёрном море, познакомился заочно 35 лет назад.

Книгу с повестями Владимира Петрова «Всплытие» и Евгения Веникеева «Звёздный час «Весты» (издательство «Таврия», тираж 15 000 экз.), я приобрёл осенью 1989 года в аэропорту Хабаровска, возвращаясь из отпуска к месту службы на Камчатку.

Летом 1990 года с этой книгой я ушёл в длительное автономное плавание на атомной подводной лодке, где она временно пополнила корабельную библиотеку.

Через четыре года, по возвращении в Севастополь, я познакомился уже очно с обоими авторами этой прекрасной книги. С Владимиром Фёдоровичем Петровым, который писал о трагической судьбе п/л «Камбала», встретился на мероприятии на старом городском кладбище на улице Пожарова у памятника подводникам этой одной из первых субмарин Российского Императорского флота. А с Евгением Веникеевым познакомился уже в библиотеке имени К. Г. Паустовского, где присутствовали члены Клуба любителей истории Севастополя.

Волею судеб оказалось, что в тот период мы оба проживали в самом центре Корабельной стороны: я на площади у Малахова кургана, а он в трёхстах метрах от меня в доме на пересечении улиц Севской и Карла Либкнехта. Поэтому возвращались домой с заседаний Клуба, как правило, одним транспортом и выходили вместе на остановке, у Малахова кургана.

Конечно, я присматривался к нему, прислушивался как к авторитетному краеведу, читал его многочисленные публикации в местной прессе.

В нашем Клубе Евгения Витальевича окружала талантливая молодёжь – Алексей Иванов, Александр Ефимов, Дмитрий Стогний, с которыми он щедро делился своими материалами и уникальными знаниями. Так же, как и с другими членами Клуба. В 1986 году он помог экскурсоводу О. Н. Полянской в написании работы о мемориальной скульптуре на Братском кладбище, став и её рецензентом. Защита проходила на методическом совете Бюро экскурсий и путешествий.

И вдруг, неожиданная смерть...

Мне удалось присутствовать в марте 1994 года в Морской библиотеке, когда отмечали девять дней со дня его смерти. Тогда прозвучало много добрых выска-

званий в адрес Евгения Витальевича, пожелания переиздать его труды, собрать многочисленные статьи и очерки, напечатанные во многих газетах и журналах.

И вот уже прошло тридцать лет, как нет с нами этого талантливой человека – инженера, историка-краеведа и ветерана нашего Клуба Евгения Витальевича Венিকেева.

С момента создания Клуба он становится для него местом общения. Как говорят в народе, где можно было на людей посмотреть и себя показать. И познакомить членов Клуба со своими краеведческими исследованиями, как говорится, «из первых рук».

На наших заседаниях обсуждались самые разнообразные темы, и по многим из них неизменно выступал Евгений Венিকেев. Уже на первом организационном собрании он сделал первое научное сообщение о памятниках Братского кладбища на Северной стороне и был избран в Совет Клуба.

Первое заседание 28 апреля 1982 года

Присутствовало: 72 чел. Гости клуба: писатели-севастопольцы В. С. Фролова, Б. М. Эскин, М. Л. Лезинский. Повестка:

1. Цели и задачи клуба. Целесообразность и необходимость его создания. Положение о клубе, краткая информация обо всех приглашённых на организационное заседание. Выборы совета клуба и президента (председателя совета). Информация капитана 3-го ранга Милодана В. А.

2. Об истории создания и памятниках Братского кладбища на Северной стороне. Научное сообщение Венিকেева Е. В.

3. О работе любителей истории в деле пропаганды к 200-летию основания Севастополя. Информация Гросса Ю. Н.

Выступавший по первому вопросу В. А. Милодан сообщил об утверждении Политическим управлением ЧФ положения о клубе и его задачах в пропаганде героических традиций Черноморского флота и Севастополя к 200-летию основания города.

Совет клуба был единогласно утверждён в следующем составе: Чумаченко Г. В., капитан-лейтенант, инструктор ДОФ; Парамонова Г. В., зам. начальника музея КЧФ; Марета А. С., журналист, корреспондент газеты «Слава Севастополя»; Близнюк А. М., член Военно-научного общества; Шварц Е. М., библиограф Морской библиотеки; Усольцев В. С., краевед, инженер СКБ; Акуленко И. В., старожил города, ветеран труда; Гросс Ю. Н., техник Морского гидрофизического института; Бараненко Е. П., ветеран строительных организаций, сотрудник народного музея ДКС; Венিকেев Е. В., главный инженер проекта НИИ «Гипрограда»; Шапошников С. М., старожил города, участник обороны Севастополя 1941–1942 гг., топограф Херсонесского историко-археологического заповедника; Столбунова З. Д., лектор общества «Знание»; Зиббини Н. П., подполковник запаса, инженер УНР; Лисютин А. И., инженер; Милодан В. А., капитан 3-го ранга, командир подразделения.

Секретари Совета: Сухарева Л. Г., библиотекарь войсковой части; Визенберг А. Ю. экскурсовод.

По предложению Марета А. С. президентом Клуба единогласно был избран капитан 3-го ранга Милодан В. А.

По второму вопросу научное сообщение сделал Е. В. Венিকেев, который ознакомил аудиторию с результатами своего многолетнего исследования Братского кладбища и ответил на ряд вопросов по теме сообщения. Выступавший по третьему вопросу Ю. Н. Гросс рассказал о лекциях и выступлениях к 200-летию Севастополя, которые проводятся в Морском гидрофизическом институте, и показал ряд своих художественных работ по сюжетам открыток с видами Севастополя различных периодов истории.

Спустя несколько месяцев, 18 августа 1982 года, Евгений Витальевич делает доклад о Генеральном плане развития Севастополя до 2000 года, одним из авторов которого он являлся, с показом схем. (Фото 96)

Но особенно интересными и запоминающимися были заседания Клуба, на которых проходили обсуждения (сейчас бы их назвали презентациями) книг, написанных Е. Венিকেевым.

Заседание 13 октября 1982 года

Присутствовало: 123 чел. Тема: встреча с авторами справочника «У карты Севастополя». Открыл заседание один из авторов – историк А. А. Ляхович. Он рассказал об истории создания творческого коллектива, о том, как была разработана схема написания книги. Выступления всех, создавших этот уникальный справочник, запечатлено на магнитную ленту, которая хранится в «Летописи» Клуба.

Участвовала в обсуждении и редактор издательства «Таврия» (Симферополь), выпустившего книгу, М. П. Апошанская. Вот как позже она вспоминала о работе над рукописью и об этом мероприятии: «Книга эта, выпущенная к 200-летию юбилею Севастополя, для того времени стала явлением необычным. По сути, в ней изложена вся история нашего города от его основания до 1982 года, запечатлённая в географических названиях (макро- и микротопонимах) – названиях бухт, балок, возвышенностей, гор, долин, сёл, улиц, площадей и т.д. Работа над рукописью в издательстве проходила непросто, приходилось многое преодолевать. Например, тогда главным был курс – больше современности. Надо было приложить определённые усилия даже для того, чтобы рядом с современными названиями улиц давать названия старые. И это были не самые большие сложности, но они были преодолены благодаря слаженной работе с авторами. С самого начала работы над рукописью я убедилась в том, что авторы мне достались не просто хорошие – все они, в том числе и Евгений Витальевич, оказались настоящими знатоками истории Севастополя, людьми интеллигентными, образованными и очень ответственными... Зал был полон, аудитория вела диалог с авторами: А. А. Ляховичем, Е. В. Венিকেевым, В. Г. Шавшиным (четвёртый автор справочника краевед Л. А. Шорин не смог присутствовать – *Ред.*)».

После перерыва, во время которого присутствующие смогли получить автографы, состоялось обсуждение книги. Были высказаны в доброжелательной форме замечания, указаны некоторые неточности и ошибки. Также встал вопрос о переиздании книги. М. П. Апошанская авторитетно заявила, что это издание вышло к 200-летию Севастополя и следующее выйдет не ранее, чем через два года (книга так и не была переиздана – *Ред.*).

Заседание 10 августа 1983 года

Присутствовало: 70 чел. В этот день состоялась встреча с создателями книги «Архитектура Севастополя». Это её авторы – члены Клуба Е. В. Веникеев и О. Я. Савеля (автор главы «На древней земле»); редактор издательства «Таврия» С. К. Сосновский, художник В. Д. Фесенко и фотограф Т. С. Демчук.

Ведущий заседание В. А. Милодан предоставляет слово Е. В. Веникееву: «Эта книга – памятник трагически погибшему В. М. Артюхову, архитектору, отдавшему 30 лет жизни восстановлению и строительству города-героя. Он готовил её, но не успел завершить. Часть его материалов была использована мной в этой книге. Его работа, таким образом, продолжена. Книга эта новая. Ведь об архитектуре Севастополя почти ничего не сказано, хотя написано около четырёх тысяч работ только о первой обороне и ещё больше о второй. А ведь в Севастополе есть уникальные памятники архитектуры республиканского и союзного значения. Эта книга не путеводитель, как там указано, а популярное издание. Многие ещё не исследованы. О многих домах не сохранилось документов. Например, Максимова дача проектировалась в 1900 году В. А. Фельдманом, но нет проектов здания. Почти ничего не известно об очень интересном здании главпочтамта, построенного в стиле модерн». (Фото 97)

О. Я. Савеля, археолог: «Считаю себя старожилом Севастополя. ибо провёл здесь почти всю жизнь. Ещё будучи студентом кафедры археологии истфака МГУ, работал в Херсонесском заповеднике, специализируясь на скифско-сарматской археологии. С Евгением Веникеевым были на строительстве линии Абакан – Тайшет¹⁷⁴, с тех пор началась наша дружба и совместная работа. Эта книга – мой писательский дебют. Я пишу с трудом, говорить мне легче. Хотелось в книге популярно описать Балаклаву, давно забытую. Сейчас есть новые материалы и о Чембало, и о Каламите. В Севастополе на 01.01.1982 г. примерно пять тысяч археологических и архитектурных памятников. Есть идея написать книгу «Прошлое Севастополя», описать Малый или Страбонов Херсонес, клеры... Работа рассчитана на два года. Придётся прибегнуть к помощи Е. Веникеева, его организаторским способностям».

С. К. Сосновский: «В послевоенные годы, с 1945-й по 1950-й годы жил в Севастополе, на Северной стороне. Забыть это время невозможно. Создавать юбилейное издание было трудно. Ведь была цель – не упрощать, но дать информацию во всей её сложности. По духу это не путеводитель, а научно-популярная книга. В конце её дан словарь с рисунками, текст дан и на английском языке. Главная трудность была в том, чтобы дать всё развитие севастопольской архитектуры за два тысячелетия. Не всё известно о многих зданиях. Многие здания погибли во время войны, архивы тоже. Мы ещё вернёмся к теме – архитектура Севастополя, возможно, будет создано улучшенное, исправленное и дополненное издание».

В. Д. Фесенко: «Севастополь – родной город. Закончив украинский институт графики, начал в Севастополе свой трудовой путь. Была предложена ответственная работа – проиллюстрировать это юбилейное издание. Работал полгода, это сравнительно большой срок. Сидел в музеях и библиотеках. Хотелось сделать что-то своё. В каждый рисунок вложил частичку души. По два-три дня сидел над каждой иллю-

¹⁷⁴ После окончания института в июне 1959 года Е. В. Веникеев непродолжительное время работал на строительстве этой железнодорожной магистрали – *Ред.*

страцией, стремясь создать бело-голубой, солнечный образ города. Это подарочное издание, рисунки должны были быть выполнены коричневой краской, но не вышло; книга от этого проиграла. В следующих изданиях это будет исправлено».

После этого выступали члены клуба, очень хорошо принявшие книгу. Общее мнение выразила кандидат географических наук О. Р. Лундберг: «Книга написана популярно, но не примитивно. Прекрасный подарок севастопольцам. Написана с любовью к городу». Но были и замечания. Так, известный знаток Севастополя В. Г. Слуцкий сделал ряд замечаний, а С. П. Брейтман, председатель общества книголюбов «Факел», посоветовал другой формат книги: чуть уже и толще. В заключение Е. В. Веникеев ответил на некоторые вопросы и замечания (с одними согласился, с другими – нет). А в самом конце Н. П. Зиббини зачитывает адрес, посвящённый Веникееву, с автографами членов Клуба и преподносит ему.

Заседание 11 марта 1987 года

Обсуждение книги Е. В. Веникеева «Севастополь и его окрестности». На обсуждении присутствовал московский поэт В. Диваков, автор стихотворных эпиграфов в книге.

В. А. Милодан: «Многие из вас знают Евгения Витальевича Веникеева, читали его книги «У карты Севастополя», «Архитектура Севастополя», мы их здесь обсуждали, мы редко говорим о достоинствах книг, больше любим критиковать.

Веникеева можно назвать историком города № 1. Недавно вышла новая его книга «Севастополь и его окрестности». Изящно издана, хорошо оформлена. Веникеев – это большой труженик. Как много занимается он в Морской библиотеке! Он и турист, и архитектор, и писатель, и строитель, и краевед... Он создал прекрасный путеводитель. Вот путеводитель Староверова, целый фолиант, но сколько там неточностей. Веникеев использовал много архивных данных. Изложено всё довольно хорошим языком. Постараемся доброжелательно отнестись к обсуждению этой книги». (Фото 98)

Старожилы города помнят, что долгое время Покровский собор в центре города использовался не по своему прямому назначению. Одно время в нём располагалась детская спортивная школа, позже городской архив. Стены собора были иссечены осколками минувшей войны, а на его восточном фасаде, выходящем на Большую Морскую, в течение нескольких десятилетий сохранялась надпись: «Проверено. Мин нет. Ильин. 12 мая 1944 г.». Евгений Витальевич, часто бывая в архиве, просил, чтобы при восстановлении собора надпись была сохранена. Но уже после его смерти она исчезла со стены.

Но неравнодушные жители города, ветераны войны и члены нашего Клуба добились того, чтобы установить на её место мемориальную доску с этим историческим автографом. И в планах Клуба любителей истории города и флота появилась новая памятная дата – 12 мая – день освобождения Крыма от немецко-фашистских захватчиков, которую мы отмечаем у Покровского собора. Также в этот день мы вспоминаем и о нашем одноклубнике.

В документах, которые Евгений Веникеев передал на хранение в городской архив, есть приглашение Музея героической обороны и освобождения

Севастополя принять участие 5 декабря 1985 года в работе Учёного совета. На нём, в частности, обсуждался вопрос «О ходе работы над историческим справочником «Севастополь». Это энциклопедическое издание вышло в 2000 году и содержит 107 статей за подписью Е. В. Веникеева. Однако на презентацию справочника его вдове пригласить забыли. А ведь в этой работе была в том числе и заслуга нашего Клуба, на заседаниях которого проходило обсуждение многих этих статей. Пришлось мне идти к директору Музея героической обороны и освобождения Юрию Ивановичу Мазепову, чтобы восстановить справедливость. И Жанна Александровна получила справочник на память о своём муже.

Ещё одной памятной публикацией в «Севастопольском ежегодном визитальманахе» («СЕВА», выпуск № 5), издание которого осуществлял наш Клуб, стала неизданная при жизни Е. В. Веникеева статья «Война в Крыму после 28 августа (9 сентября) 1855 года». В ней он рассказывал о военных действиях, происходивших в Крыму уже после оставления русскими войсками Южной стороны Севастополя. Эти события так подробно были описаны впервые.

Всё, к чему прикасалась рука Евгения Витальевича Веникеева, было насыщено могучей энергией, целеустремлённостью, гражданской позицией, мужеством и непримиримостью к косности, равнодушию и безнравственности, особенно по отношению к истории, к памяти тех, кто своими делами прославили наше Отечество в веках.

Олег Доскато, капитан 1-го ранга в отставке, председатель Севастопольского клуба любителей истории города и флота

ВСПОМИНАЯ ЕВГЕНИЯ ВЕНИКЕЕВА

В марте 1993 года в Симферополе под эгидой Крымского республиканского института повышения квалификации и переподготовки кадров образования состоялась республиканская научно-общественная конференция под названием «Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура».

На этой конференции я, Потехин Дмитрий Васильевич, и мой отец, Потехин Василий Евдокимович, выступили с докладом на тему «Греческие топонимы Крыма» и «Россия и крымские греки». Выступил также Евгений Витальевич Веникеев на тему «Влияния присоединения Крыма к России на архитектуру и ландшафты полуострова». Он описал формирование нового архитектурного стиля ориентализма (восточного), который в Крыму явился сплавом русской архитектуры и местных традиций. В качестве образца для азиатских мотивов обычно брались сооружения Бахчисарайского дворца. Материалы данной конференции были опубликованы через год, в марте 1994 года, сразу после смерти Веникеева.

Я знал Евгения Витальевича сравнительно недолго. Познакомились мы с ним на этой самой конференции и общались до самой его смерти. Встреча с ним произвела на меня неизгладимое впечатление. То было время, когда поднимал голову украинский и крымско-татарский национализм, разворачивалась ярост-

ная русофобия, а тема конференции была посвящена неразрывности Крыма и России. Моё выступление было очень резким и эмоциональным. Наверное, я поддался больше обуревавшим меня чувствам, а не разуму. Когда наступил перерыв, ко мне подошёл человек невысокого роста приятной наружности и сказал: «Молодой человек, я полностью разделяю ваши чувства, но надо быть сдержаннее, спокойнее, рассудительнее». Это был Евгений Веникеев. С этого момента он стал моим другом и наставником. К глубокому сожалению, наше общение продолжалось недолго. Хотя Евгений Витальевич был внешне человеком спокойным и сдержанным, но внутренне он был очень ранимым и восприимчивым. Это был настоящий русский патриот и интеллигент.

В то же время это был большой оптимист и жизнелюб. Он говорил мне, что его мечта – оплыть весь Крым по морю. В выходные дни отправлялся на побережье и плыл вдоль берега сколько мог, чтобы в следующий раз снова приехать и продолжить плавание. Однажды, когда он плыл вокруг Медведь-горы, его задержали пограничники, доставили на свой катер и повезли в Севастополь, где он жил, для выяснения личности. Личность, конечно, выяснили. Евгения Витальевича же радовало то, что его, как ВИП-персону, доставили прямо домой. К сожалению, его сердце остановилось в марте 1994 года, когда он был ещё в расцвете сил и возможностей.

В заключение привожу статью Е. Веникеева «Влияние присоединения Крыма к России на архитектуру и ландшафты полуострова», опубликованную уже после его смерти в материалах той памятной для меня республиканской научно-общественной конференции¹⁷⁵.

Дмитрий Потехин, историк и публицист, кандидат исторических наук, член Союза писателей Крыма

ВЛИЯНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА К РОССИИ НА АРХИТЕКТУРУ И ЛАНДШАФТЫ ПОЛУОСТРОВА

Е. В. Веникеев

Как выглядел Крым в 1783 году? Достаточно полное представление об этом дают работы П. С. Палласа, К. Габлица, записки других учёных и просто путешественников и туристов. Во время Крымского ханства здесь практиковалось рабовладение и работоторговля, населённых пунктов было хотя и много, но в большинстве своём они представляли собой деревни с населением в несколько сот человек, связанные просёлочными дорогами или вычными тропами (в горах). Большая часть деревьев и кустарников, воспринимаемая сейчас как неотделимая часть ландшафта, отсутствовала (кипарисы, тополя, акации, магнолии, инжир, пальмы и десятки других растений-репродукторов).

Отдельные районы, ставшие впоследствии центром сосредоточения производственной и культурной деятельности, как, например, берега Ахтиарской бух-

¹⁷⁵ Крым и Россия: неразрывные исторические судьбы и культура. Материалы научно-общественной конференции. – Симферополь, март 1994.

ты, были вообще незаселены. Очевидец писал о месте будущего Севастополя: «... там не было даже ни одной хижины: всё... было дико и покрыто мелким дровяным лесом и кустарником...».

Известно, что первые кипарисы, инжир и миндаль посадил в своём имении в Алупке И. Кондараки, привёзший их в конце 80-х – начале 90-х годов XVIII века из Трапезунда, тутовые деревья и айлант появились тогда же в связи с предполагаемым разведением по инициативе Г. А. Потёмкина шелкопряда.

Но облик полуострова, вернее, его фасада – Южного берега Крыма стал кардинально изменяться с началом совершенствования путей сообщения. В 1824 году появился поистине исторический «Указ Его Императорского Величества (Александра I – Е. В.) ... по случаю учреждения на Южный берег Крыма... дороги». Тогда же было решено, что «деревня Алушта должна служить средним пунктом сообщения между Симферополем и обеими сторонами берега... Посему деревня Алушта должна преобразиться в местечко, а со временем и в город».

Участок дороги Симферополь – Алушта окончили в 1826 году, а в 1837 году её продлили до Ялты и по ней проследовал Николай I, направляясь на Кавказ. Строительство Южнобережного шоссе до Севастополя закончилось в 40-х годах. Оно именовалось Воронцовской дорогой в честь губернатора Новороссийского края графа (потом князя) М. С. Воронцова, много сделавшего для благоустройства Крыма.

Но этот вельможа, государственный деятель и полководец дал толчок и другому явлению, полностью изменившему облик Южного берега – строительству дворцов и парков. Воронцов явился первым владельцем, имения которого в Крыму (виноградники, сады, рощи оливковых деревьев) стали приносить приличные доходы. Его пример привёл к бурному освоению русскими помещиками побережья. Французский геолог Ксавье Оммер де Гель свидетельствует: «многочисленные дачи возникли в течение короткого времени на всём пространстве побережья, которое начинается от Балаклавы и кончается Феодосией».

Необходимость ремонта, содержания и строительства русского военного флота на Чёрном море вызвали к жизни крупнейший город Крыма – Севастополь, а стратегические, равно как и экономические соображения – строительство в 1875 году Лозово-Севастопольской, а в 1892 году Феодосийской железной дороги. Одним из непосредственных результатов этого явилось мощное курортное строительство на юго-восточном и Южном берегах полуострова.

Несвоевременность революции 1917 года проявилась ещё и в том, что она навсегда прервала начавшееся в 1915 году сооружение железной дороги Севастополь – Ялта, причём был уже разработан её проект и до Феодосии. Можно вообразить, какое кардинальное влияние на ландшафт побережья оказала бы реализация этой идеи!

Однако русская культура не только преобразовывала Крым. Она сама испытывала на себе его влияние. И больше всего это сказалось на архитектуре, где возник даже специальный стиль построек.

В начале прошлого века бытовало французское выражение *dans le style asiatique* или *dans le style turc* (в азиатском, турецком стиле). Позднее появился термин «ориентализм» (восточный), но следует учесть, что в Крыму он яв-

лялся сплавом русской архитектуры и местных традиций – в качестве образца для азиатских мотивов обычно брались сооружения Бахчисарайского дворца. В Государственном архиве республики Крым сохранилось дело «По предложению господина гражданского губернатора о составлении фасаду дома на азиатский манер составленного», относящееся к 1818–1820 гг.

Суммируя черты стиля, можно представить характерную для него постройку следующим образом: прямоугольный в плане одно-двухэтажный дом из местного рваного камня-известняка с фигурной расшивкой швов, окружённого с одной-двух или всех четырёх сторон деревянными галереями с более или менее богатой резьбой и решётками. Оконные проёмы, как правило – килевидные.

Крымский ориентализм – течение в архитектуре оригинальное, местное и оказавшееся исключительно долговечным. Он пережил в Крыму классицизм, пышно расцвёл при торжестве эклектизма, существовал параллельно неоклассицизму и модерну вплоть до 20-х годов нашего столетия.

А оригинальный русский сплав всех известных стилей архитектуры, градостроительства, паркостроения с бессмертной красотой приморья и Главной гряды Крымских гор вызвали к жизни уникальный «ансамбль искусств» Южного берега Крыма. И вот создание этого антропогенного ландшафта и является главным вкладом России в формирование облика нашего полуострова.

ПИСЬМО К ДРУГУ, КОТОРОГО УЖЕ НЕТ СО МНОЙ¹⁷⁶

...Дверь реанимационной палаты была открыта настежь – то ли из-за отчаянной духоты, то ли из-за того, что наступило время обеда и нянечки развозили тарелки и кастрюли по палатам на высоких тележках, одну из которых как раз заталкивали к твоим соседям. Воспользовавшись случаем, мы с Юрой попытались проскочить к тебе.

Реанимационная оказалась довольно просторным помещением. Больничная атмосфера казалась здесь особенно угнетающей. Твоя койка стояла в самом центре... Нянечка, вёзшая обед больным, увидев, к кому мы рвёмся, сказала нам не очень, впрочем, категорически: «Нельзя к Венিকেву, нельзя. Завтра ему полегчает и поговорите с ним».

Грустно было видеть тебя привязанным трубочками к капельнице, я понимал, что действительно сейчас тебе не до разговоров, и не знал, что делать. Юра негромко позвал: «Женя! Мы здесь!» И поступил совершенно правильно. Ты, услышав знакомый голос, с трудом приподнял голову над больничной подушкой и приветственно поднял правую, свободную от трубочек руку. А затем, видимо обессиленный этими простыми движениями, вновь уронил голову на подушку.

¹⁷⁶ Печатается по изданию: Артёменко Л. Т. Отчаянные путешествия или путешествия дилетантов. Севастополь, 2000. С.4-10, 18.

Тогда я подумал, что ты именно приветствовал нас. Только на следующий день, узнав о твоей смерти, я понял: ты попрощался с нами, тебе оставалось в тот миг жить всего четыре часа...

За последние годы мы часто видели тебя на больничной койке (и в реанимационном помещении также) и как-то привыкли к тому, что, провалившись месяц-другой на серых простынях, ты снова и снова оказывался с нами под солнцем. И на это раз мы были привычно уверены, что всё будет так, как и раньше. Подумаешь, «реанимационная палата»! Просто палата и всё. Помещение, где есть надежда.

Правда, Жанна, сквозь слёзы, рассказывала по телефону, что, когда, тебя уносили на носилках из квартиры, ты попрощался с семьёй, поцеловал дочь, словно предчувствуя беду. Правда и то, что нам всё-таки было страшно за тебя, но мы надеялись на чудо. И я думаю, что ты также надеялся на него до самого конца...

Юра сказал: «Держись, Женя! Завтра мы придём...». И мы ушли, чтобы завтра узнать о твоей смерти.

* * *

...После твоих похорон (кстати, ты, Женя, похоронен на прекрасном месте, благодаря Анатолию, именно на таком, которое, я думаю, ты бы выбрал сам, если бы имел такую возможность) я месяц или два, просыпаясь, автоматически мысленно составлял себе график предстоящего дня и иногда ловил себя на следующем пункте: «Приду на работу и где-то около девяти обязательно позвоню Веникееву. Он соня, и раньше звонить бессмысленно...». Потом, осознав нелепость этой мысли, я просыпался окончательно и нырял в омут повседневных дел, чтобы через несколько дней снова проснуться всё с той же навязчивой идеей: «Позвонить Веникееву... Что-то давно я его не слышал...».

Смерть действительно нетактичная старуха. Она бесцеремонно приходит к нам, когда ей вздумается, не давая себе труда предупредить нас, хотя бы за день, о своём визите. Знай я, что она в своём рабочем календаре на 1994-й год нашла уже листок «Второе марта» и нацарапала на нём «Е. В. Веникеев», я бы, конечно, нашёл время обсудить все наши проблемы в последний раз, мы бы вспомнили наши совместные путешествия, в последний раз посмеялись бы над казусами, которые случались, бывало, с нами или с нашими друзьями. Может быть, успел бы свозить тебя на Фиолент и показать свою дачу, где я с помощью чародея-строителя Юры Морозова и его брата Жени слепил себе нечто вроде кавказской сакли с плоской крышей, и где я сейчас пишу эти строки. Моя сакля тебе бы понравилась, я знаю. С её крыши виден Георгиевский монастырь, а также весь Гераклеийский полуостров вплоть до Херсонесского маяка. Ты, непременно взяв с собой бинокль, долго разглядывал бы окрестности, а я, конечно, в это время выпил бы чего-нибудь за твоё здоровье.

Ничего из этого сделать не удалось. И я жалею об этом. В свою саклю я свёз много всякого хлама, который обычно скапливается в наших малогабаритных квартирах и мешает нам жить... Ну вот, например, зелёная складная лодка. Редко у кого можно найти такое сокровище! А у меня на балконе пятого этажа, где еле-еле можно было повернуться с мокрым бельём или какими-нибудь одеялами для проветривания, этих сокровищ было целых два...

Одна лодка принадлежала мне, а другая была твоя, Женя. Помнишь, в 1975 году эти лодки впервые появились в продаже в магазине «Спорттовары» на набережной Корнилова. Стоили они по тем временам не то, чтобы уж очень дёшево, но по крайней мере в рассрочку можно было взять, без особого ущерба для семейного бюджета. И мне как-то сразу захотелось иметь у себя такое чудо и иногда плавать на нём по каким-нибудь протокам и проливам. Ну, а ты был большой специалист по части водных путешествий. Ты рассказывал мне, как вы с покойным Лёней Лаппо две недели мужественно шли на лодке по Днепру, где-то потерпели кораблекрушение и вынуждены были дальше путешествовать по железной дороге.

- *Лёня Лаппо был, пожалуй, единственным одноклассником Е. В. Веникеева,*
- *с которым он после окончания школы продолжал общаться. Как вспоминала*
- *учившаяся вместе с ними Нина Белова (Литвинова), Женя Веникеев в школе*
- *держался несколько особняком, особо ни с кем не дружил. Также Нина*
- *Петровна отмечала, что Веникеева особенно выделяла из всего класса их учи-*
- *тельница литературы Евгения Львовна. Как знать, может быть, уже тогда*
- *опытный педагог сумела разглядеть литературный дар будущего писателя.*
- *(Фото 95)*

Поэтому лодку пошли покупать с тобой. Когда ты увидел её, то тут же загорелся купить себе такую же. И купил. На мою рассрочку. Домой, правда, почему-то не повёз, а попросил меня забрать себе обе лодки. Так и стояли они у меня на балконе десятка полтора лет, изумляя своей ненужностью всех знакомых и родственников.

Я трудолюбиво таскал на себе свою зелёную лодку на берег Стрелецкой бухты, катался сам, катал своё семейство. Твоя же лодка всё ждала своего хозяина. Однажды ты не выдержал и попросил меня отнести свою – именно свою! – лодку в Парк Победы, чтобы там испытать её в открытом море: тебя интересовало, как «держит» она волну. Тогда ты разрабатывал план прохода на наших «раскладушках» через весь Сиваш, с севера на юг. Это километров сто пятьдесят. Или был ещё вариант другого водного путешествия: по всему Днестру от истоков до устья. Был и третий вариант: в полную воду пройти, сколько возможно, по Бельбеку или по Каче, перетаскивая лодки на себе через завалы и пороги. Грузоподъёмность складных лодок всего чуть более ста килограмм, они вовсе не рассчитаны на бушующие волны и на бурные потоки, и наши планы, мягко говоря, были нереальны.

* * *

...Под крышу сакли на Фиоленте я перевёз и старую ободранную автомобильную палатку польского производства. Она была тяжела для пешеходных переходов, но меня привлекла её элегантность, продуманность каркаса и растяжек. Ты же помнишь, она была двойная. Сначала ставилась сама палатка, но она была сделана из тонкого материала, водонепроницаемого, и поэтому сверху натягивался ещё толстый тент. Был, так сказать, летний и зимний вариант.

Когда ты узнал о существовании польской палатки, в которой «зимой тепло, как в квартире» (это я её так рекламировал), то оказалось, что ты давно меч-

таешь о зимнем переходе через все Крымские горы, от Ай-Петринской яйлы до Караби-яйлы. Ты уверял меня, что с такой прекрасной палаткой нам совсем нетрудно будет одолеть этот маршрут дня за четыре, ну за пять.

Если с лодочными маршрутами у нас дальше планов дело не пошло, то в зимний переход по горам мы всё-таки ушли в один из солнечных дней декабря 1981 года. Автобусом доехали до старой дороги на Батилиман и ушли влево, в горы. Скоро мы одолели скальные отроги над Ласпинской бухтой и начали движение уже по Ай-Петринской яйле¹⁷⁷. Вначале идти было нетрудно. День был сухой, температура – градусов десять выше нуля, ветер умеренный. Под ногами пока ещё тоже было сухо, хотя уже и снег был, и дожди шли. Но где-то к обеду нам всё чаще стали попадаться лужи, в лесу кое-где встречались заснеженные поляны. С каждым километром идти становилось всё более скользко и тяжело. На склонах горы Бизюка мы уже шли по снегу, правда, весьма неглубокому.

Слушай, Женя, я что-то не совсем точно помню: это в тот раз мы заходили в охотничий домик возле небольшого водоёма или это было во время нашего другого путешествия по горам? Домик (в настоящее время этот бывший домик лесника разрушен – *Ред.*) оказался битком набитым туристами, мы посидели возле замёрзшего озера или пруда, перекусили и пошли дальше. До темноты, казалось, ещё было довольно далеко. Но декабрь есть декабрь. Дней короче декабрьских не бывает, и часа в четыре уже похолодало, солнце стало стремительно уходить в белёсую мглу. Стало ясно, что нужно где-то искать место для ночлега. И, как нарочно, сухого места, где можно было бы спокойно поставить палатку и развести костёр, всё никак не удавалось найти. Мы шли до тех пор, пока была мало-мальская видимость, но ничего подходящего для бивуака так и не обнаружили.

Уже в почти полной темноте остановились на какой-то площадке, закрытой от моря большими деревьями. Прикинули, что если вдруг что-то сыпанёт с неба – дождь или мокрый снег, то в этом месте нас не зальёт. В темноте едва сумели растянуть мою прекрасную палатку, разобраться с дюралевыми трубочками и перекладинами, которые так легко складывались в надёжный каркас при солнечном свете. Не обошлось без проклятий в адрес конструкторов, но так или иначе крыша над головой у нас была. Теперь оставалось развести костёр и поужинать.

Пока шли в гору по скользким склонам, распарились, потеряли много сил и есть хотелось зверски. Холодный ветер вынес из наших тел последние калории. Потери нужно было восполнить. Бросились искать хоть что-нибудь сухое в окрестностях и... ничего не нашли. Собрали кое-какой влажный валежник, трухлявую кору, в рюкзаках отыскивали сухую бумагу. Всё-таки зажгли костёр и поставили котелок со снегом, надеясь, что кружка-другая кипятка согреет нас и мы спокойно уснём. Но надеждам нашим не суждено было сбыться.

Мы уже сжевали консервы и хлеб, которые оставили на сегодняшний ужин. А вода в котелке всё не закипала. Уж мы и прикрывали наш чахлый костёр своими телами, чтобы он повыше поднимал пламя. И даже вообще отворачивались от него, следуя мудрому совету Джерома Джерома: «...единственный способ заставить чайник закипеть, если только он заметит, что вы нетерпеливо ждёте,

¹⁷⁷ В не вошедшей в книгу «Севастопольские маршруты» главе Е. В. Веникеев называет эту часть яйлы «Ласпинским нагорьем». Сегодня она известна как Байдарская яйла – *Ред.*

чтобы он закипел, – он даже и зашуметь не подумает... неплохо... громко переговариваясь друг с другом о том, что чай вам вовсе не нужен и что вы и не помышляете о чаепитии». Но, несмотря на все наши уловки, чай не закипал.

Ветер всё усиливался, становился всё пронзительнее, тревожно шумели деревья, надежд согреться не оставалось. Тогда ты предложил (да-да, Женя, это именно ты предложил!): «Давай, Лёня, достанем ОДНУ».

А у нас в рюкзаке было ДВЕ. Две бутылки перцовки. На крайний случай. Или в конце маршрута. Я помню, как мы обсуждали с тобой перед походом, что взять с собой из НАПИТКОВ. У нас не было сомнений в том, что что-то взять из спиртного нужно, но что именно? В те легендарные времена о сухом законе ещё не было слышно, а о тогдашних смехотворных ценах старики ещё долго будут рассказывать невероятные истории. Тем не менее, ты долго занимался вычислениями и получилось, что наиболее приемлемый вариант: ДВЕ перцовки. То есть нужно было понимать так, что в этом варианте тебя привлекли два решающих показателя: максимальная крепость напитка при минимальной цене. Повторив свой любимый афоризм: «Я скуп и не стыжусь этого», ты оплатил расходы из наших общих денег, взял бутылки, передал их мне (я выполнял роль носильщика), и мы вышли из магазина.

И вот сейчас, на ледяном ветру, мы проглотили по стакану горькой и холодной водки, надеясь, что она нас согреет. Но где там! Алкогольные калории не спешили греть нас, а проклятый котелок с талой водой всё не подавал признаков жизни: оттуда не доносилось ни звука. Все наши запасы сырого валежника уже подходили к концу, ползать снова в темноте в поисках дров не хотелось, но и уходить спать, не испив чайку, не позволяло самолюбие или упрямство: вот хочется и всё тут! Холодный ветер слишком быстро отнимал у котелка те калории, которые тот получал от чадившего сырым дымом костра. Притом, высота кострища над уровнем моря была за километр, что тоже сказывалось на результате в отчаянной борьбе с природой за кружку кипятка.

Да, Женя, мы так и не смогли тогда вскипятить котелок талой воды. Один раз нам показалось, что из котелка донеслось какое-то шипение: «О! Семьдесят пять градусов! Почти кипяток...» – решили мы и выпили по кружке горячей воды, которая немного согрела нас и ободрила. Программа вечера была исчерпана, и мы с тобой полезли в палатку искать в кромешной темноте свои спальники, взятые напрокат. Спальники оказались настолько старые и тонкие, словно они состояли из двух брезентовых чехлов. Вкладышей не оказалось вовсе, и нам пришлось ночь валяться в этих, пропитанных потом сотен предыдущих клиентов, мешках.

Несмотря на усталость и мытарства, связанные с разбивкой лагеря, заснуть никак не удавалось. Я думаю, что было часов восемь вечера, и даже мне, «жаворонку» вроде бы рановато было ещё спать, а каково было тебе, ярко выраженной «сове»? Пришлось доставать ВТОРУЮ, и только после неё мы кое-как уснули под завывания ветра и надсадный скрип старых деревьев.

...Утром мы едва дождались рассвета. Тощие спальники совсем не грели, тем более что под ними был лишь пол палатки да кое-что из нашего тряпья, и от земли тянуло прямо-таки ледяным холодом... Мы с тобой дождались-таки рассвета и начали упаковывать вещи в рюкзаки с твёрдым намерением продолжать путь.

Кругом был сплошной лёд. Наша прекрасная палатка, которая в сухом состоянии весила, вероятно, килограммов семь, в то утро весила, по моим скромным предположениям, в два раза больше. Её невозможно было сложить и запихать в рюкзак. Когда мы её буквально с треском ломали, всё же пытаюсь сделать это, нам казалось, что крошится не только лёд на брезенте, но и сам брезент и что от великолепного домика останутся лишь куски.

Рюкзаки наши были старой конструкции, без станков и прочих непереносимых элементов сегодняшних многочисленных вариантов этих обязательных спутников всякого туриста и альпиниста, геолога и геодезиста. Мы подтягивали их ремнями поплотнее к спине, но всё равно они тяжкими гириями опрокидывали нас назад. Не успевшие высохнуть за ночь сапоги скользили по обледеневшим камням и откосам. «Скудный» (твое любимое выражение) завтрак и вчерашние две бутылки перцовки вовсе не располагали к энергичному и длительному хождению по горам...

К обеду мы вымотались до предела. Всё же в тот день мы прошли с тобой километров семь или восемь. Где-то за Тез-Баиром (гора Тез-Баир является самой восточной точкой Севастопольского региона – *Ред.*), над Оползневым, ты вдруг вспомнил, что в этом районе должен быть спуск на Южный берег, который был совсем рядом, мы иногда видели даже берег моря и само море, и тогда нам очень хотелось вдруг оказаться там, среди тепла и на сухой земле.

Да, Женя, соблазн был слишком велик, а перспектива ещё одной ночёвки (а тем более – двух или трёх!) была так пугающа, что мы и в самом деле очень быстро нашли спуск к Оползневному и благополучно спустились вниз.

После двухдневного марша по снегу и обледеневшим камням нам было легко и весело идти по пыльной дороге, тянувшейся всё время вниз к морю, мимо зелёных, тёплых лесов, мимо причудливых скал невероятной высоты, мимо спокойных и ласковых водоёмов. А когда мы каким-то образом сели в автобус «Ялта-Севастополь», да ещё шикарно расположились в мягких креслах, раздевшись до рубашек, то, конечно же, в тот момент мы были с тобой самыми счастливыми людьми на свете. По крайней мере, одними из них. Я, Женя, не помню, как мы приехали в Севастополь (наверное, без приключений), но прекрасно помню, что на автовокзале мы с тобой выпили по стакану какой-то гадости в честь нашего благополучного возвращения домой...

- Евгений Венিকেев был не туристом, а романтиком. Зимой совершенно не подготовленный он ходил по крымским горам, пытался спускаться на раскладных лодках по Днепру, и только ему могла прийти в голову идея проплыть в ластах вдоль севавтопольских берегов. Вместе со своим другом, начиная с 1976 года, он проплыл от мыса Айя к Инжиру, из Балаклавы до мыса Фиолент, из Голубой бухты – вокруг мыса Херсонес до бухты Казачьей, от мыса Лукулл до Учкучевки...

...Мы завершили наше с тобой плавание вдоль севавтопольских берегов в 1986 году... Ну что же, Женя, если лодочный маршрут мы с тобой не смогли даже и начать, пеший зимний поход нам удался лишь процентов на двадцать, то здесь

мы выполнили план примерно на 75%. Я думаю, что это неплохо, учитывая стеснённые условия для плавания в водах военно-морской базы Черноморского флота.

...Вот о чём бы мы поговорили с тобой, что вспомнили, если бы могли знать дату твоей смерти... Мы не знали её и почти никогда не говорили об этом, оставляя воспоминания на те времена, когда житейские бури уже пронесутся над нами, и мы сможем спокойно сесть где-нибудь и сказать друг другу: «А помнишь?»

...Как ты устроился там, в ином измерении? Строишь, наверное, опять проекты новых походов? Ну ладно, пока без меня. Там же с тобой Лёня Лаппо. Но когда-нибудь я приду к тебе и мы, как прежде, чертыхаясь и проклиная всё на свете, куда-нибудь поползём, полезем, поплывём или полетим...

Пока, Женя. До встречи.

*Леонид Артёменко, инженер-геодезист
Севастопольского отдела института инженерных изысканий*

- Леонид Тимофеевич Артёменко (1943–2007) познакомился с Евгением Венিকেевым в 1967 году, когда работал в проектно-сметной конторе при отделе коммунального хозяйства. Вместе они занимались геодезическими привязками памятников на Братском кладбище, Максимовой даче и других объектах. Вместе они и путешествовали по окрестностям Севастополя. Уже после смерти своего друга Л. Т. Артёменко опубликовал две небольшие книжки, в которых с юмором и грустью об ушедшем товарище рассказал о совместных походах.
- В одной из них он писал: «Среди выжженной степи, в районе будущих улиц у бухты Омега, в воронке от авиабомбы времён Второй мировой, мы с Женей Венিকেевым после утомительного путешествия по окрестностям Севастополя устроили скромный обед с бутылкой вина и плавленным сыром на закуску. Времена суровые и нужен глаз да глаз, чтобы невзначай не «взяли» за распитие спиртных напитков... Женя – ходячая энциклопедия по истории Севастополя, автор нескольких книг по истории города и массы статей, заметок чуть ли не во всех газетах Крыма... Неспешная беседа могла бы продолжаться до бесконечности, но в бутылке всего 0,75 литра и, к великому сожалению, нам приходится покидать такое славное местечко...»¹⁷⁸.

ЕВГЕНИЙ ВЕНИКЕЕВ. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

По материалам одной переписки

Одним из друзей Евгения Венিকেева был симферопольский искусствовед и краевед Владимир Николаевич Гуркович. Его Е. В. Венিকেев упоминает в своей статье «Преступление без наказания»: «Имя этого человека должно войти в историю – ему первому удалось (в газете «Московские новости») опубликовать статью, сообщавшую о сносе французского, английского и итальянского кладбищ». Именно эта тема и стала поводом для их знакомства.

¹⁷⁸ Артёменко Л. Т. Робинзон-2000 и его Пятница. – Симферополь: «Таврия», 2004. – С. 67.

Вот как об этом вспоминал сам В. Н. Гуркович: «Я познакомился с Евгением Витальевичем Веникеевым в 1984 году, когда собирал материалы об уничтоженных в Севастополе кладбищах французских, английских и итальянских воинов, погибших в период Крымской войны 1853–1856 годов. Инженер Веникеев слыл уже в те годы известным знатоком земли севастопольской. Он вообще был универсалом: энциклопедически знал историю своего родного города (особенно – период Крымской войны), профессионально разбирался в военном деле прошлых веков, в топографии, архитектуре, топонимике, в литературе, в вопросах реставрации памятников и даже в технике взрывных работ...

Он, надеясь, что мои усилия по возрождению военно-исторических мемориалов могут, в конечном итоге, привести к торжеству здравого смысла, помогал мне. Помогал бескорыстно, безвозмездно. Всегда. Всем, чем мог. Советом, рекомендациями, корректировкой, исходными данными, выписками, сделанными им в архивах Москвы и Ленинграда. Главной движущей силой помощи, которую он оказывал мне, была страстная любовь к родному городу, помноженная на естественное христианское чувство русского патриота творить добро и искупить вину отечественных вандалов».

Совместная работа привела к близким дружеским отношениям. Это хорошо чувствуется по их переписке¹⁷⁹. Так, Евгений Витальевич свои письма обычно начинал приветствием – «Дорогой Володя!», но чаще с юмором – «Дорогой товарищ Гуркович!». А завершали послания самые разные пожелания: от «пока» или «привет» до «жду верхние конечности». Краеведы часто общались и лично. Когда Е. В. Веникеев приезжал в Симферополь по делам, он неизменно заходил в гости к другу, который жил в центре города на улице Крылова. А в Севастополе они встречались уже на «территории» Веникеева.

«Когда я приезжал в Севастополь, – вспоминал В. Н. Гуркович в 2013 году, – Женя приглашал меня на балкон своей квартиры. Напротив, через балку, находился в период Крымской войны английский редут «Виктория» (Е. Веникеев проживал тогда по адресу: пр. Победы, 29, кв. 144 – А. Ш.). «Мы ж поговорим, – эзоповски выражался Женя, – за «Золотой балкой». В данном случае он имел ввиду не географическое место, а продукцию севастопольского винсовхоза одноимённого названия». И начинались краеведческие «поединки», в которых каждый пытался доказать уникальность своего города.

В конце 1980-х и начале 1990-х годов друзья встречались не часто, но письмами обменивались регулярно. Это был непростой период в жизни Евгения Витальевича, как в плане творчества, так и здоровья.

За год до смерти он с грустным юмором писал, что от выпивки в ресторане отказался, поскольку «имею столько недугов, что, повторяя британского юмориста Джерома К. Джерома, могу заявить: студенты-первокурсники медицинских институтов должны осматривать меня, а затем отправляться получать свои дипломы». И письма своему симферопольскому другу Е. В. Веникееву обычно писал с больничной койки.

¹⁷⁹ В 2023 году вдова В. Н. Гурковича передала автору около двадцати писем Е. В. Веникеева, которые и легли в основу данной публикации.

Из письма В. Гурковичу от 10.06.1987 г.: «Я сейчас (вернее, в тот день, что говорил с тобой по телефону) загремел в больницу – воспаление поджелудочной железы – чуть дуба не врезал».

Письмо от 18.05.1991 г.: «Как ты знаешь, меня чуть не хватил Кондратий Булавин, теперь пребываю в узилище, сиречь – больнице, а как долго – неизвестно (минимум весь май, а потом на 2 месяца больничный)». В конце письма приписка: «Если будешь в Севастополе, то заходи по адресу: больница № 1, кардиологический корпус (новый), палата № 16».

В следующем письме от 06.06.1991 г. Е. Веникеев пишет, что он всё ещё находится в больнице: «Пишу по-прежнему из узилища, срок пребывания в нём не ясен, но уже официально разрешили перемещаться в пространстве (до этого я перемещался без разрешения)». В этом же письме он сообщает, что его перевели из 8-местной палаты в 3-местную «и жизнь стала значительно веселее. Правда, пришлось глотать в день по 30 таблеток и получать по 4–5 уколов, в т. ч. внутривенных. Сейчас того и другого меньше, но кое-что ещё осталось».

В последующие годы проблемы со здоровьем только усиливались. Письмо от 14.11.1992 г.: «Я снова пребываю в больнице – на сей раз операция аппендицита. Прошло 4 дня после операции, а всё ещё очень больно».

Это удаление аппендикса Е. Веникеев с грустным юмором описал в заметке «Больничные этюды» (Слава Севастополя, 15.12.1992 г.): «Мне велели влезть на операционный стол, крепко привязали к нему все четыре конечности. И куда-то на полчаса удалились. Холод там стоял космический, а так как из одежды на мне был самый минимум, то я принялся дрожать. Но не от страха перед операцией. Её я совсем не боялся – подумаешь, аппендицит. Почти у каждого второго вырезан аппендикс, а воспоминания у них самые радужные. «Было как бы немного щекотно», «когда его резали, вроде бы что-то кольнуло», «выписали через неделю», «а меня даже через три дня». И всё в этом роде. Чего ж бояться?»

Пришёл хирург в маске, несколько раз уколол шприцем. Потом сделал разрез. Действительно, я ничего не чувствовал. Затем он устремился в мои внутренности, стал их перебирать и время от времени за что-то дёргать. Боль была ужасной, я дико заорал, стал дёргаться и попытался извиваться.

«Отдохни», – сказал он с неудовольствием и призвал на помощь второго. Теперь они разом вложили в меня свои персты. Боль, если это возможно, удвоилась. Думаю, мои вопли заглушили шум транспорта на одной из самых загруженных площадей города. Подошёл третий, послушал мои завывания и упрекнул в несдержанности. Я предложил ему поменяться со мной местами и снова взвыл. Тогда он велел надеть на меня маску. Последнее, что я слышал, погружаясь в сон – отборный мат, которым меня осыпали. В больнице я провёл 23 дня. Разрез гноился. Сейчас они почему-то гноятся у всех...».

В письме от 20.01.1993 г. очередное грустное сообщение: «С сегодняшнего дня нахожусь в Морском госпитале, куда попал благодаря могущественному Стефановскому. Сунулся я сюда, собственно, с целью профилактически поглотить в кардиологии (без этого могут лишиться пенсии), но пожаловался на боли

в боку и загремел в урологическое отделение. Сегодня первый день, а насколько долго – неизвестно».

Но уже через пять дней очередное письмо в Симферополь было более тревожным: «Не успел отправить письмо № 1 (от 20.01. – А. Ш.), как получил ни с того, ни с сего сердечный приступ и загремел из урологии в отделение интенсивной терапии. Там у меня первым делом изъяли всё канцелярское имущество, включая письма, ручки и бумагу. Сейчас я кое-что вернул и продолжаю свои эпистолярные упражнения». 27 января Е. Венিকেва переводят в кардиологическое отделение, находиться в котором пришлось долго. В письме от 27 февраля он пишет: «Уже бы давно выписали, но подцепил воспаление лёгких и до сих пор всё время простуживаюсь. А тут ещё сердце и почечные колики – представляешь, какой букет!».

Постперестроечное время позволило писать без оглядки на цензуру, которая раньше часто не давала говорить правду. Статьи Е. Венিকেва этого периода становятся более жёсткими, часто разрушающими устоявшиеся исторические стереотипы (см. раздел «Смутное время»). «70 лет мы купались во лжи. Она вливалась в нас лошадиными порциями со страниц газет, школьных учебников, «исторических трудов» и произведений великих писателей соцреализма, – писал Е. Веникеев в 1992 году в статье «Правда им не нужна». – Всю жизнь я занимаюсь историей Севастополя с единственной целью – узнать, как всё было на самом деле, взглянуть на прошлое, проделав дыру в той завесе лжи, которой его укутали. Плодом этих усилий стали несколько книг и свыше двух сотен статей. Конечно, мне приходилось если не сознательно врать, то о чём-то умалчивать, а также писать о «героических свершениях революции», «невиданных успехах социалистического строительства» и т.п.»¹⁸⁰.

А после того, как Е. Веникеев становится специальным корреспондентом московской газеты «Русский вестник» по Севастополю, в его публикациях появляется ещё одно новое качество, – гражданская позиция автора. Его статья в этом издании «Закон неизбежного возмездия» об истоках русофобии на Западе, опубликованная в 1991 году, сегодня актуальна как никогда.

К начавшейся в Севастополе украинизации Е. В. Веникеев отнёсся резко отрицательно. Из письма В. Гурковичу от 19.02.1992 г.: «Рад, что у вас ещё не висит «этот» флаг. Наши капитулянты, соглашатели и коллаборационисты уже вывесили. Была демонстрация протеста. Я всё это описываю в «Русском вестнике», но его циркуляция в пределах Украины, похоже, запрещена».

Е. Веникеев имеет в виду статью «Крым надеется на флот» («Русский вестник», № 32, 1992 г.). В ней он пишет: «...Фактическая сторона дела всем известна, суть его в страстном желании ныне «незалежной Украины» любой ценой удержать незаконно подаренный ей русский Крым и нажать на продаже в металлолом кораблей Черноморского флота. В моральном плане ситуация характеризуется русофобией украинских властей и позорным коллаборационизмом подавляющего большинства местных, крымских властей».

¹⁸⁰ Республика Крым. 1992. № 30.

И далее: «Положение русских в Крыму, несмотря на их подавляющее численное превосходство, тяжёлое. У их противников – чёткие, по-военному построенные организации, пользующиеся поддержкой за пределами Крыма (Украина, Турция, Средняя Азия). У нас таких нет, зато есть почти поголовный коллаборационизм местного руководства, относящегося к тем выходцам из верхушки коммунистической партии, у которых «вместо Отечества – собственное благополучие».

Именно этим объясняется поднятие над Севастополем «жовтоблакитного прапора», вывод города-героя из состава Крыма с прямым подчинением Киеву, превращение председателя Севастопольского горисполкома в представителя президента Украины. Потому затягивают проведение общекрымского референдума, вопреки закону на неопределённое время откладывают его начало; потому-то крымское правительство во главе с бывшим первым секретарём обкома КПУ А. В. Багровым использует решение Верховного совета России об отмене актов 1954 года о дарении Крыма Украине для торга с «господами из Киева». В этом же причина арестов и судебных преследований членов РДК (Республиканское движение Крыма), их увольнения с работы и проч.

В этих условиях наша единственная надежда, спасение от угрозы геноцида – Черноморский флот. И тут ключевая фигура – его командующий адмирал И. В. Касатонов. Личность этого человека вызывает удивление. Он также, как и его другие коллеги из высших эшелонов власти, воспитан в недрах КПСС, но смог сохранить патриотизм и способность к решительным действиям. Адмирал нашёл в себе мужество игнорировать угрозы президента и министра обороны Украины, а когда возникла опасность его ареста по приказу из Киева (по слухам, в Крым уже была отправлена группа захвата), окружил штаб бронетранспортёрами.

- В 1991–1992 годах благодаря жёсткой позиции и грамотным действиям
- адмирала Игоря Владимировича Касатонова Черноморский флот бывшего
- СССР был сохранён для России. 4 января 1992 года он объявил его российским и одновременно запретил личному составу флота принимать украинскую военную присягу до принятия политического решения руководством
- двух стран о дальнейшей судьбе Черноморского флота. 3 мая 2024 года депутаты Законодательного собрания Севастополя единогласно проголосовали
- за присвоение И. В. Касатову звания «Почётный гражданин Города-Героя
- Севастополя».

Потерпев неудачу в прямой попытке захватить Черноморский флот, украинские руководители применили тактику «гальяунной присяги», как говорят моряки. Офицеров и матросов, суля им золотые горы и запугивая, уговаривают подписать листок с украинской присягой (зачастую это происходит в туалетах – гальяунах, откуда и термин), не брезгают использовать лиц, совершивших должностные проступки. Пытаются запретить приём нового пополнения из русских и жителей Крыма, заменив их украинцами, подсылают под видом новобранцев специально обученных агитаторов...

Но флот держится, и в этом – надежда русских, проживающих в Крыму. Пока флот не стал украинским, то полуостров не будет оккупирован, и националисты

не погонят свой народ на братоубийственную войну с Россией. А русскому правительству следует пожелать большей решительности. Отмена унижительных актов 1954 года – прекрасный шаг, но сопровождавшие его реверансы перед националистами всех мастей абсолютно излишни»¹⁸¹.

Помимо работы в «Русском вестнике» Е. В. Венিকেев продолжает печататься в городских и областных газетах, но не все его публикации в это смутное время встречают одобрение. Появляются резкие рецензии...

В письме от 25.06.1992 г. он пишет В. Н. Гурковичу: «...препровожаю тебе для сведения экземпляр «Славы Севастополя» с моей статьёй на 2-й странице. Название похабное, но его (без моего согласия) придумала Юрдицкая»¹⁸². Речь идёт о статье «Как это было» о «красном терроре» в Севастополе», которая была опубликована под заголовком «Кровь!..., Голубая? Белая? Красная?» (см. стр. 105). Это была первая попытка рассказать о трагических событиях 1920–1921 годов, и на неё последовала вполне ожидаемая реакция.

Спустя месяц Е. Венিকেев сообщает: «...Посылаю тебе экземпляр «Флага Родины», где меня бичуют в лучших коммунистических традициях (одна ругань и ни одного доказательства, кроме того – враньё). Не можешь ли ты что-нибудь написать по этому поводу и поместить где-нибудь у себя, в Симферополе?»

Речь в письме идёт о статье Е. Коровина «Бизнес на «красном терроре» («Флаг Родины» 31.07.1992 г.). В ней автор сосредоточился в основном на критике книги С. П. Мельгунова «Красный террор в России», впервые опубликованной в Германии в 1923 году, на которую Венিকেев ссылался в своей статье. Она была переиздана издательством «Таврия» (Симферополь) в 1991 году по заказу севастопольского рекламного-полиграфического центра «Палитра» тиражом 120 тысяч экземпляров. Именно это и возмутило Коровина, посчитавшего, что издатели «вторгаясь в историю, делают бизнес на красном терроре». Досталось и краеведу, процитировавшему самые «кровавые» её страницы. «Что же побудило Е. Венিকেева обратиться к книге, изданной почти семьдесят лет назад? – вопрошает автор. – Конечно же, его политические взгляды, единомыслие с теми, кто намеренно или подчиняясь моде, стремится опорочить моральный облик большевиков, их борьбу за освобождение народа от гнёта тех самых буржуев, которых Венিকেев почему-то берёт в кавычки...».

Одновременно с этой публикацией во «Флаге Родины» 31 июля и «Славе Севастополя» под рубрикой «По поводу одной версии» напечатала статью «К чему гадать на крови?», одним из авторов которой являлся бывший первый секретарь городского комитета Коммунистической партии Украины. И снова гнев авторов обрушился на Е. Венিকেева, посмеявшего процитировать Мельгунова: «Ничуть не стесняясь, уважаемый Евгений Витальевич тиражирует «свидетельства» белоэмигранта о том, что «в Севастополе и Балаклаве ЧК расстреляла, если верить очевидцам, до 29 тысяч человек», о том, что трупы повешенных белых офицеров, солдат и гражданских лиц висели не только на проспекте Нахимова,

¹⁸¹ Более подробно о ситуации, сложившейся в эти годы в Севастополе – см. стр. 182.

¹⁸² Е. Г. Юрдицкая, журналист газеты «Слава Севастополя» – А. III.

Историческом и Приморском бульварах, не только на центральных улицах, но для этого «были использованы все столбы, деревья и даже памятники».

Сегодня историки не подтверждают этого, как и количества расстрелянных. В остальном же статья Е. Венিকেева правдива. Но авторы обиделись на краеведа и за то, что он пишет только о «красном терроре», а о «белом терроре» не упоминает: «Словно кровавые и позорные деяния присущи только Советской власти, словно врангелевские палачи никогда не подвергали зверским пыткам и истязаниям, не убивали и не вешали севастопольских рабочих-революционеров в те годы».

«В Севастополе против меня объявлена настоящая травля, – пишет Е. Венিকেев в одном из писем В. Н. Гурковичу, – в «Славе Севастополя» вчера и сегодня помещены поносные статьи – здесь для разнообразия кроют ещё и статью «Чугунная ложь», которую «Слава» напечатала 22 июля (см. стр. 100). Там я доказываю, что никакого расстрела восставших на Приморском бульваре, где висит мемориальная доска, не было. «Слава» тем самым сечёт не только меня, но и сама себя». Эта статья Е. Венিকেева, в которой он описывал расстрел крейсера «Очаков» в ноябре 1905 года, также вызвала общественный резонанс. Газета напечатала ответ на неё севастопольского краеведа А. М. Чикина, тогда ещё офицера ВВС ЧФ (так он подписался), в котором, ссылаясь на воспоминания сына П. П. Шмидта Евгения, автор пытался доказать, что расстрел на Приморском бульваре всё-таки был¹⁸³.

В ноябре 1992 года Е. Венিকেев пишет своему симферопольскому другу: «Прочти, пожалуйста, «Славу Севастополя» за 7 и 12 ноября, там снова ругают этого мерзавца Венিকেева... Это уже шестая публикация в «Славе», посвящённая мне. И это при том, что я с большинством её сотрудников наружно в самых приятельских отношениях. Идеалы коммунизма им дороже».

Работоспособность в эти годы сильно нездорового Е. Венিকেева поражает. В общественной правозащитной ассоциации «Моряки и корабли» он заведует литературно-историческим отделом. На страницах газеты «Флаг Родины» в 1992 году проводит конкурс «Знаете ли вы флот?». Там же в это время появляются его исторические миниатюры: «Звёздный час «Святого Павла», «Визит императрицы», «Бабий бунт», «Гибель «Струи», «Фрегат «Флора», «Последнее плавание адмирала Лазарева» и многие другие. А ещё принимает участие в заседаниях клуба любителей истории Севастополя, Общества охраны памятников истории и культуры.

В 1991 году Е. Венিকেевым было опубликовано 25 статей, в 1992 году – 45, а в 1993 году – 80. Широко был и спектр средств массовой информации (городских, областных, союзных), в которых его публикации увидели свет. А ещё были книги. Но здесь уже коррективы в их издание внёс развал Советского Союза.

В 1990 году выходит долгожданная книга «Родина-сыновьям. Мемориал Братское кладбище». Но вместо солидного труда, как изначально планировалось, Е. Венিকেев смог издать лишь 100-страничную брошюру в виде информационно-методических материалов для членов Общества охраны памятников тиражом

¹⁸³ Чикин А. М. Ещё раз о «чугунной» лжи // Слава Севастополя. 1992. 30 июля.

всего 500 экземпляров. Отпечатана она была шрифтом пишущей машинки на некачественной газетной бумаге в типографии Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища (помог В. А. Дмитриев, преподававший в училище). Причём вышла книга без иллюстраций, многое в результате потеряв.

Так же скромно были изданы книги «В Севастополе. 1941–1942» (1991) и «Пенители Понта» (1992). Последняя была написана в соавторстве со старым другом Л. Т. Артёменко. О ней Е. Венিকেев сообщает В. Гурковичу¹⁸⁴: «Тем не менее, ухитрился выпустить (тираж, правда, пока всего тыс. экз.) в типографии Стрелецкого училища (имеется в виду Черноморское высшее военно-морское училище им. П. С. Нахимова – А. Ш.) под эгидой «Таврии» «Пенителей Понта» (про пиратство в Чёрном море). Платил Стефановский (вернее, ассоциация «Моряки и корабли»)».

А рукописи ещё нескольких книг так и остались лежать в столе автора. Это историческая повесть «Пароходо-фрегат «Владимир», путеводитель «Южный берег Крыма», исторический труд «Ахтиар – Севастополь». По поводу последней Е. Венিকেев просил В. Гурковича просмотреть её и дать «свои замечания и указания на ошибки, которые там, конечно, имеются».

Краеведческая «всеядность» Е. Венিকেева в этот период только усиливается. Любое событие или объект, связанные с Севастополем, становятся предметом его внимания и изучения. Вот пример, его эрудиции по самым разным вопросам.

В. Н. Гуркович готовил статью «Мечеть в память Александра III» (опубликована в «Славе Севастополя» № 76 от 20.04.1993 г.). И Е. Венিকেев решил помочь другу. В письме от 04.03.1993 г. он пишет ему: «Первая и единственная до конца 50-х гг. XX в. асфальтированная улица в Севастополе была Азовская (ныне ул. Кулакова – А. Ш.) по показаниям ныне покойного старожила. Её заасфальтировали уже в 20-х гг. (во время НЭПа), т.к. на ней жил владелец первого в городе асфальтобетонного завода (скоро прикрытого). И сделал это он для рекламы своей продукции. Возможно, впрочем, это легенда и автор ошибся на десяток лет, тогда асфальтирование Азовской приходится как раз на строительство мечети, а прекратить развитие асфальтирования в городе могли война и революция...

Насчёт Александра III. Персонально мусульман он, похоже, ничем не благодетельствовал, но в 1889 г. ввёл «Положения о земских участковых начальниках», чем решил проблему юрисдикции в сёлах и навёл там полный порядок (для Крыма это, наверное, имело огромное значение). Но причина посвящения ему мечети, думаю, вот в чём: после чудесного спасения императорского семейства от покушения в 1888 г. (взрыв поезда) по всей России очень долго этому событию посвящали церкви (например, Форосскую, 1892). Может быть, и тата-

ры решили не ударить в грязь портретом, хоть и с опозданием. Тем более, что Николаю II посвятить не могли (жив), а его папаше – вполне (да и сыну будет приятно). Ещё одно достоинство Александра III: при нём наша граница стала общей с Афганистаном (а раньше была на 1000 в. севернее), причём вдребезги (ок. 1887 г.) разбили афганцев и мирно присоединили всех туркмен, которые тут же принялись благоденствовать. Эти сведения я почерпнул из Брокгауза и Ефрона, т. I, с. 411–412, который имею. Больше ничего придумать не смог».

2 марта 1994 года Евгений Витальевич умер в больнице в отделении кардиологии. После его смерти Владимир Гуркович скажет, а позже напишет: «У меня был друг и товарищ Евгений Венিকেев. Инженер, архитектор, краевед, писатель... Настоящий патриот Севастополя. Человеком он был необычным, энергичным, мыслящим, творческим, независимым... Он не был идеалистом. На окружающий мир смотрел реально, трезво, объективно... Его перу принадлежит более десяти краеведческих, исторических и художественных книг. Сотни газетных статей почти во всех крымских газетах. Каждая публикация вызывала живой интерес, повышенное внимание, а часто дискуссии, споры и озлобление недоброжелателей, завистников, «мастодонтов». Именно непоколебимое стремление Евгения Венিকেева установить историческую правду и вникнуть в суть реальных событий вызывает нарекания и «традиционно» безосновательную и тенденциозную критику, а то и дурацкое шельмование.

В 1970–1972 годах Евгений Венিকেев был главным инженером проекта реставрации Братского кладбища на Северной стороне. Здесь похоронены десятки тысяч героев России. В восстановленных ныне памятниках и надгробиях – самозабвенный труд Евгения Витальевича. Символично, что здесь был помещён гроб с прахом Венিকেева. Последнее желание Евгения – предать его останки земле по христианскому обычаю. 9 марта 1994 года севастопольская земля навечно приняла Человека, который не мыслил своего мирского существования без любимого города и его героической истории. Мир праху твоему, Товарищ!» (Фото 99)

Александр Шипенко, краевед, член Севастопольского клуба любителей истории города и флота

¹⁸⁴ Владимир Николаевич Гуркович (1945–2021), крымский историк и краевед. Окончил Крымский педагогический институт. Научную деятельность начал в Бахчисарайском историко-архитектурном музее в 1968 году. Автор многих публикаций по истории Крыма, большинству которых присущи оригинальность поднятых проблем, глубокое знание сути исследования и широкая гамма тематического спектра. С 2014 года работал научным сотрудником в КРУ «Научно-исследовательский центр памятникоохранных исследований Республики Крым» при Госкомитете РК по охране культурного наследия.

ХРАНИМ ПАМЯТЬ. РАЗВИВАЕМ НАСЛЕДИЕ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА¹⁸⁵

Ушёл из жизни Веникеев Евгений Витальевич. Мы ещё не ощутили в полной мере эту утрату. Мы знаем Евгения Витальевича как писателя-историка. Он ещё и архитектор, многие архитектурные решения города и побережья связаны с его именем. Каждый, кому нужна была помощь в вопросах краеведения, истории Крыма и Севастополя, Черноморского флота, мог получить от Евгения Витальевича самые квалифицированные ответы.

Любой может изучить историю своего края. Любой может стать архитектором. Но занять гражданскую позицию, непримиримую с косностью, бездушием, безнравственностью и во весь голос об этом заявить – для этого нужно мужество. Гражданское мужество было отличительной чертой характера Евгения Витальевича. 57 лет – это возраст расцвета творческих сил. Не состоялись многие начинания. Но остались книги, остались незаконченными его рукописи.

Ассоциация «Моряки и корабли», сотрудники «Славы Севастополя», группа товарищей АО «Севастопольский Крымниипроект»

Друг Е. Веникеева московский поэт Владимир Диваков, стихи которого Евгений Витальевич использовал в некоторых своих произведениях, также откликнулся на его смерть.

ВИНА БЕЗ ПРОЩЕНИЯ

Скорбной памяти Жени Веникеева

*Уходят в землю земляки
С досадой иль с усмешкой,
Уходят, не пожав руки,
В какой-то горькой спешке.*

*И что-то тяжкое с собой,
То, что лежит на сердце,
Уносят, будто дан отбой,
Уходят, хлопнув дверцей.*

*А мне даны два долгих дня
Казнить от упрёка
В чертах того, кто от меня
Уже ушёл, до срока.*

*За то, что чем-то не помог,
Чего-то не дослушал,
Какой-то пропустил намёк,
За то, что равнодушен.*

¹⁸⁵ Слава Севастополя. 1994. 7 марта.

*И понял я: не ночь страшна,
Страшна тоска заката,
Когда нам исповедь нужна
И состраданье брата.*

*Но тяжёк состраданья крест –
Сердца живых ленивы,
Им заглушают благовест
Случайные мотивы.*

*И всем за это приговор
Дан мёртвых тайной властью?
Палата...ширма...коридор...
И мука без причастья.*

Севастополь, 1994 г.

Попытка увековечить имя Е. В. Веникеева в Севастополе была предпринята уже через год после его смерти. 5 мая 1995 года президент Ассоциации «Моряки и корабли» (ныне Ассоциация «Морское собрание») В. В. Стефановский отправил директору ЗАО «КрымНИИИпроект» В. В. Солодову запрос: «Общественная правозащитная Ассоциация «Моряки и корабли» возбуждает перед городскими властями ходатайство о присвоении Веникееву Евгению Витальевичу, архитектору, писателю-историку, краеведу, звания «Почётный гражданин города Севастополя» (посмертно) и просит назвать одну из улиц города его именем. Для оказания помощи в составлении справки об общественной, служебной и творческой деятельности Веникеева Е. В. прошу Вас дать указание сообщить в адрес Ассоциации «Моряки и корабли» о его работе в «КрымНИИИпроекте».

Перечень проектов, в разработке которых Е. В. Веникеев принимал участие, был подготовлен, но инициатива Ассоциации «Моряки и корабли», похоже, не удостоилась тогда внимания городских властей. Однако тема эта с повестки не снималась, позже последовали повторные обращения.

Известен ответ на одно из них от 26 октября 2012 года. В нём председатель городского Совета Ю. В. Дойников обращается к председателю Нахимовского районного Совета А. Н. Воронову: «Прошу поручить соответствующим структурным подразделениям городской государственной администрации рассмотреть ходатайство Ассоциации «Морское собрание» о присвоении имени Веникеева Евгения Витальевича одной из улиц в новостроящемся квартале Нахимовского района. По результатам рассмотрения прошу уведомить заявителя». Но и в этот раз почему-то не получилось.

Зато мероприятия, посвящённые памяти Е. В. Веникеева, проходили регулярно. Инициатором их проведения становится его близкий друг, член Военно-научного общества Черноморского флота РФ, капитан 1-го ранга в отставке Вениамин Анатольевич Дмитриев. Отметим некоторые из них.

2 марта 2004 года, в десятую годовщину со дня смерти Е. В. Веникеева прошли памятные дни в Морской библиотеке им. адмирала М. П. Лазарева. Перед

собравшимися выступили представитель Симферопольского краеведческого музея В. Н. Гуркович, от Севастопольского клуба любителей истории города и флота – капитан 1-го ранга в отставке О. Г. Доскато, председатель «Морского собрания» капитан 2-го ранга в отставке В. В. Стефановский. Присутствующие отметили значимость творческого наследия Венিকেева. В. А. Дмитриев рассказал о неопубликованной рукописи Е. Венিকেева «Война в Крыму после 28 августа (9 сентября) 1855 года»¹⁸⁶.

3 ноября 2012 года в Клубе истории города и флота прошло заседание «Севастополь – душа моя», посвящённое 75-летию со дня рождения Е. В. Венিকেева. В. А. Дмитриев представил биографический очерк о нём – «Севастополь – всегда в душе моей». Е. Н. Дивавина рассказала о школьных годах Е. Венিকেева. О его деятельности в Севастопольском клубе любителей истории города и флота присутствующих ознакомил председатель Клуба О. Г. Доскато. (*Фото 100*)

О совместных годах работы с Е. Веникеевым рассказал его друг и коллега В. И. Арестов. Выступили также В. В. Стефановский, А. В. Иванов, М. П. Апошанская, З. Д. Столбунова. Был заслушан доклад «О значении творчества Е. В. Венিকেева в современном историческом краеведении» старшего преподавателя Севастопольского филиала Европейского Университета, члена Национального союза краеведов Украины А. А. Соколова. Библиограф Морской библиотеки С. П. Карпова представила библиографический указатель о жизни и литературной деятельности Е. В. Венিকেева.

10 марта 2013 года на гражданском кладбище Северной стороны Севастополя был открыт памятник-надгробие на могиле Е. В. Венিকেева. Исполнитель – мастерская А. А. Вербицкого; автор эскизов и памятных текстов – В. А. Дмитриев; спонсор – председатель Морского собрания В. В. Стефановский. Спустя три года на надгробной плите дополнительно установлен знак – модель книги Е. В. Венিকেева «Архитектура Севастополя». (*Фото 101*)

В этот день почтить память севастопольского краеведа собрались представители различных общественных организаций. От имени Севастопольского Морского собрания, организатора и устроителя памятника, выступил В. В. Стефановский, от Научного центра памятниковоохранных исследований АРК – старший научный сотрудник В. Н. Гуркович, от Севастопольского клуба любителей истории города и флота – О. Г. Доскато, от Крымского отделения Союза писателей РФ – Т. А. Воронина. В выступлениях был отмечен значительный вклад Е. В. Венিকেева как в непосредственной профессиональной деятельности по участию в градостроительстве Севастополя, так и в сфере популяризации истории Севастополя и Черноморского флота. (*Фото 102*)

В этом же году в Бахчисарае на турбазе «Привал», которая на протяжении 70 лет своего существования являлась одним из важнейших центров активного и культурно-познавательного туризма в Крыму, проходила VIII научно-практическая конференция Крым: культура, познание, активность». Участие в ней приняли работники туристической отрасли Крыма. И главным событием конференции стала закладка аллеи, посвящённой выдающимся крымским краеведам:

¹⁸⁶ Была опубликована в «Севастопольском ежегодном визит-альманахе» (СЕВА), № 5, выпуск которого осуществлял Севастопольский клуб любителей истории и флота.

учёным, историкам, географам, писателям, журналистам, туристам, внёсшим значительный вклад в развития крымоведения в советский и постсоветский период. И среди двух десятка имён значится и Евгений Венিকেев.

Предприятие «Бахчисарайское лесное хозяйство» любезно предоставило саженцы ясеня – породы исконно крымской, жизнестойкой, как крымские краеведы. После посадки деревьев участники открыли скромный, но выразительный знак – похожий на менгир камень мраморовидного известняка с табличкой: «Аллея крымских краеведов. Заложена в 2013 году по инициативе общественной организации «Туристический актив Крыма» участниками VIII конференции «Крым: культура, познание, активность» в память о выдающихся краеведах – открывателях и исследователях Крыма». И когда мероприятие уже заканчивалось, в небе вдруг появился журавлиный клин и раздалось характерное курлыкание. Все замерли, и кто-то тихо сказал: «Ребята, это – знак. Похоже, они нам благодарны...»¹⁸⁷.

5 ноября 2016 года в Морской библиотеке им. адмирала М. П. Лазарева прошла презентация книги Е. В. Венিকেева «Пароходо-фрегат «Владимир», подготовленной и опубликованной стараниями его друзей и почитателей.

Это рассказ о легендарном корабле Черноморского флота паровом фрегате «Владимир» с начала его строительства в 1847 году в Англии и до последних дней Севастопольской обороны. В книге судьба парохода тесно переплетается с судьбой главного героя – корабельного механика Григория Васильева. Издание дополнено рапортами, донесениями, письмами и другими редкими документами, отражающими малоизвестные страницы жизни корабля в период Крымской войны. Также в книгу вошли художественные изображения и чертежи пароходо-фрегата, ранее не публиковавшиеся. Есть в ней и воспоминания коллег и друзей Е. Венিকেева, аннотированный библиографический указатель его статей в периодической печати за 1972–1993 годы. Это издание стало настоящим литературным памятником его автору.

С вступительным словом к собравшимся обратилась председатель постоянного комитета по социально-гуманитарным вопросам Законодательного собрания г. Севастополя Т. М. Щербакова. О подготовке рукописи к изданию рассказали инициаторы проекта В. А. Дмитриев, председатель ОО «Исторический клуб «Севастополь Таврический» В. Н. Прокопенков и члены редакционного совета издания М. П. Апошанская и В. В. Крестьянников. (*Фото 103*)

3 ноября 2017 года в Севастопольской Морской библиотеке им. адмирала М. П. Лазарева было проведено заседание, посвящённое 80-летию со дня рождения Е. В. Венিকেева. Вступительное слово произнёс председатель Военно-научного общества ЧФ контр-адмирал в отставке З. Г. Ляпин. После выступления представителей общественности, состоялась демонстрация буклета, посвящённого Е. В. Веникееву, и фильма о нём, снятого телеканалом «Первый Севастопольский» (автор – журналистка Наталья Брайко).

26 мая 2018 года в Севастопольской Морской библиотеке им. адмирала М. П. Лазарева прошла презентация повторно изданной книги Е. В. Венিকেева «Родина – сыновьям». Она была представлена авторами проекта – членами Севастопольского клуба любителей города и флота В. М. Морозовым и В. А. Дмитриевым.

¹⁸⁷ Туристическая газета «Терра-Таврика». 2014. 10 марта.

В своём выступлении они, в частности, сказали: «Первое издание книги Е. В. Веникеева вышло в 1990 году ограниченным тиражом. Отпечатано оно было на примитивном (по нынешним временам) оборудовании – шрифтом пишущей машинки на некачественной газетной бумаге. Даже это с трудом удалось выполнить в типографии Севастопольского высшего военно-морского инженерного училища. От иллюстраций пришлось отказаться, так как это привело бы к увеличению объёма книги и сложности печати на имеющемся оборудовании. Без иллюстраций книга многое потеряла, и автор решил выпустить её не для массового читателя, а как пособие для членов Общества охраны памятников. Но популярность книги превзошла все ожидания. Немногочисленные экземпляры разлетелись мгновенно. Появилось много желающих приобрести её и иметь в постоянном пользовании...

Принимая во внимание острую необходимость в такой книге, коллектив в составе В. А. Дмитриева, С. Ю. Ждамирова, В. М. Морозова и В. В. Реброва решил подготовить второе издание, внося в него некоторые дополнения, не нарушая при этом текст и порядок изложения автора».

2 марта 2019 года на очередном заседании Севастопольского клуба любителей истории города и флота с докладом «Памяти Е. В. Веникеева» (к 25-летию со дня смерти) выступил председатель клуба О. Г. Доскато.

В декабре 2023 года была создана инициативная группа по увековечению памяти Е. В. Веникеева. В её состав вошли известные в городе люди, не только знавшие севастопольского краеведа, но и принимавшие участие в популяризации его творчества и наследия: В. В. Стефановский, председатель СРО «Историко-культурная просветительская ассоциация «Морское собрание»; О. Г. Доскато, председатель Севастопольского клуба любителей истории города и флота; В. Н. Прокопенков, кандидат исторических наук, составитель документально-художественного издания «Пароходо-фрегат «Владимир»; О. И. Малиновская, историк, директор Севастопольского городского национально-культурного центра, и другие.

На своём собрании инициативная группа выдвинула предложения по увековечиванию памяти Е. В. Веникеева, которые планируется осуществить в период с 2024 года (30-летие со дня смерти) до 2027 года (90-летие со дня рождения):

Присвоить имя Е. В. Веникеева улице в одном из новых микрорайонов Севастополя.

Привести в порядок могилы отца и матери Е. В. Веникеева на старом севастопольском кладбище с установлением пояснительных табличек.

Издать сборник избранных статей и очерков Е. В. Веникеева со вступительной статьей о его жизни и творчестве. Включить в него воспоминания лиц, знавших Е. В. Веникеева, а также фотографии и документы.

Присвоить имя Е. В. Веникеева филиалу РИБС-19 г. Севастополя, расположенном на ул. Богданова, 18-а в районе мемориального Братского кладбища.

Проводить собрания, посвящённые памяти Е. В. Веникеева, в городских библиотеках и отмечать мероприятия по увековечиванию памяти Е. В. Веникеева в городских средствах массовой информации.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ КРАЕВЕД	3
КРАЕВЕДЕНИЕ И ПУБЛИЦИСТИКА	
Как строили Севастополь?	10
Первый генплан нашего города.....	10
Памятники архитектуры.....	12
«...Должен быть силтён укреплением».....	16
Памяти героев революционной борьбы.....	18
Лестницы Севастополя.....	19
Архитектор и его дело.....	24
Черноморскому флоту – виват!	27
Так начинался флот.....	27
Парусный финал.....	29
Дело «Весты».....	32
По «Гебену» - огонь!.....	35
Первая оборона и её герои	40
Вдоль оборонительной линии.....	40
Часовня на Малаховом кургане.....	43
Памятник Камчатскому люнету.....	44
Памятник В. А. Корнилову.....	45
Памятник на Малаховом кургане.....	46
Памятник матросу Шевченко.....	50
Английский памятник у третьего бастиона.....	51
И назвали батарею «Грибок».....	52
Матрос Кошка.....	58
Памяти героев первой обороны.....	64
Памятник генералу Остен-Сакену.....	67
Изображений не сохранилось.....	68
Мемориал «братское кладбище»	70
Родина - сыновьям.....	70
Романс гусара-композитора.....	78
Герой Севастополя и Плевны.....	81

Тайны кораблей	84
Золото «Чёрного принца».....	84
Судьбы затопленных кораблей.....	88
Гибель «Армении».....	90
Смутное время	97
«Красный адмирал».....	97
Чугунная ложь.....	100
Городской голова.....	103
Как это было.....	105
«Белые пятна» второй обороны	110
Первая ночь войны. Севастополь.....	110
Бой у Дуванкоя.....	119
Феномен Горпищенко.....	123
Продолжая «севастопольские маршруты»	125
Суздальская гора.....	125
Памятник Инкерманскому сражению.....	126
Памятник Инкерманскому сражению (английский).....	127
Троицкая балка.....	129
Памятник Селенгинскому редуту.....	129
Памятник Волынскому редуту.....	130
Памятник Забалканской батарее.....	131
Севастопольские акведуки.....	132
Бухта Матюшенко.....	134
Мекензиевы горы.....	136
Памятник в честь посещения Крыма Александром II в 1855 году.....	138
В стране камня.....	139
Топонимика Севастополя.....	141
На земле древнего Херсонеса	143
Здесь принял веру христианскую.....	143
Чем провинился памятник?.....	146
«Вылит из турецкой артиллерии...».....	150
Камышовая бухта.....	152
Где «Страбонов Херсонес»?.....	153
На мысе Фиолент.....	155
Был ли Пушкин в Севастополе.....	156

Это было в Севастополе	158
Первый трамвай.....	158
Яхтинг в Севастополе.....	160
Севастополь. Мосты через бухты.....	162
Большинство экспонатов погибло.....	164
Книга рекордов Крыма.....	166
«Взывают павшие к живым...»	173
Беречь памятники зодчества.....	173
Первоочередные мероприятия.....	175
Рекомендации по текущему уходу за памятниками истории и культуры.....	177
Закон неизбежного возмездия	182
Преступление без наказания.....	182
Вокруг праха.....	189
Крым, Новороссия, Украина.....	191
Бурный январь в Севастополе.....	194
Закон неизбежного возмездия.....	198

ЕГО НАСЛЕДИЕ. НАША ПАМЯТЬ

Инженер, краевед, писатель	203
<i>С. Карпова</i> . Издания Е. В. Веникеева в фондах Севастопольской Морской библиотеки.....	215
<i>М. Соловьёва</i> . «Не знаешь - ищи, нашёл - поделись!».....	217
<i>В. Стефановский</i> . Я русский, я патриот, я Веникеев.....	230
<i>О. Доскато</i> . Из первых рук.....	237
<i>Д. Потехин</i> . Вспоминая Евгения Веникеева.....	242
<i>Л. Артёменко</i> . Письмо к другу, которого уже нет со мной.....	245
<i>А. Шипенко</i> . Евгений Веникеев. Последние годы.....	251
Храним память. Развиваем наследие.....	260

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Научно-популярное издание

Евгений Веникеев

СЕВАСТОПОЛЬ ЛЮБЛЮ
КАЖДОЙ КЛЕТЧКОЙ
СВОЕГО СУЩЕСТВА

Избранные
очерки и статьи

Корректоры *Т. Н. Юкало*
Технический, художественный
редактор *Е. В. Мажарова*
Вёрстка *Е. С. Кутузова*

Подписано в печать 00.00.2026
Формат 70×100/16. Усл. печ. л.
Тираж 300 экз.

Издательство-типография: ООО «Антиква», ИП Гальцовой Н. А.
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891-37-01, e-mail: antikva07@mail. ru

Евгений Витальевич Веникеев известен не только по своей специальности — инженера-градостроителя, но и как краевед, исследователь исторических событий, связанных с Севастополем. Он является автором и соавтором ряда книг, среди которых такие его работы как «Архитектура Севастополя», «Севастополь и его окрестности», «Севастопольские маршруты», «У карты Севастополя». Веникеев немислим без Севастополя, равно как и Севастополь — без его исторических трудов.

Е. В. Веникеев написал более 300 статей и очерков, посвящённых истории, архитектуре и природе Севастополя, часть из которых представлена в этой книге вместе с воспоминаниями его друзей и коллег. В сборник включены также материалы, раскрывающие многогранную деятельность Е. В. Веникеева на благо Севастополя.

ISBN 978-5-6055216-8-6

9 785605 521686 >

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

ООО «АНТИКВА»
295000, Российская Федерация,
Республика Крым, г. Симферополь,
пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3,
тел.: +79788913701,
e-mail: antikva07@mail.ru